Константин Мзареулов
Скупые звезды

_sm

«Скупые звезды»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», АРМАДА; Москва; 2009
ISBN 978-5-9922-0410-0

Аннотация

В юности Эдуард Корунд мечтал стать космическим археологом — раскрывать тайны погибших цивилизаций, чтобы понять, каким должно быть будущее человечества. Только непросто сбываются мечты в Галактике, разделенной на Старших и Младших, над которыми властвует безжалостная сверхцивилизация. Тщетными были надежды, что

более развитые галактические расы поделятся знаниями и могуществом с теми, кто лишь недавно покинул колыбель родной планеты. И если кто-то посмеет ослушаться, то в небе появятся неуязвимые корабли-убийцы. Реальный мир живет по суровым законам: скупые звезды не грешат альтруизмом и не раздают подарки. Можно смириться с диктатом и жить по предписанным свыше законам, однако человечество выбирает иной путь — борьбу. Эдуард оказался в числе тех, кто понимает: человечество должно выиграть жестокую гонку, потому что выживание проигравших вовсе не гарантировано. И хоть кажется, что противостояние неодолимой силе не имеет шансов, каждая битва приближает его к осуществлению мечты.

Художник В. Федоров.

Часть первая. Разгром

1

Для разведки муниципалитет выделил полугрузовой трак. Как сказал, напутствуя их, директор гимназии, «машина тяжелая, корпус прочный, вам будет безопасно».

Опасности и вправду пока не было — от самого города под днищем тянулся хорошо знакомый пейзаж без малейших признаков враждебных повстанцев.

Через полчаса беспечной прогулки сидевший сзади Эдуард, внезапно спохватившись, нашел ручной пульт и занялся оборудованием боевой ячейки. Часть кабины вместе с его сиденьем выгнулась, образовав пузырь с правого борта машины. Еще несколько нехитрых манипуляций проделали бойницу в прозрачном наноматериале обшивки. Через это отверстие немедленно хлестнула струя встречного потока, и Эдик поспешил зарастить стенку — когда понадобится, дырку легко будет открыть снова.

— Что вы там вытворяете, Корунд? — Химичка, занимавшая сиденье рядом с водительским, по обыкновению прокаркала его фамилию, растягивая безударную гласную. — Почему не спросили разрешения?

Эдуард не стал отвечать. Тетка давно осточертела ему, а сейчас, в боевой вылазке, вовсе стала неуместной помехой. Он продолжал всматриваться в скользящую навстречу степь. Очень хотелось увидеть колонну вооруженных аборигенов и, вновь раздвинув бойницу, нажимать и нажимать спуск — убивать убийц, посмевших пролить человеческую кровь. Для такой развлекухи лучше всего подошел бы бластер, а то и пулемет, но, к

величайшему сожалению Эдика, серьезного оружия у него не имелось. Была всего-навсего отцовская двустволка, а к ней — две дюжины патронов с картечью.

Управлявшая машиной Элизабет Стюарт из параллельного класса сказала недовольным голосом:

— Эдди, твой волдырь нарушил аэродинамику. Трак теряет равновесие.

— Сбрось скорость, — посоветовал Эдик. — Мне нужен обзор.

Учительница раздраженно пообещала настучать директору гимназии о безобразном поведении зазнавшегося отличника.

— Нас послали на разведку, а не в войну играть, — заявила Антония Алекс.

Разумеется, ее тут же поддержал четвертый член команды Газанфар Аль-Махди. Среди одноклассников этот патологический подлиза и предатель заслужил кличку Падла-Газанфар.

— Госпожа Антония, — вскричал он, — Корунд собрался в кого-то стрелять. Такие секции бывают у стрелков на боевых машинах!

Задохнувшись от гнева и возмущения, учительница потребовала, чтобы хулиган Корунд немедленно восстановил форму машины и отдал ей оружие. В противном случае Антония пригрозила самыми свирепыми карами на ближайшем уроке химии.

Острое желание послать ее подальше, причем открытым текстом, осталось неисполненным, потому что внимание Эдуарда сосредоточилось на местности прямо по курсу. Несколько нажатий на сенсоры пульта — и частички, составлявшие обшивку машины, превратились в видеосистему, увеличив и сделав четким изображение.

На гладкой степной плоскости возле хлипкой рощи остролистных деревьев местной разновидности собралось не меньше сотни куриариков. Разрисованные боевыми узорами, вооруженные луками, копьями и короткими мечами аборигены плясали вокруг костра.

Разглядев, что именно горит в костре, Эдуард озверел, снова сформировал амбразуру и выстрелил по толпе из верхнего ствола. Не меньше двух аборигенов упали, остальные бросились врассыпную. В тот же миг Элизабет резко потянула штурвал, уводя машину вверх и в сторону, и заорала:

— Ты что, совсем сдурел?

— Они сжигали людей, — процедил Эдик сквозь нервно дрожащие челюсти. — Убили людей и бросили в костер. Вернись, я перебью эту мразь.

— Мы вернемся, обязательно вернемся, — надменно произнесла Антония Алекс и вдруг сорвалась на истеричный визг: — Мы вернемся в город и обсудим на педсовете вашу возмутительную выходку, Эдуард Корунд. Вы посмели — страшно сказать — выстрелить по живым существам, причем без разрешения старшего. Обещаю, что вы будете оставлены на второй год, а в будущем годуя позабочусь, чтобы вы никогда не сдали экзамен по химии. Вы не получите аттестат зрелости!

— Хулиган, — поддакнул Падла-Газанфар. Терпение лопнуло, и Эдик огрызнулся, повысив голос:

— Послушайте вы, тупицы! Эти скоты напали на наш город, они убивали людей, в ночном бою я застрелил больше десятка дикарей, а вы болтаете о каких-то экзаменах.

— Вы всегда были антиобщественным элементом, — провозгласила учительница. — Ваша семья жестоко поплатится. Лиззи, девочка моя, Газанчик, мы должны поговорить с аборигенами, успокоить бедняжек.

— Но ведь они действительно буянили в городе, — робко напомнила девушка. — Я тоже слышала, что среди колонистов есть жертвы.

— Ерунда, мой муж сказал, что никаких убийств не было, — с высокомерной уверенностью в собственной правоте заявила Антония. — Дурацкие слухи о мятеже распространяют малолетние преступники вроде Корунда… Лиззи, приземлись на том холме, где растут три дерева.

«Почему все злые тетки похожи на бульдогов? — тоскливо подумал Эдуард Корунд. — Или такая внешность делает их упрямыми, нервными и тупыми?» В городе лилась кровь, происходило что-то немыслимо ужасное, а эта дура несла чушь о недоразумении, виновны в

котором, разумеется, земляне…

Трак медленно, чтобы не напугать бедненьких аборигенов, пошел на снижение, выдвигая шасси. Курарики собрались кучками вокруг холма и, не выпуская оружия из верхних лап, глядели в небо. Противник представлял собой великолепную мишень, но для дробовика было далековато, а потом Элизабет, по приказу химички, набрала код на панели управления, сделав стенки трака непроницаемыми. Теперь Эдик не мог не только стрелять, но даже выйти из своей кабинки, пока миролюбивые идиотки не соизволят его разблокировать.

Когда колеса трака коснулись травы, растущей на вершине холма, Антония Алекс величественно заявила, что сейчас они пойдут к аборигенам, чтобы извиниться за бессовестную жестокость некоторых соплеменников.

— Остановитесь, вы… — Эдик едва сдержал следующее слово. — Это опасно. Они убьют вас, как тех людей в городе и тех, которые догорают в костре.

— В городе все спокойно, — с безумным упрямством провозгласила химичка. — Мудрая политика нашей администрации полностью исключает любые эксцессы. Поэтому каждого, кто распускает провокационные панические слухи, мы назовем врагами общества и примерно накажем. Газанфар, Элизабет, пошли.

Подав пример ученикам, она неловко выбралась из кабины на успевший пожухнуть от летнего зноя травяной ковер. С вершины было видно, как полсотни куариков опасливо окружают невысокий холмик. Оружие аборигены держали на изготовку.

— Может быть, не стоит? — пробормотал трусоватый Аль-Махди. — Я тоже видел, как они ломились в дом наших соседей.

Учительница строго отчитала Падлу-Газанфара, пообещав серьезно поговорить с его родителями на собрании по итогам четверти. В городе немножко похулиганили отдельные пьяницы из числа южных кочевников, сказала госпожа Алекс. А здесь, по ее словам, собрались мирные крестьяне из ближних деревень. Вопли Корунда про трупы в костре и оружие куариков она пропустила мимо ушей.

Дисциплинированные ученики нехотя поплелись за сумасшедшей теткой, которая всерьез верила в миролюбие аборигенов и даже собиралась вымаливать у дикарей прощение.

Понять это было выше сил и способностей Эдика, обладавшего самым высоким в гимназии ай-кью.

Учительница появилась в Аквамарине минувшей зимой, когда ее мужа, менеджера коммунального хозяйства, перевели из столицы континента. Эдуарда Корунда, лучшего ученика выпускного класса, Антония Алекс невзлюбила с первого дня и ставила удовлетворительные оценки, даже не слушая его ответов у доски. На директорской контрольной он первым сдал работу, но на следующем уроке учительница, злорадно усмехаясь, объявила: «У меня нет твоего листка. Наверное, ты не писал контрольную». Тупая подлая тварь…

Вероятно, жена муниципального чиновника считала, что любые беспорядки станут пятном на репутации ее супруга, а потому делала вид, будто ничего серьезного не происходит. И похоже, она искренне верила в эту глупость. Словно не было ночного кошмара в Аквамарине, прервавшейся связи с другими городами и мерцающего зарева над космодромом. Привыкшая, что гимназисты не смеют перечить учителю, опасаясь плохой оценки, она была уверена: курарики тоже выполнят любой ее приказ.

Машинальным движением Эдик расстегнул нагрудный карман, достал мобильник и стал снимать происходящее. Аппарат был из простых — не ультрасовременный страшно дорогой смартофон, который записывает запахи, эмоциональный фон и, если верить рекламе, даже мысли, но видеорепортаж получится. Освещение было превосходное — в небе светили сразу обе компоненты двойной звезды 10 Большой Медведицы — ослепительно-белая Десятка и тусклая красноватая Малышка.

Антония Алекс решительно шагала навстречу аборигенам, за ней плелась Элизабет, а

замыкал шествие Падла-Газанфар. Кажется, он догадывался, что обитатели деревни настроены не слишком дружелюбно. Эдик увидел, как хитрый одноклассник сделал вид, будто подвернул ногу, и замахал руками: мол, вы идите, а я как-нибудь догоню.

Благодаря этому маневру Аль-Махди отстал на пару десятков шагов, что и спасло ему жизнь. Щелкнула тетива, и оперенная стрела вошла точно в глазницу несчастной Лиззи. Девушка рухнула в траву. Аборигены темпераментно заверещали, радостно подпрыгивая и потрясая оружием — словно торжествовали победу над страшным врагом или успех в охоте на особо питательного зверя. На подмогу передовому отряду спешили курарики, которые до сих пор толпились поодаль, прячась за дымящим костром.

— Немедленно прекратите это безобразие! — вконец обезумев, завизжала химичка, но голос ее сорвался, и Антония продолжала хрипящим шепотом: — Ведите себя достойно, как подобает разумным существам…

Десятки покрытых чешуей коротышек стремительно окружили ее. Самые рослые аборигены планеты Кураре были чуть выше метра, да и весили курарики немного. Однако всей оравой они повалили ошеломленную женщину, несколько особей держали ее за конечности, кто-то упал на голову, зажав рот, а самый сексуальный, скинув сплетенную из травы юбочку, лег на Антонию, мощно выполняя возвратно-поступательные движения.

Запертый в машине Корунд мог лишь беспомощно наблюдать, как аборигены, весело галдя, один за другим насилуют землянку — пусть даже тупую, злобную и подлую. Антония давно уже перестала отбиваться и даже вообще не шевелилась, а курарики все подходили, торопливо выполняя традиционный для многих рас акт демонстративного унижения побежденной особи.

Безусловно, Антония Алекс вполне заслужила экзекуцию, но зрелище было неприятное. Эдик скрипел зубами и матерился, а другая банда кураликов с веселым верещанием занялась некрофилией с трупом Элизабет.

Тут не выдержали нервы у Аль-Махди, который до сих пор скрывался от аборигенов, затаившись в высокой траве. Он вдруг вскочил во весь рост и, невразумительно вопя, бросился вверх по склону. Обрадованные новому развлечению курарики устремились в погоню, на бегу постреливая из своих маленьких луков. Две стрелы угодили в спину и ляжку, когда Падла-Газанфар уже почти добрался до машины. Обливаясь кровью и слезами, он все-таки втиснулся в кабину, захлопнул дверь, упал на водительское кресло и попытался запустить мотор. Однако трак не желал слушаться, и Газанфар замолотил кулаками по приборам управления.

— Идиот, ключ остался у Лиззи, — крикнул Эдик. — Выпусти меня. Я смогу поднять машину.

Обезумевший от страха и боли одноклассник словно не слышал его — только тряс головой и, подвывая, лупил по пульту. Видя, что большая шумная машина не шевелится, курарики набрались храбрости, окружили трак плотным кольцом и принялись бить по корпусу топорами, каменными молотами и просто кулаками. Их длинные, в человеческую ладонь, хоботки с раструбами на кончиках возбужденно подергивались. Прочный материал обшивки пока держался, но Эдик точно знал: сильного нагрева машина не выдержит.

Он с отвращением шлепнул по тонкой изогнутой перемычке, отделявший огневую ячейку от остальной части кабины. Инструментов, чтобы пробить дыру, под рукой не было, пульт остался у химички, а взлететь придурок Газанфар не сумеет. Они были обречены — рано или поздно курарики додумаются обложить трак хворостом.

Аборигены сообразили очень быстро и разбрелись по окрестностям собирать сухие ветки и солому. Между делом они отрубили головы обеим землянкам. Трупы отволокли к костру и бросили рядышком с уже обгоревшими телами.

Тем временем быстро росла груда горючих материалов вокруг трака. Часть кураликов трудолюбиво подтаскивала пищу для будущего костра, остальные же весело водили хоровод, выкрикивая хором писклявые оскорбления в адрес безносых врагов.

Внезапно курарики притихли, попятились, а затем стали разбегаться, издавая

панические визги. Даже почти готовый костер поджечь забыли. Причиной такого бегства стало, безусловно, появление на поле нового игрока. Над холмом, держась в метре от травы, медленно кружило нечто, напоминающее столб огня примерно трехметровой высоты. Феномен постоянно менял очертания, переливаясь различными оттенками серого и зеленого цветов.

Облетев вокруг машины, Серо-Зеленый остановился напротив кабины, в которой был заперт Эдуард Корунд.

Больше всего он был похож на струящуюся колонну, по которой метались языки пламени или светящиеся волны вязкой жидкости. Впрочем, поверхность его не была ни горячей, ни холодной — этот факт земная наука установила точно, хоть и не смогла определить агрегатное состояние подобных существ. Ученые туманно говорили о чистой энергии, особых формах материи, квантовом облаке, свернутом континууме. Несложно было понять, что человеческой науке не под силу разобраться в природе Серо-Зеленого и его соплеменников. Потому и оружие против них создать не смогли.

Эдуард впервые встретился с одним из повелителей Вселенной, поэтому был шокирован. Еще сильнее потряс подростка телепатический контакт — Высший снизошел до разговора с ним!

— Сочувствую, детеныш, — прошелестела в мозгу чужая мысль. — Ты в безвыходном положении. Как и вся ваша колония на этой планете.

С трудом поборов оцепенение, Корунд произнес вслух:

— Они напали на нас, ворвались в город, убивали…

— Знаю. В случившемся виновато ваше племя. Люди контролировали планету, приняли на себя ответственность за Младших, но не смогли сохранить мирную ситуацию. Вы обязаны были предотвратить кровопролитие.

— Аборигены словно взбесились. Ведут себя как дикие звери…

Мысленный ответ Высшего прозвучал с философической глубиной и претензией на афористичность:

— Все биологические особи — в той или иной степени звери. Существа, считающие свою цивилизацию Старшей, обязаны помнить об этом. Ваши правители оказались неспособны проявить элементарную предусмотрительность, что и привело к трагедии.

Безусловно, в чем-то он был прав. Только сейчас Эдуард Корунд, как и вся земная колония на Кураре, не нуждался в поучениях. Если против людей выступили не только дикари-кочевники, но и все остальные племена, ситуация грозила долгой тотальной войной с неизвестным исходом.

— Вы поможете нам? — осведомился человеческий подросток.

— Разумеется, нет, — ответил Серо-Зеленый. — Неправильно помогать тем, кто оказался в беде по собственной глупости.

— Но где же справедливость? Ведь они напали на нас!

— Никакой справедливости нет, это глупая выдумка! — ударила по нервным отросткам чеканная мысль Высшего. — Вселенная существует на основе суровых законов отбора — естественного и искусственного. Выживают и добиваются прогресса лишь те расы, которые способны о себе позаботиться.

— Значит, бойня на Кураре будет продолжаться?

— Кровопролитие мы остановим. Вашим властям уже переданы необходимые рекомендации. — Неожиданно ледяная тональность телепатических сигналов сделалась благожелательной. — Но лично тебя, детеныш, я мог бы спасти. Нам вовсе не чужда забота о существах Уступающей расы.

Смысл этих мыслей Эдик понимал трудно и долго. Потом из непостижимой субстанции жидкого холодного огня, составлявшей материальную сущность Серо-Зеленого, вытянулся тонкий отросток. Щупальце прошло сквозь обшивку трака и уперлось в перегородку, изолирующую молодого Корунда в стрелковой ячейке. Сферическая стенка

стремительно рассосалась, кабина приняла стандартную форму — без всяких перегородок.

Эдик понятия не имел, зачем Серо-Зеленый снизошел до его мелких проблем и какие замыслы скрывались в квантовом разуме Высшего. Он получил шанс на спасение и не собирался упускать эту возможность вырваться из когтей смерти.

Протянув руки над водительским креслом, он рывком перебросил мелко дрожащего Падлу-Газанфара на заднее сиденье. Раненый одноклассник вскрикнул и, кажется, потерял сознание. По-хорошему, стоило бы его перевязать, но кровь из ран еле сочилась, а Корунда заботили совсем другие проблемы. Снова схватив ружье, Эдик скользнул к штурвалу, откинул щиток, закрывавший систему питания, и напрямую соединил два проводка. Теперь можно было запустить мотор даже без ключа.

— Неплохо справляешься, — прокомментировал Серо-Зеленый. — Ты не безнадежен. Лети к своим и передай, чтобы не делали глупостей.

С этими словами Высший начал постепенно удаляться, одновременно становясь прозрачным. Не прошло, наверное, и полминуты, как Серо-Зеленый исчез полностью — то ли перенесся в другое место, то ли свернул вокруг себя пространство, так что лучи света огибали его, не отражаясь.

Непостижимое создание скрылось из вида, и курарики, в очередной раз осмелев, бросились в атаку. Самые отважные дубасили машину каменными топорами, а те, кто поблагоразумнее, кидали факелы с безопасного, как им казалось, удаления. Груда хвороста, насыпанная вокруг трака, загорелась сразу в нескольких местах, подпалив кого-то из аборигенов.

Запылавший огонь не представлял большой опасности, потому что Эдуард уже поднимал машину. Зависнув на высоте тройного человеческого роста, он раздвинул в борту небольшую прорезь, сквозь которую просунул стволы, и, прицелившись по скоплению дикарей, нажал спусковой крючок. Затем, переломив ружье, вставил новые патроны и опять выстрелил дуплетом.

Картечь уложила не меньше десятка кураиков. Уцелевшие, моментально растеряв кураж и побросав оружие, стремглав помчались к роще, надеясь укрыться среди деревьев. Мстительно рыча, Эдуард вел машину над плотной толпой аборигенов, поливая врагов картечью и не считая убитых — в его состоянии важен был сам процесс возмездия. Потом он прекратил беспорядочную пальбу и стал охотиться за главарем, которого уложил с четвертого выстрела, попутно перебив полдюжины других врагов. Сомнительный успех немного успокоил Эдика, и он даже не стал продолжать избиение распуганных аборигенов. Повернув и одновременно потянув на себя штурвал, он увел машину повыше, взяв курс на город.

Опять побежал под брюхо трака жизнерадостный голубовато-зеленый ковер степи, украшенный ручейками, озерцами, рощицами, редкими холмами, возделанными участками. Природа Северной Омерты была богата и доброжелательна, чего не скажешь о расположенном за проливом Вендетты континенте Южная Омерта. Впрочем, и там люди создали научно-исследовательские базы…

— Мы улетели? — совсем слабо простонал за спиной Падла-Газанфар. — Помоги, я смертельно ранен.

— Не шевелись, — посоветовал Эдик. — Если я выдерну стрелы, будет больно, и кровь пойдет сильнее. Потерпи полчаса.

— Нет сил терпеть, — простонал одноклассник.

— На стенке около тебя висит аптечка. Залепи раны пластырем и выпей тайленол — боль утихнет.

Сзади послышалась шумная возня — кажется, Падла-Газанфар жрал все таблетки подряд. Чуть позже он заговорил почти спокойно:

— Ты не пытался забрать Элизабет и Антонию?

— Их убили и сожгли.

— А что тебе говорил Высший?

— Что тебя и тебе подобных надо посадить на бутылку с широким горлышком… Заткнись, ты мне мешаешь.

Раненый пассажир послушно умолк, но временами принимался неразборчиво бормотать. Эдик его не слушал — впереди вот-вот должны были показаться две разделенные рекой деревни, где на одном берегу жили курарики, а на другом — люди. Это место следовало бы осмотреть в самом начале рейда, но покойная химичка велела бедняжке Лиззи лететь другим маршрутом.

Поселение земных колонистов он увидел издали — по многочисленным струйкам дыма. Подлетев поближе, он обнаружил, что горят посевы. Огонь уже заканчивал уничтожение почти созревшей пшеницы, а на окраине деревни дымился сарай, где должно было храниться заготовленное на зиму сено для скота. Других следов разрушений в деревне не было, по улицам бродили вооруженные ружьями крестьяне, возле лодочной пристани валялись трупы аборигенов — не меньше дюжины.

Снижаться, а тем более садиться Корунд не стал. Все равно ничем помочь не способен, к тому же селяне, похоже, сами пока справляются. Сделав круг над деревней, он снова направил машину в сторону города.

Пролетая над излучиной, Эдик заметил новую опасность: курарики переправились через Рио-Сигуенте на многочисленных плотах и лодках. Большой — голов двести — отряд уже обосновался на правом берегу, и еще вдвое больше аборигенов готовились форсировать реку. Если говорить по-военному, противник захватил плацдарм в двадцати километрах от южной окраины Аквамарина.

Не раздумывая, Корунд опустил машину до десятка метров и выпустил в проклятых кровожадных тварей последние заряды картечи. И тут случилось невозможное: пока большинство кураиков разбегались, несколько особей открыли ответный огонь.

Они стреляли по траку из чего-то вроде автоматических винтовок.

2

На школьном дворе, откуда они вылетели на рассвете, оказалось неожиданно многолюдно. Когда Эдик, не без труда выбрав свободное место, приземлился и открыл дверцу кабины, к нему бросился взъерошенный директор, сопровождаемый толпой знакомых и не очень горожан.

Сразу стало невероятно шумно. Все наперебой задавали вопросы, заглушая своими криками голос Корунда. Полицейский капитан интересовался обстановкой на подступах к городу, родители Элизабет и Падлы-Газанфара требовали объяснить, где их дети, супруг химички выяснял, почему нет его жены, а еще кто-то истерично спрашивал, куда девалась какая-то вторая машина.

Ни о каких других машинах Эдик не знал, он устал, проголодался и вообще плохо соображал, что совсем не удивительно после таких приключений.

С немалым трудом полицейский уговорил толпу говорить поменьше и потише. Эдик попытался поведать о случившемся, но тут из трака вывалился окровавленный Аль-Махди, который истошно завопил:

— Это Корунд во всем виноват! Он первый начал стрелять, и тогда курарики всех убили! А меня он даже перебинтовать не захотел!

Толпа немедленно загорланила с новой силой, все плотно обступили вернувшихся и, как безумные, что-то кричали. Позеленевший от злобы капитан дважды выстрелил в воздух из пистолета, но шум стал немногим слабее. Тогда полицейский, схватив Эдика за плечо, повел его в здание школы, остальные хлынули следом, а к общему гвалту добавился вопль Агнес Корунд:

— За что вы арестовали моего брата?!

Когда вернулось восприятие реальности, он полулежал на диване в кабинете директора,

шум остался за стенами и окнами, а сестра поила его холодной газировкой. Немного похлопав глазами, Эдик, не дожидаясь вопросов, снова стал рассказывать. Говорил он сбивчиво, перебрасываясь с эпизода на эпизод, наверняка кое-что упустил, но поведал, кажется, обо всем главном. Аудитория — директор, учителя, капитан, Агнес, родители Элизабет, муж Антонии — слушала его без особого доверия. Директор гимназии так и сказал:

— Парень или врет, или перенервничал и бредит. Всем известно, что у кураріков не может быть огнестрельного оружия. Про встречу с Высшим я просто молчу… Корунд, признайтесь, вы обстреляли мирных аборигенов без всяких причин. И те в отместку напали на машину, когда несчастная Антония пыталась исправить последствия вашей безобразной выходки.

— Они убивали людей! — заорал Эдик. — В костре горели человеческие тела! Деревня у реки в осаде! Вот-вот банда с винтовками ворвется в город по юго-западной дороге! Их там сотни три! Осмотрите обшивку трака — в ней пулевые пробоины. А если не верите про Высшего, спросите Падлу-Газанфара!

— Аль-Махди подтвердит что угодно, — пробормотал учитель труда и спросил погромче: — Почему вы не доложили о происшедшем по радио?

— У них не было радио, — объявил директор. — Я запретил брать с собой средства связи. В разведке положено соблюдать полное радиомолчание — я видел это во многих фильмах.

Полицейский офицер посмотрел на него, свирепо сузив глаза, и злобно процедил:

— Очевидно, вы боялись, что дикари степных поселков подслушают радиопереговоры? Вы отправили на опасное задание детей под командованием неврастенички — без связи, без оружия! Вам придется ответить и за эти три жизни, и за гибель второй машины.

— Может, вторая еще вернется… — проскулил директор. Пожав плечами, полицейский поднес к губам небольшой аппарат. Он говорил очень тихо, Эдик расслышал только приказ выдвинуть резервный отряд к излучине Рио-Сигуенте, осмотреть вернувшийся трак и допросить отправленного в больницу Падлу-Газанфара. Выслушав ответ, капитан поспешно покинул кабинет.

Директор выглядел как потрепанное бригадой экзорцистов привидение, молчал и только дергался всем телом. Учителя военной подготовки, труда и биологии (все трое тоже участвовали в ночном бою) что-то обсуждали вполголоса. Отец Лиззи увел плачущую жену. Пользуясь паузой, Агнес рассказала брату, что проникшие в Аквамарин банды аборигенов выбиты за городскую черту, спутники связи по-прежнему молчат, а мама сидит дома и держит за уши младшего братика Мишеля, который рвется воевать.

Неожиданно подал голос господин Алекс. Чиновник размахивал руками и вопил: дескать, сопляк Корунд всегда ненавидел бедняжку Антонию, которая считала его недисциплинированным любимчиком некоторых учителей, а потому Корунд бросил ее, даже не попытавшись спасти от надругательств.

— Ее нельзя было спасти, — меланхолично поведал учитель биологии. — Сперма туземцев имеет своеобразные кислотно-щелочные свойства и быстро разъедает мочеполовые каналы землянок. Все женщины, изнасилованные аборигенами, умерли в страшных мучениях.

— Двоих удалось спасти, — сообщил вернувшийся капитан. — Их успели отвезти в больницу и вырезали все пораженные органы… Господин Алекс, прекратите истерику и вообще убирайтесь вон, сейчас не до вас. Эдуард Корунд, ваш рассказ подтвержден — корпус машины действительно пробит пулями неземного производства. Ваш одноклассник видел, как вы разговаривали с Высшим, но не слышал, о чем вы говорили.

— Это все ложь! — взвизгнул чиновник. — Он — убийца… Процент адреналина в крови Корунда снова повысился, а заодно вернулась способность соображать. Злорадно оскалившись, Эдик вытащил видеофон, нашел нужные кадры и включил воспроизведение. Запись получилась прекрасно, даже звуки были слышны. Когда курарики принялись

насиловать Антонию, учителя мужчины обменялись невнятными шуточками, а вдовый Алекс закричал: мол, это — фальшивка.

— Заткнись, ублюдок, — усталым голосом посоветовал полицейский. — Под психоскопом не врут. Память раненого мальчишки сохранила четкую картинку: ваша жена заперла единственного вооруженного члена команды и тем самым обрекла на смерть себя и остальных. Просто чудо, что парень сумел вырваться. Ты молодец, Корунд. Держи свою пушку.

Капитан протянул фамильную двустволку «Семь Колец», которую Эдик оставил в кабине трака. Бережно взяв отцовское ружье, парнишка проворчал, как положено бывалому солдату:

— Пользы от него — патроны-то кончились.

— Если готов сражаться, получишь настоящее оружие. Агнес попыталась протестовать: дескать, ребенок устал, с вечера не кормлен и вообще война — не детское занятие. Ей сурово растолковали, чтобы шла домой и успокоила мать, а мужчины будут исполнять свой долг воинов и защитников.

Сестра сдалась на удивление быстро и, поцеловав Эдика, отправилась на родную Мушкетерскую. Ружье с последним патроном в стволе Агнес лихо повесила на плечо.

В столовой городского департамента охраны порядка собралось человек сто. Роботы сноровисто расставили на столах нехитрый, но сытный обед, и Эдик утолил зверский аппетит салатом, мясным супом и большим бифштексом с картофельным пюре. Когда от бифштекса осталось около половины, чувство голода перестало туманить рассудок, и Корунд-младший стал присматриваться к остальным.

Полицейских в мундирах было всего трое. Почти половину собравшихся составляли взрослые парни и немолодые дядьки в рабочих робах с эмблемами электромеханического завода, строительной фирмы и транспортной службы. Кроме того, Эдик узнал нескольких преподавателей городского колледжа и своей гимназии. Были здесь и ученики этих заведений.

Хлопнула дверь, быстрым шагом вошел знакомый капитан, сопровождаемый сержантом. Оглядев аудиторию, офицер сразу перешел к делу:

— Для тех, кто не знает меня, представляюсь — вице-начальник департамента капитан Барсегов. Шеф департамента майор Уилер тяжело ранен в ночном бою, врачи вернут его в строй только завтра к вечеру. Обстановка ухудшается. Связи со столицей по-прежнему нет, городские власти деморализованы и не знают, что делать, почти все полицейские — на линии огня. Противник стягивает к Аквамарину новые банды, мы расстреливаем их с воздуха, но туземцев слишком много. Если мы хотим выжить, необходимо создать более-менее боеспособные отряды, мобилизовать всех, кто имеет за плечами армейскую службу, и создать единое командование.

Он добавил, что сейчас оборону города держат около двухсот полицейских и полторы сотни кое-как вооруженных добровольцев и что в ближайшие деревни посланы по воздуху подкрепления. Особая задача — организовать защиту или эвакуацию разбросанных по степи научных станций и мелких фермерских поселений. Потом Барсегов без лишних подробностей рассказал о рейде школьного трака, и аудитория разразилась гневными выкриками.

Из собравшихся быстро сколотили две роты — шесть взводов по полтора-два десятка человек в каждом. Эдик попал в подразделение, которым командовал старший лейтенант запаса Мак-Гоуэн, инженер-технолог с электромеханического. В подвале департамента ополченцам раздали автоматические винтовки «Свинг-3» и подсумки с запасными магазинами. Шлемов и бронекостюмов в арсенале не было — этого добра не хватило даже на кадровых полицейских.

— Снабжение организуйте, — потребовал Мак-Гоуэн. — Сколько в городе ресторанов? Десятки. Пусть каждый поставит на довольствие по взводу.

— Будет вам жратва, не беспокойтесь, — хмуро сказал вице-шеф полиции. — Возьму мэра за глотку.

Инженер с транспортного портала, отставной капитан технических войск, напомнил:

— Надо несколько машин в воздухе держать постоянно — для разведки и огневой поддержки. И хорошо бы послать быстроходную авиетку с курьером в Штерншлосс, чтобы прояснить обстановку.

— Уже послали, — сообщил Барсегов. — И воздушное прикрытие вам обеспечим.

Подразделения построились во дворе и повзводно отправились на предписанные боевые участки. А возле полицейского департамента уже собиралась следующая команда добровольцев. Новички не без зависти провожали взглядами вооруженных земляков.

Пока шагали по городским улицам, колонна рассыпалась, несмотря на все старания командиров, старавшихся подровнять строй. Кто-то порывался запеть, но не был поддержан большинством. Потихоньку бойцы перезнакомились, стали делиться впечатлениями о событиях минувших суток.

Все разговоры неизменно возвращались к главным вопросам, занимавшим каждого: почему нет связи и почему взбунтовались аборигены?

— Дикари, звери, чего от них ждать, — говорили одни. — Только силу понимают.

— Может, есть причина, которую мы не знаем, — сомневались другие. — Надо бы поймать парочку и допросить.

Насчет связи тоже сохранялась полная неясность. Кристо Лисанов, ровесник Эдика, работавший техником городского видеофонного узла, сообщил, что инженеры в недоумении.

— Аппаратура в порядке, по сто раз все линии прозвонили, — растерянно поведал он. — Но сигналы со спутников не поступают даже в оптическом диапазоне. И наши сигналы не проходят, лазерный луч словно исчезает в сотне километров от генератора… Главный сказал, что видел такое однажды — на Эль-Чокло военные испытывали генератор поля, которое глушит любые электромагнитные волны.

— Он не знает, как пробить это поле? — возбужденно спросил Эдик.

— Говорит, на космодроме должны знать.

Командир их отделения, тридцатилетний Франклин, отставной пехотный фельдфебель и бригадир операторов транспортного портала, мрачно проворчал:

— Нет, парни, что-то серьезное творится. Сами посудите — кто-то отключил нас от связи, а заодно телепортацию вырубили. Аборигенам такое не под силу.

— Наш босс и главный инженер долго об этом спорили, — вставил Кристо. — Решили, что есть только одно объяснение: неполадки в компьютерной сети Штерншлосса. Может, курарики захватили технический комплекс, перебили персонал и стали крушить оборудование.

— Глупости! — возмутился Франклин. — Есть еще дублирующие узлы на космодромах, в больших городах — в Минерве, у нас в Аквамарине.

В разговор вмешался Генрих Дерби — крепкий, повыше среднего роста парень, работавший на телепортале в одной бригаде с Франклином. Был он на пару лет старше Эдуарда, держался очень замкнуто — наверное, потерял кого-то из близких этой ночью.

— Только у военных есть средства, чтобы подавить все диапазоны. Нам в Академии рассказывали про «Щит Безмолвия».

— Думаешь, у вояк что-то самопроизвольно сработало? — удивился Франклин.

Генрих отрицательно мотнул головой:

— В системе нет ни одного военного корабля. Наша армия тут не виновата.

Над ним посмеялись: дескать, ты еще скажи, что братишки по Большому Квартету решили нам напакостить. Пожав плечами, Генрих промолчал.

Город внезапно кончился, распахнув зеленоватый ковер степи. Прямо перед ними, на полпути к реке, тянулась цепь возвышенностей. Поговорив по рации со штабом, Мак-Гоуэн сообщил, что на холмах слева держит оборону смешанный отряд полицейских и горожан-ополченцев, поэтому их взводу велено сдвинуться чуть правее и занять позицию на длинном

холме напротив рощи.

От истребления взвод спасла счастливая случайность. Поднявшись на гребень высоты, они увидели выползавших из высокой травы туземцев. Увидев людей, курарики растерялись. Люди тоже не сразу сообразили, как полагается поступать в таких случаях. После секундного замешательства Эдик сорвал с плеча винтовку и брызнул очередью по тесной куче врагов. Почти одновременно открыли огонь Франклин и еще кто-то на другом фланге. Несколько кураликов упали, остальные заметались. Из травы ударили по людям винтовки, полетели стрелы.

— Ложись, — гаркнул взводный. — Огонь на поражение. Эдик залег на склоне, укрывшись удачно подвернувшимся валуном, и поливал пулями прятавшихся в зарослях аборигенов. Термоприцел «Свинга» выделял фиолетово-синие пятна, на которые воинственный подросток наводил перекрестие прицела. После двух-трех выстрелов пятно начинало бледнеть до легкой голубизны, иллюстрируя процесс остывания трупа холоднокровных земноводных.

Ответный огонь аборигенов прекратился уже через несколько секунд, и курарики повели себя совсем глупо. Встав в полный рост, они побежали нестройной толпой к болотистым берегам Рио-Сигуенте. Разгоряченные ополченцы провожали бегущих непрерывным ливнем длинных очередей, выкосив половину кравшегося к городу отряда.

— Кончай пальбу, — скомандовал Франклин, когда курарики исчезли из видимости. — Убитые или раненые есть?

Двое доложили о легких ранениях. Убитые то ли предпочли промолчать, то ли таковых вообще не было. Перекличка подтвердила правильность последнего предположения.

После некоторой заминки взводный приказал развернуться в цепь и догонять отступающих. Подразделение двинулось ускоренным шагом, изредка переходя на бег трусцой. Не встретив сопротивления, они оставили справа рощу, перевалили через очередную высотку. По суше аборигены на своих коротких лапках с перепонками-ластами передвигались неважно, поэтому ополченцы настигли противника метров за триста от спасительного болота.

Сбившись в кучку, полсотни аборигенов плаксиво заголосили на корявом общеземном:

— Злые безносые, не убивайте нас… Помогите, здесь обижают слабых и безоружных!

Франклин подошел к ним поближе и грозно проговорил:

— Отпущу, если честно скажете, зачем на нас напали.

Туземцы притихли, вполголоса лопоча на своем щебечущем языке. Потом навстречу землянам шагнул курарик в повязанной на талии тряпке до колен и задергал хоботком, высвистывая звуки человеческой речи:

— Наша не нападать, наша мирный народа. Наша ходить большой деревня Аквамарин на базар торговать.

Подошедший Мак-Гоуэн, насмешливо прищурившись, осведомился:

— И где же ваши товары? Не вижу.

— Наша много товара носила. Безносый огонь стреляла, мы товара бросала, домой бежала.

Ополченцы, окружившие место переговоров нестройной оравой, озадаченно переглядывались. Кажется, многие всерьез усомнились в недобрых намерениях этой колонны аборигенов. Кто-то пробормотал: дескать, хрен его знает, похоже на правду, ведь первым начал стрелять мальчишка-гимназист.

— Врут, скоты, — раздраженно крикнул Эдик. — В травах прятались аборигены с винтовками.

Вышедший на переговоры курарик сильно дернул хоботком, выдохнув шип. Фрэнклин схватился за горло, медленно согнулся и повалился на бок. Остальные курарики тоже выбросили из хоботков отравленные колючки дерева местной породы, после чего дружно возобновили спурт к болоту. Посланные вдогон недружные очереди уложили немногих.

Преследовать аборигенов не стали. Остатки взвода в оцепенении столпились вокруг убитых товарищей. За неполную минуту погибли восемь человек, включая взводного Мак-Гоуэна. Остальные были растеряны и не знали, что делать.

Из шока вывел короткий вопль, за которым последовал звук падающего тела. Пожилой механик аэробусного парка лежал ничком, продолжая сжимать винтовку, из его уха торчала длинная стрела с цветастым оперением. В роще, оставшейся позади и справа, послышались радостные вопли, затем полетели новые стрелы, ранившие двоих ополченцев.

Пригибаясь, люди стали разбегаться, прячась за камнями и кустами. Охватившая многих паника рассеялась, едва они начали стрелять в ответ. Аборигены мелькали среди деревьев, Эдик уложил троих, другие земляне тоже палили без перерыва.

Видимо, огонь изрядно опустошил ряды туземного воинства. Во всяком случае, обстрел прекратился. Ползком оттянувшись к ближайшему холму, остатки взвода расположились на обратном скате.

Сразу несколько голосов осведомились, что делать дальше. Уцелевшие командиры отделений — два отставных сержанта — предложили держать оборону и действовать по обстановке. Полезут — будем отбиваться. Идея пришлась всем по душе: в атаку никто не рвался, но и желающих вернуться в город не нашлось.

Эдик подумал вслух: мол, надо доложить о случившемся в штаб, но единственная рация осталась у бедняги Мак-Гоуэна. Народ согласился прикрыть огнем вылазку добровольцев, но ползти к месту гибели десяти товарищей кроме Эдуарда вызвались только Генрих и Кристо.

— Пошарьте у ребят в подсумках, а то патроны кончаются, — напутствовал их голос вдогонку.

Обошлось без осложнений. Курарики не стреляли, потому как прилетел аэробус, с которого по роще и болоту лениво выплескивались огненные потоки.

— Огнемет на заводе сварганили, — обрадовался Кристо.

— Это плазмострел, — объяснил Генрих и радостно добавил: — Неужели армия подтянулась? Эдуард, такие пушки есть только у военных!

Не ответив и стараясь не смотреть на пугающие мертвые лица, Эдик отстегнул рацию с пояса Мак-Гоуэна и переговорил с капитаном Барсеговым. Узнав о потерях, тот выругался, но пообещал, что помощь подойдет с минуты на минуту.

— К вам вылетел майор-десантник, — сообщил капитан. — Примет командование всем участком. Слушайтесь дяденьку, он военное дело знает.

Мысли путались — сказывались бессонная ночь и стресс от кровавой кутерьмы в течение дня. Профессиональный офицер-десантник — это хорошо, но Эдик весьма смутно представлял, как сможет один майор переломить столь неблагоприятную ситуацию.

Вздохнув, он повесил на плечо две винтовки, набил свой подсумок обоймами, которые не успели израсходовать трое убитых. Затем прихватил оружие и патроны еще одного мертвеца. Туземцы больше не стреляли, поэтому тройка нагруженных ополченцев возвращалась уже не ползком, но перебежками.

Добравшись к своим, Эдик пересказал свой разговор с Барсеговым и лег на теплые камни, посматривая в сторону реки. Воздушная машина прекратила расстреливать болото, — вероятно, экипаж обнаружил (сверху-то виднее) более опасное скопление куариков. Теперь аэробус кружил в районе деревни аборигенов на левом берегу реки, время от времени постреливая из плазмострела.

Неожиданно возле машины промелькнул красный смерч — снова Высший! Машина резко провалилась, водила сумел восстановить управление лишь совсем низко над деревьями. После этого, не возобновляя обстрела, аэробус полетел к позициям ополченцев. Общее мнение выразил сорокалетний слесарь Сэм Тимофеев, самый старший боец взвода:

— Ни хрена себе! Высший наших отогнал.

— Может, у них плазма кончилась? — предположил Крис-то. — Не станут Высшие в

такие мелкие дела вмешиваться. Это же подумать страшно, что будет, если они против нас пойдут.

Генрих, который на удивление хорошо разбирался в оружии, стал объяснять: дескать, не может плазма кончиться, но его не слушали. Народ погалдел, но аэробус был уже совсем близко, поэтому споры быстро угасли. Вскоре машина приземлилась возле холма. Из салона вышли двое полицейских, четверо военных в броне и широкоплечий коренастый мужик в повседневном мундире десантных войск.

Надежды оказались напрасными: регулярные войска по-прежнему находились далеко от планеты Кураре. Майор Виктор Гродзинский летел в отпуск на армейском транспорте «Кочевник-27», курс которого пролегал мимо системы 10 Большой Медведицы. Командира корабля насторожило молчание главного маяка, а затем поступила гравиграмма с ближней к звезде горячей планеты Эль-Дьябло: научно-производственная база сообщала, что сутки назад внезапно прервалась связь с Кураре. Посовещавшись с офицерами и пассажирами, капитан отослал на ближайшую базу рапорт о здешних осложнениях и направил транспорт к колонизируемой планете. С дистанции около миллиона километров удалось, несмотря на очень сильные помехи, наладить лазерно-гравитонную связь.

— Так мы узнали про ваши проблемы, — рассказывал Гродзинский. — Доложили командованию уточненные данные, а потом высадили небольшие отряды в больших городах и узнали, что здесь происходит. Личный состав и пассажиры — почти семьдесят кадровых военных — вызвались помочь колонистам.

У всех было много вопросов, и майор терпеливо ответил на главные. На подлете локаторы «Кочевника» обнаружили над планетой сложное силовое поле, поглощающее модулированные электромагнитные и гравитационные сигналы.

Когда корабль вошел в атмосферу, поле исчезло. Видимо, те, кто изолировал планету, поняли: Земля все равно получила информацию о событиях на Кураре, так что дальнейшая блокада теряет смысл. Примерно час назад заработали спутники связи, так что в пределах планеты снова можно пользоваться бытовыми видеофонами.

Другие города тоже подверглись нападению аборигенов, есть многочисленные жертвы, но везде атаки отбиты и созданы отряды добровольцев. В трюмах транспорта оказалось несколько ящиков с армейским стрелковым оружием, и эти средства будут переданы ополченцам. По словам Гродзинского, две ближайшие базы земного флота, расположенные в пределах десятка световых лет, готовят к отправке боевые корабли и транспорты с пехотными частями и бронетехникой.

От таких новостей у всех резко поднялось настроение, тем более что из аэробуса выгрузили горячие обеды, приготовленные в городских ресторанах. Наскоро обтерев грязные руки гигиеническими салфетками, личный состав бросился морить червячков. Только неугомонного Корунда продолжали одолевать ненужные вопросы глобального масштаба. Не сдержавшись, Эдик все-таки поинтересовался:

— Вам удалось установить, кто поставил «Щит Безмолвия»?

— Не по зубам задача, тут должны поработать специалисты. — Майор развел руками. — Но выбор подозреваемых небогат: либо кто-то из Большого Квартета, либо… кто-то посильнее. Тем более что тут было что-то намного эффективнее, чем «Щит Безмолвия».

— Зачем им это понадобилось? — вырвалось у Корунда. — Тем более Высшим… Ведь у нас прекрасные отношения.

Усмехнувшись, Гродзинский произнес загадочную фразу, причем Эдику показалось, что в голосе офицера прозвучало озлобление:

— Вы правы, юноша. В Большом Квартете нет конфликтов, а только полное взаимопонимание и нежная дружба. Непонятно только, почему при такой идиллии все четыре Старшие расы непрерывно совершенствуют свои вооруженные силы. Словно вот-вот разразится всеобщая галактическая война.

Эдик почувствовал, как у него застучало в висках от бешеной пляски мыслей.

Остальные тоже выглядели ошарашенными, некоторые даже забыли о роскошном обеде. Конечно, кто-то дал оружие туземцам, но подозревать в этом Старших, а тем более Высших, казалось невероятной глупостью. А с другой стороны, если задуматься, то больше некому…

Продолжать эту тему майор не стал, а приказал личному составу отдыхать, потому что через час, сказал он, пойдем в бой. Гродзинский и его спутники погрузили в машину тела убитых. Затем аэробус отправился к позициям соседнего отряда. На холме остался только новый командир взвода капитан-танкист Сид Брукс.

Пока ополченцы подкреплялись, капитан расспросил их о том, как воевали. Слушая своих бойцов, Брукс тихо матерился и в конце концов объявил: мол, чудо, что вы все до сих пор живы. По его словам, взвод очень грамотно изображал стадо самоубийц — передвигались под выстрелами в полный рост, собирались в кучу, превращаясь в удобнейшую групповую мишень, к тому же бессчетно расходовали боеприпасы.

— Хоть не обделались и не разбежались, — сказал он вдруг, — Уже неплохо. Те, кто доживут до рассвета, могут стать настоящими солдатами.

Затем капитан неожиданно для всех назначил Корунда командиром отделения — как особо отличившегося бойца. Отделение получилось немногочисленным, но бывалые солдаты как на подбор — Кристо, Генрих, молчаливый мрачный Антонио — верзила лет под тридцать пять, крановщик морского порта, и сорокалетний слесарь Петро, успевший в молодости повоевать в забытых ныне конфликтах с лабба и виин-черси.

Построив отделение, Корунд сказал:

— Капитан толково разъяснил, чего мы неправильно делали. Теперь попробуем воевать правильно.

— Чего там пробовать, — заворчал Антонио. — Убивать их надо. Чтобы не смели больше на людей зубы точить.

— Пацан дело говорит, — возразил Петро. — Наше дело не просто убивать мятежников, а так убивать, чтобы самим в живых остаться. Нас в старой армии строго учили: хочешь выжить — стреляй первым и не жалей огня.

Все поддержали ветерана одобрительными ухмылками.

Настроение было решительное, как будто сломались в душе невидимые барьеры, требовавшие гуманного снисхождения к шалостям слаборазвитого полуразумного вида. Кровавый ужас минувших суток, гибель соседей по мирной и теперь уже по военной жизни изменили ополченцев. В людях просыпался древний инстинкт, требовавший любой ценой защищать собственную жизнь и безопасность своего племени.

Пользуясь свободной минуткой, Эдик набрал домашний номер на сенсорах мобильного видеофона. Связь действительно работала — мама ответила мгновенно. Успокоив ее: мол, жив-невредим, и нет здесь никаких опасностей, он услыхал в ответ, что в городе обстановка спокойная и что отец прислал весточку. Корунд-старший сообщал, что на базе Эль-Дьябло все в порядке, но персонал почти сутки нервничал из-за прекращения связи с Кураре. Теперь, узнав подробности, персонал беспокоится еще сильнее.

Эдик решил посмотреть канал новостей — как раз поймал конец репортажа о приближении каких-то кораблей. На этом пришлось прервать отдых, потому что у холма приземлились три легковушки.

Майор Гродзинский, командир северо-западного участка обороны, привез подкрепление — шестерых необстрелянных ополченцев и капрала с незнакомым оружием. Толстый ствол, укрытый под охлаждающим кожухом, вызывал уважение. Генрих шепнул, что это ручной плазмострел «Кларнет».

Распределив новичков по отделениям, Гродзинский сурово произнес:

— Через три часа стемнеет, а мы не можем заночевать на голой равнине, где противник ориентируется лучше нас и способен незаметно атаковать в любой момент. Надо наступать, отбросить врага, не дать уйти глубоко в джунгли, там за ними охотиться бессмысленно, только положим солдат без пользы. Ближайшая задача вашего взвода — зачистить деревню

на левом берегу Рио-Сигуенте. Последующая задача — продвинуться примерно на пять-шесть километров к северу, на линию возвышенностей. Объясняю для тех, кто не понимает военной терминологии: «продвинуться» означает, что в тылу подразделения не должно остаться живых аборигенов.

Капрал-плазмострельщик добавил негромко:

— Если цветастая сволочь опять не вмешается.

Уже в кабине авиетки Эдик предположил, что капрал говорил о Высших. Значит, ему не показалось, что полтора часа назад особь красноватых оттенков помешала Гродзинскому выжечь позиции кураириков на правом берегу реки.

Что и говорить, Высшие вели себя подозрительно, проявив неслыханную активность. Похоже, планета Кураре почему-то сильно их интересовала.

3

Впервые люди узнали про Высших в середине прошлого столетия, установив связь с соседними развитыми цивилизациями. Уже после первых контактов с виин-черси и лабба землянам стало известно о невероятно могущественной расе, которая поддерживает ею же установленные порядки на обширном участке Галактики. И поскольку Солнечная Система располагается в зоне влияния Высших, людям придется соблюдать правила игры.

Братья по разуму объяснили также, что Высшие совершенно не страдают альтруизмом, но и не злоупотребляют излишней жестокостью. Попросту говоря, не любят, если слаборазвитые культуры начинают их беспокоить. К примеру, когда разгорался конфликт между лабба и дзорхами, Высшие своевременно вмешались, отшлепали шалунишек и запретили обеим расам даже приближаться к спорному сектору пространства. Разумеется, не обошлось без потерь, но в случае начала настоящих боевых действий дело могло кончиться уничтожением многих населенных планет.

На первых порах казалось, что Высшие вообще не желают замечать человечества. Лишь в самом начале века нынешнего они стали посещать миры, населенные людьми, и некоторое время ограничивались наблюдением и редкими контактами. Но в 2347 году был предъявлен ультиматум.

В документе Высшие открытым текстом растолковали, что не потерпят конкуренции со стороны недоразвитых культур. Четверке цивилизаций, приступивших к межзвездным перелетам, запрещалось создавать слишком сильное оружие, слишком мощные источники энергии, слишком быстрые корабли, а также проводить исследования, угрожающие интересам Высших. Также запрещалось приближаться к секторам, где обитают Высшие. В случае нарушения этих предписаний Высшие брали на себя обязательство не церемониться с выбором средств экзекуции.

Далее в ультиматуме говорилось, что четверке цивилизаций среднего уровня поручается присматривать за еще менее развитыми расами разумных существ. В процессе контроля над Младшими разрешались практически любые средства убеждения, кроме тотального геноцида. Заключительные статьи послания содержали намек: мол, если будете слушаться, то получите кое-какие технологии, способные улучшить вашу жизнь.

Технологиями Высшие действительно поделились. Человечеству достались очень полезные материалы по принципам воздействия на живую клетку. Благодаря подарку люди научились синтезировать отличную дешевую пищу, выводить новые виды животных и победили множество тяжелейших болезней.

Не обманули Высшие и насчет суровых наказаний ослушникам. В 2380-м планетная система на окраине владений лабба была блокирована боевыми роботами и подверглась массированной бомбардировке. Потеряв около миллиона соплеменников, «членопитающие» покорно покинули систему. По слухам, в джунглях одной из этих планет велись работы над ультрасовременным оружием.

Поучительный пример склонил остальных к безоговорочному повиновению.

Человечество, дзорхи, лабба и виин-черси, получившие статус Старших рас, образовали Большой Квартет, управляющий развитием трех десятков Младших рас. Высшие изредка появлялись на мирах Большого Квартета, временами снисходили до беседы с отдельными особями Старших и казались вполне благожелательными. Лишь некоторые земные политики, ученые и военные были возмущены диктатом сверхцивилизации, но их яростные филиппики не находили понимания среди публики.

Не слишком обеспокоил широкую общественность и полученный в 2366 году приказ Высших отложить на четверть века колонизацию одного из материков планеты Кураре, освоение которой началось в первом десятилетии нынешнего века. Высшие объясняли это требование желанием сохранить уникальный биоценоз и не вмешиваться в эволюцию полуразумных аборигенов. Одно странно: земная колонизация гораздо сильнее влияла на экологию других континентов, однако Высших обеспокоила только заросшая непроходимыми джунглями Южная Омерта, где жило несколько крошечных племен.

У людей сразу возникло подозрение: там есть что-то важное. Тем не менее лезть на рожон не стали и продолжили обживание расположенных в средних широтах континентов Люпара, Каморра и Северная Омерта, при этом число земных поселенцев превысило три миллиона. Самой населенной стала Северная Омерта: здесь были построены главные объекты инфраструктуры и самые большие города — Штерншлосс и Аквамарин.

В позапрошлом году, когда истекли назначенные сроки, а Высшие не стали продлевать запрет, на Южной Омерте развернулись энергичные исследования — были открыты научные станции, но к массовому заселению не приступали. На летние каникулы перед выпускным классом Эдик побывал там с экспедицией. Получилось увлекательное сафари, слегка подпорченное обилием ядовитых животных и растений. Экспедиция прорубилась в самое сердце джунглей, где обнаружила руины чего-то похожего на древний город. Находкой заинтересовались Высшие — Серо-Зеленый и Черно-Желтый появились буквально через час после доклада начальника экспедиции в координационный центр на Каморре. С землянами Высшие не контактировали и на следующий день исчезли.

В раскопках города Эдуард Корунд участия не принимал: руководство отозвало экспедицию. По слухам, весь последний год там работали мощные научные бригады, переброшенные с планеты Валинор, что в системе Гамма Цефея. Результаты исследований отправлялись на столичные миры в обход научных учреждений Кураре. Наверное, валинорцы нашли там что-то важное.

После этого Высших на Кураре стали замечать намного чаще, но в дела людей они не вмешивались и о туземцах тоже не слишком беспокоились. Люди в свою очередь старались ускорить эволюцию туземных племен, обучали курариков математике, земледелию и животноводству, построили для них десятки мостов, плотин и каналов.

Идиллия кончилась 6 мая 2392 года, когда семья Корундов отмечала двенадцатый день рождения Мишеля — младшего из трех детей. Собрались друзья, малыш радовался подаркам, звучали любимые песни, знаменитый весельчак Феб Уинтер устроил невероятно смешное шоу. Семейное торжество омрачалось лишь отсутствием отца, который не смог смениться с вахты и находился на расстоянии двух астрономических единиц от города Аквамарин, по другую от Кураре сторону Десятки — звезды 10 Большой Медведицы.

Между делом гости говорили в шутливых тонах, что на улицах слишком много аборигенов, которые стекались на традиционную ярмарку. Как обычно, сотни курариков прибыли в Аквамарин засветло, заночевали на парковых лужайках, а также в прудах и фонтанах. Что с них возьмешь — земноводные. С вечера курарики перестукивались ритуальными барабанами и жгли костры, разрисовав закатное небо разноцветными струями дыма. А в сумерках началась резня.

Загулявшая компания не сразу обратила внимание на странный шум. Потом люди за столом насторожились: с улицы отчетливо доносились истошные крики. Потом сквозь оконные жалюзи проникли в комнату и заметались по стенам оранжево-красные сполохи. Неугомонный Феб поднял жалюзи, сообщил, что горит дом напротив, и тут же повалился

навзничь. Из его глазницы торчала стрела.

Визг женщин и детей был перекрыт неожиданно резким голосом Эмилии Корунд. Мама непостижимым образом мгновенно разобралась в обстановке и, выключив свет, прокричала:

— Туземцы взбунтовались! Запереть двери, всем вооружиться. Детей — во внутренние комнаты.

Оружие дома имелось: глава семьи Георг Корунд был фанатом охоты, пристрастил к этому занятию жену и потомство, особенно старшего сына, и хранил в сейфе три ружья.

Половина гостей дружно возмутилась: как, дескать, вы вправду собираетесь стрелять в очаровательных полуразумных земноводных? Однако вопли абстрактных гуманистов прекратились, когда в разбитое окно влетел горящий факел, а затем очередная стрела ранила вставшего из-за стола маминого начальника, красиво объяснявшего необходимость мирного сосуществования разумных рас.

Пока мужчины тушили пожар, а Эмилия дрожащими руками открывала сейф, курарики ворвались во двор, стали громить и поджигать машины гостей, пытались взломать дверь. Следующие четверть часа мать и двое старших детей без остановки стреляли через окна, уложив не меньше дюжины кураликов, после чего туземцы разбежались, обиженно вопя: мол, злые безносые их убивают.

Непонятно зачем аборигены разбили немалую часть уличных фонарей, хотя зрение земноводных было слабее человеческого. Тем не менее на темных улицах продолжалось что-то невероятное: горели дома, гибли люди, не работали видеофоны. Вооружившись чем придется, горожане пытались наладить сопротивление. Эдик примкнул к одному из отрядов самообороны. Перекрикиваясь, несколько мужчин с охотничьими ружьями собрались на перекрестке и двинулись вдоль улицы, очистив соседние дома от обезумевших аборигенов.

За ночь Эдик насмотрелся такого, чего не увидишь в самых кровавых видеотриллерах XXII столетия. Курарики безжалостно убивали застигнутых врасплох мирных горожан, поджигали дома, насиловали даже совсем маленьких детей. Многие человеческие трупы были старательно разделаны на куски, еще живым людям вспарывали животы, отрезали носы, уши и конечности.

После полуночи отряд, в котором сражался Эдик, вырос до тридцати разъяренных бойцов. Перелом случился, когда они продвинулись к Центральному парку, где огромная — в полтысячи хоботков — орава кураликов обложила два десятка полицейских на площадке аттракционов. Под градом стрел и дротиков окруженные нечасто выглядывали из укрытий, но кое-как сдерживали противника густыми очередями автоматических винтовок, не позволяя нападавшим броситься в решительную атаку.

Исход сражения за город решило появление в тылу аборигенов отряда добровольцев. Оказавшись между двух огней, бунтовщики дрогнули и отступили к каскадному фонтану. Затем они все-таки попытались атаковать, но выстрелы скосили многие десятки кураликов, а тут еще подоспел новый отряд полиции. Истерично застучали барабаны, люди наседали, не жалея патронов, и вдруг аборигены побежали. Буквально через час курарики были повсюду выбиты за городскую черту, и боевые дружины колонистов редкой цепочкой взяли под охрану подступы к Аквамарину.

Эдика и других малолетних отпустили по домам, поскольку отряд пополнился бойцами старшего возраста. Впрочем, до дома Корунд не добрался — ноги не держали, а по пути подвернулась родная гимназия, и парнишка в обнимку с дробовиком уснул на диване в учительской. На рассвете его разбудили голоса. Собрались педагоги и некоторые ученики, директор прочитал возвышенную речь о долге каждого внести посильный вклад в общественное спокойствие. Еще живая Антония Алекс добавила: мол, надо пресекать глупые слухи, потому как лично она никаких убийств не видела, а ее уважаемый супруг решительно заявил, что никаких беспорядков не было и быть не могло. Из подвернувшихся под руку сколотили команду для изучения обстановки в окрестностях.

И снова вмешались Высшие — Серо-Зеленый удивительно долго и доброжелательно

общался с растерянным подростком и даже помог ему в абсолютно безвыходной ситуации. Понять Высших было невозможно: спасли гимназиста Эдуарда Корунда от разъяренных аборигенов, но помешали майору Гродзинскому покончить с засевшей в болоте многочисленной бандой. При этом энергоинформационные создания вовсе не пытались остановить массовое кровопролитие.

Столь избирательное миротворчество выглядело совершенно нелогичным, а это означало, что люди просто не понимают изощренную и извращенную логику сверхцивилизации. Высшие безусловно вели собственную игру, причем играли по своим, удобным для них правилам. Вспоминая невероятно умную книгу «Эстафета ошибок», Эдик догадывался, что Высшие следуют хитрому сценарию, неотвратимо направляя события к развязке, которая случится, возможно, через века или даже тысячелетия. А может быть, и завтра.

Для сводной роты Гродзинского власти города выделили десяток разнотипных машин — легковые, грузовые, траки, микроаэробусы. Отделению Корунда достался восьмиместный аэровэн «Пежо-Сентраль» 81-го года. Когда подлетели к реке, динамики проревели голосом Гродзинского: всем аборигенам выйти из укрытий, сложить оружие и возвращаться в свои деревни. Когда приказ читался повторно, из болота ответили винтовки, и майор приказал всей ротой обстрелять кустарники на заболоченном правобережье, а затем высадить для зачистки два отделения полицейских.

Машины растянулись цепочкой на высоте полусотни метров и двинулись вдоль реки на малой скорости, подавляя огнем очаги сопротивления. К своему стыду, Эдик понятия не имел, как управлять подразделением, поэтому сказал совсем по-штатски:

— Пацаны, стреляйте по всем тварям, у кого будет оружие.

Проделав бойницу в обшивке, он выставил винтовку, напряженно вглядываясь в густо заросший кустами берег и лужи грязной воды, покрытой желто-зелеными болотными травами. Природа наделила кураряков шкурой почти такого же цвета, различить туземца на фоне родного ландшафта было сложно даже через термовизор, однако при некоторых навыках это удавалось. Эдик застрелил как минимум троих, а заодно подырявил пулями с десяток неопознанных целей вроде бревен-топляков, кустов причудливой формы, глинистых кочек.

Остальные тоже палили без перерыва, и град пуль находил внизу добычу. Время от времени глухо булькали плазмострелы, после чего на болоте расцветали огненные бутоны, взметавшие фонтаны брызг и пара. Ответный огонь аборигенов был не слишком плотным и точным, но изредка по корпусам машин разбегались кольцевые волны — так обшивка затягивала места вражеских попаданий. Получал пробоины и «Пежо-Сентраль»: две пули застряли в обшивке, а третья пробила плечо Николая, парня из последнего пополнения. Антонио и Кристо наскоро забинтовали рану, вкололи заживляющий раствор.

Военное дело оказалось непростой наукой. На нечастых — всего час в неделю — уроках отставной подполковник Дик Стивене больше рассказывал, как обращаться со штурмовой винтовкой «Рейнджер-2209», а также наставлял беспрекословно и молниеносно выполнять команду «ложись». Сегодня же приходилось самому командовать необстрелянными бойцами. Хорошо хоть военрук Стивене часто повторял, что боец должен самостоятельно отыскивать мишени на поле боя…

Чуть левее направления полета Эдик увидел двух притаившихся за кочкой — только головы над болотной жижей торчали — кураряков, наводивших в сторону машины стволы неизвестного оружия. Очереди Корунда вспенили болото вокруг стрелков, жижа окрасилась желтой кровью, тяжелый ствол скрылся под водой. Спустя секунды эпизод остался позади, теперь Эдик сосредоточил внимание на пятерке туземцев, которые стояли в полный рост среди высоких колючих кустов и непрерывно палили из винтовок. Он успел дать очередь, потом всю группу снесла капсула плазмы.

Кажется, туземцы начали понимать, что их дело проиграно, поэтому стали вылезать из

болота поодиночке или небольшими стайками, бросая оружие. Одни убегали к переправе, другие ложились ничком на траву, изображая полную покорность. Некоторые особи продолжали постреливать, но с ними покончили быстро.

Одна машина с отделением полицейских опустилась перед мостом, отрезав бегущим путь к родной деревне. Самые отчаянные прыгали в реку, чтобы добраться вплавь, остальные покорно поплелись обратно. Не покидая машин, ополченцы согнали пленных в стадо числом под сотню хоботков. Полицейские пошли «змейкой» вдоль болота, выгоняя на сушу тех, кто надеялся отсидеться в булькающей пузырьками газа грязной жиже.

Майор Гродзинский выкликнул аборигенских командиров, и двое опасливо вышли из толпы пленных. Разговора не получилось. Курарики плаксиво жаловались, что безносые гладкокожие убивали их — чудных, милых, добрых и безобидных, которые даже не успели напасть на город небесных кормильцев и даже не сожгли фермы вниз по реке, потому что им надо было спешить в Аквамарин, пока кочевники не поубивали всех больших сладких самок.

— Давай подробнее, — потребовал Гродзинский. — Кто приказал вам напасть на город? И кто дал вам огненное железо?

Курарики подняли плаксивый гвалт, сквозь хаос которого четко слышались многократно повторявшиеся идиомы Ку-ути зиве-зии, а также Баоши-буунитван-коо-шипши. Первое выражение означало «пришедшие с неба», а второе было распространенным местным проклятием. Наконец отчаянный визг вожака заставил остальных утихнуть, и предводитель проскулил:

— Наша не понимать. Железа — плохая, наша — хорошая, наша — добрая. Наша — любить гладкокожая безносая. Наша — не убивать. Ваша — убивать наша.

— Ваша — подлая трусливая врунишка, — сказал майор. — Ваша будет крепко наказана.

Он жестом отпустил несклонных к откровенности переговорщиков. Эдик собрался подсказать командиру: дескать, аборигены матерно ругали небесных пришельцев, однако его опередил вооруженный плазмострелом бортинженер «Кочевника».

— Командир, у меня переводящее устройство, — сообщил космолетчик. — Эти твари без конца лопотали по-своему, что инопланетные друзья дадут им хорошее оружие, чтобы изгнать проклятых небесных поработителей. Очевидно — нас.

— Хотел бы я посмотреть на этих инопланетных ублюдков, — зарычал Гродзинский. — Эй ты, вернись.

Майору пришлось приставить к глотке курарика огромный десантный тесак-мачете, после чего туземец, горько рыдая, наложил под себя жидкую кучу ядовито вонявшего кала и начал признаваться. По его словам, в деревне за рекой жили добрые Ку-ути, подарившие курарикам огненные железные палки и научившие, как прогнать безносых поработителей, потому что курарики сами должны жить в чистых городских домах, где много красивых вещей.

Задумчиво поиграв бровями, майор подобрал трофейную винтовку. Оружие было совершенно непривычной формы — явно сконструировано в расчете на анатомию кураиков с их корявыми пальчиками.

— Армированный керамопластик, — прокомментировал инженер, разглядывавший другой экземпляр. — Лейблов производителя не видно, переводника и предохранителя нет. Стреляет только очередями.

— То, что нужно дикарям, — примитивное оружие. — Гродзинский снова обратился к пленному: — Эти гости с неба похожи на нас?

— Нет, добрая безносая поработитель, — с готовностью пискнул абориген. — Они совсем другая. Они добрая.

— Подлая трусливая неблагодарная скотина, — высказался майор. — О чести и благородстве и вспоминать не буду, вы таких слов не понимаете… Что ж, пора в деревню — посмотрим, что за пришельцы подняли против нас этих дебилов.

Он взялся за планшет, пристегнутый к поясу коротким ремешком. Держа прибор на

уровне диафрагмы, Гродзинский быстро водил пальцем по сенсорам меню, и над планшетом формировалось трехмерное изображение ближайшего объекта. Деревня располагалась на другом берегу, аквамаринцы построили для туземцев мост, запруду и дренажную систему. По местным меркам, поселение было огромным: с полтысячи строений на суше, почти сотня хижин на сваях — в реке и на болоте. С помощью людей здесь появились коптильная и кожевенная мастерские, кузница, обширные посевные угодья, огороды и пастбища. Всего в этой деревне жили, по оценкам, до трех тысяч курариков.

Подозвав командиров взводов и отделений, Гродзинский уточнил задачи подразделениям, машинам и операторам тяжелого оружия. Штурм деревни, еще минуту назад казавшийся немыслимо тяжелой проблемой, будучи сформулирован в четких тактических формулах, неожиданно превратился в набор простых и вполне выполнимых миссий. Майору оставалось подать команду: «По машинам!» — когда обстановка внезапно изменилась.

Обрушившись с неба, к людям присоединился медленно вращавшийся столб красно-синего пламени. «Опять они, — раздраженно подумал Эдик, но тут же пришла противоположная мысль: — Вдруг они решили нам помочь?»

Высший, с которым он так мило беседовал утром, был другой расцветки. То ли на Кураре заявились двое сразу, то ли они все-таки умеют менять спектр излучения, что бы там ни доказывали Роксанов и Ингребельд. Мало кто из людей мог похвастать двумя встречами с посланцем сверхцивилизации — молодому Корунду повезло.

Красно-Синий неторопливо скользил между расступавшихся ополченцев, притормозил возле майора Гродзинского и совершенно неожиданно заговорил в акустическом диапазоне. Наверное, в другой ситуации это стало бы грандиозной сенсацией: Высшие умеют модулировать звуки, имитируя человеческую речь! Увы, сейчас намного важнее был смысл произносимых слов.

— Вы должны прекратить избиение Младших, свернуть работы в запретных областях и уйти отсюда, — заявил Красно-Синий.

На удивление быстро преодолев шок, Гродзинский ответил почти спокойно:

— Вы требуете, чтобы наше подразделение покинуло данную позицию? Это несложно: мы как раз собирались передвинуться на другой участок.

— Не прикидывайся тупицей, недоразвитый. — В уверенном голосе по-прежнему не было эмоций. — Вашему племени придется попрощаться с этой планетой.

Такого оборота люди не предвидели, хотя от Высших следовало бы ждать любых сюрпризов — самых ужасных и невероятных.

После секундного замешательства Гродзинский хмуро спросил:

— Но почему?

— Потому что мы так велели! Людям запрещается иметь поселения на этой планете. Торопитесь, недоразвитые!

— Прошу правильно понять, мы не уполномочены принимать такие решения… — начал майор, а затем, сорвавшись, выкрикнул: — Ваш каприз невыполним! Вы просто издеваетесь над людьми, демонстрируя силу.

— Нормальная практика в отношениях между сильным и слабым, — невозмутимо подтвердил Высший. — На этой планете люди повели себя неправильно и потому понесли наказание. Вам будет дано немного времени на эвакуацию.

— На планете всего два звездолета, — буркнул Генрих. — И гиперпорталы не работают.

— Все мелкие проблемы можно решить. — По красно-синему огню пробежали волны оттенков. — Условия для эвакуации будут обеспечены.

В ответ заговорили сразу несколько человек. Кадровые военные, космолетчики и местные ополченцы сумбурно напоминали про проблемы со связью, отключение сети внутри-планетного гипертранспорта, коварство и жестокость аборигенов, диковинным

образом добывших огнестрельное оружие.

— Туземцы не могли изготовить винтовки в своих примитивных мастерских! — размахивая руками, убеждал Высшего инженер. — Тут поработал кто-то из Большого Квартета.

— Я не могу отвести свои подразделения, — горячился Гродзинский. — Город снова окажется под угрозой.

— Пожелание Высших вам известно. — Красно-Синий включил телепатию, и его мысли безжалостно стучали под черепами людей. — Раса, не сумевшая разумно управлять этой планетой, должна покинуть систему. Моя миссия выполнена.

Столб непознаваемой субстанции беззвучно вытянулся в высоту, потом нижняя часть растаяла — лишь где-то в небе тускло посверкивало пятнышко пламени, кружившее над туземным поселением. Довольно долго все молча смотрели вверх, затем капитан Брукс, опустив взгляд, пробормотал:

— Как бы опять не помешал.

Словно по команде, все посмотрели на майора. Тот морщился, как будто хлебнул кислятины, по лицу командира блуждала гримаса нескрываемых сомнений. Наконец Гродзинский произнес:

— Хмырь понимал, что мы собираемся штурмовать деревню. Мог бы запретить, но не сделал этого. Надеюсь, мешать не станет.

Высшие не вмешались, так что операция развивалась строго по плану.

Отделение Корунда десантировалось у назначенного ориентира в полукилометре от северной околицы. Растянувшись цепью, ополченцы ускоренным шагом захлюпали ботинками по залитому водой полю, где злаки поднялись почти по колено. Несколько работавших на участке курариков, увидав вооруженных людей, над которыми висела воздушная машина, с воплями пошвыряли шанцевый инструмент и убежали в деревню.

Перепрыгивая оросительные канавки, отделение приблизилось к окраинным амбарам, не встретив сопротивления. Справа и слева подтягивались другие подразделения. По приказу взводного Эдик выставил охранение — Кристо и Антонио, послав остальных осматривать хозяйственные постройки. В итоге получасовых поисков обнаружили только парочку туземцев, занимавшихся любовью на мешках собранного урожая овощей, а также вооруженного костяным кинжалом аборигена, который спал, закопавшись в груду соломы. Пленных погнали подальше в поле, где от них будет меньше вреда, и продолжили движение.

Дома на окраине казались пустыми, только мелкий скот бродил в огороженных дворах. Замедлив движение, ополченцы осматривали каждое здание, но курариков внутри не было.

Все население столпилось на центральной площади. Визжали женщины и детвора, патриархи с посеревшей кожей и обвисшими хоботками отбивали земные поклоны. Деревенский староста затянул долгую речь о том, как счастливы жители лицезреть дорогих Ку-ути зиве-зии, при этом витиевато заверял, что плохих курариков здесь нет и никто не умышляет ничего дурного против горячо любимых безносых.

Цену таким словам люди уже поняли, поэтому насторожились, ожидая внезапного нападения.

Майор попытался выяснить насчет чужих Баоши-буунит-ван-коо-шипши, расспрашивал про железные огненные палки. В ответ абориген клялся благополучием своей семьи, привидениями предков и собственной честью, что никаких чужих существ в деревне нет, а про винтовки его односельчане отродясь не слыхивали.

Убедившись, что толку не добиться, Гродзинский приказал методично, избу за избой, прочесать все поселение. Когда бойцы направились к ближайшим строениям, из окон по ним ударили длинными очередями.

Несколько человек упали, сраженные пулями, другие, в том числе Корунд, поспешили залечь и открыли ответный огонь. Толпа на площади, пронзительно заголосив, бросилась врассыпную, заслоняя прицельные сектора. С висевших над деревней машин заработали плазмострелы, уничтожавшие стрелков-аборигенов вместе со строениями, в которых те

засели.

Едва начался кавардак, доморощенные подразделения мгновенно потеряли управляемость. Все беспорядочно палили по целям, которые удалось разглядеть. Эдик не слышал приказов взводного и сам не пытался командовать отделением. Первым делом он сгоряча выпустил всю обойму по окну, из которого стреляли по меньшей мере два ствола. Перезарядив винтовку. Корунд обнаружил, что огонь из этого дома прекратился и один курарик висит башкой вниз, перевалившись через подоконник. Изредка поглядывая на подавленную цель, Эдик стал поливать гиперзвуковым металлом аборигенов, стрелявших из винтовок и луков с крыши сарая, который возвышался над окружающими домами.

Внезапно из сарая метнулась в небо огненная струя, зацепившая воздушную машину. Микроаэробус взорвался, и горящие обломки рухнули возле реки. Сразу два аэромобиля ударили плазмой, уничтожив строение, откуда противник применил неизвестное оружие.

Майор Гродзинский выкрикнул приказ, махая рукой в сторону дымящихся развалин. Вместе с ним перебежками двинулись еще несколько ополченцев.

— Корунд, не отставай! — Голос ротного едва пробился сквозь грохот перестрелки. — …Справа… забор с хренью…

Видимо, надо было наступать чуть правее и штурмовать группу домов возле пруда, где суетилась домашняя птица. Кое-как собрав свое отделение, Эдик повел ребят в атаку. Когда они почти достигли пресловутого забора, со стороны домов и огородов полетели стрелы и пули. С неба посыпались плазменные капсулы, над объектом встала стена пламени, но майор упал, и вся его группа попятилась, предпочитая стрелять из-за укрытий.

— Вперед! — заорал Эдик. — Отомстим за командира!

Избыток адреналина прогнал страх, и Корунд шел навстречу выстрелам, увлекая бойцов. Без эмоций, как робот, он посылал пули в аборигенов, которые показывались в окнах, мелькали среди развалин, прятались в кустах. Он не считал пораженные мишени, но счет шел уже на десятки. Рывок его отделения увлек в атаку и соседние группы ополченцев.

Залпы воздушной поддержки расчищали дорогу наступающим. Грохочущее пламя взрывов прокатилось в сотне метров перед пехотной цепью. Когда рассеялся дым, взорам открылось обширное поле разрушенных строений, среди которых метались немногие уцелевшие курарики. Очереди «Свингов» косили их пачками.

Внезапно вражеский огонь прекратился. Потрясенные безжалостным истреблением аборигены в панике покидали еще не уничтоженные строения и, побросав оружие, бежали куда глаза глядят. Наткнувшись на людей, они падали мордами в грязь, вымаливая снисхождение.

В наступившей тишине — треск пожаров не в счет — стали слышны приказы командиров: навести порядок в перемешавшихся подразделениях, согнать в одну толпу всех пленных, собрать трофеи, выставить посты, доложить о потерях. Бой кончился.

Гродзинский поймал три пули всем торсом. Майор сам наложил себе повязки, заживляющие препараты уже начали болезненный процесс затягивания ран, но крови вытекло много. Противоестественно бледный, он сидел на обрубке бревна, прислонившись к стене почти не пострадавшего дома, и выслушивал рапорты.

За неполный час боя погибли девять человек, полсотни получили ранения разной тяжести. По первым оценкам, рота перебила не меньше двухсот аборигенов, на поле боя удалось собрать несколько десятков винтовок и дюжину пулеметов. Много трупов и оружия должны были остаться по разрушенным избам, в которые пока не заглядывали.

Когда командиры отчитались, Гродзинский распорядился:

— Командование ротой принимает капитан Брукс. Остатки взвода сдайте Корунду — из мальчишки получится отличный солдат… Сидней, дай людям немного отдохнуть и гони аборигенов подальше в степь. Атаковать, не ждать ударов врага… Надо занять позицию на холмах, что к югу отсюда… Деревню сжечь.

Он потерял сознание, и ополченцы отнесли командира в машину. Когда улетели

аэробусы, забитые тяжелоранеными, Брукс собрал командиров взводов и отделений. Заметно нервничая, танкист распределил задачи поредевшим подразделениям, потом сказал:

— Расположимся за деревней, чтобы не дышать гарью. На отдых и ужин даю час. Майор прав — мы должны отодвинуть линию обороны подальше от города.

— Надо бы найти, из чего они наш аэро сбили, — напомнил Эдик.

— Верно мыслишь, — Ротный кивнул. — Вот ты и займись.

Наказуемая инициатива отодвинула ужин в неопределенную перспективу. Мысленно вздыхая и чертыхаясь. Корунд приказал командирам отделений вывести остатки взвода в назначенный сектор, а сам отправился за трофеями в компании Кристо, Антонио и слегка поцарапанного стрелой Генриха.

Сарай, в котором прятались враги с тяжелым оружием, был развален, что называется, до основания. Две капсулы свернутой плазмы выжгли весь воздух внутри, уничтожили большую часть конструкций, а сверху упали изувеченные взрывами обломки крыши. Живых там остаться не могло.

Им повезло — Кристо довольно быстро заметил толстый металлический ствол с фигурными насадками, выглядывавший из-под груды обгорелых досок. Разобрать завал вручную не представлялось возможным. Пришлось подогнать машину, цеплять тросом самые большие куски деревянных щитов и оттаскивать малым ходом. Когда площадка расчистилась, оказалось, что ни одного мертвого курарика здесь нет. Зато был поджаренный и заляпанный засохшей зеленоватой кровью труп совсем другого существа.

— Только не это… зачем! — вырвалось у Корунда.

— Ублюдки, — прошептал Генрих Дерби. — Всех их ненавижу.

Кристо покачал головой и с гримасой отвращения на чумазом от сажи лице признался:

— А мне всегда были симпатичны именно они.

Никто из молодых людей не встречался прежде с этими существами, но видеофильмы, Интернет и школьные учебники были наполнены изображениями всех разумных обитателей известной части космоса. Любой нормальный человек, изредка посматривавший информационные передачи, легко понял бы, кому принадлежат изувеченные останки.

Около двух метров ростом, большая голова и часть спины покрыты панцирем, который затвердевает к половому созреванию. На каждой из шести конечностей по колену и по локтю, густые жесткие волосы на ногах ниже колена. Гроздь пальцев с клешнями на руках, а на копытах они в процессе эволюции срослись попарно и ороговели. Именно так выглядели членистоногие млекопитающие Лабба, которых часто называли веселым словечком «членопитающие».

Озадаченный Эдик достал видеофон, заснял труп в разных ракурсах, затем присел на корточки рядом с оружием убитого инопланетянина. Машинка тоже была покрыта кровью, и он побрезговал прикасаться руками, ограничившись осмотром.

— Ракетный пускатель, — сказал Генрих. — Вроде нашей «Волынки».

Набрав номер Брукса, Корунд доложил:

— Командир, здесь дохлый лабба. При нем спаренная штука. Говорят, похожа на нашу «Волынку».

— Лабба? Ты не путаешь?

— С кем их перепутать можно? Типичный лабба.

— Ни хрена себе… — Капитан был ошеломлен. — Покажи. Отступив на шаг, Эдик захватил объективом видеофона труп и оружие. После долгого молчания Брукс приказал отправить находки в Аквамарин, а самим возвращаться в лагерь взвода.

На дне судков оставались дары городского ресторана: салат из крабов, грибной суп, свиные ребра с печеной картошкой. В пластиковой коробке они взяли по бутылке «Колы». А вот столов не было, пришлось наворачивать деликатесы, развалившись на траве.

— Мерзко на душе, — сообщил Антонио. — Ну скажите мне, за каким дьяволом членопитающие устроили этот мятеж?

— Решили ослабить Землю, унизить… — подумал вслух Эдик. — Большая астрополитическая игра, мать ее. Хотят под шумок отнять у нас богатую планетную систему.

Кристо жалобно проскулил:

— Но почему лабба? Они всегда считались самой дружелюбной расой.

— Так считалось, потому что сто лет назад они были нашими союзниками против дзорхов и виин-черси, — мрачно кривясь, просветил друзей Генрих. — А теперь членопитающим захотелось расширить свои владения за наш счет. Их колония совсем близко — каких-то восемь световых лет. В военном отношении они слабее нас — вот и решили партизанскую войну нам устроить.

Покачав головой, Кристо задал вопрос, который всерьез интересовал все отделение:

— Ты в каких войсках служил?

— Вообще не служил… — Генрих недоуменно поднял брови. — С чего ты взял?

— В оружии хорошо разбираешься, и вообще… Засмеявшись, Дерби объяснил:

— Я в Космолетной Академии учусь. Со второго курса у нас военная кафедра, готовят офицеров запаса. Вот и нахватался немного.

— Тогда понятно. — Кристо заулыбался. — Я тоже в этом году попытаюсь в Технологический на заочный поток поступить.

— Ну я вообще-то на очном учусь, — со вздохом сообщил студент. — Просто в зимнюю сессию взорвался движок, когда мы выполняли межорбитальный маневр. Я там получил полный букет: переломы, ожоги, контузию, немного нейтронов… Два месяца в госпитале валялся, отстал от курса, получил академический отпуск. Вот прилетел к родителям, они на космодроме работают. Устроился оператором портала, хотел немного подзаработать…

За пологой высотой, на которой расположились успевшие пообедать бойцы взвода, послышались выстрелы. Быстро прикончив сытные пайки, Корунд, Дерби и остальные отставшие поплелись в сторону передовой. Перестрелка разгоралась, где-то за рощей надрывались барабаны кураиков. Эдик едва успел подняться на гребень, когда из цветочно-травяного моря бросились в атаку воющие цепи вражеских бойцов.

Поймав в прицел фигурку курарика, махавшего на бегу топором, Эдик привычно нажал спуск. Сраженный очередью враг еще падал, а Корунд уже наводил винтовку на следующую мишень.

Через час подтянулись машины-землеройки, выкопавшие для роты прекрасные окопы, соединенные глубокими траншеями.

4

К утру, несмотря на все тонизаторы, личный состав валился с ног и засыпал прямо на огневой позиции. О новых атаках уже не думали — удержать бы рубеж. Поле перед окопами роты ополченцев было завалено трупами кураиков, запах свежей мертвечины, политой кислотной кровью, притягивал тьму пожирателей падали — лесных и летучих.

Необходимость убивать, усугубленная утомлением, деморализовала людей, непривычных к таким нагрузкам на психику. Солдаты стали угрюмыми, начались нервные срывы. Корунд бегал вдоль стрелковых ячеек, пытаясь ободрить своих бойцов, но уговоры держаться помогали слабо. Когда из зарослей вновь затрещали ружья аборигенов, в ответ стрелял разве что каждый третий.

«Атаковать, не ждать ударов врага», — вспомнил Эдик майорские наставления. Посадив пяток еще державшихся ребят в две машины, он обработал заросли огнем с воздуха. Град пуль и плазменные капсулы немного прочистили мозги аборигенам, которые привычно сделали ноги, истерично вереща что-то вроде; «Помогите, безносые буунитван-коо Ку-ути зи-ве-зии обижают маленьких».

После его рапорта обрадованные успехом штабные командиры велели немедленно прочесать рощу, выбить оставшихся под деревьями мятежников и занять позиции на берегу

Рио-Сигуенте. Замысел был разумным: в случае успеха ополченцы деблокировали бы деревню, над которой накануне пролетал трак Корунда и куда вечером из города перебросили подкрепление. Однако Эдик честно доложил Барсегову, что поднять подразделения уже не удастся.

Лишь после этого в штабе поняли серьезность обстановки и прислали смену — сотню очень злых и по-боевому настроенных горожан и фермеров. Свежие ополченцы быстро навели порядок в роще и ушли цепью на юг, к реке. Через час линия фронта отодвинулась на три километра, и штаб разрешил измотанной роте Брукса вернуться в Аквамарин на отдых.

Убедившись, что весь взвод погрузился, Корунд залез в уже полный салон аэробуса, сел на пол, закрыл глаза и проснулся уже в городе, когда на него наступил кто-то из выходящих. Прибывших встречал штабной лейтенант, до вчерашнего дня бывший инженером транспортной службы. Зачитав приказ губернатора о присвоении воинских званий (Эдуард Корунд стал полноправным сержантом), он объявил, что бойцы могут разойтись по домам, прихватив оружие, а в случае надобности всех оповестят. Подразделение стремительно рассосалось.

Добравшись домой, Эдик с трудом заставил себя постоять под душем, потом, не садясь за стол, свалился на кровать и мгновенно вырубился. Сразу начались кошмарные сны, но ничего конкретно не запомнилось.

Мать растолкала его около полудня. За окнами было не по-летнему темно, вдали грохотало. С недосыпа Эдик решил, что стреляют пушки, но была всего лишь гроза, да и та уходила на восток. В дверях топтался Кристо с непонятным выражением лица.

— Меня за тобой прислали, — сказал он.

— Что случилось? — Эдик сел, опустив ноги на теплый шершавый коврик. — Аборигены прорвались?

— Хуже. — Мама вздохнула. — Началась паника. Наши бегут на Каморру, люди с Люпары бегут к нам. Портал перегружен.

Кристо добавил:

— Штаб собирает все подразделения. Надо держать фронт и поддерживать порядок в городе.

— Угу… — Зевнув, Эдик стал одеваться, потом застыл в наполовину натянутой майке и вдруг спросил: — А почему паника?

По настороженным лицам остальных он понял, что проспал какие-то важные события. Причем случившееся касалось не их самих, иначе бы мама с Агнес были бы обеспокоены куда сильнее. Подтвердив его догадку, Кристо понимающе буркнул:

— Так ты видео не смотришь…

Подробных объяснений не последовало по причине появления нежданных гостей. Постучавшись в дверь и не дождавшись приглашения, вошли капитан-артиллерист и космонавт с погонами старшего лейтенанта. Лица у обоих были суровые и давно не бритые.

— Добрый день, — процедил капитан. — Здесь живет доктор биофизики Эмили Корунд?

— Это я, — сообщила мама. — А в чем дело?

— Есть приказ немедленно доставить вас в лабораторию. Машина ждет у входа. Вы должны срочно исследовать особо важный… — артиллерист замялся, подбирая подходящие слова, — важный объект исследования.

Никто ничего толком не понял, но мама быстро собралась и улетела с военными. Решив, что надо подкрепиться, а заодно разобраться в обстановке, Эдик попросил сестру настрогать бутерброды, а сам включил видеофон. По всем каналам крутили одну и ту же передачу.

Администрация губернатора предупреждала население планеты о недружественных действиях Высших. Сообщалось, что Кураре окружена боевыми кораблями сверхцивилизации, Высшие объявили блокаду системы, крейсер «Одиссей» и войсковой

транспорт «Буцефал-6» не смогли подойти к планете и были вынуждены отступить на периферию системы. В скором времени ожидалось приближение крупных сил, направленных к 10 Большой Медведицы с ближайших земных баз.

Информация про движение флота не прибавила спокойствия: ясно было, что земное оружие не слишком эффективно против кораблей Высшей Цивилизации. Не говоря уж о том, что даже на форсаже крейсерам от Солнца до Десятки почти сутки хода.

После официальных заявлений пустили запись переговоров губернатора с Высшими.

Явившийся в резиденцию Красно-Синий заявил:

— Вы были предупреждены, однако продолжали запрещенные работы. Поэтому люди должны покинуть планету, в противном случае будут выдворены силой.

— Мы не ведем запрещенных исследований, поселенцы лишь изучают аборигенов, — растерялся глава администрации.

— Не притворяйтесь идиотом, губернатор. Мы имеем в виду подземные научные центры на малонаселенных континентах обоих полушарий.

— Правительство планеты не контролирует эти объекты, мы всего лишь обеспечивали рабочую силу для строительства. Мы даже не знаем, чем там занимаются.

— Дискуссия неуместна, — отрезал Высший. — Позаботьтесь, чтобы все люди к утру по среднепланетному времени были вывезены на космодром Люпары. После этого все враждебные нам объекты будут разрушены.

Затем в эфир пошло обращение губернатора. Растерянный старик призвал население проявить благоразумие, не поддаваться панике и прекратить бессмысленные метания с континента на континент. Земля, сказал он, двинула боевые корабли, как только прервалась связь, и передовой отряд уже подходит к окраине системы. Всего должны подтянуться не меньше тридцати кораблей из Солнечной Системы и десятка два с Неогеи, Адвесты, Джуманджи под командованием вице-адмирала Вернера Прайста. Впрочем, печально признал губернатор, дюжина боевых роботов Высших находится в окрестностях Кураре уже несколько часов.

— Дюжина! — вскрикнула Агнес— С утра говорили о трех…

Подавившись бутербродом, Эдик проснулся окончательно, чувствуя, как у него похолодело внутри. Боевые машины сверхцивилизации были практически неуязвимы для оружия Большого Квартета. Окутанные вихрями защитных полей, они наносили неотразимые удары неизвестными, но чрезвычайно разрушительными средствами поражения. Против такого оружия был бессилен весь военный флот человечества. Даже сантиметровые шарики нейтридовой картечи, разогнанные до четверти световой скорости, почти полностью сгорали в силовой защите роботов-убийц.

На сборный пункт пришли почти все участники ночного боя, кроме них появилось немало новых лиц. Не было только кадровых военных с плазмострелами.

Назначенный комендантом города подполковник с «Кочевника» объявил, что рота должна сосредоточиться перед западной стеной городского портала — станции планетарного гипертранспорта. Генрих добавил шепотом, что в обычные дни порталом пользовалось не больше сотни пассажиров в час, но сейчас из всех ворот вываливались тысячные толпы перепуганных жителей Люпары и Каморры. Навстречу им рвались одуревшие от страха аквамаринцы.

— Ваша задача — оттеснить это стадо подальше от портала, — напутствовал ополченцев комендант. — Черт подери, для поддержания порядка мы вынуждены держать в городе половину личного состава, а ведь солдаты нужны на фронте!

Брукс, морщась, осведомился, почему полиция не применяет акустические пушки. Оказалось, что единственный в Аквамарине генератор инфразвука прекрасно поработал в утренние часы, но не выдержал нагрузок и теперь отправлен в ремонт. Выругавшись, ротный скомандовал построение и поставил во главе колонны сержанта Корунда, чтобы показывал дорогу. На марше капитан растолковал: дескать, толпу оттесняем прикладами, стрелять

только в воздух. Огонь на поражение открывать только в самом крайнем случае.

— Кристо, что с твоими? — спросил Эдик, заметив, что друг не в настроении. — Все живы?

— Живы, но деду камнем голову разбило. У матери сердечный приступ, отца ранили стрелой и топором. Все в госпитале, дом сгорел. Генрих, а как у тебя?

— Что моим сделается, они на космодроме были в ночную смену. Командир сразу включил силовое поле, так что без проблем…

Антонио, не дожидаясь расспросов, поведал, что живет на Кураре один, без семьи. Из трех подружек, с которыми он крутил любовь в последний месяц, две невредимы, а третья на звонки не отзывается.

— Вот таким должен быть настоящий мужчина, — хихикнул Кристо. — Есть у нас на антенне супермачо Рауль Гомес — все девки сами под него прыгают… Пацаны, а куда Петро делся?

— Сзади идет, — мрачно сообщил Антонио. — Вы не тормошите деда вопросами — всю его семью в первую ночь перебили. Старик сказал, что будет мстить, пока рука винтовку держит.

Снова сделалось тошно, вернулась ненависть к инопланетянам, организовавшим этот кошмар. Последние кварталы прошли в молчании.

Сквер напротив портала был затоплен многотысячной массой вопящих людей. Фланги толпы, редея, разбегались вдоль улиц. Обезумевшие беженцы орали что-то невразумительное, многие женщины и дети просто выли, а самые буйные зачем-то ломали скамейки и швыряли камни по окнам.

Два взвода ротный направил вдоль проспекта, а взводу Корунда досталась более узкая Вестерн-стрит. Увидев сдвоенную шеренгу вооруженных аквамаринцев, беженцы сдуру бросились врукопашную. «Как свои города защищать от курариков, так сбежали, трусы, — подумал Эдик. — А тут осмелели, на людей с кулаками лезут!»

Он с размаху, как учили на уроках военной подготовки, ударил прикладом шедшего на него мужчину. Удар неловко пришелся в плечо, и погромщик только отшатнулся, но устоял на ногах. Рядом заработали прикладами остальные, кого-то из пришлых все-таки отправили в нокаут. Остальные отбежали, сбиваясь в плотную кучу. Настроены они были воинственно — все похватали палки и камни, готовясь дать бой взводу ополченцев.

— На изготовку! Если какая сука бросит камень — пристрелю! — рявкнул Эдик и, когда взвод вскинул винтовки, добавил потише: — Цельсь над головами.

— В дом напротив попадем, — шепнул Кристо.

— Цельсь выше крыши!

Наведенные стволы смутили разбушевавшихся гостей города. К тому же на соседней улице затрещали выстрелы, — видимо, Брукс разгонял кого-то короткими очередями в воздух. Толпа напротив взвода Корунда заметалась, откатываясь к скверу и бросая орудия погрома. Взвод наседал, оттесняя буйных беженцев.

Потом вдруг заработала наконец-то отремонтированная звуковая пушка, и люпарцы быстро присмирели. Два офицера — армеец и полицейский — долго кричали в мегафоны, взывая к благоразумию. Постепенно удалось вдолбить в перепуганные мозги, что лучше соблюдать порядок. Причитая и жалуясь на судьбу, беженцы разбились на кучки и сели на траву в ожидании транспорта до космодрома. Команды студентов и старшеклассников стали разносить пайки и напитки, и толпа успокоилась окончательно.

— Нам тоже можно отдохнуть и перекусить, — с облегчением объявил по видеофону ротный. — Будем охранять портал.

Взвод Корунда растянулся вдоль стены, смотревшей на Вестерн-стрит. Напряжение постепенно падало. Беженцы вели себя примерно, по аллеям сквера ходили полицейские патрули, на лужайках появились палатки. Большие, в сотни голов, колонны иногородних то и дело уводили подальше от портала по Зеештрассе. Эдик предположил, что их разместят в

Приморском парке.

— А стрельбы не слышно, — сказал вдруг Петро. — Кажись, аборигенов уговорили.

— Линия фронта далеко, — лениво процедил Эдик. — Звуки не долетают.

— Утром взрывы плазмы доносились, — настаивал бывалый солдат.

Генрих произнес веско:

— Главный бой скоро в космосе начнется.

Все машинально потянулись к мобильникам. К сожалению, городской и общепланетный каналы не передавали новостей, а только указания администрации. Остальные частоты просто были выключены.

Капитан Брукс как раз обходил подразделения, и Корунд осведомился у командира, не знает ли тот, что делается за пределами города.

— Ничего утешительного. — Ротный матюгнулся. — Высшие долбили малонаселенные районы Каморры и Южную Омерту. Точечные удары пробили дыры чуть ли не в полкилометра поперечником. И в глубину не меньше. Наверное, там было что-то важное, чего даже ваш губернатор якобы не знает… Потом была атака на Люпару. Космодром вроде бы не тронули.

— А вы не получали инфу про то, что Земля собирается делать?

— Флот уже совсем близко.

— Слабоваты наши корабли против такого врага, — вырвалось у Генриха.

Остальные тут же зашикали на парня: мол, много ты, малолетка, понимаешь. Обидевшись, рядовой Дерби сообщил, что непосредственно связан с кораблями, а потому получше некоторых знает, насколько крейсера Большого Квартета уступают боевым роботам. Парень из второго взвода принялся брюзжать: дескать, ты, мальчишка, не можешь знать, что такое настоящий военный корабль, а вот он, старшина-сверхсрочник…

— Отставить! — Брукс усмехнулся. — Слушайте приказ. Обстановка в центре города нормализована, беженцев разогнали и усмирили, за что нам благодарность от городского штаба. Рота Уильямса уходит на фронт, а нас раскидывают по объектам. Взвод сержанта Корунда перемешается в Нагорный район. Будете патрулировать лесопарковую зону, чтобы курарики не просочились.

Уже в аэробусе, который подбросил взвод на новое место дислокации, Эдик сообразил: именно в Нагорном районе сейчас должна быть вся его родня. Сестра — на городском узле связи и мама — в своей лаборатории.

Сразу после высадки он позвонил обеим по мобиле. Мама была занята: по ее словам, препарирование объекта завершено, рентген-сканирование тоже, получены непонятные результаты, и теперь они разгоняют атомный анализатор, поэтому времени на разговоры нет ни капли. Разговор с Агнес озадачил как бы не сильнее туманных объяснений родительницы.

Расставив посты и назначив маршруты патрулям, Эдик лично возглавил группу для осмотра и прочесывания особо важных объектов. В особый патруль были зачислены, разумеется, Генрих и Кристо.

Городской узел связи поддерживал прием и передачу электромагнитных и гравитационных волн через сеть спутников, обслуживая город Аквамарин, космодром и весь восточный выступ континента Северная Омерта. Межпланетные и межзвездные сигналы городская антенна посылать не могла — только принимала. Именно сюда стекались новости со всей планеты, включая те, которым не суждено было стать общим достоянием.

— Я не понял, — честно признался Генрих. — Откуда она знает?

Сбитый с толку Кристо сказал неуверенно:

— Откуда — это понятно. Капитаны радировали в штаб-квартиру судоходной компании. Но сам факт… Генрих, разве технически это возможно?

— Никогда о таком не слышал. Эдди, ты не перепутал?

— За что купил, за то и продаю. Все корабли, которые находились в море, внезапно оказались в акватории ближайшего порта. Я так думаю, Высшие их телепортировали, чтобы

экипажи успели эвакуироваться.

Генрих махнул рукой и сказал, что в таком случае Высшие могут намного больше, чем считалось до сих пор. Остаток пути до аппаратного корпуса они прошли, не проронив ни слова.

Охрану объекта несли пятеро ополченцев, которых прислали из города позавчера и забыли сменить. Переговорив со штабом, Эдик зачислил их в свой взвод и отправил отдыхать в лагерь. Уходя, старший забытого караула предупредил: мол, антенну сторожит наряд полиции, так что задача ополчения — караулить агрегаты и студии.

— Именно главная студия нам и нужна, — хохотнул Эдик, когда друзья остались одни. — Сейчас узнаем все новости.

— Если твоя сестренка на месте, — уточнил Генрих, улыбаясь.

Через минуту веселая улыбка сползла с его лица, сменившись кислой гримасой — именно потому, что сестренка была на месте. Агнес сидела на коленях рослого плечистого парня. Они яростно целовались, парень расстегивал ее сорочку, и Агнес делала вид, будто сопротивляется, но при этом сорвала майку с темпераментного мачо. Увлеченные друг другом, они даже не заметили, как в зале появились посторонние.

Внезапно Агнес увидела брата с друзьями, что-то шепнула полуголому парню, но тот засмеялся в ответ:

— Ну не выдумывай. Ты же обещала не капризничать. Вырвавшись из его объятий, Агнес спрыгнула с парня, торопливо застегиваясь.

— Кажется, мы не вовремя, — сообразил Эдик. — Зайдем попозже.

— Стойте уж, если пришли, — сказала сестра, влезая в босоножки. — Знакомься, братишка. Это мой самый лучший друг Рауль Гомес. Инженер передающего комплекса.

Обменявшись рукопожатиями с Эдиком и остальными, знаменитый покоритель женщин поспешно сбежал — якобы вспомнил об очень важных делах. Укоризненно поглядев на брата, Агнес осведомилась: чего, мол, сюда приперлась целая рота разбитой армии.

— И вовсе мы не разбиты, — неожиданно возмутился Генрих. — Болотные крысы надолго нас запомнят.

Эдик замахал руками, торопясь урезонить боевого товарища:

— Не кипятись, она шутит… Агни, что в космосе творится?

— Хороший вопрос— Одернув юбку, сестра села к пульту. — Полчаса назад флот был уже в системе, и адмирал потребовал, чтобы Высшие убирались… Тут корабль дзорхов, он ведет передачу для своих, ну а мы перехватываем…

Загорелась голограмма космического пейзажа. Черное пространство, много звезд, два ярких шарика — Десятка и Малышка, а также бело-синий диск Кураре. По этому фону медленно двигались разноцветные стрелочки: компьютер дзорхов отмечал перемещения боевых машин.

— Мы вовремя включились, — прокомментировал Генрих. — Прайст пошел в атаку.

Удивленно посмотрев на него, Агнес осведомилась насмешливо:

— С чего ты взял?

— Посмотри, как направлены вектора кораблей, — не без рисовки пояснил Генрих. — Флот пришел в движение, причем главный удар нацелен на вон ту пару роботов.

Во взгляде Агнес читалось нескрываемое сомнение. Однако через полминуты информационная система выдала перевод репортажа, который вел какой-то дзорх. Действительно, сражение разгоралось.

Как пояснял дзорх, полсотни земных крейсеров ринулись на Кураре тремя колоннами. Против атакующего флота людей выдвинулись восемь из четырнадцати звездолетов-убийц Высших — громадные, почти неуязвимые машины, заряженные неведомыми средствами суперуничтожения. Некоторые ученые считали, что подобные конструкции были не кораблями в полном смысле этого слова, но боевыми роботами без запрограммированного инстинкта самосохранения.

Как и следовало ожидать, оружие людей оказалось бессильным. Торпеды не пробивали защитное поле, лучевые импульсы и нейтридовая картечь лишь царапали обшивку роботов сверхцивилизации. Те в свою очередь очень эффективно стреляли разогнанными почти до световой скорости черными дырами, изредка выпускали гравитационные торнадо. Людям еще повезло, что на этот раз Высшие не применили Волну Смерти, а также легендарный распылитель материи, которым вправляли мозги флоту виин-черси около двухсот лет назад.

Несколькими экономными ударами роботы буквально разметали соединение Прайста. Пять или шесть земных крейсеров просто исчезли, тогда как Высшие потеряли всего один корабль-робот, да и тот был только поврежден, а не уничтожен.

— Высшие применили новое оружие, — заметила Агнес— Раньше они не стреляли через верхние измерения.

Генрих кивнул и произнес уныло:

— Наши тоже применили новое оружие. Менее удачно, чем противник.

Между тем крейсера, перестроившись, повторили атаку — с прежним неуспехом. Третьей атаки не было. Признав поражение, командующий дал приказ отступать, чтобы спасти флот от полного разгрома.

Менее сорока крейсеров уходили к окраине системы сверхсветовым ходом. Пятерка роботов преследовала их, лениво постреливая вдогонку гравитационными торнадо. За время отступления люди потеряли еще семь кораблей. Полного уничтожения, однако, не состоялось. Между орбитами пары планет-гигантов Высшие неожиданно прекратили преследование, и роботы вернулись к Кураре.

Сражение протекало на низких — до 0,15 световой — скоростях сближения и заняло чуть меньше часа. Флот понес ощутимые потери, но в общем уцелел. Зато надежды живших на Кураре людей были разбиты вдребезги.

Заглушая остальные передачи, Высшие ворвались в эфир на всех частотах, диктуя условия. Колонисты получали двое суток для эвакуации, причем все транспортные компании Большого Квартета уже оповещены, пассажирским и грузовым кораблям всех стран разрешен доступ в систему для вывоза людей. Первые десятки звездолетов прибудут в течение нескольких часов. Властям планеты предписывалось собрать все население возле космодромов Северной Омерты и Люпары. Любой корабль, который попытается сесть в других точках, будет уничтожен. Если военные корабли любой державы Большого Квартета попытаются пересечь условную границу системы, Высшие применят более мощные средства поражения. Если земляне будут выполнять условия эвакуации, Высшие в течение двух следующих суток не станут расстреливать людей на планете и в ее окрестностях.

— Зря наши полезли в драку, — кусая губы, высказалась Агнес— За час до атаки Земля разрешила губернатору начать эвакуацию в случае невозможности сопротивляться.

— Военные не могли не попробовать, — заявил, бешено сдвинув брови, Генрих. — Они так воспитаны. Не могут уйти без боя.

Поглядев на парня с некоторым намеком на интерес, Агнес осведомилась:

— В офицерской академии учишься или сын военного? Картинку с экрана просто шикарно прочитал…

Польщенный ее вниманием Генрих охотно поведал:

— Дядя у меня подполковник, командир батальона бронепехоты. Сам я курсант Космолетной Академии.

— Я тоже там учусь, — радостно воскликнула Агнес— На втором курсе кораблестроительного.

— Очень приятно. Генрих. Третий курс, астронавигация.

— А я — Агнес, старшая сестра этого охламона. Покашляв, Эдик прервал их восторги и строгим голосом осведомился:

— Агни, где Мишка?

— У соседей, — беззаботно сообщила сестра. — Через час моя смена кончается, заберу малого. Или мама вернется.

В этот момент начали передавать обращение губернатора, который объявил, что правительство на Земле приняло условия Высших и Кураре будет эвакуирована. По его словам, Высшие разрешили земным транспортам войти в систему для эвакуации, к Десятке приближаются корабли других Старших рас. Губернатор добавил, что правительство намерено выплатить компенсации за утерянное имущество. Он попросил граждан соблюдать спокойствие и заверил, что действующие штабы самообороны обеспечат четкую эвакуацию по графику.

Слушать инструкции — как организовать сборные пункты и что брать с собой в дорогу — они не стали, и Эдик позвонил матери. Остальные увидели, как он изменился в лице. Через минуту вся компания, включая Агнес, бежала по парковой аллее.

Казалось бы, события последних дней и часов должны были надолго отбить чувствительность. После кровавой мясорубки даже разгром земного флота и приказ об эвакуации не слишком потрясли младшего Корунда. Но известие, что ранена мать, заставило парня разволноваться по-настоящему.

Бежать было недалеко, лаборатория находилась сразу за безлюдным парком технологического колледжа. По дороге он рассказал спутникам, что взорвалась установка, кого-то убило, а мама была в другой комнате и только ранена.

— Что за установка, если ее взрыв пробил стену? — удивился Кристо. — Ты же говорил, она работает на анализаторе атомов.

Некогда было думать о такой ерунде — они уже видели горящий лабораторный корпус, вокруг которого метались человеческие фигурки в разноцветной униформе. Чуть в стороне лежали на траве накрытые тела. Огонь лениво шевелился, выплескиваясь из торцевых окон верхних этажей — именно там располагалась лаборатория Эмили Корунд — и превращаясь в лохмотья дыма. Эдику показалось, что в черных клубах над крышей мелькнул красноватый вихрь Высшего.

Очень бледная мама сидела в тени под деревом, привалившись к стволу. Перебинтованная левая рука висела на перевязи, майка на левом боку была порвана и покрыта кровавыми пятнами, из-под майки виднелась повязка. Увидев детей, Эмили сказала тихим подрагивающим голосом:

— Не беспокойтесь. Раны неглубокие. Серьезных повреждений нет.

Агнес опустилась на колени, обняла мать и, всхлипывая, крикнула:

— Тебе к врачу надо! В больницу!

Стоявший рядом мамин заместитель доцент Джодерис успокоил плачущую девушку:

— Агни, мы сами не хуже городских врачей. И препараты у нас посильнее. Осколки вытащили, раны смазали чем надо — завтра даже шрамов не останется.

— Что все-таки взорвалось? — продолжая нервничать, осведомился Эдик.

— То, что не могло взорваться в принципе. — Эмили усмехнулась и поморщилась от боли. — Троих, кто находился возле установки, убило на месте, а мы как раз вышли в соседнюю комнату, и нас только посекло осколками стеклянной стены.

— Там же бронестекло было в полсантиметра толщиной, — недоверчиво проговорил Эдик. — Какая часть анализатора могла взорваться с такой силой? Неужели ускоритель?

— Ускоритель? — Мама фыркнула и осторожно встала. — Ускоритель сдетонировал через пару секунд, а сначала взорвался фальшивый труп инопланетянина… Впрочем, это военная тайна, я не имею права никому рассказывать.

— Нам можно, это мы с ребятами нашли поджаренного лабба. — Эдик настороженно продолжил: — Но почему ты назвала его фальшивым?

— Это не лабба, — объяснила мама. — Биоробот. Очень точная копия, но есть признаки, по которым можно отличить настоящее существо от выращенной в пробирке взрослой особи с дополнительными приспособлениями, о которых не побеспокоилась природа. Никто в Большом Квартете не способен изготовить столь совершенный образец. Это — работа Высших.

— Но зачем? — Эдик не мог понять, о чем идет речь. — Высшие послали биороботов-

лабба к курарикам, чтобы мы думали…

— Мы должны были подумать, что восстание организовали не Высшие, подозрение падало бы на ни в чем не повинных лабба, — подхватил Генрих. — Профессор, у вас остались материалы? Надо разоблачить мерзавцев.

Эмили Корунд подтвердила, что материалы исследований спасены и находятся у нее в кармане. Вскрикнув, Агнес зашептала:

— Высшие взорвали лабораторию, чтобы мама не смогла раскрыть их тайну. Если станет известно, что информация сохранилась… Чтобы сохранить секретность, они захотят убить всех нас! Значит, надо немедленно пустить инфу в эфир. Если про фальшивого лабба узнает вся планета, узнают на кораблях — наше устранение потеряет смысл.

Выхватив мобильник, она позвонила Раулю Гомесу и потребовала пустить через антенну сверхважное сообщение на резервной частоте. Видимо, парень стал возражать, но Агнес повторила: мол, очень важно, чтобы сигнал ушел в эфир немедленно. На этом Гомес капитулировал и сказал, чтобы начинали через минуту.

— Сестра у тебя — просто супер, — сообщил взводному восхищенный Генрих.

Передачу монтировали на ходу, посылая сигналы с трех видеофонов. Первым делом пустили кадры обнаружения трупа псевдолабба с ракетной установкой. Затем Эмили передала запись лабораторного кристалла и прочитала короткую лекцию с пояснениями. Она произносила сложные для понимания фразы, полные специальных терминов о рационально перестроенных генных структурах, о существенных изменениях устройства внутренних органов. По мнению доктора Корунд, созданный Высшими биоробот, неотличимый внешне от настоящего лабба, был значительно совершеннее, более живу! и сильнее физически, но не имел полноценного мозга и личности.

Мать сделала паузу, но продолжить доклад не смогла. Прямо на глазах у горстки людей огромная, в двести метров высотой, антенна-ретранслятор рассыпалась на множество кусков, которые обрушились на аппаратный корпус. Спустя три секунды, заглушив отчаянный вопль Агнес, долетел грохот.

Даже прибывшая из города бригада спасателей со строительными машинами не смогла разгрести гору обломков. Под вечер приборы показали, что под завалами нет живых, работы прекратились, и мать увезла домой рыдающую Агнес.

— Нашей семье везет, — пробормотал Эдик во время развода караулов. — Смерть упорно нас игнорирует.

— Радоваться надо, — неправдоподобно бодрым голосом заметил Кристо, — Твои мамаша и сестренка просто чудом спаслись.

— Даже в тылу, где не стреляют, и то ходим рядом со смертью, — Голос Эдика задрожал, — Пацаны, кажется, я сломался. Больше не могу.

— Я давно не могу, — вздохнув, признался Генрих. — А что делать? В старину солдаты по двадцать лет воевали…

Обход периметра закончился уже в сумерках позднего летнего вечера. Происшествий не было, курарики боялись приблизиться к городу. Летавшие на разведку Антонио и Петро расстреляли в десятке километров от Аквамарина небольшую шайку, бежавшую к лесам на востоке.

Вернувшись в лагерь, Эдик без аппетита съел очередную гигантскую порцию ресторанной дармовщины и попросил у командира роты разрешения отдохнуть.

— Не больше пяти часов, и оставь за себя кого-нибудь из сержантов, — сказал Брукс— Утром вернетесь в город — регулировать эвакуацию.

Полусонный Корунд с трудом забрался в спальный мешок. Сон немного взбодрил, но поганое состояние в душе никуда не делось. Зарядил нечастый дождь, и взвод в промокшей одежде прочесывал дома, проверяя, все ли жители района уехали на сборный пункт.

В ополченцах видели частицу армии, а потому немногие задержавшиеся укоряли бойцов за поражение флота и последующее бегство с планеты. Пришлось выслушать немало

причитаний: дескать, бросаем все, что нажито за многие годы, и теперь придется начинать жизнь с чистого листа. От таких разговоров болело сердце, многие бойцы рвались к семьям, но непонятным образом продолжали держаться в строю.

Когда последний аэробус увез на космодром последних жителей Нагорного района, взводу Корунда разрешили вернуться в центр Аквамарина. Здесь их встретил укутанный заживляющими пакетами майор Гродзинский, объявивший, что желающие могут сдать оружие и присоединиться к эвакуируемым. Он закончил обращение словами:

— Мужики, мне нужны добровольцы для последнего боя. В джунглях Южной Омерты блокированы научные поселки. Надо смотаться туда, пока работают порталы, и спасти людей. Кто готов рискнуть в последний раз?

Первым шагнул вперед Петро, попросивший дать ему плазмострел и какую-нибудь одежду взамен отсыревшей. Эдик стал рядом с ветераном, сказав: мол, насчет переодевания старик хорошо придумал. Антонио, Генрих и Кристо после секундных колебаний тоже вызвались повоевать. Много было и тех, кто отводил глаза, оставляя на тротуаре винтовки и подсумки, — таких не осуждали даже мысленно. Всего вызвались в этот рейд два десятка ополченцев капитана Брукса, кроме них подошел взвод космонавтов и кадровых военных.

— Одежду возьмите в магазине напротив, — приказал майор. — Один хрен бросать придется. В машинах найдете легкую броню и гранаты.

В панцирях поверх спортивных костюмов и в шлемах с прозрачными забралами они почувствовали себя настоящими солдатами Земли. Даже настроение стало чуть получше.

Сержант Корунд снова командовал своим отделением, с которым позавчера штурмовал речную деревню. На пятерых им достался шестнадцатиместный микроаэробус. Предполагалось, что на обратном пути свободные места займут спасенные с Южной Омерты. Машина малым входом вошла в портал Аквамарина, за ними захлопнулись ворота, потом открылись створки спереди— и они оказались на другом континенте.

Портал телепортации располагался в центре поселка Пионерский на берегу живописной, окантованной скалами бухты. Остальные поселения — фермы, охотничьи хозяйства, научные базы — были разбросаны в радиусе пятисот километров. Отделению Корунда достался научный центр «Лесная Берлога» — в получасе полета на рейсовой скорости.

На пятой минуте они увидели внизу бой — люди держали оборону на высоком берегу реки, а курарики волна за волной пытались переправиться, бездумно бросаясь под огонь и пули. Вниз по реке плыли десятки трупов аборигенов. Потом аэробус пролетел над горящей деревней кураликов, рядом с которой дымилась разрушенная ферма земных колонистов.

— Наши отомстили за своих, — мстительно прокомментировал водитель аэробуса Хью.

Старику было под семьдесят. В молодости Хью, по его словам, служил в Корпусе Освоения, вдоволь навоевавшись с варварами-негуманоидами на разных мирах. Ветеран поведал молодежи, что лучшие впечатления остались у него от планеты Теоле, где жили пещерные дикари — точная копия людей, причем дикарки охотно занимались любовью с землянами. Командование не возражало — только надо было предохраняться, потому как на хрена проблемы с детьми от таких развлечений…

Рассказ водилы прервался на смачном эротическом эпизоде, потому что левее трассы полета показалась исходящая клубами зеленого дыма воронка в полкилометра поперечником. Если верить карте, здесь была только метеорологическая станция № 16, но не зря же Высшие ударили по джунглям чем-то слишком разрушительным.

— Похоже на обстрел антивеществом, — сообщил Антонио. — Нам в армии показывали учебный фильм. Только там дырка была поменьше.

— Высшие стреляли? — запинаясь спросил Кристо, с благоговейным ужасом разглядывая громадную дыру посреди джунглей. — Но зачем?

Эдик неуверенно предположил:

— Наверное, метеостанция была одной из тех секретных лабораторий, которые не понравились Высшим.

Дальше они летели молча, только Хью тихонько жаловался: мол, не взяли его в ополчение из-за возраста, хоть он всей нынешней молодежи двести очков форы даст. Невольно улыбаясь стариковскому ворчанию, Корунд развернул записанную на мобильник голографическую карту.

Научный центр «Лесная Берлога» состоял из коттеджного поселка на несколько сотен человек и пятиэтажных лабораторных строений «М», «Б» и «Ф». Здания выстроились на берегу тихой речушки — по всей территории была безжалостно выкорчевана местная флора и рассажены земные деревья. Кроме того, на огороженном столбами и проволокой пространстве имелись спортивные площадки, энергостанция, водоочистительный комплекс и другие вспомогательные сооружения.

Согласно наблюдениям со спутников аборигены прорвали ограждение в нескольких местах примерно три часа назад, и спустя час весь поселок был охвачен огнем. Полчаса назад были видны признаки перестрелки возле лабораторного корпуса «Б» (биохимия). Всего вокруг поселка насчитывалось до трехсот аборигенов, огнестрельное оружие имели не больше сотни.

Размышляя вслух, сержант Корунд проговорил:

— Если кто-то убежал в лес — их наверняка выследили и убили. В поселке тоже не стоит искать живых… Все, кого можно спасти, прячутся в больших бетонных домах.

Петро поведал без энтузиазма:

— Когда я служил на Сойдерне, среди негуманоидов случилась гражданская война, и мы поддержали принца Дарб… в общем, не помню, как его звали. Короче, у туземцев были примитивные ружья на дымном порохе, их пуля с двадцати шагов пробивала бронежилет, а с пятидесяти сворачивала шею, хотя шлем оставался целым. И вот, значит, однажды нам пришлось штурмовать королевский дворец — трехэтажный каменный дом. Эти твари засели наверху и палили из своих мушкетов, пока мы поднимались по лестницам… Много ребят потеряли тогда.

— Ты это к чему? — насторожился Генрих. — Хочешь сказать, это трудное дело?

— Хуже трудного. Они будут истреблять нас, как в тире.

— Верно говоришь, солдат, — вмешался Хью. — Кто выше — у того преимущество.

Услышанное не слишком противоречило тому, что Эдик знал из многочисленных книг и фильмов про войны древности. Поразмыслив, он решил действовать в два этапа: сначала расстрелять всех кураиков, которые окажутся на открытой местности, а потом высаживать десанты на крыши больших зданий. Капитан Брукс одобрил его замысел.

Аэробус медленно летел в двадцати метрах над крышами больших зданий, и отделение хлестало по улицам длинными очередями. Курарики, как обычно, повыбегали из укрытия и попытались отстреливаться. Изредка вражеские пули попадали в машину, никого не зацепив и не причинив серьезных повреждений. Плотный огонь «Свингов» и плазмострела быстро научил аборигенов уважать и бояться Старшую расу, после чего немногие выжившие бросились врассыпную — кто в лес, кто в реку, кто в здания.

Когда на улицах остались только трупы, сержант Корунд приказал водителю провести машину вдоль реки, а затем над лесом, окружавшим поселок. Спрятавшиеся в воде и под кронами деревьев курарики были хорошо видны в термоприцелы, и потери противника быстро выросли. В эти минуты, несмотря на горячку боя, Эдик успел заметить: кто-то стрелял по курарикам с верхнего этажа биологической лаборатории.

— Садимся на то здание, — распорядился он. Высадившимся на крыше ополченцам махала рука из чердачного окна. Рука была явно человеческая и принадлежала парню лет тридцати. В другой руке тот держал двустволку-бокфлинт. Аквамаринцев встретил восторженный вой, который стал заметно тише, когда выяснилось, что прилетели только шесть человек. Наверное, ученые рассчитывали, что за ними пришлют аэробронемобильную

дивизию с ядерным оружием.

Прилетевшим рассказали, что здесь еще позавчера появился Высший, велевший свернуть исследования и убираться с планеты. Тогда же в «Лесной Берлоге» узнали про мятеж курариков. В реальность угрозы никто не поверил, потому что в радиусе ста тридцати километров не было туземных поселений. К тому же транспорта для эвакуации не присылали, поэтому лишь немногие улетели на легковых аэромобилях. На всякий случай директор центра вернул из леса в поселок всех охотников и приказал раздать персоналу оружие — два десятка охотничьих ружей. Вчера в отдалении слышались мощные взрывы, — видимо, боевые роботы сверхцивилизации начали разрушать секретные объекты. А на рассвете сотни курариков ворвались в поселок. Корпуса физики и метанауки были захвачены быстро, все выжившие — около двухсот людей — находились сейчас на двух верхних этажах строения «Б». Курарики неоднократно пытались прорваться по лестницам, но атаки удалось отбить.

— Это ж сколько рейсов понадобится, чтобы вывезти всех, — растерянно пробормотал Эдик, вертя в руках видеофон. — Значит, говорите, больше людей в поселке не осталось…

— Живых не должно быть, — грустно сказал парень, встречавший их на крыше. — Физиков они захватили сразу, последних добивали у нас на глазах — на антенной площадке. В метанауке — в смысле в корпусе «М» — уже с час не слышно стрельбы.

Набрав номер, Эдик доложил обстановку Гродзинскому, и тот пообещал прислать несколько больших аэробусов. Переговорив с командиром части, сержант почувствовал себя увереннее и приказал тоном бывалого вояки:

— В нашей машине отправим раненых, женщин и детей — сколько поместится. А мы пока зачистим здание.

Здесь, в Южной Омерте, курарики сражались еще хуже, чем в окрестностях Аквамарина. Когда вниз полетели гранаты, после которых бросились в атаку разъяренные земляне, аборигены почти не оказывали сопротивления. Буквально за несколько минут отделение Корунда и вооруженные сотрудники научного центра захватили третий этаж, обнаружив дюжину изуродованных человеческих тел. Ужасающее зрелище привело людей в бешенство, и все готовы были продолжать бой, но штаб приказал немного повременить.

Вскоре на крышу строения «Б» сели две большие, на полсотни пассажиров каждая, машины, из которых вышли капитан Брукс, полтора десятка ополченцев и полицейских и три армейских офицера с плазмострелами. Корунду велели отдыхать, и нижние этажи были освобождены вновь прибывшими. Не обошлось без потерь: двое сотрудников полиции погибли, почти все участники боя получили ранения разной тяжести.

Набитые курариками спорткомплекс и корпус «Ф» сожгли залпами плазменных капсул. Собирались уничтожить и корпус «М», но, к счастью, не успели: Бруксу позвонил Гродзинский. После короткого разговора капитан ошарашено сообщил:

— Кто-то из этих… метанаучных вышел на связь. Несколько человек забаррикадировались в лаборатории на четвертом этаже.

Аэробусы уже набирали высоту, увозя половину обитателей верхних этажей, поэтому Эдик предложил:

— Дождемся, когда снова прилетят машины, и высадим десант на крышу.

— Это не меньше часа промедления, — возразил капитан. — Люди могут нас не дождаться. Да и пробиваться с чердака через пятый этаж — половину бойцов положим…

Развернув трехмерную карту, Брукс осмотрел здания, разделенные примерно тремя сотнями метров, молча показал пальцем на пожарные лестницы, ползущие по стенам корпуса «М», и объявил решение.

На окна лабораторного комплекса, где занимались таинственной метанаукой, обрушился свирепый огонь двадцати автоматических винтовок. Стоя в глубине комнаты, где его не смогли бы различить слабенькие глазенки земноводных, Эдик навел термовизор прицела на окна четвертого этажа, увидел голубую фигурку и нажал спуск. Фигурка исчезла.

Удовлетворенно мурлыкнув, он осмотрел помещение в соседнем окне и застрелил еще двоих аборигенов.

Когда все окна здания были обработаны, и курарики перестали попадаться в окулярах, Брукс отдал приказ:

— Гражданские с дробовиками стреляют по всему, что движется на нижних трех этажах. Отделение Корунда готовится к атаке, полиция работает по четвертому этажу, армейцы — по пятому. Стрелять только наверняка — если уверены, что взяли на прицел аборигена.

Цели были разобраны, выстрелы теперь звучали реже. В разгар подготовки прибыл очередной аэробус, который увез почти всех гражданских и раненых.

— Все вместе улетим следующим рейсом, — объявил капитан. — Штурмовая группа — вперед.

Сбежав по разбитой гранатами лестнице в разгромленный вестибюль, Эдик осторожно выглянул из проема главного входа. Кураиков видно не было. Пригибаясь, он бросился к строению «М», за ним устремились Генрих и Кристо.

Проскочить незамеченными не удалось: мимо них, прилетая откуда-то справа, засвистели стрелы. Одна из них больно ударила в панцирь Эдика. Три ополченца дружно упали, отползли в кусты и завертели головами, пытаясь отыскать позицию, где засел противник. Они успели увидеть только огненную трассу плазменной капсулы, которая ударила в вышку теннисного корта. Вышка испарилась, и больше по ним никто не стрелял.

— Вперед! — шепнул Эдик.

Последнюю стометровку они преодолели без осложнений. Эдик первым полез по шершавым пластиковым скобам. Видеофон лежал в нагрудном кармане, включенный в режиме звуковой связи.

— Ты на уровне третьего, — торопливо комментировал Брукс— В окнах движения нет… Не волнуйся, продолжай подъем… На четвертом этаже движения не видно.

Кажется, замысел капитана удался: интенсивный обстрел истребил всех аборигенов с этой стороны здания, и уцелевшие курарики покинули помещения, обращенные окнами к строению «Б». Теперь все они находятся в коридоре либо грабят комнаты другой стороны.

Лестница проходила рядом с балконом, через разбитую дверь которого была видна комната и трупы кураиков на полу. Не заметив признаков жизни, Корунд перелез на балкон и шагнул в комнату. Видеофоны и прочее оборудование было сброшено со столов и вдребезги разбито, среди осколков стекла и пластика валялись два изрешеченных пулями аборигена. Из-за неплотно прикрытой двери доносилось возбужденное чириканье туземцев. Слова были незнакомые — здешние курарики разговаривали на языке, совершенно непохожем на речь аборигенов Северной Омерты. Эдик осторожно прижал дверь, замок бесшумно защелкнулся, шум стал намного тише.

Внимание Корунда привлекла большая плоская фотография в рамке, висевшая высоко на стене — малорослые курарики до нее просто не дотянулись. Снимок запечатлел мужчину лет пятидесяти и очень красивую молоденькую девушку в короткой юбочке, открывавшей потрясающие ножки.

— Хороша, — вполголоса прокомментировал Кристо, помогая Генриху забраться на балкон. — Что дальше, сержант?

— Применим солдатскую смекалку, — усмехнулся Корунд.

Из мешанины деталей на полу он выбрал гибкую оптоволоконную трубку и после нескольких неловких попыток просунул в замочную скважину. Вращая световод, Эдик рассмотрел обстановку снаружи, после чего объявил:

— Они толпятся в обоих концах здания. Одна группа метрах в двадцати справа. Другая — слева, чуть подальше. По-моему, пытаются выломать двери.

— Наверное, за теми дверками наши прячутся, — предположил Генрих.

— Похоже на то. Я выбегаю первым и кладу тех, которые справа, потом иду к той двери. Вы выходите за мной, палите влево, идете туда же и освобождаете людей, если они

там будут. Понятно?

— А почему ты первый? — возмутился Кристо. Генрих легонько дал ему по шее, добавив:

— Не спорь. Грамотное решение.

Взявшись за ручку дверцы, Корунд тихонько сказал:

— Они будут выбегать из комнат, с лестниц. Кладите всех, прикрывайте мне спину… Ну раз, два, три — пошли!

Резко толкнув дверь, он шагнул из комнаты, прикрытый пластиковой створкой от аборигенов, которые ломились куда-то в ближнем конце коридора. Прямо перед собой Эдик увидел четверых курариков, темпераментно потрясавших топориками. Уложив их одной длинной очередью, Корунд сделал следующий шаг, освобождая путь для выходивших следом друзей, и увидел толпу примерно в два десятка голов. Топоры и каменные молотки курариков лупили в дверь, которая уже начинала поддаваться. Стоял грохот, из-за которого туземцы не услышали выстрелов, а спустя две секунды стало поздно.

Держа винтовку на уровне пояса, Корунд нажал спуск, медленно двигая стволом слева направо. Пунктирная струя раскаленного металла перечеркнула коридор, резко сократив численность вражеской банды. Почти одновременно за спиной затрещали еще два «Свинга-3» — непрерывно стреляя, Кристо и Генрих удалялись от Эдика, двигаясь ко второй комнате, в которую пытались прорваться курарики.

Аборигены перед Эдиком, побросав холодное оружие, бросились к расставленным вдоль стен винтовкам и лукам. Продолжая наступать, он повел стволом в обратном направлении.

Теперь все противники лежали на полу в лужах густой желтой жидкости. Некоторые курарики были только ранены и что-то выли по-своему, закрывая лысые головы перепонками ладоней. Настоящий киногерой, правильно воспитанный земной школой XXIV века, должен был проявить высокое благородство, произнести что-нибудь возвышенно-высокоморальное и отпустить врагов с миром. Увы, ускоренные курсы перевоспитания научили Корунда, что великодушие будет вознаграждено не благодарностью, а градом отравленных шипов в спину. Поэтому душевно почерствевший за последние дни семнадцатилетний сержант хладнокровно и методично добил всех, кто подавал признаки жизнедеятельности.

Лишь после выполнения этих мер предосторожности он обернулся, чтобы посмотреть, как дела у ребят. Генрих и Кристо благополучно расправились со всеми врагами в коридоре и теперь осторожно продвигались, попутно зачищая гранатами и выстрелами комнаты по правую сторону.

— Не оставляйте живых за спиной, — предупредил Эдик.

— Без тебя догадались, ученые, — огрызнулся Кристо. — Занимайся своим участком.

Пацаны знали, как себя вести, поэтому Корунд со спокойной душой направился к двери, куда еще минуту назад ломились курарики. От цели его отделяли полтора десятка метров и три комнаты, в каждой из которых могли скрываться враги. Он пнул первую дверь, внутри раздались писклявые вопли, и Эдик метнул в помещение гранату. После взрыва крики оборвались.

Интересующая его дверь оказалась последней на этой стороне коридора. Пластик был покрыт вмятинами, замок разбит выстрелами, но вломиться курарикам не удалось. Похоже, с той стороны капитально забаррикадировались — на счастье людей, двери в строении «М» распахивались внутрь. Постучав прикладом, Эдик крикнул:

— Есть кто живой?

Откликнулись два голоса — мужской и женский. Женщина радостно ответила: мол, наконец-то помощь подоспела, но мужчина нервно поинтересовался:

— Кто вы? Зачем пришли?

— Ополченцы из Аквамарина, — терпеливо проговорил Эдик. — Хотим вытащить вас,

если не возражаете. Уберите мебель, которой вы задвинули вход.

— Откуда вы знаете про шкафы? — подозрительно спросил мужчина. — Гелла, это ловушка, не смейте открывать!

— Рафаэль, заткнитесь, слизняк несчастный… трусливое ничтожество!

Окрик воинственной дамы оказал эффект — изнутри послышался шум движения тяжелых предметов. Пока там разбирали завалы, Корунд объяснил, что ближайшая остановка аэробуса находится на крыше соседнего здания.

Его рассказ прервала вспышка пальбы на другом конце коридора. Обернувшись, Эдик увидел, как друзья расстреливают аборигенов, бросившихся на них сразу из двух комнат. Другая банда появилась из лестничного пролета. Корунд положил их короткими и аккуратными — чтобы не зацепить своих — очередями.

Когда опасность миновала, ребята заглянули в помещение возле окна в торце здания, после чего Кристо крикнул:

— Черт! Твари выломали дверь. Здесь только трупы — раз, два, четыре… Нет, один еще дышит.

— Тяжелый? — заорал в ответ Эдик.

— Около центнера, — сострил Генрих, но тут же добавил уже серьезно: — Рубанули по голове и проткнули живот. Пытаемся перевязать.

С лестницы снова показались два курарика. Очередь получилась слишком короткая, поэтому упал только один абориген, а второй успел юркнуть обратно. Чертыхнувшись, Эдик перезарядил винтовку. В подсумке оставалось три полные обоймы.

За спиной перестали двигать мебель, и послышался слабый скрип раскрываемой двери. Сделав шаг в сторону, чтобы не выпускать коридор из поля зрения, Корунд покосился на выходящих. Первой появилась девушка в порванных джинсах и грязной майке. Лицо ее было покрыто копотью и штукатуркой, но Эдик сразу понял, что именно эту девушку он видел на фотографии в разгромленной комнате напротив. Гелла — видимо, так ее звали — тащила за руку истерично хныкавшего дядьку лет за сорок — вероятно, это и был Рафаэль.

Увидав ее, Эдик почему-то сильно разволновался. Впрочем, бдительности не потерял и своевременно нажал на спуск. Несколько кураиков упали, другие убежали обратно на лестницу. В тот же миг на Корунде буквально повис Рафаэль, визжавший прямо в ухо:

— Спасите меня, спасите скорее! Любые деньги заплачу! Оторваться от него по-хорошему не удавалось, пришлось двинуть коленкой в пах и кулаком в челюсть. Истеричный мужик со стоном упал на колени.

— И в это ничтожество я была влюблена, идеалом считала, — с презрением произнесла девушка и, забыв о спутнике, продолжила почти восхищенно: — Кто вы, мой спаситель. В каких войсках служите?

— Эдуард Корунд, сержант ополчения…

Кокетливо постреливая серо-зелеными глазками, она пропела:

— Гелла Ахваз, исследователь-ассистент.

— Я видел ваш портрет вон в той комнате, через которую мы будем уходить…

— Это кабинет моего папы… — Ее лицо вдруг сделалось напряженным. — Папа — там?..

Поняв ее опасения, Эдик поспешил успокоить:

— В комнате нет человеческих тел.

— Ну правильно. — Гелла заулыбалась. — Он еще вечером улетел в бункер. И маме повезло — она уже неделю как на Каморре…

— Повезло, — машинально поддакнул Корунд. — Заходите в кабинет. Рафаэль, я не буду вас нести, идите своими ногами…

Эдик встал в дверях, наблюдая за коридором, Рафаэль стонал, закрыв лицо руками, чтобы не смотреть на мертвых кураиков, а Гелла беззаботно болтала:

— Папа хотел провести последнюю серию экспериментов, пока нас не выгнали с планеты… Модель с учетом записанных вчера и позавчера параметров должна быть почти

идеальной… Эдуард, а чего мы тут ждем?

Повздыхав, влюбленный сержант Корунд поведал, что надо вытащить еще троих, включая раненого. Как сообщил Кристо, раненый был очень тяжелый во всех смыслах — даже не стоило надеяться, что удастся дотащить его или хотя бы спустить по внешней лестнице. Лифты не работали, а на главной лестнице засела банда курариков, которых приходилось то и дело отпугивать, расходуя боеприпасы.

На всякий случай Эдик проинструктировал тружеников метанауки:

— Вдруг начнутся неприятности, так вы — на балкон и вниз по лесенке. На крыше корпуса «Б» ждет аэробус. Если повезет, успеете добежать.

— Клево было бы, — согласилась Гелла. — Только нас уже не ждут.

Действительно, аэробус взлетел и взял курс на портал.

— Нас бросили! — завопил Рафаэль. — Мы погибли!..

Придурок, в которого когда-то была влюблена юная красавица, расплакался, как маленький ребенок. Девушка пока держалась, но выглядела не слишком бодро и тоже могла расклеиться. Чувствуя, что смерть наконец-то вспомнила о нем, Эдик громко позвал капитана.

— Не суетись, — посоветовал Брукс— У нас еще одна машина есть. Сейчас подберем вас.

Сразу став уверенней, Корунд потребовал:

— Сначала левое крыло, там двое ребят и раненый. — Он уточнил на всякий случай: — Левое, если смотреть от вас.

— Понял, не дурак, — хохотнул капитан.

Жители научного центра слышали разговор, что сразу подняло им настроение. Рафаэль даже перестал рыдать, а Гелла бросилась к отцовскому сейфу, набрала код замка и вытащила несколько разноцветных упаковок с микродисками.

— Результаты наших исследований за два года, — сообщила девушка.

Следом из сейфа был извлечен рюкзак — Гелла пояснила, что на выходные большая компания собиралась устроить пикник и она приготовила какие-то вешички. Диски отправились в рюкзак, который повис на плече.

— Амазонка, — невольно засмеялся Корунд и выпустил очередь вдоль коридора. — Еще бы тебе винтовку в руки.

— У меня есть надежный защитник, — откликнулась она интимным урчанием, опустив длинные ресницы. — Скажи, защитник, куда нас отвезут?

Пожав плечами, он смущенно сознался:

— Понятия не имею. Сначала, конечно, к порталу, а там — как руководство решит. Может, в Аквамарин. Может, сразу на космодром.

Их прервал шорох мотора — возле балкона покачивался знакомый микроаэробус, из кабины махали руками Брукс, Хью и остальные друзья. Отпихнув плечом ринувшегося вперед Рафаэля, Корунд переправил в машину Геллу, потом поторопил пинком трусливого мужичка и наконец шагнул сам в распахнутый борт машины.

Замотанный в бинты, как мумия фараона, раненый страшно стонал, но Брукс уверял, что все нужные препараты введены и парень выкарабкается. На прощание капитан приказал уничтожить плазмострелами корпус «М» и раскидать побольше капсул плазмы по окрестным лесам.

— Запомнят они этот урок или нет? — задумчиво произнес незнакомый лейтенант в мундире флотского артиллериста. — Или уже сегодня начнут выдумывать легенды о великой победе над проклятыми бледнокожими?

— Над безносыми, — уточнил Эдик.

Он протянул Гелле пакет влажных салфеток и даже, набравшись храбрости, собственноручно протер ей локоть и плечо. Девушка вовсе не возмутилась таким вольностям, а наоборот, поблагодарила кивком. Покончив с гигиеной, она поинтересовалась,

не знает ли кто-нибудь, что творится на Каморре. К негодованию Эдика, все офицеры наперебой стали хвастать осведомленностью, одновременно рассыпая умелые комплименты. Услыхав о бомбардировках, Гелла насупилась — наверное, за мать беспокоилась.

Чтобы отвлечь ее от грустных мыслей и непрошеных ухажеров, Эдик начал рассказывать о вчерашних встречах с Высшими. Глаза девушки распахнулись, и она пробормотала обиженным голосом:

— Ну почему они не встречаются с подготовленными специалистами?! Я могла бы задать им столько важных вопросов!

— Ты специалист по Высшим? — изумился Корунд.

Остальные тоже прекратили рассказывать похабные анекдоты, недоверчиво уставившись на Геллу. Девушка явно была раздосадована — то ли, как надеялся Эдик, назойливостью офицеров, то ли, скорее всего, неправильным поведением Высших — и огрызнулась:

— А чем, по-вашему, занимается метанаука? — И тут же смущенно добавила: — В смысле и этим тоже…

— Здорово. — Эдик даже растерялся. — Но ты не переживай — эти гады не отвечают на вопросы, только провозглашают волю божью.

— Правители Вселенной, — с отвращением сказал Генрих. — Или сатрапы настоящих правителей. Наемные каратели, которым нечего сказать.

Тонко улыбнувшись, Гелла весело возразила:

— Нет-нет, прав мой спаситель. Это был именно бог, диктующий повеления свыше и оказывающий милость низшим тварям… А насчет нежелания отвечать… мальчики, вы не представляете, сколько хитрых вопросиков мы приготовили на случай такой встречи. Любой ответ или даже отказ отвечать приводил бы нас к очень серьезным выводам.

Подумав, она принялась объяснять, что последние события вроде уничтожения исследовательских центров метанауки, а также изгнания людей с Кураре и провоцирование мятежа туземцев хорошо укладываются в модель «Перепуганного божества». С другой стороны, сурово продолжила девушка, Высшие действуют методично, без всяких признаков импровизации, то есть реализуют хорошо проработанный план, и это говорит в пользу гипотезы ее отца, профессора Модеста Ахваза…

Опытным мужчинам не слишком нравятся чересчур умные женщины. Большинство пассажиров аэробуса мгновенно потеряло всякий интерес к Гелле и ее невразумительной лекции. К тому же отпустило напряжение — люди понимали, что серьезных боев уже не предвидится и что все они, наверное, доживут до завтрашнего дня. Начались преувеличенно громкие и бесшабашные воспоминания о событиях трех военных суток.

Гелла тоже принялась рассказывать, как пряталась в лаборатории, выбрав комнату с самой прочной дверью… Потом вдруг запнулась и произнесла озабоченно:

— Эдик, мы сейчас пролетим мимо полигона. Не знаешь, их эвакуировали?

Пришлось переадресовать вопрос капитану, но и тот понятия не имел, о чем спрашивает девушка. Пока искали объект на карте, ответ показался в иллюминаторе. Гелла вскрикнула, с ужасом глядя на кратер, пробитый антивеществом на месте метеостанции № 16.

— Секретный подземный объект, — прокомментировал Брукс— Как мы и думали.

Взяв Геллу за руку, Эдик быстро сказал:

— Не переживай, наверняка люди успели уйти. Вчера Высшие стреляли в лабораторию моей мамы, но она отделалась царапинами. Наверняка с твоим отцом тоже все в порядке.

— Да, ты прав. — Слезы высохли, она жалобно заулыбалась. — Конечно, папы там не было.

Так уж устроена психика — не хочет верить в худшее, охотно принимая самые невероятные надежды и утешения. Гелла в лихорадочном темпе набрала несколько номеров, дозвонившись до матери, которая оказалась на пункте сбора беженцев в Каморре. На лице девушки снова вспыхнула жизнерадостная улыбка.

Возле портала им пришлось расстаться. Машину встретил Гродзинский — весь завернутый в индивидуальные пакеты майор вполне твердо держался на ногах. Не дослушав восторженные поздравления, десантник строго отрезал:

— Успеем поболтать. Вы тут задержитесь на пару часов. Надо удержать портал, пока не подвезут отставших.

— У нас раненые, гражданские… — пролепетал Эдик.

— Остаются только способные стрелять, остальных немедленно отправим в Аквамарин, — объяснил Гродзинский. — Капитан Брукс, Поставьте отделение Корунда в ближнюю оборону портала. Остальных — на поддержку взвода Као-Линга.

Виновато улыбнувшись, Гелла помахала ручкой из кабины аэробуса. Эдик только успел взять номер ее видеофона и пообещать, что найдет, как только вернется в город. Когда он в четвертый раз повторял эти обещания, машина заскользила к распахнувшимся вратам портала.

5

Быстро наступал вечер, стрельбы слышно не было уже с час. Над порталом выписывал ленивые фигуры аэромобиль воздушного прикрытия.

— Похоже, война кончилась, — уныло произнес Кристо.

Эдик молча кивнул. Боевой азарт бесследно пропал, сменившись апатией. После разгрома флота не слишком верилось даже, что кому-нибудь удастся добраться до безопасных миров и что вообще можно говорить о безопасности населенных людьми планет.

Эвакуация шла организованно. Аэробусы садились на площади, и беженцы послушно уходили в портал, охраняемый редкой цепочкой ополченцев и полицейским нарядом. Машины полегче влетали малым ходом в транспортные секции, чтобы продолжить полет уже в Аквамарине. В сумерках живая речка иссякла.

— Все, что ли? — равнодушным голосом осведомился Генрих. — Теперь и нам можно возвращаться.

Полицейский офицер, к которому обратились ополченцы, разрешил расслабиться, но приказал подождать еще около часа. Должны были прибыть последние машины из отдаленных поселков.

— Садись, братва, — вздохнул Эдик и первым опустился на каменную балюстраду. — Скоро полный шабаш.

Краем глаза он заметил, как с другого фланга в их сторону направляется Гродзинский. Эдик машинально следил за приближением майора. Тот был уже совсем рядом, когда над ухом раздался вопль Генриха:

— Вот и все! Погибли!

Сорвав винтовку с предохранителя, Корунд завертел головой и увидел пикирующего прямо на них Высшего. Столб серо-зеленого пламени мчался на сверхзвуковой, не иначе, скорости, но — вопреки законам природы — никакой ударной волны на людей не обрушилось. Высший резко затормозил в нескольких шагах от ополченцев и медленно вращался. Внутри полупрозрачной субстанции на долю секунды вспыхивали ветвящиеся золотистые нити и голубоватые ленты, свернутые в сложные фигуры.

— Ты изменил цвет, убийца? — с ненавистью прошипел Эдик. — На реке и возле антенны ты был красно-синим.

Он даже не попытался выстрелить — знал, что бесполезно. Оставалось только отбрызгиваться бессильной ненавистью — вдруг отравится.

— Неужели тебе не известно, что мы не меняем цветовую гамму? — удивился Высший. — В спектре отпечатана личность. Тот, кого вы видели, — страж, воин. Я — исследователь.

— Вас тут двое? — меланхолично поинтересовался Кристо. — Добрый бог и злой бог.

— Нас гораздо больше. Но не все общаются с людьми.

— А ты, значит, снизошел. — Корунд надеялся, что говорит желчно и оскорбительно.

Он повертел видеофон в нагрудном кармашке, направив объектив на Высшего. За это время Серо-Зеленый переместился поближе, нависая над людьми. Его мысли втекали в сознание безболезненно, создавая ощущение благосклонного расположения. Словно добрый Дедушка Мороз решил поговорить с детишками.

— Я изучаю вашу расу, — сообщил Высший. — Вы симпатичны мне, но личные пристрастия не имеют значения, когда возникают столь серьезные проблемы.

Вроде бы каждое слово по отдельности было вполне понятно, только вместе они складывались в заумный бред. Эдик обалдело посмотрел на товарищей, но те явно не слышали их беседы — просто были шокированы близостью сверхразумного существа. Бойцы соседних подразделений выглядели не лучше — сбились в кучки, сжимая оружие, и безумно таращились на мирное телепатическое общение человека и Высшего.

— Корунд, что ему нужно? — крикнул издали Гродзинский.

Махнув рукой, чтобы не мешали, Эдик спросил:

— Какие проблемы люди создали для вас на Кураре? Неправильно вели себя в отношении аборигенов?

— Не смеши меня, детеныш! — Похоже, Высший развеселился. — Аборигены только предлог. К моему сожалению, ваши ученые, которые считали, что спрятались от нас в своих подземных норах, слишком близко подобрались к некоторым загадкам. Мы не могли позволить вам овладеть этими тайнами.

Неожиданно сменив тему, Серо-Зеленый начал телепатировать полный бред. Возможно, это было бы интересно для Геллы, но Эдик совершенно не понимал смысл мысленного монолога. Вроде бы его собеседник хотел сказать, что цивилизациям земного уровня опасно прикасаться к некоторым явлениям природы — себя погубят и окружающим жизнь испортят. Одновременно поток мыслей утверждал, что гораздо полезнее улучшать условия существования, не углубляясь в тайны материи, но развивая культуру и спокойно-возвышенное отношение к доступной части Вселенной.

Бестолковую демагогию прервал Гродзинский, выкрикнувший:

— Это вы организовали восстание?

В ответной мысли Высшего трудно было не заметить оттенков самодовольства:

— Дикари в центре города — почти неотразимая угроза. Все варварские племена используют подобную тактику против более цивилизованных народов. Используют инстинктивно. Наши куклы лишь кое-что подсказали курарикам, немного помогли оружием.

— Но мы почти подавили мятеж!

— Почти не считается. Вы проиграли.

— Уничтожьте нас, если мы такие плохие, — с горечью предложил Кристо.

Видимо, теперь Высшего слышали все. Серо-Зеленый ответил равнодушно:

— Пока рано. Мы всего лишь присматриваем, чтобы Старшие не стали сильнее нас. А вы, Старшие, должны присматривать за Младшими, а не то молодняк станет сильнее вас, и тогда будет нарушено глобальное равновесие.

— Так в чем виновата наша планета?

— Все надо делать в рамках правил. Вы эти правила нарушили.

— Какие правила мы нарушили? — Эдик перестал что-либо понимать.

— Проводившиеся здесь исследования в области генетики и технической физики признаны потенциально опасными. Насколько я знаю, ваших правителей предупреждали по-доброму, но работы не были остановлены. — Сделав паузу, Высший отодвинулся немного и продолжил: — Забавная вы раса. Жаль, что так стремитесь к прогрессу. Могли бы жить спокойно и счастливо.

— Никакие исследования не позволят Земле угрожать вашей сверхцивилизации! — резко бросил майор. — Вы опередили нас на миллионы лет!

— Вы должны понять наше беспокойство. — Серо-Зеленый мягко перешел на звуковую речь. — Много столетий назад наши приборы заглянули в вероятное будущее, где

обнаружили пугающую картину. Технологические племена, стоящие примерно на вашем уровне, смогли найти оружие Древних и в силу своей полудикости вздумали внезапно обрушиться на миры Высших. Погибли планеты, много наших собратьев. И с тех пор было решено: не подпускать так называемых Старших к опасным знаниям. Согласитесь, вам это и не нужно — вы прекрасно проживете при существующих сегодня технологиях.

— Вы умеете видеть будущее? — вскрикнул Эдик, подумав, что Гелла должна узнать об этом разговоре.

— Разумеется. Эти несложные методы составляют главную основу нашей культуры.

— Почему вы разрушаете именно Кураре? — осторожно спросил Эдик, чувствуя, что сейчас может быть сказано самое важное. — Разве здесь найдено оружие Древних?

— Мы давно подозревали, что в этой части Галактики могли сохраниться какие-то артефакты, и, вероятно, люди нашли те или иные изделия или записи, созданные миллионы лет назад. Не зря же на Люпаре, Южной Омерте и Каморре ускоренными темпами строились секретные научно-технологические комплексы.

— На Южной Омерте нет человеческих поселений. Сплошная тундра и льды возле южного полюса и джунгли в умеренных широтах.

— Ты ничего не знаешь, детеныш. — Призрачное щупальце, возникшее из огненного столба, легонько прошлось по его затылку. — На этом континенте строился громадный бункер, упрятанный под километровый слой гранитных пород. Глубоко под скалами были созданы мощные источники энергии, там были сконцентрированы сотни серьезных интеллектов. Это было опасно. И для вас, и для нас.

Несмотря на усталость, апатию и растущую неприязнь к Высшему, сержант Корунд был готов продолжить этот разговор, чтобы узнать побольше. Однако Серо-Зеленый вдруг попрощался и стал невидимым. Еще мгновение в полумраке светились тончайшие золотые нити внутренней структуры, потом и они растаяли. По лицам мягко хлестнула воздушная струя, пробежала слабая волна колебаний силы тяжести.

Над побережьем уже показались аэробусы и грузовики, перевозившие последних эвакуантов. Воздушная колонна высадила беженцев, и полицейские бросились навстречу, торопливо загоняя прибывших в портал. А со стороны леса нестройными группами отступали подразделения, державшие внешний фронт обороны. Когда все переправились на Северную Омерту, майор Гродзинский приказал оцеплению повзводно возвращаться в Аквамарин.

Последними уходили сам Гродзинский и отделение Корунда. Из зарослей уже выглядывали курарики, орали проклятия с угрозами, но приблизиться не решались. Захлопнув ворота, Генрих сказал озабоченно:

— Как бы они через портал не просочились.

— Ты же знаешь, как здесь система работает. — Эдик схватил друга за руку. — Запрем, заблокируем, и никто больше этим порталом не воспользуется.

— Хорошая идея! — Генрих набрал какие-то команды, но потом отступил от пульта. — Эд, у меня башка не работает. Сам придумай пароль.

Выслушав наставления товарища, Корунд набрал на замке пароль из дюжины символов, а затем, прижав лоб к клеммам, ввел свой ментальный отпечаток. Теперь никто, кроме него, не смог бы вскрыть портал Южной Омерты.

Через минуту они вышли через противоположную дверь на обезлюдевшую площадь Аквамарина.

Здесь еще не стемнело — только седьмой час вечера. Вернувшимся с фронта ополченцам зачитали благодарность губернатора, после чего приказали сдать оружие и возвращаться к семьям. Эдик схватился за телефон.

Спутники продолжали ретранслировать радиоволны, и он без труда дозвонился родным. Мама сказала, что они с Агнес собрали самое ценное и уже подлетают к космодрому, а отец ждет эвакуации на Эль-Дьябло.

— Меня подождите, — пошутил Эдик.

— Не беспокойся, — Мама криво усмехнулась. — Если надо будет — пропустим пару рейсов.

Тут в поле изображения влез Мишель, закричавший:

— Эд, они забыли взять мою игротеку!

— Сейчас заскочу домой, — пообещал старший брат младшему. — Попробую найти.

— Не тяни, — сказала невидимая Агнес— Твои документы у нас. Одежду и книги тоже взяли. Тут ограничения на багаж, бери не больше одной сумки.

Дома он первым делом избавился от грязного, провонявшего войной спортивного костюма и принял горячую ванну с хвойным экстрактом. Отмывшись и побрившись, завернутый в полотенце, нашел в холодильнике кусок буженины и, откусывая сочное мясо, посмотрел в Интернете, где тут ближайший сборный пункт.

Натянув брюки и рубашку из витаскина, он занялся укладкой сумки. Любимая игра Мишеля отправилась на дно, сверху легли ветровка и ботинки. Диски валялись в беспорядке, но Эдик нашел массу записей, потеря которых стала бы неприятным событием. Мама, конечно, прихватила много классики, а вот про хобби старшего сына забыла: на полках и на полу оставались видеофильмы, музыка, а также вся библиотека по истории, военному делу и галактической археологии. Он торопливо набил дисками две коробки, скачал на мегадиск все свои записи с домашнего инфокомплекса, запустил переформат памяти и покинул дом с очень тоскливым чувством на душе.

Уже на улице Эдик позвонил Кристо и Генриху — оба летели на космодром. Затем он, вздохнув для храбрости, набрал — сердце при этом томительно заколотилось — номер Геллы. Сердцебиение усилилось, а во рту пересохло, когда над видеофоном развернулась голограмма любимой девушки и раздался ее голос:

— Привет!

— Привет… где ты? — запинаясь от волнения, спросил он.

— Точно не знаю, какой-то сборный пункт, ждем аэробус. Тут сквер, а рядом восьмиэтажный дом и магазин «Мечта эпикурейца». Нам разрешили переодеться…

— Понятно, площадь Галилея. Не против, если я с тобой?

— Шутишь? — Она возмущенно расширила глаза. — Конечно, подваливай. Буду рада.

Сердце стучало, как после забега на длинную дистанцию, и это было до невозможности приятно.

Геллу он увидел за три квартала. Девушка забралась на постамент памятника и, держась за бронзовый телескоп в руке бронзового Галилео, вертела головой. «Меня высматривает», — понял Эдик и припустил изо всех сил.

Встреча получилась бурной. Гелла бросилась ему на шею и расцеловала, чем едва не довела до инфаркта. Счастливый и растерянный Эдик сумел чмокнуть ее только один раз, неловко угодив губами рядом с очаровательным носиком. Какая-то тетка по соседству немедленно прошипела: мол, совсем молодежь совесть потеряла — радуются чему-то, когда у людей такое горе.

— Хорошо, что ты догадался меня найти, — шепнула Гелла, увлекая Эдика на угол Мушкетерской, где людей было поменьше.

— Ты говорила со своими?

— Мама звонила. Их отвезут прямо на космодром.

— Мои уже там, — сообщил Эдик и, расхрабрившись, предложил как бы в шутку: — Дом пустой, родителей нет. Совсем близко.

К его большому разочарованию, девушка покривила губки вежливой улыбкой, а затем тактично пожаловалась: мол, жарко и воздух пахнет гарью. Она добавила, что питьевые фонтанчики не работают, а пить хочется. Оглядевшись, Эдик повел ее к супермаркету, который был основательно разграблен, но несколько бутылок газировки все-таки удалось найти.

Вернувшись в сквер, они напоролись на Рафаэля, который ораторствовал перед унылой толпой:

— Нас предупреждали, что тема запрещена. Но мы, как последние кретины, решили, что сможем обмануть Высших. Вот они и показали, чего мы стоим рядом с истинным могуществом. Не только научный центр уничтожен — всех нас выгнали с планеты.

Презрительно поморщившись, Гелла прокомментировала вполголоса:

— Этот слизняк занимался математическим моделированием вероятного будущего. Получилась модель, согласно которой человечество сможет успешно противостоять давлению Высших. Вариант с прямым военным вмешательством Высших они сочли маловероятным. Их модели предсказывали, что Высшие станут провоцировать войны между Старшими расами. Прислушиваясь к этим рекомендациям, правительство усиленно занималось урегулированием мелких проблем с лабба и другими, а нападения Высших никто не ждал.

— Серо-Зеленый говорил, что Высшие умеют видеть разные варианты будущего.

— Им легче. Нам и дзорхам Высшие запретили проводить исследования в области хроновидения.

— Запретили только двум расам? А как же лабба и виин-черси?

— Не хочу врать. Достоверно известно лишь о дзорхах… — Внезапно Гелла, широко открыв глаза, прошептала: — Ты снова присутствовал при разговоре с Высшими?

— В основном только я с ним и разговаривал, — похвастался Эдик. — Когда вы телепортировались, опять появился…

— Рассказывай! — потребовала она. — С самого начала и подробно.

Сбиваясь, Эдик принялся вспоминать свои встречи с энергетическими коконами. Интерес во взгляде Геллы придал ему уверенности и обострил память, а потом он и вовсе сообразил прокрутить кадры, записанные на видеофон.

Повествование пришлось прервать, когда прилетели машины, и Гелле с Эдиком не без боя нашлось место в последнем аэробусе. Примерно на полпути до космодрома Корунд наконец закончил отчитываться и глубокомысленно резюмировал:

— Я так понял, что вы на Южной Омерте были близки к очень важному результату.

— Лестно слышать. Знать бы только — какая лаборатория. Высший говорил о бункере под гранитным щитом — это на юге, в зоне вечной мерзлоты, там работали военные. Они ничего не сообщали нам, но источники энергии у них были сверхмощные — весь континент дрожал, когда там включались установки.

— А что за эксперимент готовил твой отец? — Этот вопрос уже который час не давал Эдику покоя. — Какие вообще могут быть эксперименты над Высшими?

Гелла задумалась, будто не могла решить, стоит ли говорить об этом. Наконец, покусывая губы, сказала:

— Мы собирались построить информационно-полевую модель Высшего. Это совершенно новая методика, в прошлом году с ее помощью удалось уточнить обстоятельства рождения Вселенной. В машины вводятся все известные нам сведения, а затем модель сообщит те параметры, которых мы не знаем. Если бы получилось, мы могли сделать скачок на много тысячелетий вперед… — Она пробормотала: — Неудивительно, что Высшие взбесились.

Она замолчала, хмуря лоб, и ничего не говорила до самой посадки на паркинге космодрома.

Прибывших встречали полицейские и военные — никаких ополченцев. На взлетно-посадочных полях стояло с дюжину кораблей, в том числе явно не человеческих моделей. Армейский майор, введя в информационную систему имена Эдика и Геллы, сообщил:

— Семья Корунд ждет регистрации в секторе «эф-одиннадцать», Барбара Ахваз прибыла в портал Минервы, будет на космодроме в течение часа.

— Подождем с моими, — предложил Эдик.

Пока они рыскали по лабиринтам в поисках нужного зала, Гелла снова созвонилась с матерью. Убирая видеофон, она сказала озабоченно:

— Странно, мама одна. Кажется, плачет. Наверное, переживает за меня…

В секторе F 11 набилось сотни две беженцев. Корунды сидели рядом с небольшой горкой дорожных сумок. Мама Эмили с перевязанной рукой, растрепанная заплаканная Агнес и полный восторгов от пережитых приключений Мишель бросились обнимать Эдика, словно он из адского пекла вернулся. Впрочем, братишка немедленно потребовал игру и, вставив диск, принялся истреблять эльфов и троллей.

Еле отбившись от обниманий с поцелуями, Эдик представил Геллу, которая зачем-то рассказала, кто и как ее спас, чем вызвала новую волну женских причитаний. Даже младший член семейства, отложив игру, потребовал подробных воспоминаний о том, сколько куриариков застрелил старший брат за три дня боев.

— Мама, не разводи сырость, — потребовал Эдик. — Как твоя рука? Что с Эль-Дьябло слышно?

— Рана заживает. — Эмили Корунд отмахнулась. — Папа нервничает. Скорее всего, нас эвакуируют на разные планеты, придется потом искать друг друга.

— Ну скажи, скольких ты перестрелял, — не отставая, ныл Мишель.

— Не было времени считать. — Эдик пожал плечами. — Десятки… Может быть, сотни. Мы косили их, как сорную траву. Если бы не Высшие…

— Надо было Высших десятками класть, — со злобой произнесла сестра. — Мерзкое племя!

Сочувственно вздохнув, догадливая Гелла негромко спросила:

— Вы потеряли близкого человека? Это был ваш первый мужчина?

— Он должен был стать единственным! — выкрикнула Агнес, но сдержалась и не заплакала.

— Во многих семьях родных недосчитались, — сокрушенно пробормотала мама. — Вот что, ребята, вы же голодные. Сходите в сектор F-A, пока посадку не объявили. Там беженцев бесплатно кормят.

В буфете каждому выдавали по кульку бутербродов и по банке сока с витаминами.

— На фронте кормили лучше, — прокомментировал бывалый вояка сержант Корунд.

Они с Геллой заняли пустой столик возле огромного окна с видом на освещенное прожекторами поле ночного космодрома. Высоко в темном небе пульсировало, уменьшаясь в размерах, огненное пятно — след двигателей недавно стартовавшего корабля. По трансляции объявили о начале регистрации на посадку для беженцев сектора D и готовность для сектора E.

— Чем занимается твой отец на Эль-Дьябло? — спросила Гелла.

— Оператор батискафа. Они добывают вещество из глубин звезды. Там под слоем горячей плазмы лежит протоматерия — нуклонно-электронная суспензия. Ее по-другому гиперплазмой называют. В этой среде плавают куски природного нейтрида с ослабленными связями между нейтронами. Нейтрид почти невозможно обрабатывать при низких температурах, получаются бесформенные куски. А на глубине он пластичный, можно раскатать силовым полем в листы.

— Техник, — немного пренебрежительно резюмировала Гелла.

— Он начальник экспедиции, — обиделся Эдик. — Отец готовил новый проект — предложил погрузиться на следующий уровень, где нет даже гиперплазмы, а только квантовая эмульсия. Они должны были формировать заготовки нейтрида нужной формы прямо на месте… А чем занимался ваш Центр — делали оружие против Высших?

— Было много направлений. Мы с отцом анализировали данные по Высшим, пытались понять их природу, структуру общества.

— И много удалось выяснить?

— Мы точно установили, что удельное энергопотребление у них примерно на два-три

порядка выше, чем на Земле. А недавно появилась догадка, что нет никакой сверхцивилизации Высших. Есть много рас, договорившихся принять единую форму. Между ними существует изрядная напряженность — совсем как между людьми. Разумные существа не всегда способны понимать друг друга. Чем выше цивилизация, тем сложнее становится жизнь, тем выше уровень взаимного непонимания разных этносоциальных групп…

Гелла говорила непрерывно, хоть и сбивчиво. Эдик догадался: это нервы. Измученной стрессом девушке нужно было выговориться. Она принималась рассказывать, какой замечательный дом был у них на Кураре, потом вдруг призналась, что до встречи с Рафаэлем была немножко влюблена в своего шефа, который был учеником ее отца и вдобавок старше Геллы на полтора десятка лет.

— Часто влюбляешься? — невольно усмехнулся Корунд, которому было неприятно слышать о ее увлечениях.

— Часто. — Она грустно вздохнула. — Только все мои романы получались неудачными. То есть соблазнить мужчину — не проблема. Но потом всегда оказывается, что снова встретила не того человека, да и человек этот тоже не готов на серьезные отношения… И тут резко влюбляешься в другого, и все начинается по новой…

Она замолчала. Сообразила, наверное, что не стоит изливать душу совершенно незнакомому парню, который чуть младше ее и неспособен понять столь тонкие интимные моменты.

Гелла отвернулась, устремив отрешенный взгляд в сторону космодромного поля, где взлетал тихоходный транспорт среднего тоннажа, а чуть дальше заходил на посадку грузопассажирский рейдер типа «Тристан». Эвакуация протекала быстро, даже организованно, и Корунд испугался, что приближается разлука с красивой девушкой.

— Расскажи лучше о своей работе, — попросил он.

— Заинтересовался метанаукой? — удивленно переспросила Гелла.

— Я любознателен… Что такое метанаука?

Кажется, вопрос отвлек ее от тревожных мыслей. Сделав серьезное лицо, девушка прочитала короткую лекцию, в которой было слишком много непонятных терминов. Эдик уяснил только, что метанаука изучает самые сложные явления Вселенной в целом, без деления на математику, физику, историю, химию, ботанику, астрономию, психологию, политологию и филателию.

Затем на ее лице появилась самодовольная гримаса, и Гелла продолжила с гордостью.

— Некоторые мои предложения понравились руководству, и было решено развивать эту тему, — похвасталась девушка. — Мне, как автору идеи, поручили возглавить проект, хоть я еще не защитила диплом.

Эдик искренне позавидовал. Девушка, в которую он, кажется, влюбился, не только училась В университете, но даже вела самостоятельную научную работу. И в интимной жизни успела набрать немалый опыт, хоть это и не слишком радовало Корунда. В общем, Гелла была сильной интересной личностью, такая не увлечется мальчишкой, ей взрослых опытных самцов подавай.

— Даже не знаю, сможешь ли ты понять, — продолжала Гелла. — Ты у нас кто — учишься, работаешь, в армии служишь?

Эдик объяснил, что должен был через месяц окончить школу и уже разослал тесты и резюме в несколько университетов. Он не сомневался, что будет принят и даже получит стипендию, но бегство с Кураре и предстоящая неизвестность могли поломать все планы стать космическим археологом.

— Манит романтика древности? — Гелла подмигнула.

— Ну… нет… не знаю… — Эдик замялся. — Это интересно — изучать историю других цивилизаций, сравнивать их пути с нашим.

— Ты, наверное, читал «Послания к инопланетянам»?

— Биргит Ингребельд? — Эдик пренебрежительно поморщился, — Слишком популярно. Мне больше понравились «Неизвестная праистория» Роксанова и «Эстафета

ошибок» — Уиллберга и Гурметашвили. Недавно заказал «Размышляя над пунктиром тысячелетий» Корна, но не успел получить.

Заметно удивленная Гелла сказала одобрительно:

— Солидный багаж, хотя выводы в этих книгах часто спорные и недостаточно смелые. Мы на Кураре продвинулись дальше Корна… — Она решительно тряхнула головой, так что длинные каштановые локоны исполнили экзотический танец. — Если ты понял хотя бы четверть прочитанного, то сумеешь понять и суть наших идей… — Гелла задумалась, но совсем ненадолго. — Высшие отличаются от нас тем, что обладают Всемогуществом… Тебе будет трудно понять, что означает это слово в терминологии метанауки. Обрати внимание: метанаука — это и накопленные человечеством знания, и методы их обработки.

Слова ее были туманны, но Корунду доставляло удовольствие слушать девушку, поэтому он кивнул. Однако Гелла не стала продолжать рассказ о своей работе и неожиданно спросила: как, дескать, он понимает смысл термина «Всемогущество». Растерявшись, Эдик, который никогда на такие темы не задумывался, пролепетал:

— Ну это… всегда все можешь сделать… все, что пожелаешь… — Он наспех собрал мысли, кое-как перемолол урожай и сказал уже почти внятно: — Возможность реализации всего, что способен вообразить. Защита от любого оружия, от любой опасности… использование любых необходимых мощностей, способность быстро перемещаться в нужную точку, доступ к любой информации, манипулирование любыми материальными объектами… Проще говоря, Всемогуществом обладали мифические боги-демиурги из древних религий.

Взгляд Геллы сделался удивленным. Безусловно, она не ожидала услышать столь осмысленный ответ от малолетки-старшеклассника. Снисходительно улыбнувшись, красавица произнесла:

— Приблизительно так. Если говорить по-научному, то речь идет о полном контроле над энергией, информацией и материей. Но есть и другая сторона вопроса — наверняка даже у Всемогущих есть ограничения — технические, этические, философские…

— Тогда это уже не Всемогущество, — заявил Корунд.

— Любое определение условно, — отмахнулась Гелла. — Мы называем этим термином уровень контроля над ресурсами Вселенной, несравненно превосходящий наши возможности… Так вот, я на год раньше тебя подумала о сходстве Высших с древними земными богами и предложила прочесать всю литературу — научную, художественную, теологическую — в поисках намеков на подобные проблемы. Ведь мыслители прошлых веков много думали о божествах и наверняка успели наплодить кучу догадок.

— Зачем это нужно? — спросил сбитый с толку Эдик. — Всемогущество — это инструмент, оружие. При чем тут ограничения, о которых могли догадаться мыслители Средневековья?

— В том-то и дело. — Она подняла палец. — Чрезмерное могущество опасно. Власть развращает, тем более — власть над материей. К тому же Всемогуществом следует пользоваться крайне осторожно. Надавишь чересчур сильно — сломаешь что-нибудь важное для Вселенной.

Для человека, не слишком подготовленного, новых мыслей и понятий было чересчур много. Эдик с трудом воспринимал водопад принципиально новых идей. Как и в недавней беседе с Высшим, он слышал слова, но не постигал их смысла. Между тем Гелла продолжала:

— Мы выделяем различные ступени Всемогущества. Управление хаосом случайных событий вплоть до броуновского движения молекул. Управление переходами масса — энергия в обоих направлениях. Всемогущество заставляет атомы и силовые поля выстраиваться в нужные структуры под действием простых принципов. В идеале мысленным усилием создаются практически любые материальные структуры.

— Как это возможно? — недоверчиво переспросил Эдик.

Покровительственно улыбаясь, Гелла привела доходчивый пример. Если господину

Эдуарду Корунду захочется выпить воды, он достанет бутылку из холодильника или из камеры линий доставки, не задумываясь о том, каким образом эта вода попала в дом. Далекому предку господина Корунда пришлось бы прогуляться с ведром к ближайшей реке, набрать грязную воду, вернуться домой, отфильтровать и вскипятить воду… Технологический прогресс избавляет современного Корунда от множества манипуляций… Затем она возобновила лекцию:

— На разных уровнях цивилизации между мысленным желанием и достижением конечного результата располагаются различные промежуточные функции. Первобытный человек реализовал свои желания посредством физической силы, потом появились всевозможные механизмы с внешними источниками энергии — водяной, паровой, электрической, ядерной, кварковой. В случае идеального Всемогущества промежуточные ступени должны исчезнуть, и мы получим кратчайший цикл: мысль — результат.

— То есть Высшему достаточно подумать — и его мысль будет реализована?

— Как мы установили, Высшие еще не достигли этого этапа…

Только сейчас девушка сообразила, до какой степени потрясен ее собеседник. Смущенно улыбнувшись, она погладила Корунда по щеке, шепнув: дескать, поймешь, если постараешься.

Тут объявили начало регистрации для пассажиров секции F, и молодые люди бросились обратно в зал ожидания.

Перед воротами, ведущими к кораблю, выстроилась очередь. Однако семья Корундов оставалась на месте. Эмили, Агнес и откуда-то взявшийся Генрих Дерби утешали горько плакавшую женщину. Увидев незнакомку, Гелла бросилась к ней, крикнув:

— Мама! Что случилось?

Обняв ее, мать простонала сквозь слезы:

— Папу нашего убили. Бункер вдребезги. Никто не спасся.

Лицо Геллы скривилось, потекли слезы, девушка зарыдала в голос. Агнес, всхлипывая, гладила ее по спине, но ничего не говорила — в такие моменты от слов пользы не много. Генрих шепнул Эдику:

— Это, наверное, в том кратере, который мы видели.

— В том самом. Ты с нами летишь? Виновато улыбнувшись, Генрих объяснил:

— Мне твоя сестра очень понравилась, захотелось еще раз ее повидать.

— Ну в добрый час— Эдик толкнул его плечом. — Породнимся… Кристо не видел?

— Их полчаса назад увезли на Джуманджи… — Поглядев на табло, курсант-космолетчик добавил озабоченно: — Надо поторапливаться.

Они с Эдиком и ставший очень серьезным Мишель, взяв на себя командование, чуть не силком увели женщин к столу регистрации. Процедура была предельно упрощена: усталые полицейские и сотрудники космодрома вводили в информационную систему данные личных идентификаторов. У кого не было документов, спрашивали имя, дату рождения, название города, где жил на Кураре.

Затем пассажиров отправляли в рукав, соединявший зону досмотра со звездолетом. Корабль оказался неземным — грузовик цивилизации лабба. Пассажиров распределили по громадным пустым трюмам, в которых на скорую руку развернули полужесткие кресла. Экипаж честно пытался создать для беженцев подобие комфорта, но сиденья получились неподходящей формы, а поясняющие надписи были сделаны в таком жутком переводе — хоть на конкурс «Нарочно не придумаешь» посылай.

Приложив героические усилия, Эдик и Агнес одолели чужую наномеханику, приспособив сиденья к причудам человеческой анатомии. Агнес и Гелла сели рядом, обнявшись, и тихо всхлипывали, переживая свои потери.

Внезапно зазвучал голос кибертранслятора:

— Уважаемые братья и сестры по разуму, экипаж транспорта… — последовал набор непереведенных звуков, — выражает вам свое сочувствие и доброжелательство. Через

несколько минут корабль будет улетать на планету, которую вы называли Джуманджи. Перелет будет продлеваться около десять плюс четыре часов по вашему счету времени. Экипаж готов постараться делать ваш печальный исход максимально приятным событием. Просим пристегивать себя к вашим удобным креслам.

Волна колебаний силы тяжести подсказала, что включены антигравитаторы. Чуть позже замурлыкали, проснувшись, ракетные движки, еле слышный шорох которых быстро превратился в очень громкое гудение. Появилось ощущение слабой перегрузки.

Над головами пассажиров загорелась голограмма окружающего пространства. Поверхность Кураре быстро уходила вниз, леса и поля сливались в темно-зеленые пятна, разделенные синими и грязно-серыми узорами водоемов. Вскоре планета стала сектором сферы, край которого занимал свинцовый сегмент океана. В воде покачивалось серебристо-багровое отражение Десятки.

За несколько минут Кураре превратилась в быстро уменьшавшийся диск, затянутый белесыми полосами облаков. На ночной стороне просматривались контуры Люпары, с которой тоже взлетали корабли. Потом в поле зрения попало размытое слабо пульсирующее полупрозрачное облако — защитное поле, скрывавшее корабль-убийцу. Сразу вернулась лютая ненависть к неуязвимым безжалостным монстрам, сломавшим столько судеб ради непонятной прихоти.

Подергав брата за рукав, Мишель осведомился:

— Что за планета Джуманджи?

— Точно не знаю. Но мы в гимназии проходили, что там много городов и, кажется, два миллиарда населения.

— Больше пяти, — уточнил Генрих. — Мир очень быстро развивается, в экономическом отношении почти не уступает Земле и Валинору. В той же системе еще пять планет, из которых две пригодны для жизни.

— Мы с папой там бывали, — сказала мама. — Если не считать двух солнц в небе, Джуманджи — точная копия Земли. А на Теоле живут дикари — совсем как люди.

Младший член семьи Корундов забеспокоился:

— Дикари опять взбунтуются? Мы будем их убивать?

— Не болтай глупости, малыш, — устало проворчала мама. — Мирные племена гоминидов генетически не отличаются от землян. За неполных сто лет мы смогли поднять их из каменного века в бронзовый. Вроде бы сам Кордини сказал, что когда-нибудь теолийцы растворятся в человечестве.

— Взбунтуются, — уверенно сказал Мишка, обиженно надул губки и прохныкал: — Эд, это неправильно, что мы проиграли войну. Ведь мы — люди, мы должны всегда побеждать… Эд, Эдди, мы еще вернемся домой?

Бедный мальчик понимал жизнь как разновидность видеоигры, в которой обязательно нужно победить, к тому же он потерял единственный дом, горько переживал утрату и был безмерно несчастен. Эдик, в отличие от него, помнил, что родился на другой планете. Здесь, на Кураре, он всего лишь прожил последние семь лет. После трех кровавых дней Кураре вызывала у него разве что отвращение, поэтому он совершенно не жалел ни о доме в Аквамарине, ни о брошенном при бегстве добре.

Сейчас им владела только ненависть к тварям, оскорбившим и унизившим человечество. Глядя с неприязнью на планету, превратившуюся в маленький кружок, он процедил:

— Не знаю, вернемся ли мы или нет, но мы отомстим за этот день. Жестоко отомстим.

Часть вторая. Браконьерские будни

1

Река срывалась водопадом с двухметрового уступа, неторопливый поток прыгал по камням, превращаясь в кружева пены и разбрасывая мельчайшие брызги. Рыбы с красноватой и серебристой чешуей лихо перелетали через порог, бултыхались в пену и как ни в чем не бывало плыли дальше по течению, не понимая, что перебрались из реки в озеро. Глупым созданиям все одно — лишь бы вода в жабры попадала.

В отличие от них человеку недостаточно просто существовать в комфортной среде, где солнце излучает в определенном спектре, вода и воздух имеют определенный химический состав, а в холодильнике всегда есть чем перекусить. Человеку зачем-то нужен эмоциональный комфорт, а также внимание окружающих, радость достижения абстрактной цели, взаимная любовь и прочие компоненты счастья. Хотя, конечно, немалой части соплеменников вполне хватает простых радостей бытия, но такие особи мало отличаются от рыб и растений…

Подобные мысли меланхолично бродили по синапсам и нейронам Эдуарда Корунда, физически здорового, двадцати девяти лет от роду, представителя расы homo sapiens. Недавно выбравшись из прохладной прозрачности озера, он загорал на траве, устроившись подальше от остальных любителей дикой природы. Шумная компания по соседству азартно играла в волейбол, и некоторое время Корунд рассеянно следил за Движениями мяча, потом взгляд переместился на рощу, шелестевшую листвой на противоположном берегу.

Валяться на песке с полузакрытыми глазами и думать о всякой ерунде было приятно, только блаженство не продолжается бесконечно. Кто-то остановился рядом, громко спросив жизнерадостным мужским голосом:

— Не помешаем?

— Нет, — соврал Эдуард, не поворачивая головы. Оставалась крошечная надежда, что сосед удовлетворится таким ответом, однако тот страдал чрезмерной общительностью и вдобавок был не один.

— Прекрасная погода! — высказал он свое мнение, которое совершенно не интересовало Корунда. — Вы уже купались?

— Конечно, купался, — тоже громко произнес женский голос— Видишь, у него трусы мокрые.

— Со мной случилась неприятность, — проворчал Эдуард, переворачиваясь на спину.

Они были примерно его возраста — типичные городские обыватели, полностью довольные собой и уверенные, что все окружающие обязаны разделять их восторги. Оба долго и громко смеялись шутке Корунда, потом бабенка, деловито снимая тунику, осведомилась:

— Вы часто здесь бываете?

«Какое твое дело, дура? — раздраженно подумал Эдуард и мысленно констатировал: — Отдохнуть не удастся». Он встал, собирая одежду, и буркнул:

— Вы имеете в виду планету? Нет, не часто.

Непрошеные соседи переглянулись, корча пренебрежительные гримасы. Женщина в бикини поверх неплохой фигуры посочувствовала:

— Космонавт… Поэтому вы такой неразговорчивый. Вам надо побольше…

— Ему надо поменьше умничать, — перебил ее мужчина. — Будь проще, братишка. Вот я, к примеру…

Кивнув, Эдуард ушел, не дослушав очень полезные советы травоядных. На границе пляжной зоны он переоделся в кабинке и вышел на тропинку, которая все круче бежала в гору. Мышцы ног приятно заныли. На верхней площадке Корунд бросил прощальный взгляд на парк — две квадратные мили живой природы, окруженные громадными строениями гигаполиса. Лес, поле, озеро и река, вытекающая из городской стены и уходящая в трубу-коллектор на другом краю оазиса.

Глубоким вдохом Эдуард втянул свежий воздух и шагнул в вестибюль. Внутри здания воздух был ничем не хуже.

Скоростным лифтом — до нижнего яруса, эскалатором — в пешеходный тоннель, длинный марш-бросок сквозь плотную толпу и, наконец, станция метро — бело-голубая линия. Полупустые вагоны помчались по трассе, плавной кривой пронзающей юго-западный сектор Нью-Вавилона. Корунд вышел на «Чеширской», пересел в поезд фиолетовой линии, который привез его на станцию «Мраморный треугольник».

Так назывался куст из трех двухсотэтажных строений, облицованных плитками мрамора. В одном из этих домов-исполинов, усеченной пирамиде золотистых оттенков, жила семья Корундов.

Время было раннее, дочка в школе, жена на работе, так что никто не ждал его в квартире. Эдуард вышел из лифта на 50-м, торговом, этаже и направился к «Лавке книголюба». Седой Билли-Булл приветствовал его, как положено при виде завсегдатая — вежливым кивком, — и, не прерывая разговор с пышнотелой покупательницей в удлиненных шортах, показал рукой на прилавок, где обычно выставлялись новинки.

Собственно говоря, на прилавке красовался только ширпотреб — модные диски, не слишком интересные для серьезных читателей. «Двести тайн Галактики», «Чудеса кулинарной магии», «За кулисами звездных конфликтов», «Правда о Высших», «Двести прославленных путан», боевики, дамские романы, биографии знаменитостей, пособия по достижению успеха на интимном фронте, далекие от истины сплетни об исторических событиях.

Самое интересное скрывалось в электронном каталоге, куда заглядывали только настоящие библиофилы. Перелистав список новых поступлений, Эдуард пометил курсором великолепный альбом «Хищники чужих миров», репринтное издание старинного романа «Охотники за звездолетами» и внезапно наткнулся на смутившую его книгу. Согласно статистике пытались писать примерно двести миллионов людей, ежегодно издавалось не меньше миллиарда книг, так что уследить за всеми немыслимо. И тем не менее было странно, как он мог не слышать об этом труде.

Внимательно перечитав аннотацию, Корунд заинтересовался всерьез, но все-таки решил посоветоваться с женой.

— Привет, дорогая, — сказал он, когда над видеофоном появилась голографическая Гелла. — Я в лавке Нортона.

— Здравствуй, любимый! — Она ослепительно улыбнулась. — Хвастайся, что раскопал.

— Похоже, книга должна быть интересной. Называется — «Интегрированные междисциплинарные исследования цивилизаций Большого Квартета». Монография профессора Стефана Редля. Издано…

— Наверняка на Валиноре! — Лицо Геллы изобразило кислую гримасу. — Возьми. Врага надо изучать.

— Ты его знаешь?

— Слышала. — Она снова поморщилась, потом отвернула голову и строго сказала кому-то: — Минуточку, я разговариваю с мужем.

— Не буду отвлекать, — заторопился Корунд. — Я пройду через супермаркет — можешь не беспокоиться о продуктах.

— Когда ты дома, я ни о чем не беспокоюсь. — Гелла многообещающе расширила глаза. — Запрограммируй что-нибудь особенное. Я имею в виду — на ужин.

— Я так и понял.

— До встречи, любимый.

Прежде чем нажать красный сенсор отбоя, Гелла послала мужу голографический поцелуй. Кажется, настроение супруги стало получше, и это позволяло надеяться, что остаток дня пройдет без лишней нервотрепки.

А с вечера Гелла была не в духе и долго не желала исполнять супружеские обязанности. Все отнекивалась: дескать, не хочется да неможется. Потом Эдик все-таки сумел ее раскочегарить, и получилось совсем неплохо — почти как в лучшие времена.

Впрочем, запала обоим надолго не хватило, и супруга, наведавшись в ванную, вернулась на ложе опять же без желания. Буркнув невнятно, Гелла отвернулась спиной и вскоре засопела сквозь непроницаемую броню крепкого сна…

К этому моменту других покупателей в лавке не осталось, и владелец магазина сосредоточил внимание на Корунде. Умиленно дослушав воркование супругов, старина Билли-Булл Нортон доброжелательно сообщил:

— Поздравляю, вы — счастливчик. Интересная работа, прелестная жена, чудный ребенок.

— Вы забыли упомянуть зверский аппетит. — По лицу Эдуарда скользнула не слишком веселая усмешка. — И бездну свободного времени.

— Я мог бы также упомянуть великолепную физическую форму и завидный успех у женского пола, но вижу, что вы не в духе. Какие-то проблемы?

— Жизнь не сложилась. — Эдуард вздохнул. — От этого мне тоскливо и очень хочется набить какую-нибудь морду. А лучше — кого-нибудь пристрелить.

— Ваша работа дает возможность реализовать подсознательные желания… Давно стреляли по живой мишени?

— Четыре дня назад. В полусотне световых лет. Это был большой, но вкусный гурмет.

— Планета Стерлинг… — Понимающе покивав, Нортон неожиданно сменил тему: — Вы недовольны судьбой, считаете себя неудачником, жизнь кажется пустой, а потому вы пытаетесь заполнить пустоту любовью, книгами, рискованными приключениями.

Подумав над его словами, Корунд осторожно признал:

— Возможно. Вам знакомо такое состояние?

— Оно знакомо каждому, но не каждый в этом признается, — Нортон печально развел руками. — В молодости мы мечтаем о великих подвигах, но видим лишь скучные будни, и кажется, будто жизнь прошла зря. В определенном возрасте понимаешь, что достиг предела, пора оставить глупые надежды и смириться. Это очень больно.

— Понимаю.

— Вряд ли. Вы поймете это лет через тридцать или сорок. А пока вы молоды и еще сохранили шанс что-то изменить в своей судьбе… — Решительно тряхнув головой, старик заговорил деловым тоном: — Ну-с, что мы выбрали?.. Прелестно… Альбом и роман можете получить прямо сейчас, а вот умную книжку придется изготовить. Сами понимаете — лицензионное издание.

С подобной процедурой Эдуард сталкивался неоднократно: владелец магазина должен был отослать запрос в планетарный офис интеллектуальной собственности, оттуда выдавали персональный код доступа, файлы книги сбрасывались в магазин, и уже на месте выжигался защищенный от перезаписи диск. Процесс мог занять до двух часов, поэтому Корунд попросил прислать книгу домой и поднес идентификатор к сенсорам кассы.

— Мне понравился ваш совет, — сказал он на прощание. — Давно хочу поменять образ жизни. Только не получается.

— У меня тоже не получалось, — признался Бобби Булл. — Но я знал людей, которые смогли. Некоторые из них умерли счастливыми.

Машинально сунув конверт с дисками в боковой карман куртки, Корунд побрел по коридорам, которые в этих исполинских зданиях назывались улицами. Из головы упорно не шел разговор со старым букинистом. Упустишь шанс — закончишь дни в уютном тихом местечке с ощущением собственной ненужности. Страшное дело — посвятить остаток дней поиску средств борьбы со скукой.

Из лифта он шагнул в коридор, облицованный разноцветными плитками того же псевдомрамора. Возле двери квартиры № 60-332 стоял увесистый пакет — покупки, которые Корунд сделал в супермаркете, были доставлены, пока он неторопливо прошел два внутренних квартала.

Загрузив продукты в кухонный комбайн, Эдуард запрограммировал рагу, бульон и

легкий овощной салатик. Затем отрезал мощный ломоть ветчины, завернул в тонкий лист лаваша и, меланхолично покусывая, подошел к огромному — на всю стену — окну гостиной.

Громадины соседних домов заслоняли большую часть гигаполиса, но и доступный взгляду небольшой клочок производил потрясающее впечатление. Нью-Вавилон протянулся на сотни километров — настоящие джунгли строений-великанов, кое-где разрываемые парками-оазисами. На окраине было больше парков, и дома там не выше сорока этажей, но Гелла и слышать не хотела о переезде из центра.

Прожив больше десятка лет в гигаполисах продвинутой планеты, он остался провинциалом. Душа не лежала к некоторым технологическим новинкам вроде объемных обоев с полным эффектом присутствия. То ли дело, как в детстве на Кураре, без излишеств. Простые дома с обычными видеостенами, без всяких трехмерных симуляторов…

А вот Гелла, в отличие от него, спешила забыть буколическое прошлое и стать настоящей столичной львицей. В студенческие годы она еще кое-как терпела примитивный быт в стиле прошлого века, но с недавних пор, когда у четы Корундов завелись нормальные деньги, все ее силы и большая часть семейных средств были брошены на переоборудование квартиры в духе супермодерна.

Похоже, Геллу не смущал даже бешеный ритм жизни в исполинском городе. И повадками она быстро превратилась в настоящую горожанку. Даже не считала нужным оправдываться, когда исчезала надолго. На все была нейтридовой крепости отмазка — проводятся важные исследования. Лишь однажды сказала равнодушно: «У тебя своя жизнь, у меня — своя. Считай, только ради ребенка вместе живем».

Подозрения насчет ее неверности Корунд старательно гнал прочь, но гадкие мысли все равно возвращались.

А ведь какая была любовь! Часа врозь прожить не могли!

Обрывая неприятные мысли, звякнул сигнал у двери. В почтовом ящике лежала плоская коробочка с мини-диском — та самая монография валинорского ученого. Свободное время имелось в избытке, поэтому он приготовил коктейль, вставил диск в проектор и сфокусировал изображение перед диваном, на котором обычно смотрел фильмы и читал книги.

Минут через десять, осилив середину предисловия, Корунд резко сменил горизонтальную позицию на сидячую, громко сказав:

— Ни хрена себе!

Стефан Редль сумел удивить Эдуарда. Во-первых, профессор четко сформулировал постулат, который старательно избегали Гелла и ее коллеги: междисциплинарные исследования (метанаука или глобалистика людей, учение «интегрированного познания» дзорхов и т. п.) имеют целью вовсе не изучение Вселенной, а разгадку сущности Высших, поскольку у всех Старших по отношению к Высшим выработался устойчивый комплекс неполноценности. Во-вторых, Редль неоднократно цитировал другие собственные книги, среди которых Эдуарда заинтересовала «Гениальность злодейства», написанная в соавторстве с самим Бернардом Корном. Дочитав предисловие и углубившись в первую главу, Корунд понял, что должен проштудировать все труды валинорца.

Гелла пришла с работы, когда он застрял в середине книги. Настроение жены было вполне благосклонным, она даже ответила на поцелуй, одарив Эдуарда улыбкой.

— Читаешь? — Гелла поиграла пультом, перелистав страницы на мониторе. — Как я и думала, старый маразматик демонстративно не пользуется термином «метанаука».

— Несколько раз это слово встречалось.

— Несколько раз? — Она возмущенно фыркнула. — Это наш главный идейный противник! Считает, что мы занимаемся ерундой… Козел!

— Тебе виднее. — Предвидя возможность скандала, Корунд свернул тему. — Где ребенок?

— У них экскурсия в музей естествознания. Училка обещала вернуть детей через час.

— Ужин будет готов через пять минут.

— Подождем. — Гелла, морщась, осведомилась: — Ты не возражаешь, если я посмотрю эту профанацию?

— Смотри, конечно. Я как раз собирался заняться почтой. Гору рекламного спама он стер сразу, после чего в ящике осталось всего два письма. Администрация фирмы «Сафари» просила связаться с руководством, если выпадет свободная минутка, а издательство информировало, что за истекший квартал продано столько-то тысяч копий его книг, в результате чего на счет Эдуарда Корунда перечислена приятная сумма.

— Дорогая, у нас денежек прибавилось, — громко сообщил Эдуард. — Можем выплатить проценты за квартиру и еще кое-что на сберегательный счет положить.

Акустические колебания принесли из соседней комнаты длинную серию ругательных слов, за которыми последовало пояснение:

— Это не тебе… — Гелла подошла к мужу и, обвив его шею руками, взглянула на монитор. — По-моему, в копилку можно кинуть и побольше.

— А выплаты за корабль?

— Ах да, игрушка для нашего маленького мальчика. — Она разомкнула кольцо рук. — Конечно, мечта детства стоит отдыха на лучших курортах… Точнее, стоит во много раз больше, чем семейный тур по Великому Кольцу.

Не слушая его оправданий, Гелла вернулась в гостиную. Эдуард вздохнул, предчувствуя веселое вечернее шоу, и набрал номер штаб-квартиры. Поскольку Большой Босс отбыл куда-то по важным и спешным делам, оперативное руководство фирмой осуществлял вице-президент Сидней Брукс.

— Здорово, шеф. — Эдуард помахал ладошкой. — Что-то случилось?

Ответив приветственным жестом, старый боевой друг жизнерадостно сообщил:

— Ничего срочного. Просто решил узнать, как тебе отдыхается.

Подобные дипломатические церемонии означали, что его хотят отозвать из отпуска. Корунду это всегда не нравилось, поэтому он ответил подчеркнуто сухо:

— Отдыхается прекрасно. Намерен продолжить это занятие еще неделю, после чего отправлюсь на верфь.

— Прекрасно! — вскричал Брукс, приветливо улыбаясь. — Два дня активного отдыха взбодрят тебя. Всего два. Проведешь полдюжины экстремалов по Мистерии, забросишь на Теоле — и получишь дополнительно пять дней отпуска.

Крюк к Теоле несколько менял дело, но следовало поиграть в несогласие. Проявишь разок покладистость — завтра же придумают новое приключение… Скептически прищурясь, Эдуард проворчал:

— Ты еще повесь мне лапшу, будто корабль дадите.

— Дадим, «Восьмерка» уже заправляется, — заверил Сид, продолжив с умоляющей интонацией: — Войди в положение — Франтишек заболел, а я не могу послать Элен в джунгли с бандой сумасбродов. К тому же возле храма нужны особые артистические способности, девчонка не потянет.

— Что за компания? Буйный молодняк, наверное… В прошлый раз придурки едва не взломали врата подземелья.

Вице-президент заверил строптивого сотрудника: дескать, все туристы — солидные леди и джентльмены, у всех имеются внушительные банковские счета, на учете в полиции не состоят, все далеко не новички, так что серьезных проблем возникнуть не должно.

— Охотничьи лицензии?

— Оружие только у двоих, бумаги оформлены, как обычно. Проследи краем глаза, чтобы не выходили за рамки приличий.

Переключившись на служебный сленг, они быстро обговорили технические детали. На прощание Корунд еще раз напомнил, что ему обещаны пять дней. Вместо клятвенных заверений Брукс переслал готовый приказ. Все верно — премировать старшего спецпроводника Э. Г. Корунда заслуженным отпуском в размере ста двадцати стандартных земных часов.

В прихожей послышались возмущенные вопли — вернулась из музея наследница. Эдуард торопливо попросил:

— Сид, я приготовил сувениры для друзей-теолийцев — там всякие безделушки, которые нравятся туземцам. Ты уж проследи, чтобы контейнер забрали из моей ячейки на складе и погрузили на «Восьмерку».

— Без проблем. — Брукс кивнул, но добавил укоризненно: — Ты поосторожнее со своим бизнесом.

— Жить-то надо…

Теперь следовало потактичнее объясниться с семьей. Судя по голосам из соседней комнаты, обстановка там накалялась.

Сольвейг капризничала: не хотела супчик и рагу, соглашаясь только на торт и мороженое. Гелла начинала нервничать — когда Эдуард сел за стол, как раз прозвучали обещания отшлепать и оставить без вечернего мультика.

— Увидела отца дома — сразу от рук отбилась, — раздраженно поведала Гелла. — Давай воспитывай свое сокровище.

— Раз она не слушается, придется мне снова улететь куда-нибудь подальше, — воспользовался удобным случаем Эдуард. — Если сейчас покушает, то вернусь через три дня. Если нет — задержусь на месяц.

— Папочка, не улетай, — захныкала Сольвейг. — Я буду послушная.

Обиженно всхлипывая, она взялась за ложку. Гелла проворчала, недовольно надув губки:

— Воспитатель… великий педагог.

Как и все мужчины, он хотел сына, но восемь лет назад родилась Сольвейг. Продолжить демографический процесс Гелла не пожелала, хотя физиологический анализатор не раз подсказывал даты, когда они могли бы обзавестись мальчиком. Жена никогда не говорила этого вслух, но Эдуард понимал: второй ребенок помешал бы ее карьере.

— Хорошая девочка, — похвалил Эдуард, когда Гелла унесла пустые тарелки. — Теперь можно и мороженого.

Казалось, мир в семье восстановлен. Увы, иллюзия согласия рассеялась очень скоро. Уложив ребенка, Гелла поинтересовалась, куда любимый супруг собирается вновь исчезнуть на пресловутые три дня. Эдуард ответил, придав голосу беззаботную тональность:

— Попросили слетать на Мистерию. Я там еще в прошлом месяце разбросал барахлишко, вот и…

— Ага, на Мистерию, а не на Теоле, — ядовитым голосом прервала его Гелла.

— На Мистерию, причем ненадолго, — виновато заверил Эдуард. — На уик-энд буду дома.

— Это уже не три дня, а все пять. Что так долго?

— Кое-какие торговые дела намечаются. Кроме того, надо будет заглянуть к сестренке на верфь. Потороплю, чтобы корабль поскорее заканчивала.

Выражение ее лица сделалось равнодушным. Пожав плечами, Гелла холодно процедила:

— Ну лети, если так нужно.

Настроение жены Корунду не понравилось. В отчаянной попытке спасти вечер он упомянул дополнительный отпуск и выгодную сделку с купцами Теоле. Услыхав про эту планету, Гелла изобразила понимающую гримасу, и стало ясно: примирения ждать не стоит.

— А как книга? — невпопад, после получасового молчания, ляпнул Эдуард. — Сильно плохая?

Саркастическая мина сменилась недовольной. Увести настроение на нейтральную тему не удалось — Гелла раздраженно проговорила:

— Жалкая попытка решать проблему, игнорируя наши результаты. Вспоминает нас от

силы пару раз, как будто не мы лидируем в этой гонке! Говорить о метанауке, забыв о работах Анзора Бельского, — это высшая стадия непрофессионализма! Все основные достижения последнего десятилетия связаны с нашими исследованиями…

После аспирантуры она работала в научном центре Нью-Вавилонского университета и быстро стала ведущим исследователем-координатором лаборатории метанауки, которую возглавлял профессор Бельский. Сейчас Геллу прорвало, и она принялась, словно на панихиде, прославлять заслуги и достоинства шефа.

В плохом настроении, словно желая уязвить мужа, Гелла громко восхищалась коллегами — великими талантами, мощно двигающими процесс познания. Сегодня объектом восхваления стал Анзор Бельский.

Эдуард в очередной раз услышал трепетный рассказ о гениальном ученом, который чуть ли не на пустом месте заложил основы метанауки без надуманного деления на физику, химию, математику, историю или философию. Природа — это Корунд тоже слышал неоднократно — не знает такого деления, оно выдумано людьми, потому что предки неспособны были охватить Вселенную как целое.

Дрожащим от благоговения голосом Гелла восклицала:

— В истории уже были гении-пророки, сумевшие постичь высшие тайны природы: понятия волны и поля, законы термодинамики, электромагнитных потенциалов, квантовые постулаты, энтропию, роль скорости света, волновую и вихревую функции…

Изрядно разозлившись, Эдуард прервал поток ее восторгов:

— Короче, сейчас ты живешь с ним?

— Не будь пошляком. — Она поморщилась. — Можно подумать, это тебя волнует.

— Представь себе!

— Разве не ты живешь с кем попало? — хладнокровно парировала Гелла.

Люди, к сожалению, болтливы — с некоторых пор Корунд подозревал, что кто-то рассказал Гелле о Колайре. А может, сам по рассеянности назвал ее варварским именем, и слишком умная жена без труда сделала правильный вывод.

Рано или поздно этот разговор должен был случиться. Набравшись храбрости, Эдуард бросил давно заготовленную фразу:

— Да, я тоже кое-что себе позволяю. А что поделать, если любимая жена налево-направо изменяет?

— Не преувеличивай. — Она сделала каменное лицо. — Ни к чему такой разговор. Но если тебе приспичило, то скажу: кроме тебя у меня было всего девять любовников. Пять до нашей связи и четыре после.

— И того много!

— Небось у самого не меньше сотни. Сотрудницы фирмы, туристочки, туземочки…

Презрительно фыркнув, Гелла удалилась в свою спальню. Настоящего скандала не получилось. Стороны всего лишь обозначили позиции.

2

Чтобы преодолеть два десятка световых лет между Дзетой Тукана и Солнцем, хорошему звездолету с гипердвижком нужно чуть меньше суток. Перелеты на ракетной тяге внутри одной системы воруют значительно больше времени. Даже на постоянном пятикратном ускорении рейс Джуманджи — Мистерия должен был занять сотню часов.

Поскольку туристы ждали спецпроводника Корунда гораздо раньше, руководство фирмы «Сафари» позаботилось о лицензии на использование генератора многомерности.

В пространстве было тесно. Причальная зона работала с обычной нагрузкой, обслуживая одновременно сотни кораблей. Межпланетные и межзвездные рейсы, словно прочные канаты, связывали воедино человеческую цивилизацию. Пассажирские лайнеры, разведчики планет и летающие лаборатории, исполинские грузовозы и среднетоннажные каботажники, крейсера и фрегаты военного флота, прогулочные яхты, танкеры-заправщики,

буксиры — эта армада непрерывно перемещалась между стокилометровых ферм, нанизанных на башни космических лифтов. Эфир заполняли требования освободить причал, предоставить коридор, подать горючее, немедленно приступить к погрузке-выгрузке.

Первую тысячу километров Эдуард преодолевал около часа, переругавшись с дюжиной капитанов и диспетчеров. То и дело приходилось переключаться на ручное управление, чтобы выйти из опасных сближений. Потом интервалы между кораблями сделались просторнее, диспетчеры нашли для «Восьмерки» подходящую траекторию. Получив разрешение прибавить ускорение, Корунд врубил кварковые движки, направив кораблик перпендикулярно эклиптике.

Автопилот уверенно держал курс, двигатели тянули режим, изредка покашливая, что было в порядке вещей. Ближайшие часа три Корунду предстояло скучать под баюкающее подвывание кварковых ракет, уносивших «Восьмерку» в места, где можно будет перейти на более радикальные способы перемещения. Просто валяться на койке в расслабленном покое — на такую роскошь Эдуард не решился — обязательно полезут мысли о семейных неурядицах. Спать не хотелось, слушать музыку — тоже. Оставалось включить видеофон и почитать умную книжку.

В этот полет он прихватил автобиографию Ларри Сантаньи, который полтора столетия назад заложил основы мета-науки и на базе своих постулатов резко продвинул теорию трансрелятивистской физики. До сих пор физики и философы называли его пророком в ряду таких гигантов, как Ньютон, Эйнштейн, Бор.

Многоэкранный комплекс показывал страницы текста и видеоклипы, в комментариях звучал голос самого Сантаньи, гиперссылки выводили читателя на скопления формул — простых на вид, но невероятно глубоких по смыслу, раскрывающих весьма интимные секреты Мироздания. Однако здесь не было ответов на те вопросы, которые так интересовали Эдуарда Корунда.

Сантанья не объяснял, почему он с отчаянным фанатизмом занимался разделом науки, который до него считался глухим тупиком. Вероятно, ему было просто интересно. Вероятно, молодой Ларри углядел за мнимым тупиком узенькую тропинку, ведущую к разгадке вечных тайн пространства, времени, материи. Увидел путь во тьме — и стало любопытно, что там получится. Вероятно, он просто не мог не заняться этой проблемой. Гений ввязался в азартную игру и не мог отступить, не добившись победы.

И еще — Сантанья ни разу не сказал, как удалось ему найти пресловутый Алгоритм Вердикта. Порой казалось, что Ларри был и сам потрясен этим своим успехом. Великий ученый даже приводил в пример предшественников, которым изредка удавалось подобное чудо. Аксиомы Эвклида, оператор Лагранжа, начала термодинамики, периодическая система Менделеева, постулаты Бора, принцип относительности Эйнштейна, волновая функция Шредингера, парадоксы Азаринского — авторы пришли к этим гениальным озарениям на основе логического анализа вставших перед наукой проблем. Не было ни строгих доказательств, ни математических выкладок — просто формулируются несложные правила, зачастую противоречащие прежним представлениям о здравом смысле. А в результате наука получает объяснение тех абсолютно загадочных феноменов, над которыми десятилетия ломались не худшие мозги человечества.

«Может, не зря некоторых ученых называют пророками», — без ложной скромности сказал Сантанья в интервью после Нобелевской церемонии…

Сложная цепочка ассоциаций больно уколола Эдуарда, и он, торопливо коснувшись сенсора, остановил воспроизведение. Появилось неприятное чувство: именно эта фраза косвенным образом сыграла роковую роль в интимной жизни четы Корундов.

Полтора десятка лет назад ассистент его покойного тестя подхватил тезис о сходстве гениев и пророков, сделав изречение Сантаньи одним из постулатов метанауки. По-детски восторженная Гелла, не в силах сдержать эмоций, при первой же возможности призналась в любви мерзавцу Рафаэлю, которого считала одним из величайших ученых эпохи. Тот,

естественно, не мог упустить столь удобный случай, а потому немедленно отвел наивную красотку в подсобку и деловито лишил девственности прямо на груде грязных лабораторных комбинезонов под неаппетитные ароматы отработанных растворов.

Случившееся вскоре разочарование в любимом человеке, а также серия последующих неудачных романов озлобили Геллу, добавив ее непростому характеру избыток цинизма и лишив остатков уважения ко всем постельным партнерам. В первую очередь к мужу, которого Гелла с некоторых пор считала безнадежным неудачником.

Чтение вернуло мысли к погибающей семье. Это уже диагноз. Почти приговор.

К счастью, время разгона истекало, и автопилот выкинул на монитор рапорт о приближении расчетного сектора. На всякий случай предусмотрительная машина продублировала сообщение голосом и гудками зуммера.

Корунд лениво навел курсор на «Исполнение» и дважды нажал левую клавишу. «Исполнить? Вы уверены?» — переспросил недоверчивый компьютер, получив в ответ еще один двойной клик.

М ПК «Восьмерка», то есть малый пассажирский космолет «Сафари-8», проект 4615, тип «Белка», был оборудован гипердвигателем «Конус-18А» для внепространственных перемещений в радиусе тридцати — сорока световых лет. Сейчас МПК прыгнул на световой час.

Система Дзеты Тукана, включавшая две звезды, шесть планет, а также три пояса астероидов, была вдобавок окутана облаком комет, гигантских каменных обломков, глыб льда и замерзшего газа. Точная копия Солнца, желто-белый субкарлик главной последовательности Зета и красный субгигант вращались вокруг общего центра тяжести.

У желтой звезды было три планеты: горячий, размером чуть побольше Марса, богатый тяжелыми элементами Хеллфайр, газовый пузырь Гекатонхейр и Джуманджи — родная сестра Земли. Еще две планеты, пригодные для жизни людей, Мистерия и Теоле, — вращались вокруг красного солнца. На уютной Теоле жили племена, генетически неотличимые от людей, и за последние полвека теолийцы шагнули из пещер в средневековье. Для холодного субгиганта земляне оставили теолийское название — Фаркуана. Третьим спутником этой звезды был Кианос — размерами чуть больше Земли, втрое массивнее, окруженный тонкой, но плотной ядовитой атмосферой.

«Сафари-8» направлялся к дикой жаркой Мистерии. Здесь в изобилии встречались горы, джунгли, водоемы всевозможных размеров, травоядные и хищные ящеры, а также рыбы различных видов и вкусовых качеств. Мечта любителей острых ощущений. И не только любителей, но и профессионалов.

Локатор уже засек приближение пассажирского лайнера. Для видеосвязи было далековато, но из динамика послышался голос:

— «Сафари-8», я — «Королева эльфов». Ты готов? Мы можем начать через четверть часа.

— Успеваю, — сообщил Эдуард. — На что пассажиры похожи?

Расстояние между кораблями быстро сокращалось, но радиоволнам требовалось время, чтобы преодолеть миллионы километров. Космонавт «Королевы» ответил примерно через полминуты:

— Бывало хуже, особых неприятностей не должно случиться… Между прочим, тебе Радмила передавала горячий привет. Интересовалась, не собираешься ли ты с женой разводиться.

— Подумываю. А с какой стороны мой развод ее касается?

— Тебе виднее. Насколько я знаю, она сейчас в свадебном путешествии.

— Опять? Вот неугомонная…

К концу этого Диалога скорость «Восьмерки» упала ниже второй космической. Трасса вела через верхнюю атмосферу точно над субтропическим континентом Хостланд. Едва МПК завис над северо-восточной частью материка, с лайнера передали:

— Груз за бортом.

— Принимаю.

На такой дистанции Корунд не мог разглядеть подопечных, но радар показал выброшенную с корабля платформу. Примитивная рама с герметичной кабиной и слабенькими движками гасила скорость, приближаясь к «Сафари-8».

Прибавив ходу, лайнер взял курс на Зету. Теперь ответственность за туристов легла на Корунда. Прокашлявшись, он проговорил умеренно торжественным голосом:

— Дорогие путешественники, фирма «Сафари» рада приветствовать вас в системе Дзеты Тукана. В данный момент я нахожусь в трехстах километрах от вас и могу, если пожелаете, принять всех на борт.

— К дьяволу! — отозвался сочный мужской голос— Лично я буду прыгать.

— Я тоже… не нужна твоя помощь… — наперебой закричали остальные. — Не для того деньги платили.

Порадовавшись за лихих экстремалов, Эдуард напомнил порядок действий. «Восьмерка» идет на посадку, а туристы выбрасываются с платформы, стараясь приземлиться поближе к кораблю. Инструктаж он закончил традиционным: — Поехали!

Первые полторы сотни километров туристы опускались на антигравах, и Корунд контролировал их полет, так что все оставались поблизости от МПК. При этом никто не стал искушать судьбу, продолжив свободное падение с разгоном до сверхзвука. Люди подобрались серьезные — это радовало.

В мало-мальски плотных слоях атмосферы раскрылись парашюты, и команду начало разносить в разные стороны. Впрочем, опытные туристы умело работали стропами, стремясь не удаляться от «Восьмерки». Корунд посадил корабль на равнине, но только трое из семи подопечных приземлились в зоне видимости. Четвертый упал в реку, но выбрался самостоятельно. Пятый сообщил, что находится в лесу, видит корабль за деревьями и скоро подтянется. Шестой упал на тот же лес и попросил посигналить ему ракетами. Седьмой не отзывался.

Воздух был пригоден для дыхания, прививки от местных микробов сделаны, жара не чрезмерна, скафандры не нужны, перед высадкой туристы должны были намазаться лосьоном, отгоняющим насекомых. Реальных опасностей было две: травма при посадке и встреча с крупной фауной. И то, и другое маловероятно, хотя случаются неприятные исключения.

Корунд вышел из корабля в легком походно-охотничьем костюме и кроссовках. На плече — карабин, на поясе — нож, фляжка и аптечка. Видеофон в нагрудном кармане включен, по старой привычке, на непрерывную запись. На носу — очки с инверсионными линзами, гасившими красный свет Фаркуаны.

Экстремалы уже подходили к «Восьмерке». Ближайшие — мужчина и женщина — шагали неторопливо, размахивали руками, показывая на окружающие красоты, снимали все подряд мощными камерами. Судя по сведениям, которые штаб сообщил Эдуарду, это были супруги Хлумовы — Феофан и Сабина. Оба пользовались услугами «Сафари» не первый год, побывали в десятке систем, имели статус постоянных клиентов и право на скидку.

Выбравшийся из реки Уильям Томсон припустил бегом и оказался возле корабля раньше, чем Хлумовы и аккуратно приземлившийся совсем рядом с «Восьмеркой» Зураб Баркая. «Отличная физическая форма, — уважительно отметил Эдуард. — Скафандр скатал, ружье удобно висит…»

Томсон небрежно кивнул проводнику, продолжая разговаривать по мобильнику:

— Помощь нужна? Ну ладно. — Он сообщил Корунду и остальным: — Джим Ки-Вонг в лесу, с ним Валери Монтроз. Будут здесь через полчаса.

— Значит, осталось найти Оливию Рейнхард, — резюмировал Эдуард. — Кто-нибудь знаком с этой дамой?

— Наше знакомство в прошлом, — не без горделивого похабства усмехнулся Баркая. — Сейчас она даже эффектнее, чем в годы нашей молодости, и прекрасно управляет

парашютом. Я видел, как фигура в красном скафандре приземлилась за холмами на северо-запад отсюда.

Сабина Хлумова произнесла насмешливо:

— По-моему, эта дама любит привлекать внимание к собственной персоне.

«Если бы только она», — подумал Эдуард и снова набрал номер Оливии. Туристка не откликнулась. Из леса на юге показались два человека в скафандрах — желтом и сером. Вероятно, Ки-Вонг и Монтроз.

— Ждите здесь, — распорядился Корунд. — Вас будут охранять роботы, но при появлении крупных животных советую все-таки укрыться в корабле.

Два робота-охранника уже курсировали вокруг «Восьмерки», вращая головами в поисках возможной угрозы. Третьему придется послужить авиароллером. Подозвав машину, Корунд задал режим трансформации. На спине шестиногого паука выросло удобное двухместное седло. В следующую минуту робот висел на высоте трех метров, поджав лапки. Корунд сидел у него на спине, держась за рукоятки управления, выросшие из боевой части.

Паук летел примерно втрое быстрее бегущего человека, постепенно набирая высоту. Под брюшком машины скользила кирпично-шоколадного цвета равнина, местами поросшая голубыми колючками. Полевую руку, примерно в километре от трассы полета, тянулся лес, в котором заплутали Монтроз и Ки-Вонг. В небе светили оба солнца: Зета была почти в зените, а красный гигант выставил полдиска над восточной частью горизонта.

Туристы разозлили Корунда. Хотите посмотреть планету — возьмите недельный тур. И горы увидите, и джунгли, и саванну, и в океане искупаетесь, и на экзотического зверя поохотитесь — лесного и морского. Но эти торопились, им главное — отметиться в очередном мире. Будут потом показывать фотки, небрежно вспоминая: то ли на Стеллене было дело, то ли на Мистерии, то ли на Венере…

И эта дура, которая нарочно спланировала на парашюте подальше от корабля и видеофон выключила. Специально, чтобы к ней, бесценной, проявили особую заботу, чтобы вся группа ждала, пока наглая сука соблаговолит присоединиться к остальным…

За грядой холмов лес кончился. Рельеф был степной, слабо пересеченный, здесь росли разделенные солидной дистанцией группы корявых деревьев и бродило стадо травоядных ящеров тетрамопсов. Упитанные рогатые звери размером с бегемота и крупнее меланхолично жевали колючий кустарник, а порой вставали на задние лапы, чтобы поглодать мясистые пальмовые листья. Несколько особей неторопливо двигались на водопой — к источнику, струя которого стекала по камням в крохотное озерцо.

Именно возле этой лужи Корунду бросился в глаза ярко-красный цвет скафандра.

Теоретически туристке ничего не угрожало: медлительные неповоротливые рептилии крайне редко нападают на людей. Но вздорная бабенка была способна выкинуть любую глупость, после чего рассвирепевший ящер запросто может растоптать, зашибить хвостом или боднуть сдвоенным рогом.

Обгоняя животных, он направил робота к оазису. Скафандр валялся на траве, рядом была разбросана одежда, включая нижнее белье, из кармашка рюкзака уныло сигналил видеофон. Хозяйка этого барахла с интересом разглядывала Корунда, купаясь нагишом в прохладных струях водопада.

— Здравствуйте, Оливия, — почти любезно сказал Эдуард, посматривая на приближавшихся тетрамопсов. — Поздравляю, ваш день прошел не зря — успели принять душ и заставили всех поволноваться.

Насколько он мог заметить, Оливии было под сорок, хотя короткая стрижка и нарочито наивный взгляд немного молодили ее. Только не бывает у юных девушек такого отшлифованного многократным употреблением тела.

— Ах, мне так жаль, — пропела она. — Вода так соблазнительна… Вы намекаете, что мне стоит поторопиться?

— Как знаете. — Эдуард пожал плечами. — Но через пару минут здесь будут эти

милые зверушки. Они имеют привычку мочиться на незнакомые детали рельефа. Кстати, робот ведет непрерывную видеосъемку — для отчета.

За его спиной послышалось возмущенное ворчание, по воде прошлепали босые ступни. Судя по звукам, Оливия Герхард торопливо натягивала одежду на влажное тело, вполголоса чертыхаясь. Впрочем, Эдуард почти забыл про капризную красотку — на равнине в любой момент мог появиться новый персонаж.

— Я готова, — сообщил сзади раздраженный женский голос— Если вы намерены до вечера медитировать в этой позе, я ухожу.

— Медленно отступайте к роботу, — прошипел Эдуард. — Не делайте резких движений.

Он тоже попятился, не отрывая взгляд от лесного массива. Деревья там подозрительно покачивались, и порой над кронами мелькало нечто, почти неотличимое по цвету от листвы.

Возле робота Корунд впервые посмотрел на одетую туристку. Выглядела та недурно: хорошо подогнанный по фигуре походный комплект, кинжал на боку, видеокамера с мощным объективом. Тетке явно не впервой ходить по умеренно диким планетам.

— Так и будете пялиться? — Оливия, чувствовалось, начинала злиться. — Чего мы ждем?

— Скоро начнется захватывающее шоу. — Эдуард улыбнулся. — Вы сможете снять потрясающие кадры.

Он едва успел объяснить, куда наводить камеру. Громадный, как слон, Деймозавр Кинг выскочил из зарослей, галопом устремившись к тетрамопсам, которые паслись отдельно от стада. Самки с детенышами проворно затрусили прочь, а три самца попытались преградить дорогу деймозавру. Непринужденно перепрыгнув частокол рогов, двуногий хищник настиг бегущих, выбрал корову приличной упитанности, ловко вонзив клыки в холку.

Несколько самцов, включая великана-вожака, стали окружать плотоядного ящера, но тот угрожающе взмахнул шипастым хвостом, оскалил жуткую пасть и оглушительно взревел. Тетрамопсы послушно покинули боевой рубеж, и вскоре все стадо собралось возле источника, шумно высасывая лужу. Жалкий ручей, вытекавший из озера, моментально обмелел.

— Охота закончилась? — разочарованно спросила Оливия. — Я слышала, что эти звери ходят парами.

— Будет вам продолжение. Скатайте-ка пока свой скафандр. Вдруг придется бежать…

Они вели этот разговор в сотне шагов от стада, мирно допивавшего остатки воды. Корунд помог туристке упаковать и навьючить на робота космическую одежонку. Покончив с делами по хозяйству, экстремалка продолжила съемку, нацеливая объектив то на пьющих тетрамопсов, то на жрущего Деймозавра Кинга. Потом это занятие наскучило ей, и дама осведомилась:

— Так что же интересного может случиться? Пресловутый король ужасных ящеров бросится на нас и вы его застрелите?

— Нет-нет, все намного прозаичнее, — разочаровал ее Корунд. — Вы правы, деймозавры ходят парами. Раз этот зверь один, значит, его самка высиживает яйцо. Стало быть, счастливый папаша должен добыть немного мяса для подруги.

— Но не раньше, чем набьет собственное брюхо, — смекнула Оливия. — Все мужчины одинаковы.

Сказано было со знанием дела. Корунд едва успел спрятать ухмылку под привычной маской сурового безразличия: женщины такого пошиба знают мужчин лишь одного строго определенного типа — хищных эгоистов. Но щедрых, коли дело касается известных бабских услуг.

Между тем деймозавр, покончив с трапезой, распрямился. Зверь стоял на мощных нижних лапах, опираясь на хвост. Висевшие вдоль живота верхние конечности — каждая в три человеческие руки — казались маленькими по сравнению с огромной тушей. Конечно, ящеры Мистерии были помельче родичей из земного кайнозоя, но башка этого красавца

ритмично покачивалась на уровне чердака двухэтажного коттеджа.

— Садитесь на робота, — посоветовал Эдуард. — Следующую сцену лучше снимать сверху.

Скажи он, что так безопаснее, туристка могла заартачиться, но прозвучавшее объяснение подействовало. Понимающе закивав, Оливия послушно села в заднее седло, пристегнулась и потребовала, показывая рукой направление:

— Надо будет зависнуть вон в том направлении, чтобы большое солнце светило в спину.

Набрав высоту, Корунд обнаружил, что продолжение уже началось. Неторопливой трусцой зубастый сократил дистанцию, после чего взял спурт. Травоядные успели среагировать — самые крупные самцы снова развернулись полумесяцем, выставив рога и заходя противнику во фланг. Деймозавр снова прыгнул, в полете повалив ударом хвоста молодого тетрамопса. Оливия восхищенно взвизгнула.

Самки с детенышами уходили резвой иноходью, но хищник легко настиг их. Понимая инстинктами, что спасения все равно нет, две мамаши, развернувшись на скаку, бросились в самоубийственную атаку, прикрывая молодняк. Деймозавр ловко взмахнул хвостом, шипы на котором вонзились в шею коровы. Та захрипела, и хищник добил ее когтями нижней лапы. В тот же миг вторая самка с разбегу проткнула другую лапу зубастого охотника.

Деймозавр заревел, как сирена предстартовой готовности, резко отпрянул, стряхнув вонзившийся в него рог, и попытался ухватить зубами травоядную, но та увернулась. Почти одновременно подоспевший самец налетел на врага, ударив обеими парами рогов чуть повыше колена. Продолжая реветь, деймозавр дотянулся клыками до его холки, сжал челюстями и вырвал из раны вместе с добрым куском собственных мышц и шкуры. Розовая кровь обильно текла по обеим лапам, хищник был почти бессилен, однако другие тетрамопсы не спешили нападать.

На том и разошлись. Хромающий деймозавр удалился в джунгли, оставляя кровавый след, но унося в пасти убитую в начале драки самку. Проводив его равнодушными взглядами, тетрамопсы вернулись к луже, продолжив водопой.

— Великолепное шоу! — Оливия была в восторге. — Здесь часто случается такое?

— Хищники питаются ежедневно… — Корунд направил робота в сторону «Восьмерки». — Просто вам повезло в нужный момент очутиться рядом.

Помолчав немного, туристка с чувством произнесла:

— Поучительная сценка. Борьба за выживание в дикой природе. Да и в человеческом обществе точно так же: чтобы добиться своего, не обойтись без глубоких ран. Пусть не на теле, но в душе.

Ей, безусловно, был ближе хищник. Эдуарду же охота казалась аллегорией отношений между людьми и Высшими.

Сильный нападает, выбирает себе жертву и грозно рычит. Мы послушно отступаем в надежде, что сверхцивилизация удовлетворится малым. Мы спокойны и безмятежны, но потом они нападают опять и вновь добиваются своего. Люди да и остальные расы Большого Квартета уподобились отаре жвачных, согласившись время от времени платить Высшим кровавую дань и выполнять любые их капризы.

«Схожу с ума, — грустно подумал Эдуард. — Все мысли вертятся вокруг двух эпицентров — измена Геллы и ненависть к Высшим. Родители правы — плохо кончу…»

Спустя три часа «Восьмерка» стояла на гранитной площадке посреди Красных Гор, а туристы, восторженно ахая, фотографировались на фоне роскошной панорамы. Солнце-гигант Фаркуана закатилось, и в ярком свете далекого желтого субкарлика особенно живописно смотрелась фиолетовая листва альпийских рощ.

Пока путешественники развлекались, Корунд набил мешок местными минералами. Покончив с этим особо важным делом, он поболтал с приятелями, работавшими на исследовательской станции в паре сотен километров отсюда. Друзья сообщили, что

тропический шторм уже прокатился мимо, удаляется в глубь континента и скоро совсем зачахнет.

— Опять будешь дурить респектабельных обывателей? — хохотнул метеоролог Володя Кострищев.

— Работа у нас такая, — сурово поведал Эдуард. — Какой прогноз на сутки?

— Ничего особенного… подожди… — Володя отвернул голову от монитора, выслушал кого-то невидимого и продолжил: — Наш зоолог просил передать, что на известной тебе равнине между морем и Отражателем огромные отары шашлыка пасутся. Если у твоих придурков есть лицензия — пусть займутся делом. А потом поделятся мясом.

— Что бы я без вас делал! Будет вам свежатинка, не сомневайтесь.

Володя хихикнул, потом сообщил, понизив голос до шепота:

— Джейн однажды пообещала тебе глазки выцарапать. А сейчас рвется в экспедицию за шашлыком.

— Глазки, говоришь… Ничего, я в очках.

— Не беспокойся, сегодня она будет смирной. Замуж собралась, жених от нее ни на шаг не отходит.

— Значит, очки целы останутся. Ну до встречи.

Вернув плоскую коробочку видеофона в нагрудный карман, Эдуард громко позвал подопечных. Нехотя отрывая взгляды от горных красот и демонстрируя мимикой умеренное недовольство, туристы собрались вокруг проводника. На лицах застыл невысказанный вслух вопрос: дескать, чего тебе, холоп? Впрочем, услыхав про охоту, компания малость оттаяла.

Охота получилась скучной, но туристы были в восторге. По равнине бродили несметные стада травоядных ящеров, а вокруг слонялись хищники разных видов. Ошеломленные обилием мишеней охотники выбрали по двухтонному гребнехвосту и пару злобных многозубов. Оба — и Томсон, и Ки-Вонг — оказались прекрасными стрелками, так что удовольствие растянулось от силы на полчаса. Когда нижний край Зеты коснулся горизонта, добыча была увезена за сотню километров от гомона десятка тысяч рептилий.

Пока туристы разводили костер, Эдуард занялся хищниками. Отрубленные головы многозубов получили двойную долю консервантов и отправились в холодильник «Восьмерки». На соседней полке разместились скатанные в рулон квадратные метры чешуйчатой шкуры и два огромных ломтя мяса.

Потом прилетели на тяжелом грузовике Джейн с пресловутым женихом и с ними Володя. Злобная кошка явно хотела вызвать ревность Эдуарда, поэтому буквально висела на шее незнакомого здоровенного парня и слащаво сюсюкала с ним, бросая на Корунда вызывающие взгляды.

— Даже завидую вам, ребята, — почти искренне признался спецпроводник. — Почему меня никто так не любит?

— Неужели никто? — Володя недоверчиво прищурился.

— Ну практически никто…

Обозленная Джейн вдруг заторопилась, не пожелав дождаться почти готовых шашлыков. Ее спутники попытались возражать, но быстро капитулировали и отбыли на станцию, увозя в крытом кузове четыре туши.

Проводив машину недоуменным взглядом, Баркая вновь сосредоточил внимание на процессе приготовления кулинарного чуда. Поворачивая над жаром почти готовый шашлык, он невнятно прокомментировал:

— Нам больше достанется.

Куски мяса и сала, насаженные на керамические шпаги, ожесточенно брызгали шипящими соками на тлеющие угли, распространяя нестерпимые ароматы. Туристы рвались попробовать, но непреклонный Зураб отгонял изголодавшихся спутников.

— Сгорит же мясо, варвар ты орионский! — возмущался крупногабаритный и, видимо, прожорливый Монтроз.

Посмеиваясь, Эдуард помог супругам Хлумовым раскатать на траве полотнище даймерилона — биологически активная пленка отпугивала членистоногих. Успели к сроку — едва Феофан придавил камнем последний угол подстилки, Баркая объявил:

— Готово, разбирайте.

Шашлык был великолепен: сочное, в меру жирное мясо, покрытое равномерно прожаренной корочкой, буквально таяло во рту. Обстановку пикника прекрасно дополнили извлеченные из корабельного холодильника три бутылки — водка, коньяк и вино. Пока повеселевшая компания смаковала дары инопланетной природы, подрумянилось мясо на второй дюжине шпаг. Женщины во всеуслышание заявили, что в них больше не влезет, после чего вопреки здравому смыслу немедленно набросились на следующую порцию.

Незаметно оказалось, что в бутылках остается совсем на донышке. Оценив остроту момента, Валери Монтроз попросил разлить последние капли, привстал на колени и торжественно провозгласил:

— Друзья! Предлагаю выпить за этот райский уголок Вселенной. Надеюсь, массовая колонизация все-таки начнется, и я смогу выбрать здесь участок для поместья.

Обжигающая жидкость потекла по глотательным каналам, и публика подхватила: да, мол, на этой планете можно жить. Лишь мрачный Томсон высказал сомнение:

— Должен огорчить вас, коллеги, но заселения Мистерии не будет. Когда-то здесь существовала колония, но Высшие заставили людей уйти. Вы же видели: персонал научной станции даже не имеет права охотиться — они подъедают дичь за туристами.

Услыхав эту несусветную глупость, Эдуард чуть не подавился предпоследним куском шашлыка. А с другой стороны, удивляться нечему: в головах обывателей с благоустроенных планет изрядно перемешивались обрывки сведений о событиях на разных мирах.

Между тем захмелевшие туристы разволновались, даже возбудились, и Оливия выкрикнула:

— Подонки! Высшие совсем обнаглели!

— Не стоит сжигать нервные клетки, дорогуша, — насмешливо посоветовал Хлумов. — Такова участь слабых. Человечеству дозволено жить, но лишь при условии, что мы не будем раздражать тех, кто выше нас. Обидно, хотя гуманно — гуманнее, чем закон джунглей. Есть надежда, что нас не тронут, если будем вести себя хорошо.

Его лениво поддержала супруга:

— Не понимаю фанатиков, которые кричат об униженной гордости, зовут бороться с произволом Высших. Человечество прекрасно устроилось на двух десятках планет. Сколько раз говорили по ящику: пространства для жизни и созданных технологий вполне достаточно, чтобы наша раса прекрасно существовала многие века. Зачем же дразнить всесильных повелителей Вселенной? — Сабина Хлумова угрожающе добавила: — Мы знаем, за кого голосовать на следующих выборах. Все согласны со мной?

— Пожалуй, — сказал Томсон. — От исследований в области парадоксальной физики жизнь богаче не станет. Следовательно, незачем тратить деньги на ерунду.

— Затормозить прогресс — это скучно, — покачивая головой, проворчал Ки-Вонг. — И опасно. Любая остановка в развитии ведет к гибели.

Самый старший в компании Монтроз усмехнулся:

— Это все равно что мне прикажут жить только с женой и никаких приключений на стороне. Нет, Сабина, не могу с вами согласиться.

В награду он получил поцелуй от сидевшей рядом Оливии, а Сабина угостила старого повесу презрительной гримасой. Снисходительно поглядывавший на спутников Баркая заметил равнодушным тоном:

— Никогда не задумывался над такими глупостями. Друзья, не забивайте мозги проблемами, которых нам никогда не решить. Мы выбираем сенаторов и президентов — пусть они думают о политике.

— Наше правительство — стадо трусливых страусов! — экспансивно вскричала госпожа Рейнхард. — Прогресс, и только прогресс! Назло всем!

Хмельные туристы затеяли сумбурный спор, никто не желал слушать чужих доводов, но старался перекричать остальных. Эдуард начал злиться: он терпеть не мог напыщенных придурков, чья эрудиция ограничена обрывками сплетен, а цель жизни — получить максимум удовольствий, не принося никакой пользы обществу и цивилизации. Стадо травоядных, готовых предать собственную расу ради сытной кормушки в галактическом зоопарке.

Лениво постучав пустой водочной бутылкой об коньячную, он громко произнес:

— У вас неверная информация, Томсон. Высшие вовсе не запрещали нам заселять этот мир. В прошлом веке на Мистерии возникла небольшая колония, но потом людей эвакуировали на Джуманджи. Здесь слишком опасно для малочисленных поселений, нездоровый климат и спектр красного гиганта неблагоприятен.

Хлумов немедленно возразил:

— Теоле — тоже планета красного солнца. Но люди там живут.

— Теоле вдвое дальше от Фаркуаны, — объяснил Эдуард. — Поэтому ультрафиолетовая радиация намного слабее и полностью поглощается озоновым слоем.

— Вы еще скажите, что Высшие никак не ограничивали нас на Мистерии, — насмешливо проговорил Томсон. — Почему же тогда исследователи не охотятся сами?

— Охотятся, — отмахнувшись, заверил его Корунд. — Но разные контролеры присматривают за персоналом научных станций — как бы три сотни наблюдателей не перебили всю здешнюю живность. Так что зря вы прогресс ругали — ничего страшного в системе Зеты не случилось.

Едва выяснилось, что Мистерия не хранит особых тайн, экстремалы потеряли всякий интерес к теме недавнего спора. Уже темнело, поэтому Корунд посоветовал прибрать место пикника и расходиться по каютам.

— Детское время! — возмутилась Оливия. — Мы еще гульнем и будем песни петь!

Словно в ответ неподалеку заревели в несколько голосов, и роботы прогудели тревогу. Туристы насторожились.

— Через час мы будем в тихом месте, где не бродят тупые жвачные. — Корунд вежливо показал на шлюз «Восьмерки». — В салоне пойте-пляшите сколько угодно. А утром покажу вам такое, чего никто не видел.

Уговоры подействовали, к тому же бродившее поблизости семейство травоядных принялось коллективно испражняться. Кое-как загасив костер и собрав пожитки, туристы потянулись в корабль. Эдуард пересчитал команду, отключил роботов и задраил люк.

Короткий перелет перенес «Сафари-8» много севернее — в точку между джунглями и рекой, которую первые поселенцы назвали Ричмонд-ривер. Здесь было уже темно — оба солнца светили другому полушарию, из-под горизонта выглядывала лишь узкая полоска Фаркуаны. Туристов развезло, никто не потребовал продолжения банкета.

Назначив роботам секторы наблюдения, Корунд присел на опорную лапу корабля. Любоваться звездным небом, слушать песни ночной фауны, вдыхать ароматы флоры — что может быть лучше… Он почти достиг умиротворения и настроился поспать, когда из люка выглянула Оливия.

— Не спится, — томно пожаловалась она. — Можно я с вами посижу?

— Сколько угодно. — Корунд понял, что без разврата дело не обойдется. — Места хватит.

Точным, хорошо отрепетированным маневром Оливия села рядом, касаясь его бедром и плечом. На женщине были только шорты и майка, щедро открытые части великолепного тела благоухали возбуждающими парфюмами.

— Прекрасная ночь, — промурлыкала туристка и без предупреждения начала атаку: — Откуда вы родом?

— Есть такая планета — Кураре. Она чуть отодвинулась, опасливо охнув:

— Я слышала, что вы не совсем гуманоиды. С вами не опасно?

— Это аборигены там квазигуманоиды, а я, простите, сын земных переселенцев. — Он широко улыбнулся. — Так что не беспокойтесь — я вас не съем.

— Я боялась совсем не этого… — Пикантная путешественница перешла на интимный шепот. — Почему-то некоторые мужчины, и даже инопланетяне, проявляют ко мне нездоровый интерес. Так и норовят раздеть.

— Я их понимаю. У вас роскошное тело и лицо потрясающей красоты.

На самом деле женщина была старовата, но такие комплименты всегда правильно действуют на дурочек, которые ищут приключений и развлечений на диких планетах.

— Вы умеет говорить женщинам приятное. Совсем как мой третий муж. У него прекрасно получались изысканные комплименты.

— Хороший человек.

— Этот подонок бил меня смертным боем!

— Наверное, вы дали ему повод!

— Никаких поводов! — горячо, но неубедительно возразила Оливия.

— Он ревновал вас к двум предыдущим мужьям или к тому, кто стал четвертым?

— Нет. К тому, который стал пятым.

Невольно рассмеявшись, Эдуард сделал очередной комплимент: дескать, ее биография — готовый сюжет для сентиментального дамского романа.

— Это драма, достойная Шекспира и Даниэлы Стайл! — пылко вскричала Оливия, пожалев при этом вслух, что никак не встретит настоящего писателя, который поведал бы миру ее нелегкую судьбу.

И тут Эдуард сплоховал: похвастался тремя своими книгами об экзотических мирах. Рывком повернувшись к нему, Оливия уставилась горящими глазами. Произнесла нараспев:

— А вы опасный тихоня… Кажется, я вспомнила, откуда знаю про вашу планету. Год назад по видео крутили фильм «Кураре — планета изгнания». А потом выступал журналист и ругал автора этой книги. Вы не знаете его?

— Автора или журналиста? Автор — я, журналист был моим одноклассником.

— Вы напишете обо мне в очередной книге?

— Если будет о чем писать.

— Но тогда узнает мой муж.

— Пятый?

— Неважно. Следующим тоже необязательно знать слишком много.

— Не беспокойтесь, — Он усмехнулся. — Я всегда меняю имена персонажей.

Резко встав, Оливия объявила:

— Хочу выкупаться в реке. Это не опасно?

Желание туристов — закон. Пожав плечами, Корунд подозвал робота, поручив проложить дорогу в узкой полосе леса, отделявшей лагерь от заводи на Ричмонд-ривер.

Оливия пошутила насчет третьего лишнего и, беззаботно напевая, вошла в джунгли, позволив Эдуарду придерживать ее за локоть. Дважды робот сигналил о возможной угрозе, причем во второй раз неподалеку действительно проползала змея средних размеров, которую отпугнул импульс ультразвука. В общем, через пять минут они почти без приключений оказались на берегу.

Было довольно светло — на западе сверкали молниями облака, отражавшие багровые лучи закатившейся Фаркуаны, а на востоке поднималась четвертушка молодой луны. Другая, меньшая луна подбиралась к зениту.

Первым делом Эдуард просканировал реку, выставил роботов-охотников выше и ниже по течению. Рыбы, мелкие амфибии, ничего настолько крупного, чтобы представлять угрозу.

Оливия дразнила его, раздевшись догола и при этом покрикивая: не смей смотреть, не смей подходить.

Она явно напрашивалась, но кто знает, какие замыслы рождал ее скудный интеллект. Может, устроит скандал: помогите, пристают, насилуют. А может, наоборот, рассчитывает, что грубый варвар с полудикой планетки ее зверски изнасилует. Делать больше нечего…

Раздосадованная его сдержанностью дама принялась буянить — громко плескалась, распевала похабные куплеты, предложила лично проверить, какая замечательная вода в Ричмонд-ривер. Короче говоря, еще немного — и сама на него бросится.

В ожидании этого момента Корунд исподтишка разглядывал дозревающую добычу, изредка посматривая на сканер. Первое время в воде мелькали только рыбы, да и те держались подальше от шумной гостьи. А потом на экране появилась отметка, означавшая, что вниз по течению плывет что-то очень большое.

— Оливия, вылезайте, — тихонько позвал Эдуард. Она радостно вскричала:

— И не подумаю!

Расшалившаяся идиотка явно была настроена поиграть в ловитки, причем ее крики привлекут всех хищников в радиусе светового года. Поэтому он сказал равнодушно:

— Как знаете. Только приближается стая медуз, их ожоги оставляют на коже гнойные язвы.

Пронзительно взвизгнув, женщина моментально выскочила на берег. Эдуард немедленно схватил ее, взвалил на плечо и побежал за деревья, надеясь, что мокрое тело не выскользнет в самый неподходящий момент. Обошлось — не выскользнуло.

— Хитрец, — рассмеялась Оливия. — Таки выманил меня из реки, нетерпеливый. А почему ты еще не разделся?

Осторожно опустив ее на тропинку, Корунд шепнул:

— Тихо. Смотри на реку в щель между этих деревьев. Сейчас оно появится.

Из чувства противоречия Оливия собиралась что-то сказать, поэтому он просто зажал ладонью пухлые губы и покрепче обнял за плечи, чтобы не дергалась. Поскольку руки были заняты, пришлось показать на монитор кивком головы.

Экран на агрегатном блоке робота показывал приближение массивного объекта, который двигался быстрее течения. Некоторые детали плывущей твари были видны, поэтому Оливия прекратила попытки вырваться и прижалась к Эдуарду дрожащим телом.

Бесшумно работая хвостом, по реке плыл зверь втрое больше деймозавра. Над поверхностью торчала лишь огромная башка, лунный свет играл на мокрой шкуре и чудовищных клыках, торчавших снаружи даже при сжатых челюстях.

На месте, где недавно безобразничала туристка, ящер неожиданно встал на задние лапы — вода была ему чуть выше гениталий — и принялся озираться. Наверняка определил, что здесь что-то шумело, вот и решил поискать добычу.

— Ни звука, — умоляюще прошептал Корунд. Спутница не ответила — возможно, даже не поняла, о чем говорил спецпроводник. Ее колотила сильнейшая дрожь, женщина похолодела и была в полуобморочном состоянии.

«Только бы не учуял нас», — подумал Эдуард. Если рептилия двинется в их сторону, робот станет действовать согласно программе, но вряд ли сумеет быстро справиться с таким великаном. Даже в агонии десятитонная туша подраненной твари может натворить много всякого. Поэтому надо сидеть совсем тихо — и тогда зверь, может быть, уйдет.

Громадное животное топталось посреди течения минуты три. Несколько раз казалось, что чудовище смотрит прямо на затаившихся людей, да и сверкание клыков не добавляло уверенности и спокойствия. Потом зверь шумно лег в воду и поплыл прежним курсом. Тем не менее Корунд не отпускал Оливию долго — пока локаторы и сканеры робота не подтвердили, что ящер скрылся за речным изгибом.

— Кто это был? — запинаясь и постукивая зубами, осведомилась Оливия.

— Джиантозавр… — Чтобы успокоить нервы, Эдуард делал глубокие вдохи-выдохи. — Очень редкая, живучая и прожорливая тварь.

— Я так испугалась!

— Вы держались просто здорово, — соврал он от избытка адреналина.

Застонав, она повисла на спецпроводнике, обнимая за шею. Кажется, разгоряченная туристка собиралась ограничить его раздевание расстегнутой ширинкой, но Корунд любил комфорт, а потому снял всю одежду и даже ботинки. Оливию снова бил озноб — теперь от

нетерпения.

В конце концов это было даже удобно — ничего не делать, предоставив инициативу партнерше. Эдуард лишь поглаживал ее потрясающее тело, временами сжимая покрепче эрогенные выпуклости. Оливия громко стонала и без передышки бросалась в новые атаки. Потом они малость остыли, собрали одежду, вернулись на кораблик, приняли душ, распили предпоследнюю бутылку коньяка, и Корунд снова превратился в безропотного жеребца, на котором ритмично покачивалась неистовая наездница.

Уже глубокой ночью, часа за четыре до завтрака, она вдруг зевнула и стала одеваться. Натягивая майку, Оливия поинтересовалась:

— Почему твои роботы не пристрелили тварь?

— У нас нет охотничьей лицензии. Пришлось бы долго выкручиваться и доказывать, что была самозащита. Видеокадров недостаточно, потребуются показания очевидцев.

— Я бы подтвердила.

— Завтра ты будешь уже на другой планете. К тому же туристы — ненадежные свидетели. Борцы за экологию в таких случаях вопят: дескать, туристы приплатили сопровождающему, чтобы спровоцировать нападение дикого зверя.

— Зачем?

— Некоторые путешественники любят на халяву обзавестись охотничьими трофеями.

Мысль явно понравилась: Оливия принялась выяснять, можно ли заработать на чучеле джиантозавра. Впечатленная названной суммой, она задумалась и покинула каюту спецпроводника, забыв попрощаться.

Стандартный паек для завтрака незатейлив. Полусладкие слоеные булочки, ломтики серого хлеба, обернутые фольгой порции масла, сыра, ветчины, джема, сваренное вкрутую яйцо, пластиковая упаковка фруктового сока, чашка кофе или чая. Туристы ели с аппетитом, однако ностальгировали по вчерашнему шашлыку.

— Готовы? — нетерпеливо осведомился Корунд, допивая кофе. — Нам предстоит небольшой рейд через джунгли. На прошлой неделе спутники сфотографировали в этих краях что-то непонятное. Вы будете первыми, кто увидит…

— Увидим что? — заинтересовалась Оливия.

Остальные тоже настороженно уставились на спецпроводника. Коварный сотрудник фирмы «Сафари» лицемерно солгал: дескать, сам не знает и буквально сгорает от любопытства, потому как невтерпеж взглянуть на загадочные сооружения. Услыхав о древних артефактах, экстремалы стремительно доели завтраки и рванули собираться в дорогу.

Штаб фирмы подобрал для таких прогулок оптимальный маршрут: две мили сквозь не слишком густые заросли должны были привести в экстаз искателей острых ощущений. Чтобы ускорить путешествие, Корунд определил в голову колонны роботов, выдвинув каждому широкое длинное лезвие на передней лапе. Шагающие машины лихо размахивали своими мачете, обрубая особо мешающие ветки и лианы, а также отпугивали ультразвуком крупных животных.

Изображая взволнованного первопроходца, Корунд пристроился в затылок роботам, ежеминутно сверялся то с картой, то с компасом, временами застывал на месте и озирался, помахивая рукой — замрите, мол, и не шумите… Рядом с ним шагала Оливия, поспешившая поведать о ночном визите исполинского ящера. Охотники Ки-Вонг и Томсон, не сговариваясь, взвыли: мол, надо устроить погоню и добыть эксклюзивного зверя.

— В другой раз, — вздохнул Эдуард. — Руководство фирмы ведет переговоры с экологами. Думаю, через полгода сможем организовать настоящее сафари — на сухопутных и морских исполинов. А сейчас…

— Не сможем провезти трофей? — смекнул Билл Томсон.

— Не провезем, — подтвердил спецпроводник. — И будем иметь полтора миллиона неприятностей.

Охотники зашептались, к ним немедленно присоединились Монтроз и Баркая. Наверняка обсуждали будущий поход за черепом джиантозавра. Такими вот нехитрыми уловками фирма «Сафари» обеспечивала себе постоянную клиентуру.

У каждого своя охота. Кто-то записывает на личный счет подстреленных зверей, а кто-то — завоеванных мужчин.

Оливия считала Корунда трофейной собственностью, называла Эдиком, без конца тормошила, чего-то требовала. Через полчаса обиженная его невниманием дама громко провозгласила:

— Господа, вы знаете, что наш Эдик — беженец с дикой планеты Кураре? Там взбунтовались аборигены, и он чудом сумел спастись. Кажется, даже убил одного дикаря. Эдик, ты задушил его голыми руками?

«Дура болтливая», — подумал Эдуард, не любивший обсуждать тот период своей жизни. Между тем пикантная новость заинтересовала весь отряд. Феофан даже поскользнулся на мокрой глине и съехал в неглубокий овражек. Карабкаясь по склону обратно на тропу, он экспансивно выкрикивал:

— Я помню эту историю — Высшие заставили вас убраться с Кураре. Вчера Томсон просто перепутал планеты — Кураре, а не Мистерия! Про это даже книга была.

— Не вас, а нас! — проворчал Монтроз. — Нас заставили убраться… Да, была мерзкая книжонка. Автор, отвратительный выродок, прямо пишет: так, мол, этим людям и надо… Ренегат!

— Ублюдок, — согласился Корунд. — Как и все, кого радует любое поражение родной державы.

— Вы же с ним вместе учились, — пропела Оливия, весьма довольная, что знает больше других. — Эдик, мой дорогой, ты бывал на своей планете после тех событий?

— На самом деле Кураре не такая уж моя планета. Просто мы прожили там десяток лет — почти тринадцать земных. А родился я на Эль-Чокло. Родителям не понравился слишком суровый климат, а тут как раз подвернулась интересная работа для обоих…

Туристов такое объяснение вполне удовлетворило, а Корунд не стал возвращаться к болезненному вопросу о Кураре. Вернуться в этот мир он уже не мог. И никто из людей, больше того — никто из Старших не мог туда попасть.

Уступив приказу Высших, правительства Большого Квартета согласились блокировать Кураре. Доступ на планету был запрещен сроком на полвека с возможностью продления по требованию Высших. Любой корабль, попытавшийся приблизиться к планете, подлежал уничтожению. За режимом карантина следили висевшие над Кураре боевые орбитальные комплексы. Экипаж каждой крепости составляли представители всех четырех Старших рас.

Смысла этих требований никто в Большом Квартете не понял, однако на строительство блокирующих крепостей пришлось раскошелиться. В конце концов, это был не самый оскорбительный или жестокий каприз Высших. Спокойнее было согласиться, чтобы не заварился новый конфликт…

Они продолжили марш-бросок через джунгли. Чуть правее маршрута шумел кто-то большой, но роботы не подавали сигналов тревоги. Когда заросли сделались пореже и в просветах листвы над головами показались клочки бледно-лилового неба, туристов снова потянуло на высокие материи.

Начали Хлумовы, затянувшие прежнюю песню: дескать, глупо раздражать могучих повелителей. Монтроз опять возразил, неожиданно разозлившись:

— Чем послушнее мы будем, тем сильнее станут они давить на нас. Сильный всегда имеет слабого, как хочет. Просто чтобы лишний раз напомнить, кто здесь хозяин.

— Сами себе противоречите, папаша, — печально усмехнулся Ки-Вонг. — Мне тоже обидно за человечество, но ничего не поделаешь. Чтобы Высшие перестали на нас кататься верхом и диктовать идиотские требования, нужно сильное оружие. А такое оружие нам создать не позволят. Да и три другие Старшие расы нас прикончат, если узнают, что люди

придумали что-то мощное.

— В том-то и дело. — Эдуард вздохнул. — Пока державы Большого Квартета равны по силе, мы связаны по рукам и остальным конечностям. Надо заселить побольше планет, стать сильнее, многочисленней, построить больше кораблей — тогда и авторитета прибавится. Может, даже Высшие станут снисходительней.

— Ты шовинист, — засмеялась Оливия.

— Нет, прагматик… — Он взмахнул рукой, задумчиво огляделся и торжественно сообщил: — Внимание, мы пришли.

Они вышли на обширную — в пару километров поперечником — поляну посреди леса. Вернее, когда-то давно здесь простиралась степь, но потом большую часть равнины захватили деревья. И лишь на этой части планеты росли только не высокие колючие сорняки — почва была отравлена и обожжена страшным пламенем.

— Что там? — благоговейно прошептала Оливия.

Семь пар рук одновременно вскинули видеокамеры, наводя объективы на грандиозную конструкцию.

Груда решетчатых блоков, закреплявших изогнутый лист металла, вросла в грунт планеты, но не потускнела от времени. Бледно-желтые детали блестели в лучах двух солнц, раскинувшись на десятки метров. Никто не усомнился, что перед ними — обломки звездолета, посетившего Мистерию в незапамятные времена. Таинственный аппарат сильно пострадал — сохранились только несколько сегментов рефлектора и часть ферм, некогда соединявших двигатель с остальными отсеками.

— Разбитый фотонный отражатель! — первым сориентировался Баркая. — Видите, с внутренней стороны металл покрыт копотью, а вон тот участок прогорел насквозь.

— Сколько же веков этот корабль странствовал в пространстве? — В обычно холодном голосе Сабины Хлумовой задрожали нотки волнения.

Экстремалы собрались бежать к махине, но Корунд строго потребовал отступить к лесу. Когда туристы, ворча, выполнили приказ, Эдуард отправил на разведку робота. Проползли томительные четверть часа, прежде чем машина добралась до цели, произвела замеры и прислала отчет.

Собравшись вокруг спецпроводника, туристы с облегчением прочитали на мониторе второго робота, что радиационный фон слегка повышен, однако непосредственной угрозы для здоровья нет. Затем механический паук сообщил примерный возраст находки — порядка трех миллионолетий. Туристы застонали.

— Корабль Высших! — простонал Томсон. — Сенсация, каких еще не было!

Грустно и немного разочарованно покачивая головой, Эдуард охладил градус их восторгов:

— Увы, дорогие мои, должен вас огорчить. Мы видим ковчег более древней расы — в те времена этим клочком космоса безраздельно повелевали Бродяги Бездны, или просто ББ.

Он разрешил подойти к обломкам. Целых полчаса взрослые дяденьки и тетеньки резвились подобно детворе, фотографируя останки межзвездного странника и самих себя на фоне уцелевших конструкций.

Мысленно посмеиваясь, Корунд озвучивал подобающие истории, в популярной форме поведав то немногое, что удалось узнать о Бродягах Бездны археологам Большого Квартета. Его туманные фразы лишь раззадорили туристов, и Томсон громко выразил сожаление, что не сохранились другие отсеки ковчега. Все наперебой стали строить предположения: колонисты ББ разобрали жилые секции, носовая часть корабля была уничтожена еще в космосе, звездолет взорвался в атмосфере, и остальные куски разбросаны по всем континентам.

Самые неугомонные предложили вскарабкаться на самую верхушку конструкции, но Корунд оборвал эту самодеятельность, напомнив:

— У нас почти нет времени, а хотелось бы взглянуть на второй объект. Вдруг это город

Бродяг…

Всю дорогу туристы подгоняли спецпроводника, требуя ускорить шаг. Им очень хотелось стать первооткрывателями и первограбителями величайшей археологической сокровищницы. Спустя час, взмокшие и усталые, они испустили дружный вздох восторга.

Пусть даже это был не город, а всего лишь одно-единственное строение.

Давным-давно кто-то приложил немало мастерства, сил и выдумки, обтесывая громадные блоки скальных пород, складывая многотонные камни, вырезая на стенах орнаменты, устанавливая в нишах фаллические фигурки непонятных чудовищ. Время слегка подпортило творение безымянных зодчих, резьба стерлась, камень оброс мхом, деревья и кусты пустили корни в зазорах, часть колонн обрушилась. Тем не менее сооружение выстояло, продолжая внушать почтение изящной монументальностью форм.

— Храм? — растерянно пискнула Сабина.

— Сокровищница Бродяг! — подхватил Баркая. — Хозяин, где вход?

Не дав Эдуарду ответить, Ки-Вонг предложил:

— Пробежим по периметру, где-нибудь найдем дверь.

Корунд выглядел растерянным, заметно нервничал и не решался двинуться с места. Махнув рукой на боязливого спецпроводника, Томсон и Баркая первыми пошли вдоль стены, прорубая дорогу клинками своих мачете. Оливия недоуменно разглядывала Корунда, который брел в хвосте отряда с убитой рожей и спорадически бормотал что-то невразумительное. Наконец, не выдержав пытки любопытством, она поинтересовалась:

— Эдик, дорогой мой, что тебя так напугало?

Давно ждавший такого вопроса Эдуард немедленно выдал заготовленный еще на Джуманджи текст:

— Мы рискуем вляпаться… — Он горестно вздохнул. — Я помню похожий случай. Планета Скрижаль, старая печальная история. Там были сделаны потрясающие находки, но Высшие отобрали все.

Впереди раздался счастливый вопль Монтроза:

— Вот она! Дверь! — Затем старик осведомился слегка тревожно: — Корунд, вы помянули Высших. Разве они появлялись на этой планете?

Отряд собрался перед сколоченным из трухлявых досок щитом, который закрывал вход в строение. Туристы быстро очистили от растений этот участок стены, однако входить не решались — ждали, что скажет Эдуард. Дразня их нетерпение, проводник фирмы «Сафари» почему-то медлил и не подавал команды идти на приступ.

— Высшие знают все… они могут появиться где угодно и когда угодно, — промямлил Корунд. — Они сильно не любят, когда мы находим что-то интересное.

Бесстрашные экстремалы попятились, бросая жадные взгляды на хилую дверь. Сабина Хлумова поинтересовалась опасливо:

— Как погибли Бродяги?

К удивлению Корунда, ей ответил Баркая:

— Наука не нашла точного ответа. Есть несколько интересных монографий, но каждый исследователь толкует факты по-своему. К нашему сожалению, Бродяги не пользовались материальными носителями инфы, хранили свои знания в виде энерговихрей. Когда произошла катастрофа, вихри распались, и пропали все архивы, все научные сведения, вся культура. Может, это была война с еще более могущественной расой, а может, обычное вырождение, природная или техногенная катастрофа. Известно, что после катастрофы у ББ наступил долгий период усобиц и деградации, потом их добили Древние.

— Древние… — Оливия буквально задыхалась от волнения. — Еще одна загадка Вселенной. Вы никогда не задумывались, куда они девались?

— Думаю, выродились, как и Бродяги Бездны или более поздняя раса шистрав, — замогильным голосом ответил Эдуард.

Сабина вскричала, гневно сверкая черными глазами:

— Нет-нет, они овладели тайными знаниями и ушли в иные измерения. Всем известно, что Древние приняли нематериальную форму, но они, уходя из нашей Вселенной, подарили Высшим секреты абсолютной власти над материей.

Легенда эта родилась давно и не имела никаких оснований, кроме фанатизма поклонников. Очередная нелепая выдумка для некомпетентных любителей дешевых сенсаций. Продолжение дискуссии было неуместно, поэтому Корунд, изобразив на лице мучительную борьбу со страхом, нерешительно произнес:

— Вот что… Я вызываю корабль, а пока он прилетит, мы обшарим этот каменный гроб. Будем надеяться, что нас помилуют.

Кажется, он перестарался, запугивая туристов. Экстремалы вовсе не спешили в таинственные развалины. Оливия переспросила совсем тихо:

— Ты хочешь сказать, что Высшие могут не обратить внимания?..

— И они тоже. — Эдуард был мрачен и полон самоубийственного фатализма. — Если проболтаетесь — нас распнут археологи… Ну вперед, грабители звездных сокровищ!

После недолгих, но мучительных колебаний Томсон пнул дверь. Старые трухлявые доски рассыпались, открыв проход. Первым вошел робот, сообщивший, что опасности нет. Робот зажег мощный выдвижной фонарь, и люди застонали от избытка чувств. На полках, вырезанных в стенах восьмиугольного зала, стояли предметы, при виде которых разорвется душа любого коллекционера.

Чуть не повизгивая от восторга, туристы набивали рюкзаки трофеями. Здесь были костяные, деревянные и каменные статуэтки неизвестных науке тварей, покрытые клинописью разноцветные кристаллы, утварь из металла и глины, изогнутые цилиндры и гладкие пластины с непонятными значками. Были также полусъеденные коррозией сундуки, открыть которые на месте не представлялось возможным.

— Хоть что-нибудь археологам оставьте! — умолял Эдуард, однако и сам изрядно нагрузился добычей. — Сундуки не трогайте — один хрен не провезем через космодромный контроль.

В поисках новых сокровищ Хлумов раскидал груду мусора, наваленного у стены напротив входа, обнаружив массивную дверь из позеленевшей бронзы. Сгоряча Феофан ударил плечом, но не открыл, а лишь ушибся.

— Билл, Джим, тащите ваши ружья! — заорал травмированный кладоискатель. — Будем ломать замок!

Однако тут в спецпроводнике проснулись гражданские чувства. Он заслонил собой дверь в неизвестность, твердо заявив, что не собирается провести остаток дней на каторжных планетах и не позволит разграбить величайшую археологическую находку столетия. Сгоряча туристы попытались отодвинуть строптивого провинциала, но Корунд сумел найти правильные слова.

— Подумайте, вирусы каких болезней могут ждать вас в этом подземелье, — убеждал их Эдуард. — Могу рассказать вам, как целые экспедиции погибали после проникновения в такие тайники. Я уже молчу о возмездии Высших и полицейско-таможенных пунктах в космопортах. Если даже останетесь живы, то приличные сроки гарантированы всем.

Буйная компания задумалась. Трудно сказать, которая опасность напугала их сильнее, но бить Эдуарда больше не пытались. Только рафинированная моралистка Хлумова произнесла неприязненно:

— Короче говоря, через несколько дней он вернется сюда со снаряжением, взломает дверь и прикарманит самые ценные артефакты.

— Зря вы так. — Корунд умело изобразил обиду. — Уже сегодня вы будете на Джуманджи — можете дать интервью местной прессе. После этого я уже не смогу разбойничать в храме.

— Зато сюда слетятся все дармоеды Галактики! — бросил в ответ Баркая.

Они пошумели еще немного, постепенно успокаиваясь. Немалую роль сыграло красноречие спецпроводника, с пафосом говорившего про славу первооткрывателей, о

вписанных в историю именах счастливчиков, нашедших и сохранивших для науки бесценные объекты глубокой древности.

Нагруженные трофеями туристы, ворча, разбрелись по каютам, и Корунд, включив антигравы, оторвал «Восьмерку» от грунта. С высоты в полкилометра были превосходно видны оба артефакта — Эдуард невольно заулыбался.

Обломки звездолета числились в секретном каталоге фирмы «Сафари» под кодом «Рефлектор». Разумеется, груда металлолома не имела никакого отношения к Бродягам Бездны. Эти жалкие остатки — часть кормы с фотонным отражателем — принадлежали беспилотному зонду серии «Стар Эксплорер», который прибыл в систему Дзеты Тукана в 2138 году. Строение же в джунглях появилось от силы сотню лет назад. Первые колонисты на Хостланде планировали возвести здесь город, но пришлось ограничиться лишь этим административным зданием. Восьмиугольная каменная коробка и бункер под ней не представляли археологической ценности.

Туристы скоро поймут, что их малограмотный спецпроводник ошибся и что мнимые артефакты созданы людьми. Но к тому времени они прочитают фальшивые дневники колонистов, полные туманных упоминаний о загадочных находках в труднодоступных уголках Мистерии. Можно не сомневаться: вскоре вся компания купит у «Сафари» длительный и очень дорогой тур…

Осклабясь, Эдуард запустил двигатели на малую тягу. Отсеченная от поля притяжения планеты «Восьмерка» начала набирать скорость, выходя на расчетную траекторию.

3

Платформа, сброшенная накануне с «Королевы эльфов», успела намотать много витков и сейчас приближалась к «Са-фари-8». Пусть не с первой попытки, но Корунд пристыковал весьма неудобную конструкцию, после чего врубил крейсерское ускорение.

Других кораблей поблизости не наблюдалось, обсерватория находилась за планетой, наземным станциям запуск гипердвигателя не угрожал, поэтому «Восьмерка» проломила измерения, удалившись от Мистерии всего на миллион километров.

Телеметрия сообщила, что пассажиры не пострадали, о чем Эдуард немедленно доложил оперативному дежурному на Джуманджи.

— Друзья мои! — с подобающим пафосом провозгласил он по каналу внутреннего оповещения. — Наш рейс приближается к финалу. Примерно через три часа мы совершим посадку на планете Теоле. Приглашаю всех собраться в кают-компании для прощального сабантуя.

Для банкета в холодильнике хранились особые пайки с икрой, балыком, знаменитым красным сыром, который производился из китового молока на Джуманджи в гигаполисе Кракенград. Также появились на столе буженина, фрукты и марочное вино.

Когда покончили с закусками, Корунд извлек из кухонного автомата кофейник, а из бара — последнюю выделенную на это путешествие бутылку коньяка. Глотнув янтарные «десять звездочек», Хлумов жалобно поведал:

— Я подозреваю, что Высшие могут перехватить нас возле Джуманджи…

— Во всем виноват он! — злобно взвизгнула Сабина, обличающим жестом нацелив на спецпроводника пустую рюмку. — Мой муж и я всегда уважали Высших и никогда бы не посмели перечить воле повелителей Вселенной!

Последнюю фразу она прокричала очень громко, будто надеялась, что Высшие услышат и оценят степень ее лояльности. Остальные тоже колебались и, кажется, готовы были хором просить Сверхразум о помиловании.

— Успокойтесь, — насмешливо посоветовал Эдуард и затянул хорошо отрепетированный монолог: — Одна из главных бед человечества в том, что мы не понимаем Высших. Все наши суждения основаны не на фактах, но на легендах. Свободный Разум,

Тройной Лабиринт Галактики, Великое Кольцо цивилизаций, Homo futuris, трава бессмертия, гормон молодости, Жуткая Звездная Тень — смешные сказки двадцатого и двадцать первого веков. Высшие совсем другие, ученые Большого Квартета не смогли разобраться в их психологии, в их целях и замыслах.

— Разве это важно? — удивился Баркая. — Мы знаем, чего Высшие требуют от нас, — этого вполне достаточно.

— Но мы не знаем, почему они требуют этого, а потому не догадываемся, чего потребуют в следующий раз! — Эдуард разозлился всерьез. — Например, почему запрещены трансгенетические исследования…

С интересом поглядев на спецпроводника, Монтроз осведомился:

— Почему вас так интересуют абстрактные науки? От них ведь нет никакой пользы.

— Ошибаетесь. Четверть века назад трансгенетики вплотную подошли к неограниченному продлению молодости, но запрет Высших загнал человечество в смертельный тупик.

— Существует вакцина омоложения, — напомнил Томсон.

Корунд отмахнулся — он слишком хорошо знал эту проблему. Именно лаборатория его матери была готова подарить человечеству триста лет молодости… Он попытался объяснить:

— Мы смогли затормозить старение, чудовищные дозы гормонов добавляют еще десяток-другой лет, а потом — стремительное вырождение.

— Вы не верите в науку и прогресс! — возмутилась Оливия.

— Я видел, во что превратились шистравы. Жалкие ублюдки.

Оливия заявила убеждено:

— Это те, кто остались. Генетический мусор. Отбросы расы, неспособные достичь Всемогущества.

Ущербные фанатики, подумал Эдуард. Каждый из них, включая самого Корунда, по макушку увяз в собственных заблуждениях и мифах. Нечего было даже пытаться кого-то переубедить, к тому же времени оставалось совсем немного — всего лишь полчаса для последнего спектакля. Однако, к его неудовольствию, помешал Виктор Монтроз, сказавший вкрадчиво:

— Вы хорошо подкованы, молодой человек. Признайтесь, вы ненавидите Высших и хотели бы им отомстить.

— Не совсем так, — проворчал Эдуард.

Когда-то давно он и вправду рвался отомстить Высшим, которые разрушили размеренную жизнь его юности. С годами злоба стала слабее. Повзрослевший Корунд всего лишь ненавидел Высших, не более.

Но и не менее.

Он видел, сколь велика власть Высших над материей и пространством. Всемогущество сверхцивилизации ужасало. Порой даже начинало казаться: Высшие не лгут, уверяя, что не подпускают Большой Квартет к запретным знаниям ради их же, Старших, блага. Вот только сразу вспоминалась аналогия: Старшие тоже не подпускали Младших к мощной технологии, ссылаясь на заботу о благе слаборазвитых разумных рас, но на самом-то деле лабба, люди и остальные Старшие заботились главным образом о своих интересах.

— Нам нужны такие, как вы!

С этими словами Монтроз протянул визитную карточку, из которой Эдуард узнал, что спутник его занимает важный пост в руководстве Партии Свободного Прогресса. Партия была из третьестепенных — не в каждом составе Конгресса имела своих депутатов. Подавив приступ веселья, Корунд ответил дипломатично:

— Благодарю, но политикой не балуюсь…

Время поджимало, поэтому он, не слушая митинговых лозунгов Монтроза, достал из кармана полупрозрачный бледно-желтый кристалл, разрисованный темно-зелеными знаками, и принялся рассматривать с преувеличенным интересом. Заинтригованные туристы внимательно следили, как Эдуард пытается просветить камень лазерными лучами

мобильного видеофона.

— У меня тоже есть такой, — объявила Оливия.

— Кажется, нам с тобой подфартило, — рассеянно пробормотал Корунд, точно знавший, что подобные кристаллы имеются у каждого члена группы. — В этот булыжник явно записана голографическая информация. Как бы ее прочитать…

— Принцип записи неизвестен, — огорчился Ки-Вонг.

— Ерунда. Даже бытовая аппаратура экстра-класса прочитает — конечно, если загрузить серьезные программы… — Спецпроводник окинул экстремалов подозрительным взглядом, изобразив на физиономии мучительные сомнения: зря, мол, проговорился при этой ораве дармоедов, — Вы правы, безнадежное дело, не стоит даже пытаться… Готовимся к посадке!

Выходя из салона, он ни капли не сомневался: наживка заглочена. Вернувшись на свои планеты, дармоеды первым делом найдут необходимую аппаратуру и прочитают дневники первопоселенцев. А уж дневники были написаны — пальчики оближешь: и тебе руины неведомой древней расы, и загадочные феномены на арктическом архипелаге, и сокровища галактического императора, и личный архив Адольфа Дроговоза, бежавшего на Мистерию с Тампики после переворота 2239 года.

Эдуард собственноручно составлял эти фальшивки, а потому не сомневался: клюнут, никуда не денутся.

Когда «Восьмерка» пробила тонкий слой облаков, взорам открылся растянутый вдоль берега Виедра. Четкие линии улиц, застроенных каменными и литопанельными домами, тонули в хаосе легких избушек и хижин. У причалов теснились галеры и парусники, картину дополняло множество кораблей в бухте и открытом море. Стремительно выросший Виедра еще в прошлом десятилетии стал крупнейшим городом континента Варза и вторым городом планеты — главным транспортным центром полушария, где сходились караванные, морские и космические маршруты.

Космодром находился чуть севернее города, ближе к горам. Техника здесь была не самая современная, но «Восьмерку» еще в стратосфере зацепили конусом обращенной гравитации, плавно направив к сектору, арендованному фирмой «Сафари».

Последние четверть часа избавленный от пилотажных забот Корунд просто скучал, меланхолично разглядывая панораму. Как обычно, больше половины ВПП — взлетно-посадочных площадок — пустовали. На просторном поле стояло десятка два МПК и орбитальных буксиров. Межпланетные и межзвездные тяжеловозы на планету опускались крайне редко, а на орбите сегодня, как успел заметить Эдуард, крутились всего шесть больших кораблей, в том числе «Королева эльфов» и старенький крейсер «Энтеббе».

«Восьмерку» встретила карантинная бригада. Отсеки и багаж забрызгали дезинфицирующими растворами, у всех людей взяли анализы и, не дожидаясь результатов, сделали всем положенную серию инъекций.

— Все здоровы, опасных болезней нет, а залеченный СПИД — не наша забота, — резюмировал начальник бригады. — Добро пожаловать на Теоле.

Возле кораблика их ждал небольшой открытый автокар. Леон Гарднер, коллега Корунда, сверкая ослепительной улыбкой, затараторил: дескать, дорогие путешественники, вас ждет незабываемый тур по суровому варварскому миру, а послезавтра «Королева эльфов» повезет искателей приключений к новым звездам и ярким впечатлениям.

Яркие впечатления начались уже в здании космопорта. По громадному залу слонялось с полсотни людей, попадались глазу и гости с далеких миров Большого Квартета. Один такой красавец как раз выходил из казино. Двухметровый чрезмерно упитанный лабба, покачиваясь и прихрамывая, ковылял на четырех копытах, невпопад размахивая верхней парой конечностей. За членопитающим топал робот явно неземного дизайна, тащивший поклажу пьяного вдрызг хозяина.

Туристы заохали, нацелив на лабба объективы. Корунд же отвернулся — ничего интересного, на транзитных пересадках и не такие типажи попадаются. Взгляд уперся в вывеску бара «Экзотика», и появилась богатая идея — упиться до скотского состояния. Не успел Эдуард отогнать несвоевременное желание, как по ту сторону прозрачной двери нарисовалась фигура, подтвердившая название заведения.

Это был дзорх — головоногая рептилия длиной около полутора метров. Из спины темно-красной ящерицы, сразу за головой, торчали два пучка щупалец, одним из которых дзорх неловко открыл дверь. Земноводное яйцекладущее выбежало в зал, быстро перебирая четверкой коротких ножек, и направилось к пьяному лабба. Щупальце скользнуло в карман голубоватого одеяния, выхватив короткую толстую трубку. Корунд запоздало потянулся к кобуре, но дзорх уже нажал спуск. Серия лучевых импульсов ударила в членопитающего, брызнула оранжевая кровь, лабба рухнул, раскинув три пары подергивающихся конечностей.

Туристы еще не поняли, что случилось, а с разных сторон уже бежали вооруженные люди. Дзорх пытался бежать, нарвался на охранника, вскинул бластер и был немедленно застрелен.

Сотрудники службы безопасности космопорта окружили место происшествия. Немедленно появились боевые роботы, оттеснившие зрителей. Трупы инопланетян молниеносно завернули в герметичные мешки и увезли в неизвестном направлении. Другие роботы, уже невооруженные, продезинфицировали пол и смыли чужую кровь.

— Расходитесь, — потребовал в громкоговоритель офицер охраны. — Шоу закончилось.

Эдуард и Леон повели растерянных и напуганных туристов к выходу. Лишь возле прозрачных ворот Оливия наконец опомнилась и спросила:

— Что там случилось?

— В казино поссорились, — равнодушно предположил Эдуард, — Или по пьянке выбрали неправильную форму секса. Или какие-то спецслужбы выясняют отношения.

— Коллега шутит, — быстро сказал Леон. — Конечно, это была банальная разборка пьяных идиотов. Эд, тебя подвезти?

Корунд кивнул. Он все-таки считал, что перестрелка связана с той безжалостной войной, которую втайне вели разведки Большого Квартета. Если бы не редкие откровения младшего братишки, Эдуард пребывал бы в неведении, как и большинство людей. Шпионские ведомства не выдавали своих секретов. Как сказал однажды Мишель, разведчики не доверяли даже военным, потому что те слишком много пьют.

Прибывших на «Восьмерке» ждал микроаэробус, украшенный рекламным слоганом: «САФАРИ — по всей Галактике». Транспортная служба фирмы закупала машины с предельно комфортабельными салонами и очень большими багажниками — с учетом привычки туристов таскать со всех планет крупногабаритные сувениры. Корунд не без труда пристроил свою сумку среди контейнеров, набитых скатанными скафандрами, черепами, одеждой на все случаи жизни, археологическими трофеями.

Леон вел машину не слишком быстро, чтобы публика полюбовалась пейзажами. Однако золото полей, зелень лесов и прочие чудеса осенней природы волновали туристов куда меньше, чем предстоящее посещение знаменитых бань в Пещерах Блаженства. Бывалые космические путешественники чуть не повизгивали, предвкушая купание в кипятке серно-железнистого источника.

А вот Эдуард загрустил — ему так и не удалось заманить Геллу на Теоле. Ведь столько чудес мог ей показать — ерунда эти пещерные купальни… Однако жена безразлично слушала рассказы о красоте водопадов, рощ и озер, всякий раз отвечая отказом. После резни на Кураре бедняжка возненавидела все варварские миры. Теперь для Геллы было комфортно лишь в гигаполисах. Как жаль…

— Обратите внимание, мы приближаемся к Виедре, — провозгласил Леон. — Это крупнейший город континента и планеты с населением около двадцати тысяч людей и

примерно втрое большего числа аборигенов. Сейчас под нами район Пяти Холмов — здесь живут люди.

Улицы, застроенные добротными каменными домами, пересекались под прямыми углами. Такая планировка позволяла в случае необходимости простреливать обширные кварталы — после событий на Кураре такую возможность учитывали на всех населенных планетах.

Вообще-то аборигены Теоле казались мирными дружелюбными гуманоидами, разве что воровать любили. Тоже понятно — в конце концов, генетически они практически не отличались от людей. Но люди были начеку, помня мятеж кураиков, которые поначалу тоже вели себя смирно. В каждом доме хранилось оружие, которым все колонисты прекрасно владели. Кроме того, в каждом доме земляне держали боевых роботов, стрелявших лучами, парализующими иглами, пулями, фанатами. На всякий случай.

Туристы недовольно заворчали, когда машина пошла на снижение, не долетев до городского центра. С уходящим Эдуардом прощались небрежно, да и то не все. Корунд не обиделся: эта компания успела ему осточертеть.

Микроаэробус мягко сел на площадке, где стояло с десяток машин разных моделей. Жилой комплекс «Парк водопадов» мало отличался от других кварталов. Дома здесь были выстроены квадратом, обнесены высоким забором и оборудованы замаскированными огневыми ячейками. В случае осложнений «Парк водопадов» превращался в крепость, способную отразить любую атаку.

Дом ждал хозяина. В герметично закупоренном пространстве поддерживались заданные много лет назад параметры, воздух был чист и свеж, пыли накопилось совсем немного. Двухэтажный особнячок был идеально приспособлен для жизни, тем более в условиях варварского мира. Солнечные батареи, система кондиционирования, видеоинформационный комплекс последнего поколения. Корунд сам обустраивал это жилище, сам подбирал очень удобную мебель — частично привезенную с Джуманджи, частично местного изготовления. И тем не менее он снова почувствовал, что не может назвать особняк своим домом в возвышенном смысле этого понятия.

Если задуматься, у него никогда не было настоящего дома. Детство прошло в отсеках каземата под скалами Эль-Чокло, потом был коттедж на враждебном Кураре, скитания по временным пристанищам Джуманджи, неуютная роскошь апартаментов Нью-Вавилона. Разве что в родительской квартире Эдуарду бывало по-настоящему хорошо. Короче говоря, дом — это место, где живет семья, а вот семьи-то настоящей у него не было…

С полчаса Корунд сортировал собранные на Мистерии трофеи, потом подсел к видеокомплексу. Местное представительство компании подтвердило, что новых заданий для него нет и что спецпроводник может отдыхать. Удовлетворенно урча, Корунд сделал запись в блоге: мол, в ближайшие сутки буду в городе Виедра, планета Теоле, так что все, кто поблизости, — милости просим. Покончив с формальностями, он набрал номер Колы.

Ее голограмма появилась почти мгновенно: грива темно-каштановых волос, желтоватые с прозеленью глаза, тонкие черты лица, нос с горбинкой, твердый подбородок. Увидев Эдуарда, она улыбнулась и спросила:

— Где ты?

— Здесь, в нашем доме. А ты?

— Тоже в городе. — Колайра повернула голову, выслушала кого-то невидимого, затем продолжила: — Туам интересуется, не желает ли Небесный Гость увидеть его. Брат приготовил для тебя подарки.

— Я для него тоже. Пусть приедет на грузовике.

Еще раз переговорив со старшим братом на своем диалекте, Кола сообщила, что они скоро приедут, если Небесный Гость закажет для них пропуск. «Скоро» в ее трактовке было понятием весьма растяжимым. Наверняка прелестная Колайра будет долго готовиться, чтобы не уронить достоинства перед землянином. Одно лишь причесывание может затянуться на

черт знает сколько времени, а уж тщательный выбор нарядов частенько занимал многие часы.

Организовать разрешение для проезда аборигенов в земные кварталы не заняло много времени. В ожидании красавицы-теолийки Корунд развалился на диване, машинально включив видео. Местные каналы муссировали предотвращенную благодаря вмешательству людей войну между племенными союзами другого континента. Центральные информационные компании передавали поток новостей, главной из которых было открытие пригодной для жизни планеты Рубин на расстоянии около семисот световых лет от Солнца. Осведомленные источники в правительстве считали, что тендер на освоение нового мира будет объявлен примерно через год после возвращения исследовательской экспедиции.

Короче говоря, ничего особенного не происходило. Впрочем, почтовый менеджер сообщал о письме от абонента Genderbi. Под этим ником скрывался старый друг и новый родственник, а по совместительству старший офицер крейсера «Энтеббе».

Руки сами подвели курсор к иконке «Ответить». Через секунду посреди комнаты сформировалась трехмерная картинка — лицо Генриха на фоне корабельной переборки.

— Привет, — сказал Эдуард. — Ты на орбите?

— На ней, родимой, — Капитан скорчил печальную гримасу. — Сдаю дела. Завтра отправлюсь на верфь, там твоя сестра мне новый кораблик построила.

— Твоя жена мне тоже строит катер, так что нам по пути. Могу подбросить, заодно поболтаем.

— Отличная мысль. Когда?

Встречу назначили на завтрашний полдень в служебном крыле космопорта. Друзья прощались, когда в углу голограммы замигал шарик вызова. Кола сообщала, что они с братом подъезжают к «Парку водопадов».

Вообще-то родители назвали дочку Колайра, по здешним обычаям ее ласково называли Колур, но Корунд звал проще — Кола. Принадлежала она к аристократическому роду Авейра, то есть предки ее были удачливыми разбойниками. Эдуард познакомился с юной красавицей четыре года назад в местном университете, где работал на кафедре точных наук. Университетский курс для теолийцев примерно соответствовал средней школе Земли: арифметика, алгебра, планиметрия, механика, законы теплоты, основы астрономии, немного истории.

Кола ослепила его дикой красотой. В те дни Корунд чувствовал себя несчастным и одиноким — начал понимать, что Гелла никогда не полюбит его. Роман вспыхнул спонтанно. Жившие в горных и прибрежных селениях родственники девушки не возражали, что Небесный Гость обесчестил Колайру, но потребовали выкуп. Эдуард подлечил патриарха племени земными медикаментами, привез подарки другим вождям и родителям — этого оказалось достаточно, чтобы скомпенсировать возмутительное нарушение традиций.

После второго курса Кола выбрала гуманитарную специализацию, объявив, что намерена написать историю своей планеты. Участвовала в археологических экспедициях, раскопала столицу древней державы, сокрушенной кочевыми варварами семь веков назад, штудировала летописи, изучала наскальные рисунки в пещерах местного палеолита. В позапрошлом году, приняв приглашение работать в «Сафари», Корунд подарил ей многотомную историю Древнего Мира — обобщающий труд по материалам нескольких планет. Для теолийки эти сведения стали откровением. Недавно она объявила, что уже набрала достаточно материалов о восьми последовательно погибших царствах Северной Варзы и начинает писать книгу.

Летающих машин аборигенам пока не доверяли, но зажиточные теолийцы прекрасно обходились колесными автомобилями с движками внутреннего сгорания. Четырехдверный грузовичок стоял на углу, за рулем сидел Туам, старший брат Колайры. Мрачный детина с Эдуарда габаритами обычно называл себя торговцем и действительно был владельцем

парусно-гребного корабля. Наверняка он в действительности промышлял морским разбоем — занятие, по теолийским меркам, весьма почтенное и, конечно, доходное. Глом — отец Туама и Колы — в молодости был охотником, а теперь стал жрецом-церемониймейстером. Тоже разбойник, никаких сомнений.

Туам приветствовал Небесного Гостя вежливым полупоклоном, даже ладони к груди приложил. Затем приоткрыл заднюю дверцу кабины и подал руку, помогая сестре сойти на тротуар.

Для визита Кола выбрала рискованно-короткое платье — нижний край подола оставлял сапожки открытыми почти до середины голенищ. Одежда была сшита по местной моде из дорогих тканей, как положено для серьезных девушек из аристократических семейств.

Она позволила поцеловать ручку и произнесла подобающее приветствие. Завершив ритуал, сделала шаг в сторону, чтобы мужчины могли поговорить о важных делах. Туам, как подлинный аристократ и важный коммерсант, поинтересовался здоровьем Небесного Гостя, после чего поведал:

— Сегодня в нашем доме соберутся многие родственники. Отец очень просил тебя провести с нами вечерние часы.

— Охотно приму это почетное приглашение. Позвольте предложить к вашему столу скромную добавку в виде большого куска драконьей вырезки.

Про себя Корунд подумал: «Чтоб вы провалились со своими ужинами для родни. Пьяные скоты сожрут деликатес, не заметив вкуса…»

— Не откажемся, — усмехнулся Туам и без лишних слов перешел к самому главному, достав из кармана небольшой кожаный мешочек. — Здесь камни. Сестра помогла мне подсчитать их цену по нашему особому курсу. Скажи, Колур.

— Около трех тысяч. — Голос Колы был звонок и мелодичен. — Чуть больше, чем в прошлый раз.

— Я привез добра на четыре тысячи, — обрадовал партнера Эдуард.

— Ну как обычно, разницу покроем жемчугом и кораллами, — моментально среагировал абориген. — Куда ехать, на север?

— Неважно. Лишь бы подальше от любопытных глаз.

В роще неподалеку от стекавшего по скалам водопада Корунд послал с видеофона кодированный сигнал. Контейнер, выброшенный из трюма «Восьмерки» перед заходом на посадку, уже третий час кружил над этой частью планеты в слабом поле антигравитации. Получив приказ, грузовая платформа ринулась на снижение, возле самой поверхности притормозила и мягко придавила траву.

Распахнув люк, Эдуард показал Туаму коробки. Теолиец бережно поднял крышку — внутри лежали покрытые смазкой карабины. Старая надежная модель Тульского завода «Бес-тия-6» — лучшая охотничья винтовка конца XXI — начала XXII века. Лепестковый затвор, магазин на дюжину патронов 9.3/67 мм, прекрасный баланс, очень точный прицел, светящаяся в темноте мушка. Два ящика по десять карабинов в каждом и два ящика с патронами — обычными и бронебойно-трассирующими.

Бандитская рожа туземного аристократа расплылась довольной улыбкой. Впрочем, Туам быстро взял себя в руки, вернул надменную маску и проворчал:

— Боеприпасов маловато. Нужно не меньше сотни патронов, чтобы научить наших парней пользоваться оружием. Моя родня готовит большую партию груза: самородки, самоцветы. Нужны хорошие товары на обмен. И побольше винтовочных патронов с трассирующими бронебойными пулями.

— А зажигательные или разрывные не нужны? — усмехнулся Корунд.

— Есть и такие?! Вези! — Туам помолчал, покосился на сестру и осторожно поинтересовался: — Ты слышал про такие ружья, которые могут выпустить очень много пуль подряд?

Разумеется, аборигены давно узнали об автоматических винтовках и пулеметах, но законы Земли запрещали давать Младшим боевое оружие. Торговцы вроде Корунда

пользовались лазейкой: еще в недолгие годы своей педагогической карьеры он купил ужасно дорогую лицензию, позволявшую ввозить на Теоле снаряжение для охотничьих промыслов. О предназначении этих игрушек аборигены имели собственное мнение: Туам и другие покупатели не слишком любили дробовые двустволки, предпочитая многозарядные конструкции с нарезными стволами.

— Это невозможно, ведь вы знаете, — напомнил Эдуард.

— Это возможно. — Колайра без разрешения вмешалась в разговор мужчин. — К западу от нас живет союзное племя бурсонга, недавно на них напали тубонда, убили много воинов и стариков, угнали скот, забрали в рабство детей и женщин. У тубонда были такие ружья. Немного, но были.

Услыхав о столь вопиющем непорядке, Корунд насторожился.

— Это просто слова или у вас есть доказательства? — спросил он, прекрасно понимая, что собеседники могут прикинуться, будто смертельно оскорблены недоверием. — Мне надо знать, как они добыли и где прячут это оружие.

Брат и сестра переглянулись. Кола едва заметно кивнула, и Туам торопливо заверил:

— Ты получишь доказательства. Сегодня же. Нам дадут пулеметы?

Эдуард отрицательно покачал головой.

— Небесные Гости пришлют своих солдат, чтобы отобрать у тубонда запрещенное оружие? — осведомилась Колайра.

— Конечно. И торговцев, которые продали пулеметы, тоже накажут.

— Пусть так, тоже неплохо. — Кола тихо засмеялась. — Мужчины, вы закончили торговлю? Поехали к нам.

Такой оборот не устраивал Эдуарда, который собирался провести некоторое время наедине с возлюбленной. Кроме того, у него были неотложные дела в городе.

— Езжайте, — сказал землянин. — Я должен забрать это летающее яйцо. Колайра, ты с братом или со мной?

Снова обмен молниеносными взглядами. Туам пожал плечами, Кола шагнула к Эдуарду, брат помахал им рукой, грузовик с оружием умчался в сторону моря.

Яйцеобразный контейнер был устройством простым и тесным. Эдуард и Кола поместились внутри не без труда, пришлось стоять в обнимку. Когда антигравитатор понес их к дому, Корунд поцеловал нежное ушко, шепнув:

— Я соскучился…

К его удивлению, Кола дернула плечом, раздраженно прикрикнув:

— Прекрати, платье помнешь. И прическу. Что гости скажут!

— А что они говорили до сих пор? — засмеялся землянин.

— Тебя это вполне устраивало! — взорвалась она. — Тебе все равно, что меня за спиной называют развратницей!

Растерявшись от неожиданной вспышки эмоций, он попытался успокоить разбушевавшуюся дочь диких гор и степей, но та замолчала сама, свирепо сопя и бросая косые взгляды.

К счастью, едва переступив порог дома, Кола сразу повисла у него на шее, без капризов позволила отнести себя в кровать и раздеть. Она буквально дрожала от нетерпения, так что Корунд едва успел проглотить таблетку — не хватало еще, чтобы девчонка подзалетела.

В страсти Кола моментально становилась законченной дикаркой — не признавала никаких нежностей словом и делом. Только судорожные движения великолепного сильного тела и сдавленные выкрики:

— Ты мой… только мой…

Потом, получив свое, она резко стряхнула с себя партнера и, расслабленно вытянувшись, проворчала:

— Говоришь, скучал? Почему же тогда так долго не прилетал? Наверное, жена смогла тебя утешить. Или не только жена?

— Перестань, — взмолился Корунд. — Ты же знаешь, как я тебя люблю.

— Ты любишь неправильно!

Порывисто встав, она направилась в душевую. Что-то в ней сильно изменилось: прежде Кола всегда предлагала вместе поваляться в джакузи. Корунд почувствовал, что может потерять ее, и на душе сделалось даже хуже, чем бывало после скандалов с Геллой. «Бросить все и жениться на ней!» — подумалось вдруг.

Он решил немедленно объясниться с Колой, но та не дала такой возможности. Словно выискивая причину для грандиозного скандала, язвила по любому поводу — Корунд даже слова не мог вставить. Колу возмущало все: цвет стен, который, по ее мнению, подобрала жена-землянка, сшитые ею же отвратительные брюки, запах лосьона, почти заживший шрам на боку Корунда. Глядя с презрительной ухмылкой, как он достает из холодильника сверток с мясом ящера, вдруг выдала:

— А другой кусок, побольше, для жены оставил?

— У меня еще родители есть, сестра, дочка, брат… — напомнил Эдуард, чувствуя себя виноватым со всех сторон.

— Ну конечно, — ядовито прошипела Колайра. — От жены у тебя дочка. А от меня даже сына не будет!

Слушать это было слишком больно, и Корунд, не сдержавшись, повысил голос:

— Прекрати!

К его удивлению, Кола послушно замолчала, хоть и скорчила обиженную гримасу. Не глядя на любовника, приказала застегнуть платье на спине. Подтягивая молнию, Эдуард поцеловал ее в шею, не встретив ожидаемого сопротивления. Напротив, она даже посоветовала почти миролюбиво:

— Захвати свой огненный пистолет.

— В городе неспокойно? — насторожился Корунд.

— В городе всегда неспокойно. А мужчина всегда должен быть вооружен.

Выходя из дома, Кола поглядела на стоявшего в нише робота и скептически осведомилась:

— Вы держите этих железных убийц, чтобы защищаться от нас?

Она была права, но Корунд ответил уклончиво:

— У людей много врагов.

Этот разговор Кола продолжила в машине:

— Небесные Гости неосмотрительны. Вы подпускаете к себе чужаков, хотя знаете, что они — ваши враги.

— Открытой вражды давно нет, — попытался объяснить Эдуард. — Мы лишь подозреваем, что некоторые жители других планет могут стать опасными.

— Врагов надо убивать, пока они не начали убивать вас!

— Вы же не убиваете тубонда, встретив их в городе.

— Убиваем, — спокойно сообщила Кола. — Если никто не видит.

В небе Теоле стояли оба солнца — Зета и Фаркуана, но желтая звезда грела чуть слабее, чем на Джуманджи, а красный гигант был только светильником, но никак не печкой. К вечеру становилось слишком прохладно. Даже закаленная суровым климатом здешних гор Кола закуталась в меховую накидку, и Корунд поспешил включить обогреватель кабины.

Земная колония занимала северо-западную окраину Виедры — несколько тысяч благоустроенных домов, окруженных парковой зоной. С юга и востока к этим кварталам примыкал Белый Город — сектор каменной застройки, где обитала теолийская знать. Лететь туда не стоило — потом не найдешь места для посадки на узких многолюдных улочках. Поэтому Эдуард не стал включать антиграв и поехал на колесном шасси.

По сигналу бортового компьютера поднялся шлагбаум на мосту через реку Поштого, отделявшую земную колонию от города братьев-аборигенов. Не снижая скорости, «Спрут» перебрался на левый берег, очутившись в другом мире. Здесь многое выглядело иначе:

архитектура, наряды, выражения лиц прохожих, холодное оружие у каждого второго-третьего, кучи неубранного мусора. Впрочем, такие чудеса сверхцивилизации, как водопровод и канализация, пришлись аборигенам по вкусу.

Уличное движение было небыстрое, но плотное. По проезжей части гарцевали всадники на непарнокопытных каутанах, те же животные тащили кареты, телеги и коляски, а пешеходы норовили перебежать улицу перед всеми видами транспорта. Автомобили встречались нечасто — такую роскошь могли позволить себе только самые состоятельные, да и те предпочитали кататься верхом или в экипажах. Несколько раз в поле зрения мелькали аэромобили — земляне постоянно навещали Белый Город, в лавках и на базарах которого можно было дешево купить свежие продукты, сексуальных партнеров и другие популярные товары.

Вечерняя жизнь бурлила вокруг громадного крытого рынка на Небесной площади. Часа через три, когда закатится Зета и ударят настоящие морозы, здесь останутся лишь посетители небольших трактиров, а главное веселье переместится на соседнюю площадь Добрых Звезд, где всю ночь открыты очень неплохие рестораны и вершатся ритуалы в храмах теолийских богов.

Распугивая гудками роившуюся на мостовой толпу, Корунд проехал мимо торговых рядов и знаменитых бань («Не напороться бы на дружков-экстремалов», — подумал он опасливо) и свернул на неширокую улочку, где жили мастера кустарного промысла.

— Едем к Охили? — равнодушно поинтересовалась Кола.

— Надеюсь, к нему ты не ревнуешь?

Ответа не последовало — Кола просто отвернулась. С непроницаемым лицом она дождалась, пока Эдуард откроет дверцу. Затем, опершись на его руку, величественно вышла из кабины. Немногие прохожие, признав аристократку, почтительно кланялись.

Эдуард и Кола уже подходили к дверям мастерской, когда теолийка, сжав руку спутника, шепнула:

— Тубонда! Я же просила тебя взять оружие! Привычным движением отогнув полу куртки, Корунд прикоснулся к торчавшей из полукобуры рукоятке бластера, одновременно разворачиваясь в сторону, куда был устремлен взгляд его подруги. В медленном кружении первых ночных снежинок, освещенные тусклыми лучами красного солнца, приближались трое. Одетые в длинные меховые плащи с капюшонами тубонда медленно ехали на мохнатых каутанах. Эдуард не сомневался, что под плащами упрятан солидный арсенал, и сделал шаг вправо, заслоняя собой Колу. Пистолет он по-прежнему не вытаскивал.

На ближайшем перекрестке, не доехав десятка шагов до мастерской кожемяки, тубонда остановили скакунов, натянув поводья. Они явно узнали женщину враждебного клана — на бородатых лицах играла гримаса ненависти. Впрочем, обошлось без крови: обменявшись негромкими репликами, тубонда свернули на поперечную улицу и неторопливо скрылись за углом. Лишь ехавший последним выкрикнул что-то на своем варварском наречии. Колайра отнюдь не вспылила, как опасался Корунд, а только покривилась презрительной усмешкой.

— Они испугались тебя, — хладнокровно прокомментировала теолийка. — Ты же вел себя, как трус. Надо было стрелять — никто бы не стал наказывать Небесного Гостя за убийство дикарей с далеких предгорий.

— У меня не было причин начинать бой… Не дослушав его оправданий, Кола отрезала:

— Теперь они вызовут подмогу для засады на дороге к моему дому.

— Мы полетим. — Эдуард пожал плечами, поражаясь ее кровожадности. — Засада в кустах не страшна воздушной машине.

Наградив его скептической гримасой, Колайра шагнула через порог мастерской.

Знаменитый мастер Охили бросился навстречу, низко кланяясь и бормоча на дикой помеси нескольких языков, включая покореженный земной. Из двери, ведущей в жилую часть дома, то и дело выглядывали малые дети, старухи, парни и девицы — Охили содержал солидную семью. Отгоняя родню взмахами могучей пятерни, кожемяка продолжал распространяться о великой чести, которую оказали ему Небесный Гость и прекрасная

наследница вождя племени авейра. Колайра прервала его, провозгласив ледяным голосом:

— Довольно слов, мастер, мы спешим. Небесный Гость хотел бы поскорее покончить с делами.

Ого, она уже командует его именем! Кола стала позволять себе слишком много, и это могло быть опасно. Захотелось отчитать ее при низкородных свидетелях, однако землянин решил пощадить самолюбие женщины, которая слишком много значила для него.

— Она права, Охили, — подтвердил Эдуард. — Мы спешим. Щелкнув пальцами, Охили прокричал неразборчивый приказ, и подросток внушительной комплекции внес рулон тщательно выделанной кожи.

— Извольте взглянуть, — подобострастно пропел мастер. — Мягкая, нежная, блестит… самой чистой солью натирал…

Описание технологического процесса тоже грозило затянуться до неприличных сроков. Не слушая похвальбу теолийца, Корунд погладил угол отреза. Лоскут грубой шкуры длиннозуба, застреленного на Мистерии в позапрошлом месяце, превратился в настоящую лайку.

— Молодая повелительница авейра станет еще прекраснее в драконьей коже, — сказал Эдуард. — Я привез для тебя новый материал, Охили. Там есть жесткие места со спины и помягче — с бока.

Он передал мастеру мешок. При виде громадных — под пару квадратных метров каждый — неровных шкур у мастера перехватило дыхание, а Кола злобно прищурилась. Упреждая неминуемую вспышку, Корунд торопливо осчастливил кожемяку земной купюрой полусотенного достоинства и поскорее вывел рассвирепевшую подругу на улицу.

Задыхаясь от бешеной ревности и не обращая внимания на крупные, хоть и редкие хлопья снега, Колайра прошипела:

— Из этой шкуры ты сделаешь платье жене?

— Нет. — Корунд открыл ей дверцу кабины. — Себе. Кола растерянно захлопала ресницами и, жалобно улыбнувшись, пролепетала:

— Ой, как здорово! Мы сможем появляться на людях в одинаковых костюмах…

«Ну совсем ребенок», — с умилением подумал Корунд.

К его огорчению, спустя мгновение Кола снова стала суровой варварской княжной. Хотя в машине было тепло, запахнулась покрепче в меха и сосредоточенно смотрела на стенки кабины, превращенные в сканеры ночного видения. Машина пролетела над поясом трущоб, что прилепился с юга к Белому Городу, промелькнули огороды свободных фермеров, и началась обширная полоса пастбищ, которые тянулись до самого моря.

Промолчав полпути, Колайра вдруг потребовала выключить свет. Пожав плечами, землянин заметил:

— У этих машин очень прочная обшивка. Даже те ружья, которые я продаю твоему брату, не смогут пробить.

— Кто бы сомневался! — презрительно бросила она. — Ведь вы трусливо не верите нам! Только не забывай, что тубонда купили очень сильное оружие.

«Может, и купили, — подумал Эдуард. — А может, вы наговариваете на соседей, чтобы нашими руками расправиться с конкурентами…»

Жизнь приучила его, что предосторожность лишней не бывает. Прикосновение к сенсору погрузило кабину в красноватый полумрак: по-настоящему темные ночи, когда оба солнца прячутся под горизонтом, случались на Теоле очень редко.

Каменный дом рода Авейра стоял на берегу бухты.

По привычке Корунд сделал круг над местом посадки. Теплыми пятнами на экранах были только сам двухэтажный особняк и окружавшие его пристройки. Лишь где-то далеко в степи, за пределами владений авейра, перемещались какие-то существа — запоздавшие чабаны с отарами, шайка разбойников или стая хищников.

Опасения Колайры не сбылись: никто не обстрелял «Спрут» из пулемета. Машина беспрепятственно коснулась колесами припорошенных снегом камней двора.

Встречать их вышел только Кондиарг — второй сын Глома. Он был на год с небольшим старше Колы, успел побывать в разных странах с торговыми караванами Туама, служил жрецом в отцовском храме, а прошлым летом поступил в земной университет на факультет социальных знаний. Конд однажды сказал Эдуарду, что хочет стать судьей или шерифом.

— Привет, Эдуард. — Парень дружелюбно улыбнулся. — Здравствуй, сестра. Проходите в дом, здесь холодно.

— Привет, Конд… — Корунд легонько подтолкнул спутницу к дверям. — Ты стал намного лучше говорить на земном языке. Акцента почти не слышно.

— Хорошие учителя, друг. Не снимай сапоги, будем без церемоний.

— Церемонии начнутся за столом, — вздохнул Эдуард, протягивая сумку. — Здесь драконье мясо.

Из внутренних покоев доносились яростные ароматы теолийской кухни, шум степенных разговоров и вопли варварской музыки. Наверняка там играл не оркестр народных инструментов, а завезенный с Джуманджи музыкальный центр или видеокомплекс. Теолийская знать охотно пользовалась бытовой техникой Старших.

Слуги, набранные среди нищей деревенской родни, поспешно унесли на кухню драконью вырезку — мясо мистерийских ящеров считалось на Теоле запредельным деликатесом. Землянин воспользовался шикарным санузлом, где из крана даже горячая вода текла. Воду грели в котельной на заднем дворе. Котел был неудачной конструкции, сделан местными мастерами, но такие механизмы стояли сейчас во многих богатых домах, и на землях авейра добывали уголь, которым согревали полгорода.

За длинным столом разместилось с полсотни гостей — судя по одежде, не только авейра, но и других племен, поплоше. Кола сидела возле отца. Увидав Эдуарда, Глом проговорил, не вставая:

— А вот и Небесный Гость, большой друг нашей семьи. Садись, дорогой, тут есть свободное место. Колур, доченька, поручаю твоим заботам уважаемого пришельца.

Наверняка все или почти все знали, что старшая дочь патриарха давно крутит любовь с землянином, но говорить об этом было бы верхом неприличия. Порядочной девушке знатного рода не полагалось иметь добрачных связей — следовательно, таких связей нет и быть не может. Неохотно выходящее из родоплеменной дикости общество теолийцев создавало густую сеть лицемерных условностей.

Изобразив очаровательную улыбку, в которой смешались смущение и скромность, Кола усадила Корунда на скамью рядом с собой. Справа от Эдуарда сидели Туам, Конд и красивая девушка в полосатом халате — их младшая сестра Фина, студентка медицинского факультета. Замужние дамы, в том числе жена Глома, к общему столу не допускались и сейчас командовали на кухне.

— За что будем пить? — шепотом осведомился землянин у Колы.

— Скорее всего, за тебя.

«Напьюсь», — решил Эдуард. Из большого стеклянного кувшина он налил себе полную чашку красного вина. Затем положил в свою тарелку большой кусок рыбьего филе, отваренного с корешками и пряностями. Кола подвинула ему мисочку абиадра — густого горячего супа из переваренных копыт и сухожилий, в котором плавали мелко нарубленные грибы, лук и другие плоды. Поблагодарив ее кивком, Корунд взял маринады, добавил кусок мясного рулета и налил на край тарелки ложку острого соуса. Пока обвешанный серебряными цепями дальний сородич хозяев произносил здравицу детям патриарха, Корунд выхлебал суп, отпробовал рыбки и понял, что готов к затяжной пьянке.

Кисло-сладкое прохладное вино повышенной крепости потекло по стенкам гортани, распространяя горячую волну. «Хорошо начали», — подумал Эдуард, повторно наполняя сосуд из обожженной глины. Гончарная фабрика семьи Авейра выпускала вполне приличную столовую керамику. Еще немного — и фарфор научатся делать.

Добив абиадру, Корунд взялся за рыбу, предварительно выжав на деликатес местную

разновидность лимона. После второго тоста — за процветание рода и удачу во всех делах — Глом неожиданно попросил Небесного Гостя предложить тему для следующего возлияния. Не слишком утруждая себя раздумьями, малость захмелевший Небесный Гость ограничился банальностью: за прекрасных женщин, верных подруг и надежных помощниц, а также хозяек и матерей. Среди теолийцев побежал шумок — такой взгляд на слабый пол был для аборигенов сюрпризом.

— Небесный Гость верит в свои слова? — совсем тихо спросила Колайра.

— Как всегда, — буркнул Эдуард.

Она недоверчиво поиграла бровями, но промолчала.

Слуги расставили кувшины белого вина, которое земной знаток назвал бы столовым полусухим. На столе появились вместительные миски с плававшими во фруктово-ягодной подливе кусками жареного мяса, птицы и рыбы, а также котелки каши из крупы, напоминавшей рис. Кола захлопотала, навалила Небесному Гостю гору каши, положила сверху тонко нарезанные ломтики мяса и птичьей грудки, полила приправами. Рыбу, зная пристрастия Корунда, проигнорировала.

Когда подали тушеное мясо мистерийского дракона, Корунд был сыт и как следует подогрет. Вселенная представлялась ему не слишком отвратительной, окружающие выглядели вполне приятными существами, поэтому землянин почти не переживал, что не удастся провести ночь на ложе Колайры. Осталось лишь слабое сожаление, что варварские обычаи осуждают интим с незамужними девушками…

Свора родственников, громко чавкая и рыгая, стремительно расправилась и с вырезкой, и с прочими блюдами. За это короткое время успели выпить за память о предках, а также за Небесного Гостя, процветание Земли и благосклонность богов. В прежние времена пиршество на этом прекращалось и наступало время песен. Однако сейчас теолийцы переняли у землян правило: после мяса — сладкое.

Именно про новые обычаи заговорил Глом. Едва патриарх встал с чашей вина в руке, все остальные моментально умолкли.

— Давайте выпьем за нашего благородного гостя, — начал глава рода. — Смотрите, он совсем такой, как мы. Он многое перенял у нас, но и мы кое-чему научились у него и других пришельцев. Наша жизнь становится другой, становится богаче, мы лучше понимаем мир, в котором живем, открываются тайны природы, о которых мы прежде не догадывались. Небесные Гости дали нам волшебные амулеты, чтобы разговаривать с далекими местами. Волшебное оружие Небесных Гостей бьет врагов и дичь на сотни шагов. Небесные Гости научили нас строить большие корабли, чтобы ходить по морям под парусами. Но самое главное — Небесные Гости дали нам тайные знания… — Глом сделал паузу, покосился украдкой на пьяного, но насторожившегося Корунда и продолжил: — Теперь мы знаем много такого, чему завидуем и чего побаиваемся. Мы знаем, что можно летать по небу и среди звезд. Мы знаем, какие чудища живут на других звездах. И еще мы поняли, что Небесные Гости никогда не позволят нам жить лучше, чем сегодня, и это обидно. Но хуже всего — мы понимаем, что наши земные братья — не самые могущественные из живущих на небесах, и это приводит нас в ужас. Очень жаль, что Высшие не позволяют нам и вам стать сильнее. Вместе мы могли бы повелевать всеми звездами. — Он закончил очевидным призывом: — Выпьем за наши будущие победы над всеми врагами!

«Глупая варварская хитрость, — подумал Эдуард, опустошая чашку большими глотками, — Старая песня всех Младших: грубо льстят, надеясь получить оружие помощнее…»

— Если бы все было так просто, отец, — произнес, печально вздыхая, Туам. — Мне кажется, Небесные Гости просто не хотят раскрывать нам некоторые свои тайны. По-моему, вожди землян глупы и боятся теолийцев.

«Спектакль в деревенском клубе. — Корунд мысленно развеселился. — Заранее распределили роли и монологи. Сейчас Кола вмешается, станет их укорять…»

Так и вышло. Из туманного колыхания по левую руку послышался почти родной голос:

— Отец, брат, вы несправедливы к Небесным Гостям. Они говорят, что не помогают нам по очень серьезным причинам.

— Ах вот оно что! — почти натурально удивился Глом. — Скажи нам, Небесный Гость, о каких причинах упомянула Колур…

Остальные поддержали эту просьбу неразборчивым ворчанием. «Придется отвечать, — догадался Корунд. — Причем в доступной для них форме». Главных причин не приобщать Младших к продвинутым технологиям было две. Первая: все равно не поймут. Вторая: не поняв главного, постараются навредить Старшим.

Поборов дремоту, землянин привел в действие непослушные органы речи:

— Знания и машины бывают опасными. Вспомните, сколько теолийцев покалечились из-за неумелого обращения с ружьями, автомобилями, электричеством, строительными механизмами, насосами, паровыми котлами… — Он запнулся, пытаясь вспомнить, какую технику получили теолийцы. — Даже с ткацкими станками… У вас пока слишком мало грамотных — несколько тысяч на каждом континенте. От силы несколько сотен смогли поступить в земной университет, и лишь десятки его закончили.

Фина запротестовала:

— Каждый год десятки заканчивают…

— Сколько нужно? — перебил ее Глом. — Две тысячи студентов хватит?

— Это не так просто. Нужно, чтобы много-много ваших подростков и взрослых усвоили основы земной культуры, овладели основными знаниями. Нужно, чтобы учителя-теолийцы подготовили много-много грамотных учеников, чтобы инженеры-теолийцы научились строить хотя бы самые простые машины, чтобы ученые-теолийцы научились открывать новые знания без нашей подсказки.

Несмотря на неслабое опьянение, Корунд обнаружил, что публика недовольна его словами. Лица, колыхавшиеся в тумане вокруг стола, казались чересчур суровыми. Диссонансом к этому приливу мрачности Глом вдруг заулыбался и весело заявил:

— Мы идем по этой дороге, дорогой Эдди. Мой старший сын придумал очень хорошую оснастку для своего корабля, моя старшая дочь изучает историю нашего народа, мой младший сын придумывает справедливые законы, а младшая дочь научилась варить лечебные снадобья.

Мысленно порадовавшись за друзей, Эдуард едва не уснул, замотал головой и попросил у Колы горячий травяной отвар. Она послушно наполнила чашку ароматным напитком, без вопросов положила сколько нужно сахару. Потом посоветовала попробовать бодрящее желе с молотыми орехами. Отведав этих тонизаторов, Эдуард с удивлением обнаружил, что голова немного прояснилась, зрение стало почти четким и вообще пора в постель. Однако разговор требовал продолжения, поскольку в дискуссию включился Туам.

— Наши мастера кое-чему научились, — нервно подергивая усом, сообщил старший сын патриарха. — Мы умеем отливать пушки и стволы для мушкетов. Но мы не умеем делать ружья, даже отдаленно похожие на ваши. А уж патроны к вашим ружьям — это вовсе немыслимое дело. Слишком тонкая работа.

— Перестаньте думать об оружии, — устало посоветовал Эдуард. — Лучше научитесь делать хотя бы самые простые паровые машины, станки для обработки металла и дерева. Поверьте, через полвека ваша жизнь станет во много раз лучше, ваш народ будет доволен и сыт.

— И все равно мы не скоро научимся делать отличные товары, которые получаются у вас, — пожаловался Глом. — Почему земляне привозят так мало полезных вещей?

— Хочешь, я привезу миллион комплектов отличной посуды? — Эдуард начал злиться. — Через пару дней твоя фабрика разорится. Никто не станет покупать дорогие глиняные миски, если на каждом углу почти даром продаются тонкие красивые небьющиеся тарелки Небесных Гостей. Хочешь?

Сразу несколько теолийцев заворчали, готовясь возразить, однако не успели озвучить свои мудрые мысли. Душный воздух трапезной завибрировал от мерзкого визга — снаружи

кто-то истерично дул в изогнутый рог, возвещая тревогу.

Мужчины молниеносно повскакивали из-за стола и — не без толкотни в дверях — убежали сражаться. Корунд тоже шагнул к выходу, проверяя координацию движений. Безусловно, пьян он был от души, но прочно держался на ногах. Удовлетворенно крякнув — очень уж хотелось подраться, — он похлопал по карманам расстегнутой куртки. Прибор ночного зрения оказался на месте — не пропил, стало быть.

Во дворе уже трещали выстрелы. Вожди наперебой выкрикивали команды, остальные защитники усадьбы орали в десятки глоток. Умножая переполох, истошно вопила скотина в сараях, рычали цепные коты. Над этим гвалтом деловито простучал издалека пулемет.

— Тубонда… все-таки напали, — с досадой резюмировала Кола. — Не ходи, там опасно.

— То, что нужно! — Выходя из комнаты, Корунд нажал сенсор выключателя и, когда свет погас, прикрикнул: — Держись подальше от окон, а лучше — ляг на пол.

В коридоре бестолково суетились бабы с детворой, старушечий голос причитал: дескать, кого-то убили, а кого-то ранили. Расталкивая домочадцев и челядь, Эдуард пробился к лестнице, ведущей на чердак. В суматошном ночном бою посреди степи первое дело — держаться выше противников.

Оба солнца закатились, долину освещали только звезды и лунный серп. Как и следовало ожидать, почти все мужчины, расхватав оружие, толпились во дворе. Лишь немногие выбежали за стену забора, подставляя себя под вражеские пули. Тубонда — или кто там устроил заварушку — залегли в сотне-другой шагов от северной ограды и беспрерывно нажимали спусковые крючки, не утруждая себя прицеливанием. Короче говоря, бестолково опустошали подствольные магазины своих винтовок. А вот среди деревьев на холме, что в трехстах метрах к северо-западу, расположились пулеметчики, очереди которых стегали по дому, кроша камень и выбивая стекла.

Первым делом Эдуард схватился не за бластер, а за видеофон. Хоть и сильно нетрезв был, но помнил, как должен поступать землянин при обострении ситуации в варварском мире. Сообщив дежурному городской комендатуры о перестрелке с применением недозволенного оружия, Корунд извлек из кобуры пистолет-лучемет, подрегулировал контраст «ночному глазу» и добавил увеличение.

Теперь пулеметное гнездо было видно вполне четко, поэтому первая же серия импульсов срезала половину расчета. Уцелевшие, само собой, увидели, откуда бьют по ним лучи, и попытались навести пулемет на чердак особняка. Не дав им возможности завершить прицеливание, Корунд непрерывным огнем уложил троих аборигенов, а затем занялся отрядом, наседавшим с севера.

Опустошив наполовину батарею бластера, Эдуард застрелил нескольких тубонда, сильно напугал остальных, и нападавшие принялись отползать. Никто не побежал — у теолийцев считалось смертельным позором показать врагу спину.

Тем временем Туам вывел отряд своих пиратов через заднюю калитку и, обогнув дом, оказался на вражеском фланге. Привычные к абордажному бою головорезы воевали получше степных бандитов. Пули и стрелы нанесли противнику чувствительный урон, тубонда сообразили, что их косят, как в тире, и темперамент взял верх над рассудком. Побросав винтовки, налетчики бросились врукопашную. Банда Туама хладнокровно расстреливала бежавших в сабельную атаку самоубийц.

Пьяного Корунда снова потянуло на подвиги. Прыгая через ступеньки, он вернулся на первый этаж и устремился к двери. Непривычно встревоженная Кола попыталась преградить ему путь, но была небрежно отодвинута.

Выбежав во двор, Эдуард понял, что опоздал. В небе медленно кружили бронетранспортеры земного гарнизона, ярко светили бортовые прожектора и подвешенные на антигравах «люстры». Защитники дома благоразумно отступили под защиту стен, чтобы не попасть под карающую руку Небесных Гостей. Туам стоял в воротах, загоняя моряков во

двор грозными криками:

— Все назад! Зарежу, если кто-то стрелять вздумает!

Прилетевшие из Виедры солдаты-земляне разоружали нападавших, успокаивая особо буйных парализующими разрядами. На всякий случай Эдуард убрал пистолет и включил световой сигнал — вдруг у кого-то из бойцов откажет сканер, распознающий вшитый под кожу микрочип.

— Свой, что ли? — равнодушно поинтересовался офицер. — Из-за чего свара началась?

— Племенные разборки. Посмотрите вон на той высотке — пулемет найдете. И шесть стрелков, посеченных бластером.

Выругавшись, командир подразделения приказал кому-то из сержантов слетать к холму. Корунд уже помогал Фине перевязать раненного в ногу старика — кажется, это был двоюродный дядя Глома. Из-за стены доносились вопли разъяренной Колы — неугомонная красавица возмущалась запретом покидать двор.

— Она права, — заметила Фина, убирая в сумку рулон ткани, заменявший теолийцам бинты, — Мне разрешено быть снаружи, а ее не пускают.

— Она не права, — возразил Эдуард. — Солдаты фиксируют место происшествия, так что лишние перемещения лишь запутают картину.

Военный со значком командира отделения на плечевой броне вежливо посоветовал всем вернуться в дом. Потом, посветив Корунду в лицо, сочувственно спросил:

— Земляк, там не твоего брата убили?

— Где?! — взревел Эдуард, решивший, что погиб Мишель. — Как он здесь очутился?!

— Не могу знать, земляк. Но покойник очень на тебя похож, хоть и по-туземному одет…

— Забавно. — Корунд, успокоившись, рассмеялся. — Есть у меня брат, но перепутать нас непросто… Покажите.

— Не ходи, — посоветовала Фина, хватая землянина за рукав. — Дурная примета…

Разумеется, Корунд не стал слушать суеверную девчонку, вырвался и пошел за сержантом.

Загадочный труп оказался поблизости — лежал, привалившись плечами к стене и свесив голову. В руках — карабин, в груди — две стрелы, во лбу — пулевое отверстие. Как и следовало ожидать, он был ничем не похож на Мишеля. Лицо мертвеца покрывала сеть тонких шрамов, но в остальном он был точной копией Эдуарда Корунда.

4

Загадка требовала объяснения, и командир земного отряда приказал вызвать хозяев дома. Равнодушно поглядев на мертвеца, Глом уверенно проворчал:

— Не наш. Он пришел с врагами.

Туам, Кола, Конд и Фина молча наклонили головы, подтверждая слова вождя племени.

— Надо проверить, чьи стрелы его поразили, — сообразил Эдуард. — Стрелы и пули.

— Разберемся, — пообещал офицер. — Как говорится, вскрытие покажет.

Увидав, что солдаты несут труп неизвестного в бронетранспортер, теолийцы сильно разволновались. Конд, нервно поглядывая на отца и брата, принялся возмущаться: мол, необходимо сжечь трупы или подкинуть врагам — иначе кровная месть растянется на годы. Отмахнувшись, офицер заверил будущего юриста, что покойника вернут завтра к вечеру, после чего благородное семейство сможет поступить с холодным предметом, как того требуют разумные и справедливые обычаи континента Варза.

Вскоре военные улетели, прихватив плененных тубонда. Дворня Глома и матросы Туама деловито уносили в дом своих убитых и раненых, а трупы врагов, предварительно пограбив, сложили штабелем в заснеженной степи, обложили хворостом, облили бензином и подожгли. Костер заполыхал, распространяя запах, похожий на шашлычный, и в огонь

полетели луки и колчаны нападавших.

— Зачем жечь трофеи? — удивился Корунд.

— Духи разгневаются, плохо будет. — Туам покачал головой. — Пусть огонь возьмет их оружие.

«Новое суеверие, мало им прежних, — разочарованно подумал Эдуард, возвращаясь в дом. — Варварский мир и варварские предрассудки… Но ружья-то трофейные сжигать не стали, припрятали. Надеются задобрить духов старым барахлом…»

Мысль вернулась к двойнику-теолийцу, но Корунда отвлек сигнал видеофона. На экранчике появилась только что полученная текст-депеша:

Эдик, дорогой, очень хочу тебя увидеть.
Прилечу на Теоле завтра рейсом 701 В-620.
Я должна сообщить тебе кое-что очень важное.
Твой Сюрприз .

Слегка заинтригованный Корунд заглянул на сайт космодрома: указанным рейсом прибывал вне расписания звездолет «Кирасир», следующий по трасе Гамма Девы — Бета Зайца — Бета Кассиопеи — Проксима Центавра и далее. Такими головоломными маршрутами, да еще не придерживаясь графика, могли ходить частные яхты, корабли силовых ведомств, исследовательские космолеты, курьерские пакетботы, грузовики больших корпораций, то есть три четверти бортов земной приписки. Хотя название «Кирасир» как будто указывало на вспомогательный корабль военного флота.

Судя по тексту, его приглашала на рандеву какая-то давняя подруга. Гадать, кто именно, не имело смысла — завтра увидим.

— Не буду вам мешать, — объявил Эдуард. — Переночую в городском доме.

Хозяева не стали перечить. Туам поспешно передал два мешочка: маленький — с жемчугом и побольше — с кораллами. Стоя на пороге, купец-мореход вполголоса перечислил пожелания: портативные рации загоризонтной связи, карабины и побольше патронов, программы для коммерческих расчетов и анализа рынка. Похоже, парень собирался сильно расширять бизнес.

Теолийцы долго прощались, многословно рассказывая, как уважают Эдуарда и какую честь оказал Небесный Гость, посетив скромное жилище. Глом добавил: мол, вся семья переживает, что досадный случай омрачил отдых дорогого друга-землянина.

Не без труда вырвавшись на мороз, Корунд направился на задний двор, где оставил «Спрута». Возле машины, к его удивлению, зябко переминалась закутанная в меха Кола.

— Полечу с тобой, — сообщила она.

Такой оборот событий вполне устраивал Эдуарда. Усадив подругу, он задраил кабину, включил отопление и, когда воздух немного прогрелся, стянул с головы капюшон. Мелодично шурша мотором, аэромобиль набрал высоту, и Корунд повернул штурвал на север.

Покосившись на Колу, он обнаружил, что та нервно покусывает пухлые губки. «С чего бы вдруг? — мысленно удивился землянин. — Вражеские набеги ей с детства привычны».

— Что тебя так обеспокоило? — осведомился он. — В бою убит кто-то из близких?

Кола дернулась, бросив на него дикий взгляд, потом пробурчала напряженным голосом:

— Если погибает кто-то из близких, дочь главы рода должна провести ночь в рыданиях у тела… Меня напугал твой двойник.

— Приятного мало, — согласился землянин. — Но тебе-то чего бояться?

— Кажется, я понимаю, что замышляли эти негодяи. Хотели похитить тебя, подкинув этот труп.

Эдуард засмеялся:

— Наша полиция быстро установила бы, что убит не я. Это совсем просто.

Она очень странно посмотрела на Корунда и надолго замолчала. Странная получилась у них встреча: днем Колайра явно злилась, а сейчас была столь же явно расстроена.

Впрочем, в постели Кола неожиданно сбросила напряжение и проявила прежнюю страсть — куда там скучающим туристкам.

С утра Кола пребывала в блаженной расслабленности, бродила по комнатам очаровательно голенькая, даже не пыталась учинить скандал. Только сделала строгие глаза, когда возбужденный таким зрелищем Эдуард без слов подхватил ее и понес в спальню.

В очередной раз выходя из ванной, она соизволила накинуть сорочку, а за столом вдруг произнесла грустно:

— Вам легко живется. Не думаете про соблюдение древних обычаев, не признаете условностей. Каждый может делать все, что захочет.

— Почти все, — уточнил Эдуард. — Полной свободы быть не может.

— Все равно. Хотя, конечно, женщинам много воли давать нельзя. Если все бабы будут развратничать, как я, разве это дело? Семьи развалятся, жизнь превратится в потусторонний кошмар!

— Ты не развратничаешь, ты — любишь.

— Ну да! Так любая может наврать… Понравилось бы тебе, если жена изменять начнет и скажет: я, мол, не развратничаю, а просто полюбила другого?

— Мне это и не нравится…

Слова сами возникли в глубине проснувшейся боли, не стоило их вслух произносить. А с другой стороны, кому излить наболевшее, если не самой близкой подруге?

Само собой, на Колу его признание подействовало, как шило в известное место. Отшвырнув надкушенный бутерброд, она привстала, похожая на готовую к прыжку хищную кошку, и прошипела, злобно сузив зрачки:

— Она изменяет, а ты прощаешь, не выгнал гадину! Значит, так сильно любишь!

— Ну не знаю, — пробормотал Эдуард. — Наверное, все-таки придется разбежаться. Вместе нам не жизнь.

Его слова, как и следовало ожидать, обрадовали теолийку. Она с воодушевлением провозгласила: дескать, развод — замечательное изобретение Небесных Гостей, поэтому надо убедить Конда, чтобы добавил этот обряд в создаваемый кодекс законов.

— Просто замечательно, — с чувством произнесла Кола. — Сто лет назад вы заставили племенных вождей отменить право первой ночи, а теперь мы сами перенимаем у вас право расторгнуть брак. Вот он, истинный прогресс!

У нее намечались прекрасные задатки публичного политика: говорила без малейших запинок, словно выступала на митинге. Эдуард готов был слушать и слушать журчание милого голоса, но пришло, к сожалению, время спешить на космодром.

Направив аэро курсом на север, он неосмотрительно поинтересовался, как обстоят дела с личной жизнью у Фины. Повздыхав, Кола проворчала:

— Жалко сестренку. Умница, красавица, с таким образованием — а будущего нет. Или останется безмужней старухой, или станет женой-рабыней какого-нибудь хама из княжеского рода. Половина аристократов дружественных племен намекали, что готовы прислать сватов — всем хочется заиметь жену с дипломом.

— К тебе сватов не посылают? — пошутил Эдуард.

Он был очень удивлен, услыхав чистосердечное признание.

— Иногда, — немного сконфуженно сообщила Кола. — Но побаиваются. Все-таки я — наложница Небесного Гостя.

Разумеется, Корунд возмутился: мол, какая же ты наложница! Но в общем верно — наложница, понял он вдруг. Никак иначе положение Колайры не назовешь. Сидеть, запертой в отцовском доме, и ждать, когда Небесный Гость осчастливит — раз в месяц, а то и в два — своим появлением. Как, наверное, страдает ее гордость!

Надо было как-то развязать дурацкий узел отношений, но Корунд плохо представлял, как это сделать.

— Потерпи совсем чуть-чуть, — попросил он виноватым голосом. — Я разведусь с женой.

— Не думай о таких мелочах. Ты — мой мужчина, я счастлива, и мне ничего другого не нужно… — Неожиданно Колайру потянуло на философию: — Каждый второй парень мечтает переспать с собственной мамашей. Поэтому ищет женщин, похожих на его мать. Так же и каждая вторая девушка надеется найти мужчину, который был бы похож на ее отца.

— Неужели я похож на Глома?

— Кое в чем похож. — Она задорно постреляла глазками, а потом внезапно сменила тему: — Ты не обиделся на отца?

— За что?

— Вчера он слишком жестоко нападал на всех землян в твоем лице. Как будто ты виноват, что Земля запрещает давать нам хорошие машины, не дает настоящие знания.

Опять этот бессмысленный разговор, печально подумал Эдуард. Едва получив немного даров от Старших, Младшие расы немедленно принимаются требовать чего-нибудь еще. Причем не микроскопы канючили, не лекарства, не станки, не сельскохозяйственную технику, но — пушки помощнее. Поток претензий становился таким капризно-надоедливым, что Всемирный Конгресс однажды поставил на обсуждение законопроект о репрессалиях. Рассматривались разные санкции, в том числе временное прекращение контактов с особо назойливыми вождями Младших, а также силовая замена последних более послушными. На голосование этот закон так и не поставили — похоронили в комиссиях.

— Дорогая, ты же умная девочка, — мягко начал Эдуард. — Ты ведь понимаешь…

— …что вы делаете это для нашего блага, — насмешливо закончила фразу Кола.

— И для вашего тоже. Технология должна соответствовать уровню социальных отношений. Мы и так дали вам больше, чем положено родоплеменному обществу, пусть даже с зачатками феодализма.

Он догадался, что говорит неубедительно — Кола просто не поймет, о чем идет речь. На ее лице действительно появилось выражение досады, теолийка сказала раздраженно:

— Мы тысячи раз слышали эти отговорки! На лекциях в университете, на встречах с вашими наместниками, по видеоканалам… Избежав ужасов рабовладения благодаря бескорыстной опеке мудрых землян, молодая цивилизация Теоле сумеет перепрыгнуть через самые гадкие формы феодализма и вскоре построит гуманное общественное устройство, основанное на местных традициях, уважении к человеческой личности, справедливости и взаимной выгоде…

— Так и есть, — начал было Корунд. Кола прервала его:

— Перестань врать! Вы держите нас за глотку точно так же, как Высшие давят вас!

— Неправда, — обиделся землянин. — Совсем наоборот. Мы помогаем вашему развитию, а Высшие тормозят прогресс всех Старших рас. Мы стараемся примирить ваши племена, тогда как они сеют раздоры среди Старших. Высшие держат Старших на дистанции, не подпускают к себе, а мы намерены включить теолийцев в свою цивилизацию.

— Кое-что новенькое, — насмешливо пропела Колайра. — Теоле станет частью земной цивилизации? Тубонда тоже? И когда же это случится?

Ее дикий характер был готов к новому взрыву, поэтому Корунд осторожно подбирал слова:

— Неужели вам не говорили на лекциях? Слияние двух рас станет возможно, когда теолийцы приблизятся к землянам психологически… ты понимаешь, о чем речь? То есть когда вы усвоите основы нашей морали, наши понятия и обычаи, когда совсем откажетесь от некоторых варварских пережитков.

— То есть никогда!

— То есть очень скоро…

На этом их высокоинтеллектуальная беседа прервалась, потому что машина влетела в

космодромную зону. Приземлившись возле бокса «Восьмерки», Эдуард загрузил в трюм пустой контейнер и запрограммировал автопилот «Спрута», чтобы летел домой.

Входя в здание космопорта, Корунд посмотрел на часы — до прибытия «Кирасира» оставалось около четверти часа. Продолжавшая злиться Кола холодным кивком разрешила отвести ее в кафе и угостить чашкой крепкого чая. При этом она бормотала сквозь зубы: дескать, хваленый земной чай — лишь бледная тень восхитительного напитка, посланного богами народу Теоле.

Начавший привыкать к подобным выходкам Эдуард решил не обращать внимания и, прихлебывая чай, занялся переговорами с диспетчерской. Оказалось, что «Сафари-8» может отправляться на Джуманджи в любой момент между 1.40 и 2.50 — времени оставалось вполне достаточно.

— Когда брат за тобой заедет? — рассеянно поинтересовался землянин, убирая видеофон в нагрудный карман.

— Он уже здесь. Сидит в большом зале.

— Надо же… а я не заметил его.

— Ты вообще ничего не замечаешь, — съязвила Колайра. — Как вы только Старшими стали!

— И чего же я не замечаю?

Неожиданно смутившись, она отвела взгляд и пробормотала:

— Ну например, своего друга-воина… Обернувшись, Эдуард увидел приближавшегося Генриха.

Капитан, улыбаясь, распахнул руки. Друзья обнялись, после чего Генрих поцеловал запястье теолийки, сказав:

— Очаровательна, как всегда.

Кола милостиво кивнула, сверкнув ослепительной улыбкой, но тут же вернула гримасу ледяной надменности и отвернулась. Чтобы сгладить неловкость, Эдуард поспешно сообщил:

— Нас отправят через два часа.

По трансляции объявили, что внерейсовый экспресс «Кирасир» прибыл к орбитальной платформе и что пассажирский модуль уже заходит на посадку. Встречающих приглашали к 11-му терминалу.

— Прогуляемся, — предложил Эдуард. — Кто-то из знакомых прибывает этим кораблем. Обещает сюрприз.

— Кристо, — уверенно заявил Генрих. — Я тут однажды с ним столкнулся. В тот раз он тоже на «Кирасире» прилетел.

— Какой Кристо? — изумился Корунд. — Лисанов?

— А кто еще… — Генрих усмехнулся. — Кажется, наш приятель стал жутко важным деятелем — его встречали трое из службы безопасности какой-то компании. Очень смутился, когда меня увидел. Так и не объяснил, каким ветром его занесло на Теоле.

— Сейчас все выложит, — угрожающе пообещал Эдуард. Они подошли к терминалу, продолжая перешучиваться: дескать, по старой памяти заставят бывшего однополчанина выполнить строевые упражнения, а потом закатят грандиозную пьянку. Даже Кола немного подобрела и предложила развязать язык жертвы, загоняя под ногти бронзовые шпильки для волос.

Перед прозрачной дверью их остановил полицейский, но Генрих небрежно шевельнул украшенными погонами плечами и бросил на ходу: мол, встречаем персону с «Кирасира». Краем глаза Корунд заметил, как сидевшие неподалеку двое штатских насторожились, пристально рассматривая встречающих. «Понятное дело, — подумал Эдуард. — Нашего дружка ждут ребятишки из какой-то секретной конторы».

— Проходите. — Полицейский сделал шаг в сторону. — А нам звонили, что вы чуть опоздаете. Кораблик-то почти на час раньше прибыл.

— Мы никогда не опаздываем, — строгим голосом произнес Эдуард.

Едва они вступили в просторное помещение, распахнулись ворота рукава, соединявшего этот зал с приземлившимся кораблем. Человек, прилетевший на «Кирасире», вошел быстрым шагом, улыбаясь Эдуарду. Это был вовсе не Кристо Лисанов.

Это была… Гелла.

Мелькнула первая, на грани паники, мысль — ревнует, вот и выследила. Может, все-таки любит?

Однако Гелла явно не рассчитывала застигнуть его с Колой — слишком уж странно посмотрела на теолийку. Она растерялась — это было видно по лицу и слышно по дрогнувшему голосу. Даже с Генрихом поздоровалась небрежно, лишь мельком глянув на давнего приятеля. Потом будто опомнилась, снова стала ядовитой гадюкой.

— Вот, значит, какая она, твоя дикарочка, Эдик, — произнесла она саркастически. — Буду знать, в какой глуши мой муженек развлекается.

— Это твоя жена? — с брезгливой миной осведомилась Колибри.

— К нашему взаимному сожалению, моя бедная девочка. — Гелла произвела театральный вздох. — Если бы ты знала, какой это изверг. Он мне изменял!

— Такой жене изменять нельзя. Надо было сразу прикончить.

Прервав бабскую пикировку, Корунд осведомился:

— Можно узнать, какая нелегкая занесла тебя на эту планету?

Он еще надеялся услышать что-нибудь утешительное. Например, решила надрать задницу твоей любовнице и вернуть мужа-подлеца в семью. Однако Гелла сказала насмешливо:

— Узнала, понимаешь, что здесь обитают сексуальные самцы. Вот и последовала твоему примеру — завела себе любовника. В горном кишлаке к востоку отсюда.

Приняв ответ за чистую монету, Кола издевательски засмеялась:

— Племя тунгу, вероятно. Там все чабаны — волосатые кривоногие коротышки и вдобавок по два года не моются. Самое то, что нужно такой красотке.

Генрих, как и Корунд, чувствовал себя весьма неуютно и проговорил невпопад:

— Давно не виделись, Гелла. Ты сильно изменилась, как будто помолодела…

— О да! — Гелла поджала губы. — Мы не виделись очень давно.

Слово «очень» она произнесла с нажимом, словно вкладывала особый смысл. Смысла, впрочем, не было, тем более особого: они встречались не более месяца назад, когда вся семья собралась надень рождения Георга Корунда. А вот помолодела Гелла — это правда. Выглядела лет на двадцать пять…

Окончательно запутавшись, Эдуард предложил продолжить разговор в кафе, без посторонних. Он даже сделал шаг к выходу, но резко остановился: в стеклянные двери, перешагивая через лежащего полицейского, врывались те двое штатских, которые загадочно разглядывали их в зале. Оба держали в руках лучевые пистолеты.

— Генрих, атака! Прикрываем девочек! — крикнул Эдуард, выхватывая бластер.

Сбив подсечкой Геллу, он упал рядом. Генрих четко повторил его действия, уложив Колу и потянувшись за оружием. Нападавшие уже стреляли, но импульсы прошли выше лежавших. Опережая вторую очередь неизвестных, Корунд нажал спуск, целясь в переднего. Почти одновременно засверкали лучи, бившие из бластера капитана Дерби.

Человек, по которому палил Эдуард, получил луч в грудь, однако сделал еще несколько шагов, его следующий выстрел ударил в пол совсем близко к плечу Геллы. Очередной импульс Корунда попал противнику в живот, и неизвестный, словно споткнувшись, упал на колени. Генрих удачно всадил целую очередь, и второй враг, неловко взмахнув руками, опрокинулся навзничь. Обеими руками сжимая пистолет, Эдуард продолжал выпускать импульс за импульсом, часть лучей прошла мимо, но не меньше двух попали в плечо и бок его мишени.

По-прежнему стоявший на коленях террорист перехватил оружие здоровой рукой, но

теперь по нему вели огонь и К°рунд, и Дерби. Цели достигли сразу несколько лучей, противник выронил бластер, а затем рухнул вперед, громко стукнувшись головой.

Продолжая удерживать Геллу в лежачем положении, Корунд водил вокруг взглядом и стволом, выискивая новые цели. Таковых не оказалось. За спиной стонал сотрудник космопорта, задетый шальными выстрелами. Из зала уже спешил полицейский наряд. Только теперь Эдуард обратил внимание, что лежавшая рядом Гелла, шипя от боли, ощупывала громадную кровоточащую ссадину на скуле — наверное, ударилась, когда ее неловко уронили на пол.

Внезапно Гелла прижалась к нему с давно забытой страстью, прошептав между поцелуями:

— Как же я по тебе соскучилась!

Лежа в неудобной позе на слишком твердом каменном полу, Корунд буркнул:

— Вроде бы недавно виделись.

На лице Геллы появилась странная — растерянная и немного жалкая — гримаса. Легко встав с пола, она тихо произнесла:

— Ну да, конечно. И тем не менее.

Отжавшись руками, Эдуард подскочил, тоже приняв вертикальное положение, и засунул пистолет в кобуру. Генрих помог встать растерянной Колайре. Их окружила космодромная стража, роботы упаковали оба трупа, врачи суетились вокруг раненых.

Сквозь оцепление полиции протолкался армейский майор, козырнул по очереди Генриху и Гелле, после чего произнес виноватым голосом:

— Простите, доктор, мы немного опоздали.

— Совсем чуть-чуть, — раздраженно подтвердила Гелла. — Только ушами хлопать умеете!

— Но мы… — Майор побагровел.

Не слушая его оправданий, Гелла отвернулась, подошла к Эдуарду и, взяв за локоть, решительно отвела в угол, подальше от остальных. Оглядевшись, она негромко сказала:

— Запомни на случай, если со мной что-нибудь случится. В последнее время я начала понимать, что метанаука забрела в тупик мелкотемья и проморгала важные градации Всемогущества. У этого феномена четко выделяются две стороны. Первая — тотальное управление энергией и материей, управление всеми физическими процессами на всех уровнях строения материи. Вторая — тотальный контроль над пространством и временем, то есть исправление прошлого и предвидение будущего. Если помнишь, о способности видеть будущее тебе говорил Высший, когда мы покидали Кураре.

Момент был не самый подходящий для научных дискуссий, но Корунд невольно переспросил:

— Это сочетается с твоей старой концепцией Всемогущества как модели божественной силы?

— Возможно, предки подарили нам идею богов в качестве предостережения. И еще одно свойство бога, о котором почему-то все забыли: бог нарушает законы сохранения.

— Ты имеешь в виду закон сохранения массы?

— Не только. Существует много других законов такого рода — сохранение числа частиц, энергии, спина…

Жена снова поцеловала его, затем, резко оттолкнув, вернулась к майору. У дверей их ждали еще два офицера, в сопровождении которых Гелла умчалась куда-то ускоренным шагом.

Рассвирепевшая Кола тоже покинула зал, не попрощавшись, если не считать словами прощания непристойное проклятие. Догнать обеих Эдуард не сумел — его и Генриха задержал полицейский следователь.

Смирившись, Корунд рассказал то немногое, что знал: двое неизвестных ждали чего-то или кого-то возле входа в терминал, затем застрелили охранника и ворвались, открыв беспорядочный огонь…

— Кто мог быть их целью? — прервал его следователь. — Вы, капитан третьего ранга Дерби, дочь вождя авейра или пассажирка с «Кирасира»?

Эдуард пожал плечами, а Генрих проворчал:

— Корунда, Колайру и меня они могли положить еще в общем зале.

— Да, верно. — Полицейский офицер благожелательно покивал. — Значит, охотились на ту женщину… Как ее зовут?

Опередив готового отвечать друга, Корунд заявил:

— Понятия не имею. Мы оказались тут случайно. Этим рейсом должен был прилететь наш приятель, но вместо него из рукава вышла та особа.

— Вы не знакомы? — недоверчиво переспросил следователь. — Камеры наблюдения зафиксировали, как страстно вы целуетесь…

— Надеюсь, вы не из полиции нравов? — Эдуард похабно ухмыльнулся. — Даже секс — не повод для знакомства, а поцелуи вовсе немного стоят… Дама просто благодарила меня за спасение.

— Ну-ну… — угрожающе начал полицейский.

Продолжения оригинально начатой фразы не последовало, потому что зазвонил висевший на поясе следователя видеофон. Переговорив с начальством, офицер разочарованно сообщил, что дело передается военным властям, а потому лично он вопросов больше не имеет. Явно нехотя следователь передал извинения от имени начальника службы безопасности космодрома полковника Барсегова. Несколько сбитый с толку Корунд поплелся в ангар, волоча на буксире пытавшегося качать права Генриха.

Оказавшись на «Восьмерке», он бросился в рубку и дал старт. Уже в полете, когда машина неспешно преодолевала атмосферу Теоле, Корунд задал автопилоту стандартный курс к точке, где можно будет запустить «Конус-18А».

Капитан Дерби ждал друга и родственника в салоне.

— Мысли путаются, — мрачно поведал Эдуард. — Надо выпить.

— Мне совсем чуть-чуть, — предупредил погрустневший Генрих. — Скоро представляться командиру, а про Катридиса ходят слухи, что мужик серьезный, непорядка не терпит. Неудобно получится, если будет разить…

Понимающе кивая, Корунд откупорил бутылку водки и достал закуски, утаенные от прожорливых туристов-экстремалов. Опрокинув без интервала два стопарика, он почувствовал, как отпускает тревожное напряжение. Хотя, конечно, для полного спокойствия и благополучия пришлось бы выпить побольше, чем оставалось в баре. Сочувственно следивший за другом Генрих предложил:

— Выпьем за женщин, что ли… Гелла твоя прекрасно выглядит.

— У меня такое чувство, что на космодроме была не Гелла, — процедил сквозь зубы Корунд, натыкая на вилку маринованный боровик. — Ее лицо, ее голос, даже запах… Но — не она.

— Ты чего такое несешь? — опешил Генрих. — Она была, нельзя ошибиться.

Эдуард решительно мотнул головой, сосредоточенно наполняя стопку.

— Не она! То ли у моей благоверной раздвоение личности, то ли есть женщина, похожая на нее как две капли воды. Ты же знаешь — после той болезни Гелла ненавидит полеты, даже на важнейшие научные конгрессы с неохотой ездит — раз в три года. Кроме того, никто не называет ее «доктор», всегда говорят: «профессор Ахваз-Корунд». И еще — она очень давно так меня не целовала. Как будто и вправду любит…

— Понятно… — Лицо Генриха сделалось грустным. — Проблемы в семье. Так уж это устроено: одна половинка любит, другая — позволяет себя любить.

Отвечать ему Корунд не стал — знал проблемы семейства Дерби. Когда Корунды обосновались на Джуманджи, влюбленный Генрих каждые каникулы гостил у них, пытаясь добиться взаимности Агнес. Сестренка же не могла забыть ветреного мачо Гомеса, хоть и понимала, что тот бросил бы ее от силы через неделю. Наконец после трехлетней осады окончивший Академию лейтенант Дерби добился назначения на старенький крейсер

«Энтеббе», редко покидавший систему Зета — Фаркуана. И тут Агнес неожиданно капитулировала, согласившись выйти замуж за настырного воздыхателя.

Наверняка сестра не питала к супругу слишком горячих чувств, однако Генрих был счастлив, и Агнес не давала ему повода для огорчений. С некоторых пор Эдуард искренне завидовал другу.

— Расскажи про новый корабль…

Поняв, что старый боевой товарищ хочет сменить болезненную тему, Генрих охотно поведал:

— Хороший крейсер. Пушки помощнее, чем у предыдущего проекта, скорость побольше, защитные поля — тоже, говорят, лучше снимают удары. В ориентировке Главного Штаба сказано, что «Зиккурат», «Пирамида» и остальные из этой серии как минимум на четверть сильнее новых тяжелых крейсеров виин-черси. А лабба и дзорхи только собираются строить что-то подобное.

— Приятно слышать… — Эдуард разлил последние капли. — Но против Высших эти кораблики не потянут?

— Нет, конечно. — Генрих криво улыбнулся. — Разве что убежать сможем. Вот пройдем ходовые испытания, и, по слухам, отправят нас в глубокий рейд к владениям Высших.

— Пиратство на коммуникациях?

— Остынь. Будем издали наблюдать, что у них там делается. Командование очень интересуется современными звездолетами Высших. Ясно же, что бронированные роботы — позавчерашний век их технологий. Устаревшее оружие, которое не выбрасывают из арсеналов, чтобы в случае надобности попугать дикарей. Ведь и мы не стреляем в Младших нейтридной картечью.

Разочарованно махнув рукой, Корунд допил водку и закусил соленым помидором, фаршированным чесноком и острым перцем. Потом процедил:

— Я бывал возле миров Высших. С экспедицией профессора Анджелли. Там нет звездолетов — наверняка они создали другой способ путешествовать по космосу. Приборы фиксировали передвижение невидимых сгустков пространства. Как волны на поверхности океана, когда на небольшой глубине плывет кит. Скорость на порядок больше, чем у наших лучших кораблей.

— Совсем нет звездолетов? — переспросил ошеломленный Генрих. — Ты сообщил об этом куда следует? И что вообще ты делал в тех местах?

— Я давно перестал понимать, чем занимается наша компания, — признался Корунд. — Официально та миссия называлась изучением отдаленных секторов Галактики, перспективных для развития туристического бизнеса. Подозреваю, что руководство «Сафари» связано с какими-то спецслужбами.

— Что говорит Мишель?

— Он не в курсе.

— Значит, это не политическая разведка, — резюмировал Генрих. — И не военная, иначе бы нам сообщили о результатах твоего рейда.

— Необязательно…

Робот-пилот запросил разрешения включить гипердвигатель. Чертыхаясь, Эдуард поплелся в рубку, чтобы нажать на клавишу.

Остаток пути друзья говорили о кораблях и пушках. Больше всего Корунда интересовал новый двигатель, якобы созданный на базе последних достижений физики парадоксов.

С год назад в Интернете появились туманные намеки, будто виин-черси сумели реализовать принцип, позволяющий нарушить сразу несколько фундаментальных законов природы. Потом дзорхи невнятно заявили, что для них этот феномен давно уже не секрет. А совсем недавно лабба обвинили человечество в создании двигателя принципиально нового типа, название которого можно перевести на земной язык примерно как «полупогружной».

Наконец, в прошлом месяце журнал «Успехи физических наук» опубликовал обрывочную информацию об эффекте частичного погружения материальных тел в высшие измерения. Гелла прочитала статью, пропуская непонятные ей формулы, и объявила: мол, «полупогружной» корабль — это реализация аксиом метанауки и никаких законов природы в действительности не нарушает.

Выслушав эти подробности, Генрих признался, что на флоте давно ходят слухи о супердвижке, но точно никто ничего не знает.

К орбитальной верфи «Восьмерка» подползала на черепашьей скорости гиперзвукового трансконтинентального лайнера. Здесь было тесно: множество буксиров непрерывно сновали среди раскинувшихся на десятки километров решетчатых ферм, возле которых висели остовы будущих кораблей.

Диспетчерская не занималась управлением посторонними космолетами, поэтому за пульт сел Дерби — по части пилотажа в сложных условиях боевой офицер превосходил спецпроводника на три головы. После долгого и нудного маневрирования Генрих привел суденышко к нужной платформе, ни разу ни во что не врезавшись.

На выходе из тамбура их встретила веселая Агнес.

— Привет, мальчики! — вскричала она, по очереди целуя мужа и брата. — Почаще бы такие сюрпризы!

Попутно она, конечно, поворчала: дескать, устроили попойку, не могли подождать немножко.

— Хорош воспитывать, корабли показывай, — усмехнулся Эдуард.

— Не убегут корабли, — огрызнулась Агнес— Муженек, ты где ночевать собираешься?

— Постараюсь сбежать с крейсера, — заверил ее счастливый супруг. — Тебя-то на корабль точно не пустят.

— Меня? — Она расхохоталась. — В ближайшие два дня вашим крейсером буду командовать я! Передо мной все адмиралы готовы плясать на задних лапках, пока не подпишу акт готовности.

Разговор продолжился в кабинете Агнес на административном ярусе. Для дорогих гостей сестренка развернула громадную, в полкомнаты, голограмму. Водя курсором по монитору, Агнес по очереди показала главные стапели военного сектора.

Тяжелый крейсер «Зиккурат» выглядел совершенно готовым. Вытянутый, слегка сплюснутый корпус сужался к носовому закруглению. Сразу же бросались в глаза расположенные крестом орудийные башни — четыре сферы, наполовину выступающие из брони. Еще одна сферическая конструкция непонятного назначения выпирала ребристыми округлостями в носовой части корпуса. Кроме них на обшивке были видны прямоугольные ворота ангаров, круглые крышки торпедных аппаратов, гроздья силовых генераторов, люки выдвижных устройств и, конечно, кольцо дюз в срезе кормового раструба.

Соседний стапель занимал однотипный звездолет. Работы здесь начались совсем недавно, поэтому будущий крейсер еще не имел названия и вообще представлял собой довольно жалкое зрелище. Монтажники успели установить лишь небольшую часть шпангоутов и протянуть кое-какие коммуникации. В следующие полгода к этому скелету добавятся реактор, двигатели, энерговоды, системы жизнеобеспечения. Только потом кораблестроители оденут каркас легкой обшивкой и можно будет заняться оборудованием отсеков и размещением огневых устройств.

Чуть поодаль вытянулся вдоль достроечной платформы огромный корабль. По замыслу конструкторов, линкору «Пентакль» предстояло стать почти точной, но вдвое увеличенной по всем размерениям[1] копией «Зиккурата». Замысел этот, судя по всему, реализовать не удалось: Корунд не заметил даже малейших признаков активности вокруг почти готового

[1] Размерение — термин современного кораблестроения, обозначающий размеры корабля.

великана. На «Пентакль» было больно смотреть: уже установлены громадные башни главного калибра, генераторы защитного поля и реакторный блок, но часть броневых плит почему-то была развернута. Как следствие, внутри линкора — за исключением жилых отсеков — царил полный вакуум. Душераздирающие пустоты зияли на месте главного ускорителя, вспомогательных огневых установок, а также в носовой части — Эдуард совершенно не представлял, что там должно быть.

— Работы на линкоре приостановлены? — спросил он Агнес.

— Прекращены, — уточнила сестра, сделав недовольное лицо.

Она махнула рукой и поведала, что с графиками работ по заказам военного ведомства творится полный бардак. Пару месяцев назад монтаж «Пентакля» просто летел на субсветовых скоростях. Ждали только сердечник нового двигателя — легендарного полупогружного, почти такого же, как на кораблях-роботах Высших. На линкор установили всю артиллерию и начали отладку систем управления.

— И вдруг — словно пыльным мешком по балде! — Агнес возмущенно повысила голос— Приходит приказ свернуть строительство, снять все башни средней мощности, убрать на склад все пушки главного калибра. Так и стоит, бедолага, только рубку и жилые отсеки довели до готовности да реактор на холостой ход запустили.

— Высшие заставили, — уверенно прокомментировал Генрих. — Ходят слухи, будто большие пушки «Пентакля» могли разгонять картечь выше половины световой скорости. Цветастые пронюхали, забеспокоились и надавили на правительство.

— Очень похоже, — буркнула сестра. — На Земле строился однотипный линкор «Победа», а на Валиноре — «Валгалла» — их тоже заморозили. Теперь узлы «Пентакля» ставим на этого уродца.

Она с отвращением показала на стапель, где шла неторопливая суета вокруг очень большого корабля. Судя по наметившимся контурам остова, махина получалась вдвое длиннее «Пентакля». Совершенно несуразный великан, обвешанный множеством орудийных башен, генераторов и торпедных пускателей, но обреченный на неповоротливую тихоходность.

— Что за кошмар? — брезгливо морщась, осведомился Генрих.

Агнес язвительно сообщила:

— Мегадестройер «Черный квадрат». Штабные умники откопали идею в каких-то старых книгах и решили построить монстра, который понравится Высшим. Считается, что количество огневых точек скомпенсирует слабость импульсов.

— Дебильная идея, — высказался ее супруг. — С другой стороны, если добрые Высшие не разрешают строить сильные корабли…

Презрительно поджав губы, Агнес буркнула:

— Высшие, может быть, ни при чем. Я слышала, что кто-то из конгрессменов пролоббировал ускоренную постройку серии грузопассажирских экспрессов типа «Голконда». Вот и строят их за счет боевых кораблей.

— Могу поверить, — вздохнул Эдуард.

В свете последних высказываний некоторых всенародных избранников вполне вероятным казалось, что правительство решило сэкономить на военном флоте. До перевыборов половины членов Конгресса оставалось чуть меньше года, и политики состязались в популизме, рассчитывая прикупить голоса электората.

Эдуард с отвращением рассматривал скелет дрянного мегадестройера. Пушечные башни, уместные в качестве среднего калибра для линкора, на «Черном квадрате» смотрелись просто жалко. И совсем уж ублюдочно выглядела шарообразная конструкция, выпиравшая среди редких шпангоутов в центральной части гиганта. Как пояснила Агнес, это был гравитационный локатор дальнего обнаружения — устройство такого типа, только поменьше, было установлено в носовой части «Зиккурата». Эдуард, не сдержавшись, выразился вполголоса — гравар подобных размеров был бы уместнее в научной обсерватории.

Похоже, Генрих испытывал такие же чувства. Во всяком случае, настроение капитана заметно упало. Он заторопился на «Зиккурат», поцеловав на прощание жену и пообещав вырваться при первой же возможности.

— То есть после большой пьянки с участием всех офицеров крейсера, — сказала Агнес в закрывшуюся за мужем дверь, после чего повернулась к Эдуарду: — Как жизнь, брательник?

— Помню времена получше…

— Никак с Геллой не поладите… — Агнес покачала головой. — Не буду тебе ничего советовать, потому как в таких делах чужого мнения слушать не принято. Пошли, покажу твой катер.

Кораблик класса ББДР-4 (быстроходный бот дальнего радиуса, 4-я модификация) достраивался на стапеле в сотне километров от административного комплекса. Лететь в такую даль не имело смысла — все необходимое можно было узнать и посмотреть из кабинета Агнес.

Быстроходный катер с пассажирскими каютами и вместительными трюмными отсеками предназначался для длительных рейдов, гипердвижок «Тор-7» был почти вдвое мощнее, чем «Конус-18А», которым оснащались прогулочные яхты вроде «Сафари-8». Корпус держал давление до десятка атмосфер, силовая защита гасила практически любые метеорные атаки, антигравитаторы сглаживали даже двадцатикратную перегрузку. Четыре двухкоечные каюты, приличный запас провианта в холодильниках, система переработки отходов, шлюзы с комплексами стерилизации делали автономность космолета практически неограниченной. Физико-биохимическая лаборатория при надобности выполняла функции медико-санитарного блока.

На такой машине можно было совершать и дальние разведывательные вылазки, и шикарные круизы.

— Прелесть! — восхищенно выдохнул Эдуард. — Когда забирать можно?

— Хоть послезавтра. Если сегодня покончим с формальностями.

Главной формальностью была, конечно, выплата последней суммы. Даже со всеми скидками выходило дороговато, но дело того стоило. Если жизненные обстоятельства сложатся совсем плохо, можно будет кормиться частным извозом.

Подписав чек, Эдуард пробежал взглядом текст договора и вдруг обратил внимание на странное название проекта. Поневоле вырвалось:

— Почему «Тамбовский рейдер»?

— Лучше не спрашивай. — Сестра хихикнула. — У нашего компьютера непостижимое чувство юмора. До этого был проект «Тамбовский волк». Тоже без мотивировки.

Владелец «Тамбовского рейдера» пожал плечами и перевернул лист. Гарантийный договор… с особыми условиями ознакомился… вступаю во владение… подтверждаю наличие прав астронавигатора 4-го класса… копия прилагается… государственная регистрация транспортного средства с присвоением личного имени…

— Я бы хотел назвать его «Звезда удачи», — сказал Эдуард. Заглянув в реестр, Агнес сообщила:

— Уже есть дюжина малотоннажников по имени «Звезда удачи». Твой будет называться «Звезда удачи-тринадцать».

Брат отрицательно покачал головой:

— Ты знаешь, я не суеверен. Просто хотелось бы подобрать оригинальное название… Как насчет «Космического сокола»?

Сестра задала поиск в базе данных. Оказалось, что таковые имеются в количестве 44 штук, а также 38 «Звездных орлов». Прочих пернатых тоже хватало. Имена хищных зверей зарезервированы для военных кораблей. «Эспаньолы», «Витязи», «Корсары», «Охотники», «Челленджеры», «Арго», «Наутилусы» — как «Космические» или «Звездные», так и без эпитетов — также наличествуют в немалых количествах. Такие названия даются научно-

исследовательским рейдерам дальнего радиуса. Названия «Титаник», «Левиафан», «Куин Мэри» предназначались для круизных лайнеров.

Они принялись перебирать места, в которых довелось жить семье Корунд. Оказалось, что владельцы кораблей не догадались использовать лишь одно имя. Так «Тамбовского рейдера» и назвали — «Кураре».

Примерно через полчаса, направляя «Восьмерку» к посадочной площадке родного космодрома, Корунд вдруг сообразил: у него даже мысли не возникло назвать корабль «Гелла» или «Колайра». Очередной тревожный симптом: кажется, любимые женщины перестали быть таковыми.

5

На благоустроенной Джуманджи не было нужды в полугрузовом летающем вездеходе вроде «Спрута», которым Эдуард пользовался на Теоле. В боксе космодромного гаража его ждала мощная комфортабельная «Кадриль», салон которой можно было развернуть в двух-, четырех- и шести местном вариантах. Сейчас пассажиров не предвиделось, поэтому Корунд ограничился двумя сиденьями, но увеличил объем багажника, куда сложил трофеи.

Настроение было ни в сопло, ни в транспортный флот, лететь домой совершенно не хотелось, хотя по дочке он соскучился сильно. Оттягивая выяснение отношений с последующим разрывом, Эдуард задал автопилоту длинный маршрут — по широкой дуге, огибающей город вдоль восточного и южного пригородов. Пульсируя, как кровь по артериям, в мозг хлынули воспоминания.

После бегства с Кураре семьи Корунд и Ахваз мыкались недолго. Большую часть эвакуантов правительство направило на бурно развивавшуюся Джуманджи.

Здесь требовались специалисты самого разного профиля, так что устроились все. Эмили продолжала селекционные работы в приморском Кракенграде, где занялась выведением новых пород хищных, но прирученных китообразных, так что привезенные с Кураре генетические образцы пришлись весьма кстати. Отец до самой пенсии проработал на Хеллфайре, который выгодно отличался от Эль-Дьябло повышенной до почти земного уровня силой тяжести. Четыре года назад, когда Георга Корунда провожали на заслуженный отдых, ближайшая к Зете планета была застроена грандиозными горнодобывающими и перерабатывающими комбинатами, которые посылали сырье для ненасытной промышленности шестимиллиардного Джуманджи. Вместе со статусом беженца Эдуард получил правительственную стипендию и поступил на факультет астроархеологии города Необург. Там же учились Гелла Ахваз — на ксенологическом, а также Кристо Лисанов — на физико-техническом.

Влюбленный Эдик старался быть поближе к Гелле, но та не очень-то жаловала юного воздыхателя. Он же очень болезненно переживал холодное равнодушие любимой девушки и ее бурные короткие романы — всякий раз Геллу ждали жестокие разочарования с последующими приступами депрессии. Кажется, она вообще не понимала, что бедняга сходит с ума от ревности, и частенько делилась с ним своими переживаниями.

Потом нахлынули другие проблемы. Когда он заканчивал второй курс, на аудиторных досках стала регулярно появляться надпись: «Корунд — убийца».

Виновником этой части его неприятностей оказался бывший одноклассник Аль-Махди. Падла-Газанфар учился на журналиста в Оксфорде и каким-то образом втерся в доверие к стареющей и теряющей популярность Биргит Ингребельд, которая работала в том же университете. Буквально за полгода они написали в соавторстве нашумевшую книгу «Нуждаемся в дрессировке». По мнению соавторов, трагические события на Кураре продемонстрировали истинный облик человечества: орава озверевших мальчишек, убивающих любое существо, которое не захотели понять.

Едва ли не главным виновником кровопролития представал, естественно,

монстрообразный Эдуард Корунд, чьи выстрелы помешали наладить диалог с примитивными, но не злонамеренными курариками. В последних главах авторы требовали прекратить звездную экспансию, скрупулезно выполнять требования Высших и не думать о прогрессе, потому что человечество несет угрозу разумной жизни во вселенском масштабе. Книга заканчивалась хлестко: «Кураре показала всем метафорический образ человеческой цивилизации — испуганный подросток с перекошенной от злобы рожей, бездумно нажимающий спусковой крючок винтовки. Мы — стадо диких животных, которых нельзя вести в цивилизованные миры без намордника. Раса, которая нуждается в дрессировщике».

Книга сделала Падлу популярным, он стал ведущим ток-шоу интерсистемного видеоканала «9+».

Разумеется, не Падла-Газанфар был автором идеи загнать человечество в резервацию. Немало ученых, бизнесменов и политиков говорили примерно то же самое задолго до мятежа кураиков. Однако книга была толково написана, освящена авторитетом «бабушки Биргит», иллюстрирована душераздирающими кадрами. Книга звала в спокойное бесконфликтное будущее — потому и приумножила ряды капитулянтов за счет травоядных обитателей с богатых, сытых миров.

На университетском семинаре Корунда, Лисанова и всех, кто собирался их поддержать, просто заклевали. Не давали возразить, свистели, называли убийцей, кровавым маньяком, фанатиком, предателем человечества. Безуспешные попытки Эдуарда и Кристо объяснить, как там было на самом деле, только разъярили толпу студентов и профессоров, убежденных в собственной правоте. Когда двадцатый или тридцатый однокашник принялся повторять: мол, порядочные люди не могут терпеть присутствие убийцы, Корунд вспылил по-настоящему.

— Поймите, идиоты, — закричал он, — травоядные обречены быть кормом. Если мы хотим выжить, надо почаще скалить клыки!

— Вы предлагаете человечеству стать стаей хищников? — с отвращением прогнусавила тетка-доцент. — Грызть друг другу глотки?

Учившийся на факультете астрополитологии Вальтер Ришар, друг Эдуарда, громко возразил:

— Не друг другу, а врагам нашей цивилизации. Словно не услышав его, научная дама надменно провозгласила:

— В цивилизованном мире нет места вражде и жестокости. То, что сделал Корунд, просто отвратительно!

Сразу несколько студентов подхватили: дескать, насилие отвратительно, поэтому они намерены набить морду негодяю Корунду. Это было весьма опрометчиво: лощеные сынки профессоров-гуманитариев плохо представляли, как непросто побить большого парня с периферийной планеты. Спустя минуту-другую буйные посетители фитнес-клубов хныкали с разбитыми носами, а Корунд сгоряча написал прошение исключить его из университета.

Тем вечером они с Геллой сидели возле пруда в городском парке и наперебой материли злую судьбу.

— Тебе-то грех жаловаться, — сказала вдруг Гелла. — Ты снова поступил как мужчина. Ты сильный, ты управляешь своей судьбой. А я сломалась, как последняя дура.

Эдуард не позволил ей расплакаться. Решительно обнял, прижал к себе и провозгласил:

— Теперь ты будешь со мной. И больше с тобой ничего плохого не случится!

Самое удивительное, что она подчинилась. Поначалу все у них складывалось отлично. Гелла с блеском защитила выпускную работу и осталась в аспирантуре, а счастливый муж поступил в бесплатный колледж, получив через год диплом астротехника по специальности «Егерская служба».

О тех временах было приятно вспоминать даже сейчас. Это были годы невероятного счастья, какое случается лишь раз в жизни, не чаще. Офицеры егерской службы в обязательном порядке включались во все экспедиции дальней разведки, и Корунд за пару лет посетил десятки экзотичных миров. Возвращаясь, он точно знал, что дома ждет любящая

жена. Гелла уверяла, что любовь окрыляет ее, развязывает воображение, обостряет интуицию — так в пламени страсти родилась программная статья доцента Ахваз-Корунд «Постижимость божества», на годы определившая развитие метанауки.

В свободное время Эдуард старался собрать побольше материалов о трагедии Кураре. Одних только кадров, записанных на его видеофон, хватило бы на несколько полнометражных фильмов. Он разговаривал со многими жителями Аквамарина, Штерншлосса и Минервы, через Интернет собрал интервью у других, разбросанных по разным планетам. Он встречался с космонавтами, чьи корабли оказались в те дни на Кураре, с офицерами эскадры, пытавшейся прорвать блокаду. Много интересного поведал Ашот Барсегов, который служил в охране космодрома на Теоле. С помощью Гродзинского удалось составить схемы боевых действий на разных участках фронта. Так постепенно, неожиданно для самого Корунда, получилось подробное описание кошмара, охватившего всю планету.

Полковник Гродзинский помог издать книгу. Через неведомых друзей бывший командир организовал рекламную кампанию, так что первый миллион копий буквально разлетелся за пару суток. Внезапно став популярным автором бестселлера, Эдуард увлекся графоманией и сварганил следующий опус об исследованиях малоизвестных публике планет, куда его заносила судьба звездного егеря. Спустя три-четыре года очень известный критик признал, что книга Корунда «Похитители чудес» возродила жюльверновско-буссенаровский жанр видеолитературы, основой которого являются авантюрные приключения на дальних мирах.

Спустя примерно год Эдуард узнал, что по его милости у бывшего одноклассника начались неприятности. Кадры корундовской книги доказали, что Аль-Махди нагло врал, оклеветав ополченцев, вдобавок публику возмутила трусость Газанфара. Его проекты потеряли рейтинг, и руководство «9+» разорвало контракт с Аль-Махди, а Партия Спокойствия исключила его из предвыборных списков.

— Все-таки есть в этой Вселенной что-то похожее на справедливость, — с мрачным удовлетворением прокомментировал Корунд.

Он писал третью книгу, когда случилась авария лайнера «Каравелла», в котором Гелла возвращалась на Джуманджи с научного конгресса. Комиссия по расследованию так и не пришла к единому мнению о природе лихорадки Некропис, но было ясно: катастрофические пульсации генераторов гиперполя деформировали клеточную структуру пассажиров, попавших в зону поражения. Самому тяжелому поражению подверглась именно Гелла.

Почти три месяца ее жизнь поддерживал сложный комплекс машин, но земная медицина была бессильна восстановить белковый обмен, транспорт микроэлементов и распад митохондрий. Гелла умирала и в последние дни вообще не приходила в сознание. Эдуард не выходил из ее палаты и однажды после бессонных суток вдруг обнаружил рядом трех Высших — Серо-Зеленого, Красно-Синего и Желто-Черного.

Псевдоматериальные носители Всемогущества вели себя так, словно прибыли ради светской беседы. Серо-Зеленый даже похвалил землян за послушание, а Геллу — за серьезные достижения в важной области метанауки. Между делом он поведал, что катастрофа «Каравеллы» заинтересовала Высших — подобные явления не наблюдались со времен самоистребления расы шистрав.

Убитый горем Эдуард плохо понимал, о чем болтает собеседник, и взмолился:

— Помогите вылечить мою жену!

— Она уже здорова, — сообщил Серо-Зеленый. — Это было несложно.

С четверть часа после этого Высшие переговаривались по-своему, игнорируя людей. Эдуард воспринял обрывки телепатической беседы — речь шла о внезапном пробуждении артефакта очень древней расы, уступавшей в могуществе нынешней цивилизации энергетических вихрей. Как понял Корунд, Высшим удалось обезвредить эту штуку, так что «Каравелла» стала единственной жертвой, а примитивная наука Старших не сможет разгадать суть опасного явления. Диалог переключился на обсуждение той погибшей цивилизации, когда Гелла, застонав, открыла глаза.

— Я же говорил, что твоя супруга вне опасности, — напомнил Серо-Зеленый. — И остальные пострадавшие тоже.

Высшие исчезли практически мгновенно, а сбежавшиеся врачи были в шоке от неожиданного выздоровления самых тяжелых пациентов. Через неделю Гелла покинула клинику, еще через год у них родилась Сольвейг, а потом сказка любви вдруг сменилась страданиями в ритме жестокого романса.

Гелла изменяла, Эдуард отвечал тем же, семейная жизнь превращалась в пытку. Разрыв стал неизбежным.

Прямо по курсу, вернув его к реальности, засверкало золотое на голубом. Обогнув гигаполис, «Кадриль» мчалась к океанской бухте. Мимо проносились голографические указатели направлений к ближайшим городам.

Вздохнув, Эдуард взялся за видеофон. Домашний номер не отвечал, мобильник Геллы — тоже. Оно и неудивительно, если задуматься: всего три часа назад Гелла была на Теоле и вряд ли успела бы вернуться на Джуманджи раньше мужа. Делать нечего, загляну к родителям, решил Корунд.

Он отключил автопилот и взялся за штурвал. Нью-Вавилон с его циклопическими строениями оставался позади, теперь под брюхо машины бежала холмистая местность, разукрашенная речками, озерами и рощицами, — полоска почти дикой природы, разделявшая два очага цивилизации. Впереди вырастал Кракенград — распластавшийся вдоль берега бухты портовый мегаполис с четырехмиллионным населением.

Эдуарду пришлось не раз поменять эшелон, маневрируя в плотных потоках аэромобилей. Наконец внизу показалась знакомая площадь с изваяниями в центре каскада фонтанов, и Корунд посадил машину на бесплатной общественной стоянке.

Первым делом он навестил знакомого ювелира, чтобы оценить полученные от Туама камушки: обломки горного хрусталя, полупрозрачно-желтого асморита, густо-зеленого хризопирита. Ювелир, как водится, принял товар по оптовой цене, но все равно вышло почти вдвое больше, чем стоило проданное теолийцам оружие.

— Вдолби своим поставщикам, чтобы рубины собирали, бериллы, гранаты, изумруды. — Хозяин мастерской покачал головой. — Научи алмазы добывать. От этих полудрагоценных навар невелик.

— Они прямо на глазах умнеют, — не без огорчения сообщил Эдуард. — Стали неплохо в ценах разбираться.

— Рано или поздно это должно было случиться. — Ювелир вздохнул. — Ладно, ты заходи, когда будет времени побольше. Обсудим, по какой шкале брать серьезные самоцветы.

— Постараюсь выкроить часок на той неделе… Мне ведь тоже неохота терять такой бизнес. Может, сам открою прииск.

Неторопливо прогулявшись по тенистой пешеходной улочке, Корунд пересек сквер и оказался возле типовой двадцатиэтажки, где жили родители.

По случаю выходного дня Георг и Эмили были дома.

— Явился, — проворчал отец. — Наверное, жена выгнала, а то бы и не вспомнил о нас. Или теолийка изменила?

— Вроде нет. — Эдуард пожал плечами. — Но любовь, похоже, кончилась.

Поджав губы, мама осведомилась сочувственно:

— И что решил?

— Лучше жить одному, чем так…

— Правильно, — сказал Георг. — Становишься взрослым. Мать, чем ребенка утешать будем?

На столе появились чайник с чашками, а к чаю — бисквит с вишнями, пропитанный малиновым сиропом.

— Как Мишка? — рассеянно поинтересовался Эдуард, наливая себе вторую чашку.

— Буквально позавчера заглядывал, только ты улетел, — сообщила мама. — Расспрашивал о легендах насчет древних святилищ на Кураре. Вернее, о святилищах Древних.

— Зачем ему это?

— Не знаю. — Мама развела руками. — Мишель просил, чтобы ты обязательно нашел его.

— Найду, — пообещал Эдуард. — Сестричку я сегодня уже видел. Даже мужа ей привез.

Родители заулыбались, услыхав, что Агнес и Генрих проведут вместе хоть несколько дней. Семейная жизнь их дочери, как у всех, кто замужем за военными, состояла из сплошных разлук.

Впрочем, отец тут же потребовал подробности о новых кораблях, особенно заинтересовали Георга пушки недостроенного линкора.

— Понял, — сказал он, выслушав сына. — Значит, на «Пентакль» собирались поставить орудие типа «полсотни дробь полтораста». Двойной внешний цилиндр из мезонира, а внутренняя труба и зарядная камера — из нейтрида. Вышибной заряд — гиперплазма. По расчетам выходило, что выстрел будет разгонять картечь до субсветовой скорости.

— Агнес говорила, что теперь у тех орудий внутренний ствол — тоже мезонировый, — вспомнил Эдуард. — И вообще, как я понял, Высшие тонко посоветовали нашим властям не монтировать даже такую ослабленную пушку.

— Знакомая история. — Георг презрительно фыркнул. — Два года назад мы на Хеллфайре получили задание прокатать нейтридные трубы нужного калибра. Первые плавки обнадеживали, но потом весь отряд разогнали, а меня вообще выкинули на пенсию.

— Помню, как ты переживал. — Эдуард потерся лбом об отцовское плечо. — Ты еще говорил, что не Высшие потребовали прекратить этот эксперимент, а наши чиновники перестраховались. Дабы не раздражать повелителей.

Эмили неуверенно вставила:

— Может, и верно сделали. Если бы вы добились успеха, Высшие могли вообще всех прихлопнуть. А так никто не пострадал, твои ученики хорошую карьеру сделали — возглавляют предприятия на десятке горячих миров.

— Всего в четырех системах, — педантично уточнил отец, — Меркурий, Фламенко возле Валинора, наша Эль-Чокло и Невермор в системе Хи Ориона, где большая колония на Антике.

Он добавил, что парня, который руководил звезднодобывающим комплексом на Эль-Чокло, на днях перевели в систему Беты Зайца, где есть очень перспективная планета Лимбо. Впрочем, Георг признал, что подробностей не знает, потому как все четыре мира той системы — сплошные военные гарнизоны, куда гражданских практически не допускают. «Вторая Гелла прилетела с Беты Зайца, — машинально отметил Эдуард. — Она — гражданский сотрудник военной базы? А может, и старший офицер — ишь как майора по струнке выстроила…»

— Говоришь, вашу работу прикрыли из-за нейтридных сердечников. — Эдуард думал сразу над обеими загадками, поэтому говорил медленно. — А сейчас новый линкор чуть было не вооружили пушками послабее — с мезонировой внутренней трубой, но тоже сыграли отбой…

— Ну дело было не только в орудиях, — немного смущенно признался отец. — Там и снаряды новые замышлялись.

Георг рассказал, что какие-то умные головы придумали боеприпас особой мощности. По словам отца, ему почти удалось изготовить тонкостенный нейтридовый сосуд для хранения квантовой эмульсии. Если подогреть такой заряд резонансной гравиволной, то эмульсия детонирует — это уже не внутризвездные реакции, а почти первичный взрыв,

сотворивший Вселенную.

— Готовили оружие против кораблей-роботов? — резко заинтересовался Эдуард. — Может быть, Высшие остановили работы, чтобы мы сгоряча не устроили новый Большой Взрыв?

— Не думаю, — Георг отмахнулся. — По расчетам выходило, что выброс энергии получался на порядок слабее, чем нужно для гарантированного разрушения робота. И на много порядков слабее, чем нужно для затравки вселенского катаклизма.

Мама деликатно прервала мужчин, подлила чаю в опустевшие чашки и спросила сына:

— Из-за чего у вас нелады с Геллой?

— То ли я плох, то ли она взбесилась к старости.

— Какая старость, — возмутилась Эмили. — Ей же всего тридцать. По нынешним временам — детский возраст.

Это было верно: люди жили в среднем сто — сто двадцать лет. Могли бы больше, но Высшие запретили развивать генетические исследования. Вспомнив об этом запрете, Эдуард снова вскипел:

— Могу понять запрет на интровакуумные исследования, физику экстрапарадоксов, на разведку черных дыр… Но почему генетика? Неужели здесь кроется способ приблизиться к Высшим?

— Не знаю… — Мать покачала головой. — Я была в шоке, когда Высшие запретили трансгенетику.

— Возможно, вы едва не нащупали путь к Всемогуществу, — предположил Эдуард.

— Не исключено. Например, группа академика Зельца из Пифагорийского университета на планете Скрижаль проводила эксперименты на мышах. После второй агеронтации животные сильно изменялись.

— А потом? — хором спросили мужчины.

— Потом Зельца выгнали на пенсию. Его сотрудников раскидали по разным планетам.

Отец проговорил печально:

— У нашей мамы на Кураре была очень интересная работа. А теперь мы никому не нужны и приходится варганить археологические подделки, чтобы прокормиться.

На самом деле старшие Корунды прозябали не столь уж трагично — преподавали в местном технологическом институте, а мама к тому же потихоньку продолжала свои эксперименты на крупном морском звере. Хотя, конечно, масштабы здесь были совсем не те, к которым они привыкли.

— Кстати о подделках, — сказал Эдуард, — Папа, я привез кое-какие материалы. Есть кусок очень древнего окаменевшего дерева…

В свободное время Георг мастерил фальшивки, которые Эдуард подбрасывал туристам под видом артефактов доисторических цивилизаций. Подобные реликвии украшали множество частных коллекций.

— Прости, сынок, не смогу, — виноватым голосом сообщил Георг Корунд. — Я же намекнул, что на Эль-Чокло освобождаются вакансии.

Мама подхватила:

— Нашему папе снова предложили работу на Хеллфайре. Концерн «Астрошахта» запускает новый производственный комплекс, им нужны специалисты по нырянию в звезды.

— Вернешься на батискаф? — забеспокоился Эдуард. — Папа, ты про возраст не забыл?

— Нормальный у меня возраст, и на здоровье не жалуюсь! — Георг погрозил сыну пальцем. — Новая техника пришла — беспилотные пенетраторы. Я с планеты буду управлять машиной.

— Что будешь добывать?

— Коммерческая тайна… — Отец отвел взгляд.

— Какая, к дьяволу, тайна, — засмеялся Эд. — Нейтрид и гиперплазма — ничего другого внутри звезд нету.

Загадочно нахмурясь, Георг проворчал:

— Главное, что платят хорошо… И контракт на два года с автоматическим продлением по моему желанию. В случае увольнения не по моей вине работодатель выплатит неустойку в размере годового заработка.

— Подозрительно выгодные условия, — восхитился сын. — Рад за тебя… А насчет фальшивок не беспокойся — у нас в фирме для этого мастерская есть.

Отец, переживавший, что подводит старшего наследничка, явно обрадовался. О работе своей распространяться, впрочем, не стал, а тонко намекнул, что другие его дети успешно делают карьеру: Агнес уже старший менеджер сборочного участка, Мишель недавно получил капитанское звание… «Мишке надо позвонить», — вспомнил Эдуард.

Уже после второго гудка видеофон выплеснул голограмму младшего братишки. Как бы ни учили в их конторе сохранять непроницаемую гримасу, лицо капитана-контрразведчика выдало удивление.

— Привет, — сказал Мишель. — Ты где?

— У родителей.

— Надо же… А твоя благоверная была уверена, что ты только завтра появишься.

— Ты когда с ней разговаривал? — Эдуард насторожился.

— Гелла заходила примерно в полдесятого, привела ваше чадо. У нее какие-то важные дела, вот и подкинула мне племянницу.

Часы показывали 14.53. Женщина, похожая на Геллу, появилась на Теоле около пяти часов назад. У нее было около часа, чтобы добраться до космодрома и преодолеть расстояние между планетами. Теоретически это было возможно — у военных есть скоростные субсветовые пакетботы… Отложив поиски разгадки до лучших времен, Эдуард проговорил:

— Сейчас заскочу. Заберу Сольвейг, и заодно поболтаем. Ты где?

— Дома. Сегодня же воскресенье.

— Служба у тебя без выходных, — усмехнулся старший брат. — Небось и дома работаешь…

Отвечать Мишель не стал, только посмеялся. Это означало, что намечается серьезный разговор о весьма важных делах.

Открыв брату дверь, Мишель приложил палец к губам и шепотом сообщил, что племянница набегалась и теперь спит. Стараясь не шуметь, они прошли в кабинет. От предложенного угощения Эдуард отказался, напомнив, что провел почти два часа у родителей.

— Закормили любимого сыночка, — понимающе кивнул Мишель. — Мамка еще вчера грозилась пирог испечь.

— Вкусный, — пожаловался Эдуард. — Невозможно остановиться… Мишка, у меня были проблемы на Теоле.

Оказалось, что братишка уже в курсе истории с пулеметами, не зря же он работал в ЦАОБ — Центральном агентстве общей безопасности. Его коллеги на Теоле провели расследование, установив: тубонда раскопали забытый арсенал первых земных поселенцев и нашли немного автоматических машинок, изготовленных чуть ли не в XXI веке. Пулеметы уже конфискованы.

— Но ты притягиваешь происшествия со страшной силой, — продолжал младший брат. — К нам поступила информация о перестрелке на космодроме. Свидетели полагают, что ты был знаком с объектом покушения.

— Может, и знаком, — проворчал Эдуард.

Он довольно подробно рассказал, что там случилось и что надумал по этому поводу. После таких подробностей Мишеля перекосило.

— Для всех будет лучше, чтобы все-таки это была Гелла, которая летала развлекаться на субсветовиках, — произнес капитан-контрразведчик.

— Не понял, — набычился старший брат.

— Просто представь себе, что ты видел не Геллу. Тогда кого же?

— Хочешь сказать, что у Геллы есть клон, о котором я не знаю?

— Может быть, даже она не знает… И необязательно клон. Для работы на некоторых планетах мы используем биороботов-негуманоидов. Нельзя исключить, что разведки других цивилизаций забрасывают на наши миры биороботов-людей.

— То существо могло быть шпионом кого-то из Старших?

— Или кого-то из Высших. Но конспирации они не обучены. Вот пару дней назад два таких биоробота устроили перестрелку там же, на космодроме. Один был точной копией дзорха, другой — лабба.

Растерявшись, Эдуард беспомощно пробормотал:

— Какой же Гелла биоробот, нормально разговаривала.

— Спроси у мамы. Она в этих делах хорошо разбирается.

— Был у родителей, но не догадался поговорить об этом.

— Ладно, так даже лучше. — Младший брат тронул старшего за руку. — Лучше я сам осторожненько разведаю.

Четыре года работы в ЦАОБ сделали подозрительность чуть ли не главной чертой его характера. Иногда Эдуард посмеивался над экстравагантными опасениями Мишеля, но почти всегда оказывалось, что контрразведчик прав. Представив, что двойник Геллы может оказаться шпионом Высших, Эдуард почувствовал, как снова подступает депрессия.

— Разведай, — попросил он жалобно. — Мне совсем тошно.

Ободряюще улыбнувшись, Мишель похлопал брата по плечу и посоветовал не думать о плохом — история может иметь вполне безобидное объяснение.

— Надоели мне эти двойники, — проворчал Эдуард. Мишель удивленно поднял брови и с большим интересом выслушал рассказ о мертвом теолийце со шрамами на лице.

— Занятно, я прослежу за расследованием этого дела, — сказал капитан и неожиданно заговорил о другом: — Эдди, ты участвовал в археологической экспедиции на Южной Омерте. Тебе не приходилось слышать о найденных в джунглях доисторических артефактах, о строениях тысячелетней давности?

Продолжая думать о своем, Эдуард ответил рассеянно:

— Ходили разные слухи о находках экспедиции, которая побывала там за полгода до нас. Мысами ничего такого не видели. Через год, незадолго перед мятежом, я встретил профессоршу, с которой ходил в джунгли. Она рассказала жуткую байку о погибшей экспедиции. — Он криво усмехнулся. — Фольклор, одним словом. Были ученые, которые знали больше, чем я.

— Никто из них не пережил мятеж. — Мишель вздохнул. — Только та тетка не байки травила. Экспедиция доцента Зенина действительно исчезла. За три недели до восстания кураиков охотники на Южной Омерте нашли в джунглях совершенно безумного парня. Он был изможден, изранен и едва дышал. Вживленный под кожу чип-идентификатор кто-то выдернул с мясом, но личность удалось установить — это был биолог с Максимы. Он невнятно бормотал, будто они нашли в джунглях нечто непостижимое. Ничего толком объяснить не смог — свихнулся, бедняга. Парень умер, пока его везли в больницу. Посмертное сканирование мозга дало туманные образы. Вроде бы объект сверхцивилизации, но не Высших — совершенно иные проявления.

Эдуард вяло дернул плечом и пробормотал: дескать, в джунглях Южной Омерты можно нанюхаться токсинов, от которых и не такое примерещится. Потом невесело пошутил:

— Да что там Кураре, если на благополучной Теоле двойники пачками плодятся.

— С двойниками разберемся, — заверил его Мишель и снова поменял тему разговора: — Что ты мог бы рассказать о корпорации «Футурланд»?

— Очень большой холдинг. Штаб где-то на Валиноре. Наша «Сафари» тоже входит в «Футурланд».

— Кто владельцы?

— Понятия не имею. Вроде бы президент — отставной генерал, наверняка за ним прячутся настоящие хозяева.

Криво усмехнувшись, Мишель понизил голос:

— Все руководство — бывшие высокопоставленные военные. Тройка президентов — отставные фельдмаршалы. Обрати внимание — только высшие офицеры флота и армии, но никого из спецслужб.

— Ты к чему гнешь? — насторожился Эдуард.

— Понимаешь, мне поручили выяснить, чем занимается «футурланд» в нашей системе.

— Твое начальство заинтересовалось фирмой «Сафари»?

— Если бы только… «Футурланду» принадлежит большой пакет акций верфей, где наша сестренка работает. И горнорудная компания, которая обосновалась на севере Варзы. Плюс к тому концерн «Астрошахта» на Хеллфайре и такие же концерны еще в двух системах, а также «Валинор карго» и «Транссистемные астролинии». Под их контролем Птолемеевский университет на Валиноре.

— Все преподы — тоже отставные военные? — заинтересовался старший брат.

Ошарашено покосившись на него, Мишель отрицательно покачал головой. Ответил капитан после секундной заминки:

— Вроде бы преподают профессионалы. Но военные отвечают за воспитательную работу. Причем немало выпускников получают офицерские звания и зачисляются добровольцами на двух-трехлетнюю службу. А после дембеля их ждут отличные вакансии в науке, бизнесе, на государственной службе, на продвинутых производствах.

В комнату заглянула заспанная Сольвейг и прямо с порога принялась канючить: дескать, домой хочу. Потом, протерев глазенки, бросилась к отцу с воплем:

— Папа приехал! Ура!

Растаяв от умиления, Эдуард поцеловал ненаглядное чадо и продолжил разговор с братом:

— Хороший университет, настоящих патриотов воспитывает. Не удивлюсь, если они просеивают студентов на благонадежность… Короче, там куют настоящую элиту, вот твое начальство и перепугалось, что они переворот устроят.

— Насчет переворота, наверное, перебор, — неуверенно буркнул Мишель. — Но ваш «Футурланд» становится государством в государстве.

— Таких концернов немало, — отмахнулся старший брат. — Навскидку назову тебе «Дженерал старшип», «Юнайтед плэнет индастриз», «Стеллар фабрик интернасьональ», «Голос Вселенной», «Спейс металл инкорпорейтед», «Объединенные механические предприятия», «Юниверс транзит», «Галактические энергостанции», «Робоэлектроникус»…

— И еще десяток с хвостиком… — Мишель кивнул. — Но за последние два-три года «Футурланд» сильно потеснил старичков-монополистов и даже контролирует некоторые фракции в Конгрессе.

— Наверное, Патриотов Человечества и Партию Свободного Прогресса.

— Представь себе, нет. Но полсотни голосов у них уже набирается.

— Папа, поехали домой, — взмолилась дочка. Эдуард вопросительно посмотрел на брата.

— Лети, все равно это чудовище не даст спокойно поговорить. — Мишель подмигнул хихикнувшей племяннице. — В принципе мы все обсудили. Ты уж разузнай, о чем я спрашивал.

— Попробую, — вздохнул Эдуард.

От дома их отделяло около сотни километров неба, заполненного миллионами машин. После серии утомительных маневров «Кадриль» встроилась в скоростной поток, ведущий к сектору «Мраморного треугольника».

— Скоро уже, не хнычь, — успокоил он дочку, переключаясь на автопилот.

— Это хорошо… — Горько вздохнув, Сольвейг пожаловалась: — Кибермед отрубает меня от виртуала через каждые полчаса, а потом разрешает войти только через четыре часа.

— Так надо, это делается для твоего блага, — машинально произнес отец.

— Ну да! — Девочка обиженно насупилась. — Всегда так говорите. А сами не вылезаете из виртуалки, пока не надоест.

— Взрослых тоже отключают, просто сроки не такие жестокие. — Он погладил мягкие каштановые локоны дочери. — У детей нервная система слабенькая, вам нельзя долго.

— Ну да! А как только двенадцать исполнится — сразу можно будет час сидеть?

— Если психограмма позволит… Девочка всхлипнула:

— Вы специально такие слова придумали, чтобы детей мучить!

Пришла вдруг странная аналогия: точно так же он объяснял теолийцам, почему тем рано пользоваться ультрасовременными технологиями. Они не понимают наших объяснений, вот и обижаются. Цивилизации — совсем как дети.

«Кадриль» преодолела почти половину расстояния до «Мраморного треугольника», когда просигналил видеофон. Перед Эдуардом засветилось трехмерно-полупрозрачное лицо Гродзинского.

— Здорово, сержант.

— Привет, майор.

Корунд давно получил лейтенантское звание, да и старый десантник демобилизовался с погонами полковника, но они по-прежнему называли друг друга, как двенадцать лет назад на Кураре.

— Если свободен, загляни ко мне, — предложил отставной полковник. — Есть разговор.

— Вы дома?

— Нет, в штабе. Жду.

Приглашение главы фирмы попахивало новым заданием, но Эдуард обрадовался. Разговор с президентом оттягивал возвращение в квартиру, где должна была произойти болезненная разборка.

Включив сигнал поворота вправо-вверх, он начал маневр, выбираясь из плотного потока машин. Вскоре показалась изогнутая красная стрела — знак перехода в нужный ему воздушный коридор. Легким вращением штурвала Корунд вписался в новую трассу.

— Мы летим к дяде Виктору? — осведомилась Сольвейг.

— Имеешь возражения?

— Ну что ты, папа. — Девочка укоризненно покачала головой. — Он добрый.

Корунд хмыкнул. Отставной полковник баловал Сольвейг подарками, частенько шутил: мол, растет невеста для его внуков. Девчонке это нравилось — вся в мамашу.

— Мы недолго, я думаю, — сказал Эдуард. — Мама не говорила, когда вернется?

— Обещала забрать меня вечером.

— Ты не знаешь, на какой космодром она собиралась?

— Почему на космодром? — опешила Сольвейг. — На островах Тортуги космодромов нет…

Спохватившись, дочка прикусила язычок. Очевидно, не хотела рассказывать, что беззаботная мамаша при ней договаривалась с кем-то насчет поездки на шикарный курорт. Но если Гелла отправилась на Тортугу в компании любовника, то кто же тогда целовал Эдуарда на космодроме Теоле?

Увидав Сольвейг, ветеран-десантник мгновенно растаял. В кабинете появился робот-стюард, притащивший на подносе печенье, мороженое и сладкую газировку. С этими радостями детской жизни малолетнюю нахалку отправили в соседнюю комнату. Как обычно, Гродзинский разрешил дорогой гостье смотреть любые фильмы, кроме самых взрослых.

— Экскурсию провел без осложнений? — осведомился полковник, закрыв дверь за Сольвейг.

— Нормально. Осложнения были потом, на Теоле. Гродзинский настороженно сузил глаза:

— Что-нибудь серьезное?

— Немного пострелял.

Про двойников Эдуард рассказывать не стал. С этим делом следовало разобраться в рамках семьи, не посвящая посторонних. Пусть даже ближайших друзей.

— Ну к этому тебе не привыкать. — Полковник усмехнулся. — Но договаривай, сержант. Я ведь вижу, что-то тебя беспокоит.

— Старые беды, майор. На верфях у сестренки настроение испортилось.

Он поведал о недостроенном линкоре и дурацком мегадестройере, которым даже дзорхов не напугаешь. Понимающе покивав, Гродзинский проворчал:

— Умные люди проанализировали запреты, которыми нас обвешали Высшие. Мощность орудий, разрешенная для держав Большого Квартета, на порядок — полтора ниже, чем нужно для нанесения серьезных повреждений кораблям-роботам… Ты понял? — Отставной полковник поднял брови и указательный палец. — Дозволенных нам средств достаточно лишь для усмирения Младших и для войн между Старшими.

— Или для гражданской войны в рамках одной Старшей цивилизации.

— Вот именно! — с ненавистью произнес Гродзинский. — Нас как будто подталкивают к междусобойчикам в рамках Квартета. Заодно и внутренние конфликты провоцируют.

— Небось наших капитулянтов тоже Высшие подкармливают.

По лицу президента скользнула неопределенная гримаса. Они часто возвращались к этой теме. Казалось противоестественным, что многие люди столь яростно почитают Высших, которые принесли человечеству массу неприятностей. Кровь Кураре и приторможенный прогресс были явными признаками враждебности, но капитулянты буквально молились на владельцев Всемогущества. Эдуард считал этих тварей слизняками, ничтожными рабскими душонками, готовыми безропотно подчиниться любому, кто чуть сильнее.

— Ну мы-то с тобой головы не склоним, — заметил Гродзинский. — Если Земля не готова к прямому противоборству, надо стремиться стать сильнее. Я потому и позвал тебя. Недавно открыта планета, расположенная совсем близко к зоне обитания Высших. Если сможем основать там базу — получим преимущество перед остальными Старшими.

— Видел в новостях. Кажется, планету назвали Рубин.

— Почти. — Полковник поморщился. — С точностью до наоборот. Мы сообщили прессе искаженную информацию — чтобы сбить со следа конкурентов.

Он запустил видеофайл, смонтированный по материалам беспилотного зонда. Красный субкарлик главной последовательности, получивший название Рубин, возглавлял семейство из восьми планет. Звезда находилась на расстоянии тысячи двухсот световых лет от Земли и около четырехсот светолет от скопления, населенного Высшими. Ближайшие к Рубину базы других держав Большого Квартета располагались не ближе шестисот — семисот светолет. Верита — вторая от центрального светила планета — по основным параметрам мало отличалась от земного эталона.

На голограмме мелькали степи, леса, озера, горы, ледники, океаны, острова. Фауна была весьма богатой — на суше легко распознавались псевдопсовые, квазикошачьи, копытно-рогатые, пернатые. По зеркалам морских пространств скользили плавники солидной высоты, на некоторых кадрах среди волн лоснились мощные спины.

— Дикий мир? — недоверчиво поинтересовался Корунд. — С трудом верится в такую удачу.

— Не совсем так. — Гродзинский снова поморщился. — Зонд не обнаружил явных признаков высоких технологий. Нет городов, орбитальных сооружений, возделанных полей, мощных источников энергии, очагов искусственного тяготения, нет информационных передач во всехдиапазонах. Однако, уже покидая систему, робот принял странную серию

сигналов.

— Радио?

— Попеременные импульсы лазерного и гамма-излучения. Источник примерно запеленгован — расположен в центре континента. Мы назвали этот район Поющим Квадратом. За несколько минут зонд зафиксировал около сотни импульсов, потом передача прекратилась. Как ты понимаешь, некоторые ученые полагают, что сигналы могли иметь естественное происхождение.

Планета Верита становилась все загадочнее и, соответственно, интереснее. Корунд начал догадываться, почему полковник так подробно вводит его в курс дела. Почти не сомневаясь в ответе, он осведомился:

— Вы рекомендовали меня в экспедицию на роль егеря? Гродзинский отрицательно мотнул головой:

— Экспедиции не будет. Мудрые штабные чины Дальней Разведки не решаются посылать большой корабль — боятся, что Высшие могут обидеться. К тому же наши добрые друзья по Большому Квартету ревниво следят за перемещениями тяжелых космолетов. Кстати, лабба уже направили экспедицию в сектор, который объявлен в земных медиа. — Он продолжил, уставив на Корунда немигающий взгляд: — Полетишь один на «тройке», малые корабли практически невозможно отследить. Сбросишь вымпел, застолбишь этот мир за человечеством, на скорую руку разведаешь Поющий Квадрат. И сразу домой.

Понимающе кивнув, Эдуард осклабился: кажется, подвернулось серьезное дело, а он успел соскучиться по настоящим авантюрам. Такие пиратские набеги не были чем-то необычным. Старшие частенько обманывали конкурентов подобными уловками. Планета считалась собственностью цивилизации, чей астронавт первым ступит на поверхность и сумеет вернуться живым.

— Я готов!

— У тебя есть почти неделя отпуска, — продолжал полковник. — Отдохни как следует. Потом — за дело. Пять дней туда, пять обратно, не больше двух суток на месте. Если не вернешься через две недели…

Он не закончил фразу.

— Сообразил, не маленький. — Корунд отмахнулся. — Шеф, я могу выполнить задание быстрее. Полечу на своем новом кораблике. Обернусь за неделю, пусть только родная фирма обеспечит горючим и снаряжением.

— Отличная идея! — обрадовался Гродзинский. — Обеспечим, не сомневайся. В любом случае бонус первооткрывателя твой… Вопросы есть?

Один вопрос, безусловно, завис над собеседниками. Однако Эдуард не стал спрашивать, как ему вести себя, если в Поющем Квадрате наткнется на чужаков либо бесхозные генераторы гамма-квантов. Для подобных ситуаций существовали тщательно проработанные инструкции, смысл которых сводился к банальной рекомендации действовать по обстановке. От разведчика требовалось побольше узнать о чужом разуме, любой ценой избегать конфликтов и доставить информацию компетентным органам.

Поскольку с этим было более-менее понятно, Корунд спросил о другом:

— Дядя Виктор, вы все время говорите: мы назвали планету… мы обманули конкурентов… Кто это «мы» — руководство «Футурланда»?.

Немного опешив, Гродзинский заговорщически подмигнул:

— Ну скажем, так… речь идет о подразделении «Футурланда», которое планирует космическую разведку и, в частности, сильно интересуется Высшими.

— И чем же на самом деле занимается наш концерн? Ухмыльнувшись, полковник блеснул проницательностью:

— Брат интересуется? — Снова подмигнув, он не стал ждать, пока смущенный Корунд придумает ответ. — Корпорация «Футурланд» обеспечивает достойное существование ветеранам вооруженных сил, участникам вооруженных конфликтов, защитникам человечества. Люди с заслугами получают хорошо оплачиваемые должности, на которых

могут приносить пользу. Кроме того, «Футурланд» по мере сил способствует прогрессу нашей цивилизации. Так и передай. Если, конечно, Мишель снова спросит.

— Может не спросить?

— Кто-то из его начальников проявил чрезмерную любознательность. Думаю, на днях этому деятелю вправят мозги… У тебя все?

Расстегнув сумку с остатками трофеев, Эдуард объяснил, что его отец больше не может варганить подделки. Гродзинский без слов вызвал робота, приказав отнести в мастерскую камни и большой, тысячелетнего возраста, обрубок окаменевшей древесины. Умельцы наделают из них сувениры для следующей банды туристов — шоу должно продолжаться.

На прощание Корунд сообщил о скором разводе и попросил предоставить ему на некоторое время служебную квартиру. Грустно кивнув, полковник проворчал: мол, к твоему возвращению квартира будет ждать.

Оба солнца в небе Джуманджи имели почти одинаковый видимый размер и в это время суток висели над противоположными краями горизонта: Зета закатывалась, наступал прохладный вечер. Корунд вел машину на ручном управлении, непринужденно напевая «Последний поцелуй». Плохого настроения как не бывало, несмотря на холодность Колы и странные выходки Геллы. Никакие проблемы с женщинами не могут испортить жизнь, когда впереди ждет такое потрясающее приключение!

Оставив машину в гараже, папа с дочкой преодолели остаток пути на лифтах, эскалаторах и ползущих тротуарах. От избытка чувств Эдуард даже купил любимому чаду большую порцию мороженого ассорти и вафельно-цукатный тортик.

Сольвейг едва не визжала от восторга, тем более что добрый папочка разрешил ей перед сном посидеть часок в виртуале — все равно завтра воскресенье и не надо рано вставать.

Как он и предполагал, Геллы дома не было. Поплескавшись в хвойной ванне, Корунд сел дочитывать Редля, запивая торт свежим чаем. Он как раз взялся за последнюю главу с обобщениями и выводами, когда щелкнула входная дверь.

Из коридора послышались веселая возня, смех, возбужденные голоса. «Уже домой любовника водит, — раздраженно подумал Эдуард. — Для кого я жил, для кого живу сейчас…»

— Ну не здесь, старый шалунишка… — хихикала Гелла. — Пенсия на горизонте, а все туда же… Подожди, я сама расстегну, так и не научился…

Стянув с головы интерфейс-обруч, Сольвейг прижалась к отцовскому колену и печально спросила:

— Вы опять поссоритесь? Будете кричать и ругаться?

— Вряд ли. Но ты иди к себе и закрой дверь. — Убедившись, что дочь ушла, Эдуард крикнул: — Не расстегивай, идиот. Она любит, когда одежду срывают одним движением.

Прихожая ответила испуганные вскриками. Потом наступила глухая тишина, после которой сдавленный голос Анзора Вельского прошептал:

— Ты говорила, никого не будет…

Хлопнула дверь за убегающим гением метанауки. Гелла вошла с каменным лицом. Эдуард спокойно сидел на диване, читая Редля. Покосившись на жену, он спросил почти равнодушно:

— Как ты успела вернуться на Джуманджи раньше меня?

— Ты бредишь. Я никуда не улетала с планеты. Уже много лет.

Действительно, на ее лице не было следов удара. Залечить такую ссадину меньше чем за сутки — ну, допустим, медицина творит чудеса. Продолжая сомневаться, Корунд осведомился:

— Что ты знаешь о градациях Всемогущества?

По ее опасливой гримасе было ясно, что Гелла ждала упреков, криков, даже рукоприкладства. Неуместный вопрос мужа смутил и шокировал неверную супругу.

— Каких именно градациях? — неуверенно переспросила она. — Не понимаю, о чем ты…

Эдуард ответил уклончиво:

— Совсем недавно кто-то — может быть, даже ты — говорил мне, что Всемогущество имеет две стороны. Не могу вспомнить, какие именно.

Гелла смотрела на него исподлобья — недоверчиво и с опаской. Медленно произнесла:

— Я тоже не могу вспомнить, чтобы мы говорили об этом… Ну если настаиваешь — да, мы выделяем две ступени Всемогущества. Ступени, а не стороны и тем более не градации. Должно быть Всемогущество коллективное и Всемогущество персональное. Прогресс цивилизации всегда развивается по этой схеме. Сначала некая метаспособность доступна всей цивилизации в целом, потом это становится посильно каждой отдельной личности.

На космодроме Теоле речь шла явно не об этом. Эдуард буркнул:

— Понятно. А как насчет наших отношений? Я тебе, значит, уже совсем не нужен?

— Похоже, что мы давно не нужны друг другу. — Она вызывающе добавила: — Обойдемся без новых скандалов или станем посуду бить?

— Что посуду бить, что тебя — толку немного. Тем более что посуда нынче небьющаяся.

— Что предлагаешь?

— Раз не получается жить вместе, надо хотя бы разойтись по-культурному.

В ее взгляде снова появилась искра заинтересованности. Хотя любовь умерла, он продолжал удивлять Геллу. Криво улыбнувшись, она сказала:

— Даже жаль, что мы не можем ужиться.

— Постарайся ужиться с очередным гением. Не Рафаэль конечно же, но тоже великий ученый.

Не обращая внимания на ее оскорбленную мимику, Корунд позвонил шефу и объявил, что готов вылететь послезавтра, как только верфь передаст ему «Кураре».

Часть третья. Вольный охотник

1

Экипировкой перед рейдом Корунд занялся всерьез, изрядно шокировав начальство, наивно считавшее, что дело ограничится заправкой корабля топливом.

— Не будь таким жлобом, — возмущался Сид Брукс— У тебя есть все необходимое.

— Мало ли что у меня есть, — нагло возразил Эдуард. — Я лечу по заданию компании, пусть компания обеспечит меня необходимой амуницией. И провиантом.

— Может, тебя и женщинами обеспечить?

От женщин Эдуард великодушно отказался, но потребовал под завязку заполнить воздушные баки, водяные цистерны и загрузить трехнедельный запас продовольствия. Деликатесов он, конечно, не получил — фирма расщедрилась только на полсотни стандартных обеденных пайков.

Пока техники заправляли «Кураре», Корунд занялся мародерством в арсенале. Первым делом он показал пальцем на вездеход военного образца «Горностай-70», снятый с вооружения полвека назад. Надежная машина — броня, силовая защита, почти звуковая скорость, легкая пушка. Между делом прихватил также лучевой пистолет Мак-Гохона образца 2287 года и карабин ИЖ-Лассо, наноствол которого мог метать до десятка различных зарядов — пули трех калибров, Дробь, картечь, плазменные капсулы, фотонный луч, парализующие молнии. Не обращая внимания на осуждающие взгляды Брукса, Корунд затащил в кабину вездехода ящик боеприпасов.

— Кажется, почти все, — задумчиво произнес он. — Ну роботы, спутники,

медикаменты, скафандры — это само собой, водолазное снаряжение — тоже…

— Под воду не полезешь, — отрезал Сид. — Хватит с тебя ныряющих роботов… Ты чего лоб морщишь?

— Не бойся, ничего больше не попрошу, — отмахнулся, немного расстроившись, Эдуард. — Просто моя любимая «чешуя» осталась в домике на Теоле. Придется крюк сделать.

— Один хрен будешь обкатывать катер на короткой дистанции, — резонно заметил вице-президент. — Вот и заскочишь на Теоле. А можешь взять на складе, есть новая модель.

Подумав не больше трех секунд, Эдуард отрицательно тряхнул головой:

— Не возьму. Я тот костюмчик долго-долго под себя подгонял. Неохота снова с настройками возиться.

Он еще раз оглядел кучу вырванного с боем снаряжения, выцыганил запасной комплект аккумуляторов и остался доволен подготовкой. Попрощавшись с коллегами, Корунд неторопливо задраил люк и поднялся в рубку.

На недолгом пути до Теоле не представилось возможности даже подумать о книгах или выпивке. Эдуард провел все время в пилотском кресле, контролируя работу агрегатов. «Кураре» показал себя выше любых похвал: силовые машины ни разу не закашляли даже в те полчаса, когда Корунд врубил движок на форсаж. С корабликом ему повезло.

Везение продолжилось и на космодроме прибытия: старшим офицером дежурного наряда службы безопасности оказался Пьер Барро, сосед по «Парку водопадов». Он как раз собирался лететь домой на обеденный перерыв и предложил подбросить Эдуарда.

— Спасибо, дружище, — обрадовался Корунд, и вдруг его осенило: — Окажи еще одну услугу…

Выслушав его просьбу, Пьер удивился, но повел Эдуарда в свой офис. Перебирая файлы на мониторе, сосед проворчал:

— Значит, и в той потасовке ты успел отличиться… Честно скажи: ты специально ищешь неприятности или они сами за тобой охотятся?.. Вот эта красотка, из-за которой стрельба началась.

Корунд буквально впился глазами в короткий текст.

Итак, ее зовут Линга Симба. Позавчера прилетела из системы Беты Зайца, вчера вечером отбыла на Проксиму. «Кирасир» ждал ее.

Значит, это была не Гелла. Разве что военные возят ее по системе на скоростных курьерских пакетботах. Это гораздо вероятнее, чем сестра-близняшка или клон-двойник. А что она делала на Бета Зайца? Он уже выяснил, что в этой системе нет заселяемых планет. Только рудники, экологически грязные производства, исследовательские станции, большой космодромный узел. И пресловутые военные базы.

«Военные базы…» — мысленно повторил Эдуард. Таинственная госпожа Симба путешествует на военном корабле, уехала с космодрома в сопровождении военных…

— Пьер, будь другом, посмотри по архивам. Как часто она посещала Теоле?

Выразительно поглядев на часы, Барро задал поиск и сообщил:

— До этого зарегистрирована один раз, семь месяцев назад, на Южном Космодроме. Прибыла на корабле «Гренадер», покинула Теоле спустя три дня на «Драгуне». Удовлетворен?

— Не знаю, — честно признался Корунд. — Надо подумать.

— Кажется, неисправимый бабник запал всерьез, — резюмировал Пьер. — Полетели, у меня перерыв не бесконечный.

Изголодавшийся страж космодромной безопасности вел аэромобиль на громадной скорости, едва не обогнав звук. Тем не менее Эдуард успел похвастаться новым кораблем, но про цель путешествия рассказал в общих чертах: дескать, фирма поручила обследовать перспективные для туризма планеты.

Когда машина приблизилась к северной окраине Виедры и Пьер, сбросив скорость, начал разворот со снижением, разговор запоздало переключился на женщин. Корунд рассказал свежий анекдот, а сосед, внезапно помрачнев, осведомился:

— Ты знаешь Джулию и Ангелину из нашего дворика?

— Немолодые и несимпатичные. — Корунд решительно отверг возможные подозрения. — Меня такие чудища не интересуют.

— Могу понять… Тетки трансбальзаковского возраста, мужским вниманием не избалованы, работают в аппарате советника по городскому хозяйству. Обе завели себе любовников-аборигенов.

— Дело житейское.

— Не скажи. — Пьер нахмурился. — Мне совсем не по душе, что теолийцы легко получают пропуска в наш жилой комплекс. У вас на Кураре тоже началось примерно так — со свободного доступа.

— Подумаешь, два туземца ходят иногда к старушкам.

— Не иногда, а каждый вечер. И не два, а добрый десяток. И ведут себя вызывающе.

Корунд согласился, что ситуация неприятная. Конечно, можно понять стареющих землянок, которых потянуло на темпераментную экзотику… но меры безопасности в чужих мирах никто не отменял.

— Что собираешься делать? — спросил Эдуард.

— Лично у меня никаких соображений, — признался Барро. — Надо будет собрать жильцов и обсудить. Вроде бы глупо окружать роботами эти гнездышки любви всякий раз, когда там групповуха начинается.

— Не так уж глупо, предосторожности лишними не бывают. Младшие брательники по разуму, напившись, могут и морду кому-нибудь набить.

— Уже… — Барро вздохнул. — На той неделе двое приставали к Элине из сорок девятой. Девчонка еле вырвалась, убежала и заперлась в особнячке, так они ходили под окнами, пробовали дверь на крепость и орали по-своему. Джулия с трудом загнала их к себе, а потом долго упрашивала наших не сообщать в полицию. Клялась, что такое не повторится… А вчера днем, когда почти все жильцы разъехались, кто-то взломал два дома. Много барахла утащили, а еще больше переломали и вдобавок нагадили.

— Камеры должны были заснять грабителей.

— Они морды тряпками замотали, — сообщил Пьер. — Даже перчатки надеть догадались. Но не учли, что ДНК у всех аборигенов берутся при рождении, так что полиция все равно найдет их по экскрементам.

— Да уж, до биохимии теолийцы не доросли… — Корунд был искренне возмущен. — Кажется, мы распустили зверюшек, пора на место поставить.

— Вот так и скажешь на собрании… Вылезай, приехали.

— Так и скажу, — заверил Эдуард. — Предупреди, я постараюсь прилететь.

Сгоряча он едва не предложил вообще запретить аборигенам вход в «Парк водопадов». К счастью, быстро спохватился — сообразил, что в таком случае не сможет водить к себе Колу.

Повидать Колайру он собирался немедленно — нужно было сообщить о полном разрыве с Геллой и обсудить их дальнейшую жизнь. Поэтому, войдя в дом, Эдуард первым делом набрал номер ее мобильника.

Конечно, после сцены на космодроме не стоило рассчитывать на слишком теплый отклик, и Корунд подготовился к трудным объяснениям, упрекам и прочим проявлениям варварского темперамента. Однако реакция прекрасной теолийки оказалась совершенно неожиданной. Кола сильно удивилась, увидев его. Округлив глазища, она поднесла аппарат совсем близко к лицу, пробормотала скороговоркой:

— Не ждала тебя увидеть. Ты в Виедре?

— Да, дорогая. Очень хочу с тобой встретиться. Мы должны серьезно поговорить.

— Сейчас это невозможно. Ты надолго?

Рассказ о предстоящем долгом, дальнем и опасном путешествии среди звезд не произвел на нее заметного впечатления. Вероятно, Кола просто не видела большой разницы между рейдами за пределы освоенной части Галактики и морскими походами старшего брата. Она лишь повторила, что в ближайшие дни будет очень занята.

Забеспокоившись, Корунд спросил:

— Что-то случилось?

— На днях соберется Даранга-Дувал, я должна помогать отцу… — Оглянувшись на кого-то, Кола торопливо повторила: — Не могу сейчас говорить. Встретимся, когда вернешься. Целую, жду встречи.

«Больше не злится, и то неплохо», — подумал Эдуард, уныло разглядывая тающие блестки угасавшей голограммы. Мысленно вздыхая, он достал из шкафа скатанную «чешую» — походный костюм, сочетавший свойства брони, экзоскелетона и биологической защиты. На загривке был смонтирован левитатор, питавшийся от самозарядной батареи. Портативный гравитатор обеспечивал полет в течение часа с небольшой скоростью. Секрет производства таких устройств земляне получили от Высших в первые годы знакомства.

Корунд рассеянно повесил на плечо упакованную «чешую». Мысли невесело вертелись вокруг пресловутого Даранга-Дувала.

Глом, неугомонный папаша Колы, говорил время от времени: мол, хорошо бы собрать племенных вождей, жрецов, старейшин и обсудить, как дальше жить будем. Нетрудно было сообразить, что патриарх авейра собирается решительно переделать архаичный социум, объединив племена, жившие в этой части континента, под властью мудрого и дальновидного короля. На роль монарха претендовал, естественно, сам Глом.

Несколько чахлых княжеств, существовавших здесь перед появлением землян, давно канули в бездну исторического прогресса. Вожди племен имели весьма ограниченную власть в пределах своих владений, финансами распоряжались купцы, армии не было, полиции тоже. Условное подобие порядка поддерживалось лишь вокруг земных гарнизонов и в больших городах вроде Виедры. В какой-то мере континентом управляли земные советники, с которыми местные магнаты старались не ссориться.

Наверное, местная администрация была необходима, но в аппарате губернатора предпочитали не форсировать события. Корунд представил себе, какие волнения начнутся, когда Глом провозгласит себя императором, королем или хотя бы князем. Часть племенной знати, безусловно, поддержит его, но кто-то наверняка воспротивится, а денежные мешки Виедры конечно же возмутятся и поднимут по тревоге отряды городской стражи. Враждебные племена — те же тубонда, к примеру, — тоже немедленно бросят в бой свои банды.

Дело попахивало серьезной резней с непонятным исходом.

Полный тревожных опасений Эдуард надиктовал свои соображения на сей счет и отправил файл на почтовый адрес брата.

Обед был умеренно приятен на вкус, а большего от походного пайка требовать не стоило. Чашка крутого бульона с тремя пельменями, порция тушеного мяса с зеленым горошком и картофельным пюре на второе, а также сладковатая булочка и кусочек масла. Крепкий чай Корунд заварил из собственных запасов и машинально отметил, что третий день подряд его не посещают мысли об алкоголе.

Гипердвижок без натуги тянул массу корабля по несложной трассе, оборудование работало просто великолепно, никаких осложнений не предвиделось, переживания забылись. Поэтому, кинув пустую пластиковую посуду в мусорный люк, Эдуард взялся за книги.

Многие авторы Большого Квартета пытались найти ответ на главную загадку: что такое Высшие и чего они добиваются. Догадки лучших исследователей, проявлявших феноменальную проницательность, парадоксальность мышления и невероятное логическое искусство, позволяли увидеть в неожиданных ракурсах небольшой фрагмент общей картины. Корунд и сам уже который год работал над книгой о Высших, систематизируя собственные

наблюдения и наиболее интересные озарения настоящих — не ему чета — ученых.

Сегодня он принялся штудировать «Гениальность злодейства» Редля и Корна. Это были сравнительные жизнеописания великих деятелей прошлого: диктаторов, ученых, путешественников, попытка разобраться в психологии гениев прошлого. Некоторые из них оставили подробные мемуары, о других можно узнать лишь из воспоминаний современников. Особый упор соавторы делали на политиков XX–XXIII веков и на судьбу Гастона Кордини, который возглавлял человечество в страшные и великие десятилетия, вместившие межпланетную гражданскую войну и начало межзвездных полетов. У гениев, доказывала книга, формируется иной, парадоксальный взгляд на все проблемы, одной лишь интуицией они разгадывали самые сложные загадки. И вместе с тем у них были совсем другие помыслы, в чем-то выше обычных человеческих и совершенно непонятные.

Так в чем же секрет гениальности? Книга не давала ответа. Редль и Корн говорили в предисловии, что намерены провести такой же анализ по судьбам гениев и величайших злодеев других Старших рас.

Не без труда осилив главу, в которой соавторы выполнили филигранное сопоставление Колумба, Галилея, Наполеона, Вагнера, Эйнштейна и Кордини, ошеломленный Корунд выключил изображение. Голова слегка опухла, мысли разбегались, нервная система возбужденно пульсировала, выплескивая в кровь адреналин в букете с другими гормонами.

Машинально запустив подборку любимых песен, Эдуард закрыл глаза. Как обычно, под хорошую музыку мозг начинал работать гораздо лучше.

«Литература прошлых веков приучила нас к догме о Старших братьях по разуму. Встретив среди звезд Высших, мы ждали, что носители Всемогущества осыпят нас благодеяниями. Однако звезды оказались скупыми по части бескорыстных подарков. Звезды ничего нам сами не дадут. Даже отнять у них — непосильная задача. Как и мы, Высшие далеки от альтруизма. А почему, собственно говоря, мы недовольны? В этом отношении Высшие мало чем отличаются от нас.

А если мы хоть в чем-то похожи, то похожими должны быть и цели — пусть в несравнимых масштабах. Младшие хотят сравняться с нами, мы пытаемся стать вровень с Высшими, а Высшие… они стремятся к Истинному Всемогуществу, которым обладают вроде бы гипотетические суперы. Прогресс — это гонка, в которой погибают отстающие, но и вырвавшиеся вперед рискуют нарваться на экзекуцию…»

Несложные умозаключения убедили его, что налицо полная аналогия. «Более сильная цивилизация диктует слабейшим свои условия, не слишком заботясь объяснить причины этих требований. Объяснения, наверное, не нужны — все равно Младшие расы неспособны понять Старших, как Старшие не понимают Высших. В свою очередь Младшие без энтузиазма соглашаются соблюдать запреты, но продолжают выпрашивать немножко сверх уже дарованного. Кроме того, мы хотим обмануть Высших, пытаемся проникнуть в их тайны. Наверное, и Младшие так же надеются перехитрить Старших…»

Он почувствовал, что приближается к догадке, и насторожился, стараясь четко сформулировать ускользающую мысль.

«Но если возможны такие аналогии, то и Высшие относятся к Старшим примерно так же, как Старшие — к Младшим, — размышлял Эдуард. — Мы жалуемся на скупость звезд, хотя получили кое-какие полезные знания. Высшие тоже ограничивают информационно-технологическую поддержку и препятствуют нашему прогрессу, потому что… Точно так же и теолийцы жалуются на скупость Большого Квартета. Высшие отвечают нам примерно так же. Может, они не слишком лицемерят? Как мы объясняем такие же свои действия? Младшие все равно не поймут, наверняка станут использовать подарки в злых целях, причинят ущерб и себе, и нам…» Они дают нам меньше, чем мы даем Младшим, но и разрыв между нашими культурами куда страшнее, чем между землянами и теолийцами.

С этим было понятно: Высшие не издеваются над нами, подобно пресыщенному скучающему божеству. Их действия вполне логичны, как логично наше собственное отношение к другим цивилизациям.

Музыка ненавязчиво настраивала разум на поиски новых логических связей. Мысли прекратили сумбурную пляску, включаясь в творческий процесс.

«Мы считаем Высших полубогами, демонами, чьи помыслы непостижимы. Но ведь и в нашей истории были такие люди, которых современники не понимали, считая безумцами. Тайный смысл их поступков и стремлений, их гениальность и ошибки становятся понятны лишь впоследствии, через века, и потомки называют этих людей пророками…»

Итак, психологически среднестатистический Высший может быть похож на земных гениев, которые стремились расширить горизонты, добиться недостижимого, познать неведомое. Чего добивались эти люди, к чему пытались вести остальных? Можно ли найти что-нибудь общее в судьбах и стремлениях Юлия Цезаря, Ньютона, Наполеона Бонапарта? Корунд знал ответ:

«Они ясно видели возвышенную цель, недоступную остальным современникам, они понимали сложные закономерности. И они считали своим долгом шагнуть за грань возможного, совершить великие деяния во благо своего народа, подарить человечеству новые возможности, прославить в веках собственное имя».

Нужное слово всплыло из закоулков памяти: мессианство. Не боги, но мессии, ведущие цивилизацию к неясной, но заманчиво-прекрасной мечте. Вожди и пророки, не желавшие считаться с желаниями окружающих. Вот только земные пророки не всегда выбирали верную цель… может, и Высшие способны ошибаться?

С такой яростью он работал, пожалуй, лишь над некоторыми главами «Планеты изгнания». Несколько часов подряд Эдуард набирал, диктовал и правил текст, шлифовал формулировки, подкрепляя свои тезисы примерами из истории разных миров.

Когда он — измотанный, но счастливый — убрал клавиатуру, сразу три главы будущей книги приняли законченный вид. Приподнятое настроение слегка портила лишь досадная мелочь: Эдуард понимал, что может не вернуться из этого рейда, и тогда его догадки пропадут, никто никогда не узнает о последних его выводах. Поднявшись в рубку, Корунд выяснил, что корабль давно покинул территориальное пространство человечества, равно как и зону надежной связи с Джуманджи.

Он воспользовался последним шансом: отослал архивированную рукопись университетскому дружку Вальтеру Ришару, который работал в команде самого Бернарда Корна. До Валинора тоже было далековато, но сохранялся малюсенький шанс, что адресат получит файл.

Людям, которых природа обделила крепкими нервами, долгое одиночество резко противопоказано. Когда не с кем поговорить, а ты понимаешь, что лишь тонкая обшивка и парадоксальная квазисубстанция силового щита отделяют жилой отсек от абсолютно враждебной среды гиперпространства, — тут недалеко до спонтанного срыва в истерику. Очень многие не выдерживали таких испытаний, буянили, спивались, обжирались антидепрессантами, ломились в люки внешнего корпуса.

Если даже Корунд и страдал какой-нибудь умственной хворью, то психопатом не был наверняка. Первую ночь он спокойно проспал, следующий день бесцельно валялся на койке, смотрел фильмы и записи веселых концертов, изредка заглядывая в рубку, чтобы проконтролировать течение полета.

Хотя свободного времени хватало с избытком, Эдуарду совершенно не хотелось продолжить работу над рукописью. К этой книге, которая даже не имела пока названия, он возвращался нечасто. Особенно сейчас, без постоянных споров и дружеского соперничества с Геллой. В тех яростных мозговых штурмах рождались оригинальные мысли, но про Геллу пора забыть…

Прихватив очередную коробку походного пайка, Корунд поплелся в рубку. Прикосновение к сенсору на упаковке — и содержимое разогрелось до кондиции. Сегодняшний ужин оказался рыбным: жареное филе, гарнир из морской капусты, пирожок с креветками, крабовый салат.

Меланхолично заправляясь дарами океанов, Эдуард просматривал лоцию. Сведения об этом секторе пространства были весьма скудные, либо добыты средствами инструментального наблюдения, либо получены от дорогих братишек по Большому Квартету, то есть вовсе ненадежные. Небольшой участок прямо по курсу был назван потенциально опасным, а это могло означать все что угодно. Корунд машинально переключил локаторы в режим «дальний взгляд» — глубокое проникновение при низком разрешении.

Так и есть — тот самый случай, когда лучше бы ошибиться. Пятимерная пространственно-временная трасса корабля пересекала район запредельных деформаций гиперпространства. Громко и грязно выругавшись, Эдуард запил соком последний кусок остывшего пирожка, продолжая неприязненно разглядывать голограмму с угрожающими завитушками силовых линий.

По-хорошему в таких случаях полагалось срочно вернуться в унылую банальность трехмерного космоса, заново рассчитать курс и обогнуть опасное место на почтительном удалении. Очень крутые навигаторы могли бы скорректировать тензор перемещения, не покидая гипера. Оба варианта годились для больших звездолетов с мощными двигателями и опытными штурманами, поэтому Корунд не рассматривал эти возможности всерьез. Любой маневр, который он сумел бы выполнить, приводил к гигантскому крюку и лишним суткам путешествия.

У кого заиграло в прямой кишке, в обход не летают! Плотоядно скалясь, Эдуард нахлобучил видеотелепатический шлем и переключил автопилот в режим аварийной подмоги.

Теперь биоэлектронный мозг «Кураре» будет заниматься необходимыми вычислениями, но сам перехватит управление лишь в особо неотложных случаях.

Для полного счастья Корунду не хватало именно такого приключения. Очень уж давно не встречался он с настоящей физической опасностью, когда жизнь висит на волоске и лишь полное напряжение сил спасает твою никому не нужную шкуру.

Он чувствовал, как мышцы лица непроизвольно растягивают очень свирепую ухмылку. Не раздумывая, Корунд отыскал плей-лист жестоких романсов и под стенания лучших исполнителей последних пяти веков погрузился в виртуальный мир многомерных рельефов.

…В огне смертельных битв

Я вспоминал твой образ…

Типовая задачка высшей навигации: провести трассу в обход гравиторнадо с использованием переменной кривизны гиперпространства. Вихрь взбесившихся силовых полей работает на нас, корректируя направление тензора энергии-импульса. Используя притяжение опасного места, корабль разгонится до запредельных квазискоростей и обогнет область перекрученных измерений.

…У вашего крыльца не дрогнет колокольчик,

Не спутает следов мой торопливый шаг…

Компьютер рисовал варианты трасс прорыва, но все они приводили к разрушению «Тамбовского рейдера» — приливные силы тут бушевали просто зверские. Еще оставалось время, чтобы плюнуть на играющий в заднице кураж и покинуть гипер… щас, разбежался! Эдуард вызвал из архива сборник нестандартных лоций Лещука-Гринстоуна.

…Нехотя вспомнишь и время былое,

Вспомнишь и лица, давно позабытые…

Вот оно — рискованное, но красивое решение: вписаться в изограву. Проскользнуть по кривой линии, вдоль которой гравитационные силы множества разных источников взаимно вычитаются. Корунд отдал мысленный приказ, процессорная сеть удивленно переспросила, но, получив подтверждение, прочертила безумный курс.

Генератор ускоряющего поля плавно переключился на максимальную тягу. Многомерная скорость корабля — векторная сумма производных по шести координатам — непрерывно менялась, чтобы окруженный силовой защитой корабль безошибочно преодолел

зону нестационарных колебаний.

…А ну быстрей несите, кони,
Прочь гоните грусть-тоску!
Мы найдем себе другую
Раскрасавицу-жену…

Он был уже бессилен изменить что-либо. Крохотный комочек органики, запертый в композитной коробке, окруженной щитами энергетических коконов, за пределами которых бесновалась тупая мощь Вселенной. Трижды накатывала перегрузка, четырежды — невесомость, дважды слепли локаторы, несчетно захлебывались движки, а рев реактора заглушал музыку.

Внезапно стало понятно, что опасная зона осталась позади. Дрожащими руками Корунд вытирал пот с отекшей рожи, а из видеокомплекса томно страдала Сусанна Авгурова:

…Звездного неба вуаль
Окутала наши тела.
Прочь улетай, печаль,
— Я сегодня с любимым была…

Побаливали ребра, ныли позвоночник, поясница и все остальные кости-суставы. Гул машин резко стих — в рабочем режиме моторы поют свои романсы совсем тихо. Корабль выдержал испытание, пилот — тоже. Только пилот почему-то вдруг прочувствовал всю тоску своего одиночества. Удалой прорыв через смертельные вихри не вылечил рану в душе. Раны в душе вообще не лечатся лихими наскоками.

Система звезды Рубин оказалась на месте. Когда-то давно это светило почти не отличалось от Солнца, но состарилось и начало тускнеть, добавляя в спектр все больше красного цвета. Довольно большая — с Нептун размером — горячая планета крутилась по внутренней орбите, другой полугигант примерно тех же габаритов — по внешней, а между ними пристроилась богатая водой, кислородом и биомассой Верита.

Как положено, Корунд вывел «Кураре» на высокую орбиту и первым делом запустил серию спутников-ретрансляторов, чтобы обеспечить надежную связь и видеосканирование планеты. Спутники деловито растопырили уши антенн и крылышки солнечных батарей, а также выпучили глазки телеобъективов. Уже через три витка были готовы точные карты Поющего Квадрата. К сожалению, все снимки изображали только дикий ландшафт — сильно пересеченное плоскогорье, поросшее клочьями леса и прорезанное многочисленными речками. Таинственные сигналы, о которых рассказывал Гродзинский, зафиксировать не удалось, хотя приемники корабля прослушивали все диапазоны электромагнитных и гравитационных излучений.

Зондаж Вериты вообще не выявил явных признаков объектов искусственного происхождения: ни спутников, ни городов, ни кораблей в океанах. Даже примитивных лодок или плотов в прибрежных водах не было, хотя такие чудеса первобытной техники с орбиты можно и не разглядеть.

Теория не исключала возможность существования подводных цивилизаций, поэтому Корунд, следуя инструкциям, разбросал по океанам десяток оснащенных гидрофонами плавуче-ныряющих роботов и еще одного направил в горное озеро на окраине Поющего Квадрата. В тот же район он подвесил робота на аэростате.

В промежутках между обязательными процедурами К°рунд развлекался, наблюдая за саванной, по которой бродили стада странных, но вовсе не уродливых зверей. Быки с огромными рогами, грациозные родичи земных оленей, грызуны разных габаритов, птицы, а также черепахи, ящеры и другие земноводные. Особенно заинтересовали заядлого потомственного охотника большие кошки с короткой гривой, клыками солидных размеров и густым красноватым — под цвет осенней травы — мехом. Эдуард назвал их рубиновыми львами и загорелся идеей добыть такую шкуру.

К концу четвертого витка стало понятно: ничего нового с орбиты обнаружить не удастся. Время поджимало: Корунд проснулся достаточно давно, скоро снова потянет ко сну,

а над Поющим Квадратом стоял в зените Рубин. Вывод простой: надо скорее провести первую разведку.

Место для высадки он присмотрел давно: степная полоса в средней части Поющего Квадрата.

2

Под ногами поскрипывала красноватая трава, порой достававшая ему до колен. Грунт оказался в меру рыхлым, так что ботинки почти не проваливались, оставляя неглубокие следы. В воздухе чувствовался не слишком приятный запах, но приборы уверяли, что ни химической, ни биологической опасности нет.

Звездный егерь Эдуард Корунд стоял на макушке холма, опираясь рукой на капот вездехода. Почти час он кружил над этой равниной, выбирая место для охоты, и высотка возле озера подошла идеально, обеспечивая прекрасный обзор на много километров вокруг.

Ждать пришлось недолго: из лесных зарослей неторопливо вышло, направляясь к озеру, стадо слоников с загнутыми вниз раздвоенными бивнями. Представив, как будет смотреться такая голова на стене гостиной, Эдуард застонал от вожделения. Не догадываясь, что уже названы мастодонтиками Корунда, причем первооткрыватель уже разглядывает их сквозь мощные призмы оружейной оптики, животные погрузили в воду короткие хоботы.

Привычным движением большого пальца Корунд сдвинул переводник магазина, засылая в нарезной ствол патрон с тяжелой пулей. Концентрические кольца прицела окружили глаз крупного мастодонтика, обладателя отличных бивней. Кончик указательного пальца уже начал плавно вдавливать спусковой крючок, но вдруг дичь резким движением исчезла из поля зрения.

— Что за сволочь?! — взвыл разгневанный охотник.

Отложив ИЖ-Лассо, он увидел, как мастодонтики занимают оборонительную позицию, готовясь к схватке. Окружая стадо, к хоботным приближалось семейство рубиновых львов. Сильные тела хищников почти сливались с красноватым фоном травы, но травоядные учуяли опасность.

— Удачно, — прокомментировал Эдуард. — Возьму сразу и слона, и кошку.

Стадо и стая сошлись в кровавой потасовке. Рубиновый лев прыжком оседлал загривок мастодонтика, но тот стряхнул противника на грунт и с размаху вонзил бивни. Другого мастодонтика повалили и рвали когтями сразу три хищника. Последней кошке повезло еще меньше — ее увлеченно топтал хоботный молодняк.

— Охоты не получилось, — печально резюмировал Эдуард. — Трофеи безнадежно испорчены.

Несколько подсластив его разочарование, поступило сообщение с «Кураре». Поющий Квадрат снова передавал те самые сигналы, причем роботы запеленговали передатчик.

«Горностай» долго описывал сложные фигуры над неровностями, на которых росли громадные деревья, раскинувшие мощные крылья ветвей с оранжево-красной листвой. Радар и другие сканеры, не без труда заглядывая под живую завесу древесных крон, нарисовали приблизительную голограмму сильно пересеченной поверхности, но Корунд так и не понял, где прячется источник модулированного излучения. Вроде бы сигналы шли из ложбины между холмами. Здесь текла узенькая речка, имелось несколько неровностей неправильной формы, но не было ничего похожего на мощную антенну.

Тщательно составив файл с описанием местности, Корунд произнес, глядя в объектив видеофона:

— Я принял решение лично обследовать ложбину. В случае, если прервется связь и я не вернусь в течение трех суток, корабль отправится в сторону Джуманджи на автопилоте. Если же вернусь, то, может быть, сотру, на хрен, эту запись.

Подмигнув возможным зрителям, он переслал файл в компьютер «Кураре» и начал

снижение. Надежный корпус вездехода со скрипом и треском вошел в густую листву и, обламывая толстые сучья, едва не врезался в ствол гигантского дерева. Выругавшись, Эдуард выровнял полет. Ему удалось застопорить машину, когда от днища до грунта оставалось меньше человеческого роста.

Поддеревьями было сумрачно: густые кроны задерживали лучи Рубина. Плавно погасив антигравы, Корунд поставил «Горностай» на колеса. Сканеры показывали, что в сотне шагов вокруг нет крупных животных. Возможности проехать между тесно растущими стволами тоже не было. Строго согласно инструкции Корунд отправил на корабль заснятое при свете прожекторов изображение местности, затем выпустил из кормового отсека двух роботов и вышел сам.

Тем, кто не бывал на диких планетах, неведомо это сладостное чувство, с которым шагаешь по нехоженым местам, раздвигая стволом ветки и распугивая зверье, попутно придумывая названия для деталей рельефа, равно как для флоры с фауной. «Чешуя» приятно ласкала кожу, ноздри втягивали резкий аромат леса. Вокруг носились какие-то насекомые, вдалеке покрикивали неведомые твари — такие противные голоса могут быть лишь у тощих несъедобных птиц. Впрочем, Эдуард не отвлекался на мелочи, потому как сейчас его интересовал только передатчик.

Он машинально — такие навыки вбиваются намертво — прикинул ориентиры: 1-й — обломок скалы, 2-й — высокий куст, 3-й — согнутый полудугой ствол без листвы, 4-й — самый удаленный — речной порог. Он медленно двигался вниз по склону между ориентирами 1 и 2 в сторону ориентира 4. Один робот опережал его на десяток шагов, другой отставал примерно на столько же. Длинные побеги местной флоры настырно пытались вцепиться шипастыми шарами, но иголки бессильно скользили по гибким пластинам «чешуи».

Корунд уже подходил к речному берегу, когда передний робот вдруг остановился, включив желтый сигнал «Внимание». Одновременно компьютер «Тамбовского рейдера» сообщил, что передача сигналов прекращена. Спустя полминуты сигнал на загривке робота погас, и механический паук перебежал реку — металлокерамические лапы погрузились в воду от силы по колено.

Речка была совсем узенькая, метров пять в ширину, поэтому Корунд не стал даже включать антиграв. Просто отступил на несколько шагов, разбежался и перепрыгнул на другой берег. Дожидаясь замыкающего робота, он полюбовался лениво ходившими в прозрачной воде рыбинами. Здоровенные пятнистые поленья шевелили плавниками, совершенно не опасаясь человека.

— На обратном пути порыбачим, — угрожающе предупредил Эдуард.

Перебравшись через поваленное трухлявое дерево, он вступил в низину, вокруг которой топорщились холмы. Раскидистые лиственные великаны росли здесь не так густо, и Корунд легко разглядел подозрительное образование. На привычную гравитационную антенну или нормальный гамма-излучатель оно похоже, конечно, не было, но явно имело искусственное происхождение.

— Кажется, объект обнаружен, — начал диктовать Эдуард. — Усеченная пирамида высотой метра в четыре, поперечник основания — метров десять, верхняя плоскость — около пяти-шести метров. Видимая мне часть кажется монолитной, без окон и дверей. Сверху приделан шпиль высотой около пяти метров. Похож на шлифованный кристалл. Посылаю робота для детального осмотра.

Робот долго кружил вокруг артефакта, определяя точные размеры и пытаясь просканировать всеми доступными видами волн. В ожидании результатов Корунд устроился за большим каменным обломком. Конечно, сердце рвалось пощупать загадку собственными пальчиками, но бывалый звездный путешественник научился не давать волю дурным душевным порывам. Он помнил, что пирамида умеет испускать сверхмощные гамма-импульсы, и не желал растаять в потоке жесткого излучения.

Как и следовало ожидать, робот ничего интересного не выяснил, потому как ультразвук

и прочие волны пирамидой рассеивались равномерно, не принося информации о структуре артефакта. Чертыхаясь и чувствуя себя дебилом, Эдуард надиктовал все свои предположения о природе находки. Пирамида безусловно была искусственным сооружением, о чем говорили геометрические пропорции девяти боковых граней, к тому же неизвестный материал отталкивал грязь и слабо светился в полумраке. Возможно, спектр этого свечения позволит умным головам из научных центров сделать важные и даже сенсационные выводы.

Ощущение собственного бессилия превращалось в невыносимую пытку. Стоять в паре шагов от величайшей находки — и кусать локти от невозможности что-либо предпринять! Матерно поименовав строителей пирамиды, Корунд решил пощупать одну из граней манипулятором робота. Азарт подсказывал решения похлеще: вскрыть монолитную стену лучом бластера, отломать к чертовой матери кристаллический шпиль…

Словно убоявшись его разрушительных намерений, непроницаемая глыба разразилась мысленным посланием. Оторопевший землянин не сумел разобрать точный текст телепатического обращения, но было понятно: ему советуют не волноваться, не бояться и подойти поближе.

С минуту Корунд стоял с закрытыми глазами, прижавшись лбом к прохладному камню скалы и тупо чувствуя, как слабеют удары крови в висках. Потом заговорил, запинаясь:

— Либо я двинулся по фазе, либо кто-то на самом деле пытается наладить телепатический контакт. Они без конца повторяют: мол, у меня нет причин бояться, мне ничего не угрожает, я должен подойти к маяку. Пока я рядом, маяк не будет излучать опасные для здоровья сигналы. Рекордер биотоков моего видеофона действительно записывает какие-то сигналы в телепатическом диапазоне, но я не знаю — реальны ли эти сигналы или порождены моим больным сознанием. Все попытки вступить в диалог оказались безуспешными — как будто в артефакте находится робот, запрограммированный передавать стандартное приглашение. Я принял решение подойти вплотную к так называемому маяку.

Компьютер космолета подтвердил, что дополнительный файл присоединен к рапорту. Роботы вели непрерывную видеотрансляцию всего происходящего в радиусе полета метров от пирамиды. Глубоко вздохнув, Эдуард покинул убежище.

Ситуация оставалась предельно дурацкой. Человек в «чешуе», обвешанный оружием и другим полезным снаряжением, позирует видеокамерам, бесцельно прогуливаясь вокруг непонятной конструкции. С досады он шлепнул ладонью по гладкому то ли камню, то ли пластику — ничего, даже звука не услышал. Чертыхнувшись, он сделал еще несколько шагов, остановился напротив соседней грани, стукнул кулаком, пнул ногой. Результат прежний.

Внезапно холодной волной накатило жуткое подозрение: он угодил в ловушку для идиотов. Какие-нибудь дзорхи поставили эту тумбу, чтобы привлечь любознательных брательников по разуму, а сами снимают на скрытую камеру. Потом устроят шоу на всю Галактику: вот, мол, как мы подшутили над тупыми землянами…

Нет, вроде бы нелогично. Такую планету дзорхи бы сразу колонизировать начали — Верита идеально для них подходит. А лабба и виин-черси поспешили бы заявить свои права на планету, чтобы продать нам или тем же дзорхам за бешеные деньги.

Чувствуя себя отпетым неудачником — права Гелла, не поспоришь! — он простучал еще две грани усеченной пирамиды. Последний стук неожиданно привел к искомому отклику: монолитная стена вздрогнула, завибрировала и рассеклась вертикальной — сверху донизу — трещиной. Половинки стены расступились, словно втягивались влево-вправо, открывая проход. В голове прозвучало новое мысленное приглашение: дескать, здесь нет опасности, так что заходи, если хочешь.

Отступить в такой момент было бы самой большой глупостью, на которую даже он неспособен. Корунд сделал шаг, другой, протиснулся в щель и оказался в громадном зале — объем помещения был намного больше, чем выглядел маяк снаружи. Оглянувшись, Эдуард

увидел узкий проход, за которым оставался сумрак Вериты и дежуривший возле входа робот.

Путь для возвращения был пока открыт, это успокаивало. Корунд занялся осмотром места, исправно тараторя репортаж:

— Телепатический контакт прервался. Нахожусь в помещении в форме семигранника, длина каждой грани — метров двадцать, высота — около десяти. Видимо, я попал в какую-то форму свернутого пространства. Стены покрыты орнаментами, осмысленных пиктограмм не различаю, источников света не видно. Направляюсь к центральному сооружению.

В центре зала располагался ступенчатый помост, из которого торчали два сверкающих, как подсвеченный изнутри хрусталь, тонких стержня. Все это сильно смахивало на традиционную сценку авантюрного фильма: земной разведчик в древнем храме погибшей цивилизации. Согласно типовому сценарию, где-то поблизости должен обнаружиться саркофаг, в котором не первую тысячу лет спит в анабиозе прекрасная принцесса, императрица или еще какая-нибудь титулованная секс-бомба.

Усыпальницы доисторической красотки Корунд не нашел, да и не рассчитывал на такую банальность. Зато его самого все сильнее клонило ко сну: побудка-то была почти семнадцать часов назад. Форсируя события, он направился к помосту — единственному предмету в зоне видимости.

К хрустальным столбикам вели ступеньки, и Корунд нерешительно притормозил, решая — подняться по ним или дать задний ход. Словно угадав его сомнения, в извилины промеж шариков серого вещества снова проникла чужая мысль. На этот раз телепатировались уже не смутные ощущения, но вполне осмысленные фразы:

— Не бойся, пришелец. Встань между сверкающими жезлами.

— Кто ты? — громко спросил Эдуард. — И почему я должен становиться между чем-то.

— Я — привратник. Искусственный разум, созданный теми, кто давно покинул ваш мир. Мне доверено встречать тех, кто придет сюда. Мое ожидание закончилось. Слушай же секрет ушедших.

Когда в мозг вколачивается много информации, спрессованной в архивированные файлы, ощущения бывают весьма неприятными. Потеряв счет времени, человек впитывал не слишком интересное и к тому же плохо отредактированное знание. Как в тумане он взошел на помост, рука сама взялась за верхушку правого стержня-жезла, и аккуратный кусок кристалла легко отделился. С трудом оглянувшись, Корунд заметил, как закрывается дверь на Вериту.

Теперь Эдуард должен был направиться к стене напротив, но древние строители маяка не учли навыков бывалого грабителя сокровищниц. Инстинкты сработали даже в состоянии гипнотического транса: другой рукой он ухватился за левый жезл, обзаведясь вторым кристаллическим ключом. Затем он все-таки оказался возле стены и отдал ключам команду, которая распахнула врата в иной мир.

Уже не противясь мысленным командам привратника, Корунд перешагнул порог.

Это была другая планета. Над землянином висели низкие темные тучи, моросившие мелким нечастым дождиком. Вдали, по левую руку от него, оставалась безоблачной примерно четверть неба, и там — на фоне голубого неба — светила желтая звезда. Под ногами — зеленая трава, впереди — горы, за спиной — закрывается проход в маяк, точную копию такого же сооружения на Верите.

Надо было срочно решать типичный вопрос витязя на распутье: куда направиться?

Телепатическое давление ослабло, так что Корунд мог обдумать полученные сведения. Ключ-кристалл действительно управлял гиперпорталами. Где-то поблизости должно быть хранилище, в котором он найдет ужасно бесценную информацию.

Скептически кривясь — один хрен никто не видит, — Эдуард оглядел оба ключа. Бледно-зеленые, до блеска отшлифованные кристаллы размерами чуть превосходили его большой палец, а формой напоминали болт — цилиндрики с набалдашниками на одном

торце. Корунд тяжко выдохнул воздух.

Ни ключи, ни маяки не были похожи на известные археологам изделия шистрав или Бродяг Бездны. Либо порталы построены Древними, либо ему подфартило наткнуться на следы новой погибшей цивилизации. Если посчастливится вернуться, книга получится на зависть всей Галактике — миллиардный тираж гарантирован…

Он оборвал поток мечтаний, сообразив, что вовсе не гарантировано само возвращение. Гады-предтечи закинули его в неизвестную точку пространства-времени, а проклятый маяк захлопнул вход-выход.

Торопливым, даже паническим движением Эдуард взмахнул отломанным от жезла ключом. К его радости, боковая грань маяка начала раскрываться. «Так, машинка работает, то есть насчет возвращения можно не беспокоиться, — с облегчением подумал Корунд. — Значит, идем на поиски сокровищ».

Словно подгоняя землянина, капли дождя сделались крупнее, да и падать стали чаще. Тучи сверкали молниями, с положенным запаздыванием громыхали долгие раскаты грома. Спрятав в рюкзак трофейные кристаллы, Корунд вырастил из «чешуи» капюшон с прозрачным забралом. Хоть и гады Высшие, но иногда кидали с барского плеча полезные технологии. И «чешуя», и устройства записи-воспроизведения мыслей, и молекулярные фильтры, и пищевые процессоры, и почти вечные самоподзаряжающиеся батареи…

Руки машинально потянулись к сенсорам управления левитатором, однако быстро дернулись обратно. Летать наперегонки с грозой — не самое умное занятие. Набрав высоту, он будет притягивать все молнии. Вот невезуха, придется пешедралом тащиться.

Продолжая мысленно брюзжать, он зашагал по размокшему полю в сторону двуглавой горы. Именно там, если верить телепатической лекции, спрятаны те самые артефакты.

Местная живность почти не попадалась. Лишь однажды пролетела вдали стая крылатых — на таком расстоянии сквозь пелену дождя Корунд не отличил бы ворон от птеродактилей.

Отмахав не меньше трех километров, Эдуард вступил в полосу перелеска. Бездорожье усугубилось рельефом предгорья: ландшафт все круче изгибался вверх, все чаще приходилось искать обходные пути, чтобы не карабкаться по скалам. Навстречу бежали вниз по склону потоки грязной воды.

Потом он все-таки вышел на сравнительно ровный участок, но дождь хлынул сильнее, и Корунд предпочел укрыться в удачно подвернувшемся гроте. К тому же голод и усталость, объединив усилия, одолели его решимость достигнуть цель одним броском.

В пещерке оказалось сухо и сравнительно чисто, если не считать покрывавших каменный пол влажных увядших листьев. Из стены возле входа весьма уместно выбивалась струя ручейка, но не было сил разбираться с химическим составом. Умывшись водой из фляги, Эдуард тяжело сел в глубине грота, скинул поклажу и достал из рюкзака паек. Жадно ополовинив упаковку сока, он взялся за мясо с картошкой и луком, потом стремительно сожрал яблоко и бисквит. Чувство голода притихло, сменившись сонливостью.

Он уже смирился, что не осилит пеший марш-бросок до седловины горы Двуглавой, потому как вовсе не собирался глотать лошадиные дозы гормональных взбадривателей. Иными словами, придется сделать долгий привал. А там, глядишь, ненастье уляжется, и можно будет долететь за полчаса. Перед сном он установил перед входом хлопушки для защиты от бродячего зверя и, положив под голову рюкзак, моментально вырубился.

Разбудил его, разумеется, выстрел. Открыв глаза, Корунд машинально схватился за бластер и резко перевел тело из лежачего положения в сидячее, направляя ствол на вход. Снаружи было светло, никакие чудовища в пещеру не ломились. Он даже засомневался, не приснился ли ему грохот, но тут хлопушка выстрелила снова.

Держа наготове пистолет, Эдуард осторожно выглянул из убежища. Так и есть — животное средних габаритов пробегало мимо, и охранные устройства открыли огонь на поражение. Получивший два заряда картечи зверь уже не шевелился, вытянув

парнокопытные конечности. Что-то вроде зубастого оленя — Корунду приходилось видеть на разных мирах и не такие причуды эволюции. Лазерным скальпелем он отсек кусок мяса, убрал в замораживающий пакет и с удовлетворением отметил, что погода изменилась к лучшему.

Ветер угонял за горизонт остатки грозовых туч, желтая звезда сияла почти в зените. Он проспал около трех часов, почти все здешнее утро, поэтому следовало поспешить, чтобы успеть обернуться до темноты.

Вернувшись в пещеру, Корунд проверил анализатором воду из родника. Вода оказалась безвредной и, как он тут же выяснил, довольно приятной на вкус. Напившись и наполнив флягу, землянин собрал рюкзак и машинально, по наработанной привычке, шевельнул ногой подозрительную кучу листьев в узкой каменной выемке. Из-под листьев показался предмет правильной формы.

Открыть тяжелую пластиковую коробку оказалось нетрудно — она была не заперта. Внутри лежали металлические цилиндры, похожие на консервные банки без этикеток. Тянуть за колечко на торце Корунд не стал — консервы вполне могли оказаться ручными фанатами. Покопавшись в листьях, он нашел еще одну такую же коробку, неплотно заполненную ружейными патронами. Именно ружейными, а не винтовочными, потому что со стороны, противоположной капсюлю-воспламенителю, не торчала остроконечная пуля. Патроны в бумажных гильзах, скорее всего, были снаряжены картечью, дробью или круглой пулей.

На глазок Эдуард определил калибр миллиметров двадцать. Патрон для хорошего мощного охотничьего ружья. Внимательно рассмотрев гильзу при ярком свете здешнего солнца, землянин обнаружил надпись на металлическом поддоне. Буквы показались знакомыми: закругление в левом верхнем углу, косая закорючка падает вправо-вниз — на такой графике была основана письменность лабба. Подрагивая от возбуждения, Корунд откопал на дне рюкзака походный киберпереводчик и сосканировал маркировку патрона.

Так и есть — современная версия общегражданского языка лабба. На гильзе было написано: «Новый Алаббит, год 27-й». Алаббит — это Корунд помнил точно — называлась планета, на которой членистоногие млекопитающие основали свое первое космическое поселение, сейчас там были сплошные гигаполисы и миллиарды жителей.

Итак, портал погибшей цивилизации забросил его на какую-то лаббанскую колонию. Оставаться здесь не имело смысла — наверняка членопитающие поселенцы давно разграбили обещанную ему сокровищницу древних знаний. К тому же хоть лабба и дружественная раса, но вряд ли обрадуются гостю, прибывшему в обход таможенного и погранично-паспортного контроля.

Он перевел в рабочее положение встроенный в загривок «чешуи» левитатор, понадежнее подвесил рюкзак и карабин, тщательно затянув ремни, чтобы ничего в полете не отвалилось, затем вышел из пещеры, равнодушно поглядел на птиц, клевавших подстреленного зверя, и включил антигравитатор. Поднявшись выше деревьев, Эдуард сделал круг, проверяя, как работает машинка, а потом решительно взял курс на Двуглавую.

Человек слаб и не всегда следует доводам разума, ибо слишком часто азарт пересиливает строгую логику. Корунд просто не мог не взглянуть на загадочное хранилище.

Если верить напутственной лекции, которую он прослушал в маяке, до цели оставалось километров тридцать — не больше получаса полета, если не случится каких-нибудь приключений. Примерно треть пути он пролетел без осложнений. Редкие птичьи стаи держались на солидной дистанции, поселений на трассе полета не имелось. Внизу тянулся однообразный пейзаж лесного предгорья, иногда Корунд видел вдали столбики дыма — то ли костры колонистов, то ли пожары. Хотя какие там лесные пожары после такого ливня — наверняка это были костры.

Примерно на двенадцатой минуте резко крякнул детектор. Повертев головой, Корунд обнаружил слева-сзади воздушный объект. Прибор показывал, что неизвестный аппарат

находится на расстоянии девяти километров и движется почти параллельным курсом на высоте трехсот метров со скоростью около ста двадцати километров в час. Нехитрые вычисления подсказали, что через пять минут следует снизиться и укрыться под деревьями.

Продолжая лететь в прежнем направлении, землянин перевалил горбатую возвышенность и, от греха подальше, совершил посадку на обратном скате. Преследователи успели приблизиться, так что в бинокль Эдуард разглядел типичный дирижабль с гондолой и пропеллером сзади. Древняя техника, не вполне типичная для Старшей расы, но кто знает, для чего лабба используют воздухоплавательные машины в своих колониях. Что радовало — экипаж воздушного корабля, судя по всему, не заметил человека и собирался пролететь мимо.

Расположившись под кронами тесно растущих хвойных деревьев, Эдуард огляделся.

Прямо перед ним — судя по компасу, строго на восток — возвышалась близкая гора, которую он без долгих раздумий окрестил Двуглавой. Гора была не слишком высокой, километра два-три, снежных шапок не имела, примерно до середины на склонах росли редкие деревья, выше зеленели травы. В седловине между обеими вершинами блестело в лучах светила небольшое озеро.

На юго-востоке местность резко понижалась к морю, вдали виднелись острова. Берег выгибался округлой бухтой, кое-где постреливая в небо столбиками дыма. Там явно кто-то жил, и Корунд твердо решил держаться подальше от тех мест.

Вправо от бухты лес кончался, по равнине текла река средних габаритов — вроде памятной Эль-Сигуэнте на Кураре. В бинокли Эдуард разглядел поселение в устье реки: многоэтажные здания, окруженные высокой стеной с башенками. Вокруг крепости тянулся пояс крестьянских домов и возделанных участков. По дороге в несколько рядов двигались какие-то экипажи — кажется, колесные грузовики. Сектор, куда не следует соваться, сделался еще обширнее.

Раздосадованный непрерывно возникающими осложнениями Корунд поискал взглядом дирижабль. Тот неторопливо плыл по небу, держа курс в сторону моря. Вслед за ним, растянувшись неровной линией, приближались еще несколько таких же машин. Землянин был готов грязно выругаться, но увидел краем глаза движение в районе бухты, посмотрел туда и понял, что попал в настоящий переплет.

Из-за рощи на дальнем от него берегу бухты медленно взлетал непонятный аппарат. Взлетал вертикально, как будто на антигравах. Впрочем, из курса истории техники Корунд помнил, что в древности строились винтокрылые вертолеты, тоже умевшие выполнять подобный подъем без разбега. Чертыхаясь, он навел на машину бинокль, одновременно переводя оптику на максимальное увеличение. К его удивлению, это был доисторический самолет с пропеллерами, причем последние смотрели почему-то не вперед, а вверх. Пока мозг ошеломленного землянина размышлял над технологическим казусом, самолет развернул крылья, оба винта заработали в горизонтальной плоскости, и аппарат направился прямиком на позицию Корунда. А за бухтой уже взлетали еще два однотипных самолета — кажется, в незапамятные времена их называли конвертопланами.

Три конвертоплана с юго-востока и шесть дирижаблей с запада. Мелькнула паническая мысль: аборигены засекли появление нежелательного пришельца и бросили на поиски авиацию, — но, как это всегда случается, реальность оказалась хуже дурных опасений. Вдобавок к уже имевшимся неприятностям со стороны архипелага двигались к берегу два корабля, коптивших атмосферу густым черным дымом, а где-то поблизости громко закашляли какие-то моторы, причем источник звуков явно приближался. Потом началась пальба.

От дирижаблей к конвертопланам потянулись пунктиры трассеров. Конвертопланы резким маневром вырвались из-под обстрела, набрали высоту и сверху атаковали неуклюжие тихоходные машины. Наполненные газом баллоны вспыхивали один за другим, горящие дирижабли факелами падали в лес на склоне, кто-то выбрасывался на парашютах. Сосредоточенным огнем последние три дирижабля подбили конвертоплан, но тут же

загорелись сами.

Самолет, у которого отвалилось одно крыло, беспорядочно кувыркался, снижаясь по направлению к роще, где прятался Корунд. До последнего момента землянину казалось, что пылающая дрянь свалится прямо на него, но машина пролетела над Эдуардом и врезалась в поверхность на расстоянии сотни метров. От удара непрочная конструкция превратилась в груду обломков и спустя секунду взорвалась.

Между тем из крепости заговорили пушки, вокруг головного корабля поднялись водяные столбы, потом сверкнула красная вспышка — очередной снаряд попал в цель. На пароходе начался пожар. Второй кораблик ответил огнем из орудий, но его снаряды падали недолетами в море. Пушки берегового укрепления продолжали палить, еще раз угодили в уже поврежденный пароход, который теперь полыхал от носа до кормы и двигался совсем медленно.

Оба уцелевших конвертоплана, покончив с дирижаблями, пошли в атаку на крепость. По ним хлестнули трассы зенитных пушек или пулеметов, однако воздушные машины не сворачивали. Один конвертоплан был сбит, а второй прошел над крепостью, сбросив бомбы. Среди домов расцвели фонтаны огня и дыма. Повторять атаку пилот не стал и вернулся на базу, что за бухтой.

Небо стало чистым, однако продолжался бой на море. Поврежденный пароход уже тонул, а другой, также охваченный пожаром, лег на обратный курс. Крепость выпустила вдогонку несколько залпов, но больше попаданий не было. Где-то неподалеку все громче рычали моторы.

Эдуард чувствовал себя очень неуютно. Вокруг разгоралась настоящая война, причем он понятия не имел — кто, с кем и почему сражается. Инструкции на сей счет были вполне конкретны: не вмешиваться в негативные события, проинформировать командование и покинуть зону конфликта. В его положении это означало, что пора возвращаться на корабль, который остался неизвестно где…

Его не слишком встревожило, что в небе на западе появилась новая стая дирижаблей. Машины аборигенов были слишком далеко, поэтому Корунд почти решился запустить левитатор. Пока поблизости не было посторонних, он успел бы незамеченным улететь подальше, а потом — бегом через лес. Вниз по спуску бежать легче, чем в гору, и он рассчитывал прорваться к маяку.

Не вышло. Неблагоприятное развитие обстановки сорвало весьма сомнительный план.

Громче захрипели моторы, и под эту мелодию из-за бугра выползли колесные машины: броневики с пулеметными башенками, грузовик и тягачи, тащившие на прицепе короткоствольные орудия — то ли гаубицы, то ли мортиры. Колонна остановилась, чуть не доехав до дымящихся обломков конвертоплана. Из кабин и кузовов повыскакивали солдаты с магазинными винтовками, неторопливо разбрелись, разминая конечности и справляя нужду. Некоторые, возбужденно галдя, окружили сбитый самолет.

Вопреки ожиданиям Корунда это были вовсе не лабба, а совершенно незнакомые существа. Ростом с человека, двуногие прямоходящие, но с темной лоснящейся кожей на лысых черепах. Формой головы они сильнее всего напоминали земных бабуинов, передвигались вразвалочку, длинные руки с очень длинными пальцами едва не касались грунта. Портрет дополняли узкие глаза и большие закругленные уши. Рассмотреть детали телосложения не удалось, поскольку все приматы были одеты в оливково-зеленую униформу с темными пятнами камуфляжа и высокие ботинки.

Затаившегося человека воинственные приматы не заметили, на рощицу в стороне от их позиции пока не обращали внимания, поскольку сразу занялись оборудованием артиллерийской позиции. Меньшая часть солдат принялась выгружать ящики из кузовов, тогда как остальные отцепляли орудия, разворачивая стволами в сторону прибрежной крепости. Пятеро бабуинообразных — наверное, командиры — стояли тесной кучкой, грозно покрикивая.

Приматы собираются бомбить город, в котором живут, скорее всего, лабба, сообразил

Эдуард. Лабба ответят огнем, так что вскоре здесь будут рваться снаряды и станет еще менее безопасно. А вернее всего, командира приматов может в любой момент осенить простенькая идея — прочесать окрестности.

Тут шла настоящая война, и одиночка с легким вооружением не имел шансов. Герой-одиночка крушит механизированные колонны только в дешевых боевиках. В реальной жизни может случиться по-другому.

Само собой, добропорядочный персонаж видеосериала, шутя раскидав всех супостатов, заодно бы освободил и совратил пару-тройку местных красоток. Однако бывалый космопроходец Эдуард Корунд давно перестал считать себя героем, да и в добропорядочности своей сильно сомневался. То есть, конечно, окажись поблизости женская особь человеческой расы и не слишком отталкивающей наружности, Корунд постарался бы склонить ее к сожительству. Только секс-бомб в зоне видимости не имелось, а изображать супергероя, бросаясь на бронетехнику с карабином наперевес, Эдуард не собирался.

К тому же он не видел никаких причин вмешиваться в чужие разборки. Его задача сейчас — доставить трофеи своим и сообщить о происходящем в этих краях.

Оптимальное решение выкристаллизовалось молниеносно: не ввязываться в бой, пусть даже эти бронированные коробки почти наверняка не устоят против плазменных спецзарядов ИЖ-Лассо. Поэтому следует как-нибудь добраться до маяка, вернуться на Вериту, а потом рвать крылья на полной скорости — авось не догонят. Беззаботная прогулка закончилась. Пришло время выкладываться и показывать все, что он умеет.

3

На корабле хозяйничали неумолимые садисты в непроницаемой броне. Комиссия по торжественной встрече героев-космопроходцев, официально именуемая карантинной бригадой, измывалась по полной программе. Подвешенный на дальнюю орбиту «Тамбовский рейдер» продули стерилизующей воздушно-капельной смесью, потом заполнили какой-то бактерицидной аэрозолью, одновременно поливая каждый кубический миллиметр жесткими лучами. От облучения по непонятному недосмотру был избавлен только случайно вернувшийся герой-космопроходец.

Впрочем, самого Корунда обрабатывали если даже чуть гуманнее, то столь же интенсивно. У него взяли все мыслимые анализы — даже из самых немыслимых частей тела. Его промывали, продували, просвечивали, облучали — разве что не смертельными дозами.

Вернувшийся из сверхдальнего рейда герой не роптал — понимал, что из неведомых закоулков космоса можно притащить любую дрянь вроде вируса летальной чесотки. Тем не менее вытерпеть эти процедурные надругательства было сложно.

— Вроде бы ничего нет, — слегка утешил его главный карантинный садист. — Но мы тебя подержим взаперти еще пару часов, пока последние пробы созреют.

— Валяйте, — простонал Эдуард. — Мне уже все равно. Обожженная ультрафиолетом шкура страшно чесалась без всяких летальных вирусов. Шипя сквернословия сквозь неплотно сжатые зубы, голый Корунд повалился на койку медицинского агрегата. С разных сторон немедленно подступили манипуляторы, побрызгали заживляющими снадобьями, вкололи другие полезные зелья. Сразу стало чуть полегче, хотя немного знобило.

Завернувшись в одеяло, он лежал, тоскливо поглядывая на часы. Спать не хотелось. Память вернула Корунда в противоестественный мир, из которого он ретировался с чрезмерной поспешностью.

Уходить, как пришел, он не мог. Пришлось бы бежать полсотни шагов вверх по травянистому склону — приматы наверняка заметят, а Корунд хотел исчезнуть без перестрелки.

Добраться до густого леса, что начинался в трехстах метрах ниже и тянулся почти до моря, тоже казалось проблематичным, но попробовать стоило. Крайне осторожно, без

лишних звуков, стараясь не шевелить кусты, землянин сместился в дальний от приматов край рощи. Отсюда до леса было поближе, роща прикрывала Корунда от чужих взглядов, к тому же неподалеку подвернулась очень удачная складка местности.

Вжимаясь в траву, Корунд подполз к оврагу, скользнул на дно и, пригибаясь, поспешил к спасительным зарослям. В лесу он станет невидимым, за полчаса убежит на безопасное расстояние, а там можно будет запустить левитатор и полным ходом лететь к маяку.

Приматы не заметили его маневра. Уже в лесу, украдкой выглянув из-за деревьев, Эдуард обнаружил, что неприятные длиннорукие существа суматошно мечутся по своей позиции, а броневики разворачивают пулеметные башенки в сторону подлетевших совсем близко дирижаблей. Из этого Корунд сделал вывод, что город и дирижабли принадлежат колонистам лабба, тогда как конвертопланы и пароходы — приматам. Ну и пусть себе сражаются!

Однако сражение так и не началось. Внезапно притормозив, дирижабли пошли на снижение и, видимо, совершили посадку чуть севернее.

— Ну и ладно, все к лучшему, — решил Эдуард и двинулся лесом на юг.

Он шел под уклон ускоренным шагом, лавируя между деревьями, перебираясь через бугры и прыгая с разгону через ямы и поваленные стволы. Мелкие неприятности случались дважды: пришлось отфутболить ударом ботинка довольно крупную змею, а потом попался бугор, оказавшийся муравьиной кучей. Из кучи он выбрался облепленный насекомыми по колено и — чтобы не заползли за ворот — постоял под струями водопада, смывая непрошеных попутчиков.

За неполный час он прошел почти два километра и уже подумывал взлететь, когда лес неожиданно стал реже, а впереди послышались приглушенные голоса. Корунд моментально прилип к ближайшему дереву, срывая с плеча ИЖ-Лассо, пальцы сами сняли карабин с предохранителя и легли на переводник боеприпасов. Осторожно перебравшись на десяток шагов вперед и укрывшись за пышным колючим кустом, землянин смог оценить обстановку.

Лес кончился, а пологий склон превратился в плоскую каменистую площадку. По краям площадки расположились два броневика, между ними стоял тягач с гаубицей. Вокруг машин слонялись вооруженные приматы — дюжины две особей. Вся эта грозная сила была примерно в трехстах метрах от Корунда, но выкрики незнакомого языка звучали совсем рядом. Оглянувшись, Эдуард увидел выходящую из чащи компанию: четверка длинноруких волокла, заломив руки, гуманоида.

Оказавшись на поляне, бабуинообразные остановились. Двое крепко держали вырывавшегося гуманоида, а два других деловито разорвали на пленнике рубашку и штаны. Судя по хорошо развитым формам, пленник был пленницей, которая завопила на чистом земном языке:

— Не смейте, твари! Вас всех…

Примат влепил ей затрещину и, спустив штаны, извлек громадный член. Остальные радостно заржали.

«Ну нет, больше у меня на глазах землянок насиловать не будут», — успел подумать рассвирепевший Корунд. Приклад уже вдавился в плечо, переводник занял нужное положение, палец потянул спуск.

Тяжелая остроконечная пуля, издав негромкий хлопок, покинула ствол и угодила в толстую мускулистую шею примата. Удар швырнул насильника на камни, причем оторванная разрывной пулей голова улетела в другую сторону. Вторым выстрелом Эдуард проделал огромную дыру в грудной клетке примата, который, весело балагуря, расстегивал штаны.

Отпустив пленницу, двое оставшихся схватились за винтовки, но один из них немедленно упал — третья пуля оторвала ему руку. Получив такую рану, нормальные люди живут обычно недолго, если сразу не помрут от болевого шока. Только это был не человек, поэтому Корунд подстраховался: переключив карабин на менее мощные боеприпасы, нашпиговал сверхзвуковыми иглами сначала однорукого, а потом и последнего примата.

Он оглянулся на механизированную колонну. Там подтягивались подкрепления, так что шум моторов заглушил выстрелы ИЖ-Лассо и недолгие вопли раненых.

Вблизи жертва неудавшегося надругательства выглядела вполне привлекательно. Симпатичная, чуть курносая мордашка, тренированное загорелое тело, крепкие длинные стройные ноги, а грудь — как бы не вдвое больше, чем у Геллы, которую трудно было назвать плоской дощечкой. Для здешней глухомани — просто чудо природы. Шорты она кое-как подвязала веревкой, но рубашка была порвана основательно, не прикрывая абсолютно ничего. Приятного впечатления не портил даже здоровенный синяк, расплывшийся на пол-лица от недавней оплеухи.

— Чего уставился? — буркнула она, безуспешно пытаясь прикрыть ладошками хотя бы часть тела. — Голых баб не видел?

— Здравствуй, красавица, — приветливо сказал Эдуард. — Не уставился, а загляделся. К сожалению, не могу поделиться одеждой. Попробуй натянуть тряпки этих мертвяков.

— Чтобы меня от вони вывернуло? — возмутилась лесная прелесть. — В полумиле отсюда схрон, там найдется одежонка… А ты с кого такую шкуру снял? Ты из Степного?

— Вроде бы нет… Меня зовут Эдуард. Можно — Эдик.

— Клара. Очень приятно. Не из Степного и, конечно, не из Приморска — всех наших я знаю… — Улыбка скользнула по ее личику и погасла. — Понятно. Как сюда попал?

— Долго объяснять. Там чуть выше в гору наткнулся на этих обезьян, еле улизнул, а тут снова они со своими пушками.

Разволновавшись, Клара потребовала показать позицию приматов, которых назвала «ландибами». Они подползли к кустам на краю леса и обнаружили, что ландибов стало намного больше, причем пять мортир отцеплены от тягачей, расчеты готовят орудия к стрельбе, а пехотный отряд в полсотни штыков строится для марш-броска.

— Не поняла, куда стволы развернуты, — пробормотала Клара. — Приморск в другой стороне…

— Там в долине дирижабли садились.

— Уверен? — Она с интересом посмотрела на Корунда. — Значит, союзнички все-таки высадили десант… Эх, жаль, у нас всего два ствола!

Клара с отвращением шлепнула ладошкой по прикладу трофейной ландибской винтовки. Как ни лежала душа Корунда ввязываться в чужую войну, но не поддержать земных колонистов он никак не мог.

— Сейчас покрошим их, — проворчал он суровым голосом бывалого солдата. — Отползи за тот бугор и закрой уши поплотнее. Сейчас очень сильно грохнет.

Во взгляде обнаженной колонистки заметно прибавилось любопытства. Промурлыкав: дескать, уши можно глиной залепить, Клара ловко убежала на четвереньках к указанному укрытию.

Между тем гаубицы окутались серым дымом, выбросив по невидимой цели снаряды первого залпа. Чуть позже, секунд через десять, прикатился далекий грохот другого залпа — вероятно, открыла огонь батарея, которую Корунд видел выше по склону. Пока ландибы перезаряжали свои железки, Эдуард вырастил из воротника «чешуи» шлем, чтобы понадежнее защитить органы слуха и зрения. Затем переключил карабин на стрельбу плазменными капсулами и выпустил заряд в грузовик, перевозивший, по его мнению, боеприпасы.

Мнение не подвело — грузовик взорвался со страшной силой, пламя взметнулось много выше деревьев, ударная волна расшвыряла весь неприятельский отряд, а звук проник сквозь шлем и наушники, болезненно ударив по барабанным перепонкам. Площадку затянуло дымом, несколько горящих снарядов улетели в разные стороны, однако упали, к счастью, вдали от затаившихся людей. Когда рассеялись густые клубы, стали видны разбитые и перевернутые машины, солидная воронка на месте грузовика и множество изуродованных трупов. Живых ландибов Эдуард не видел — огненный смерч укокошил

всех.

Прибежавшая на свето-звуковое шоу Клара с обалделым видом взирала на жуткие разрушения и жестами показывала: мол, хорошее у тебя ружье. Похоже, несмотря на глиняные пробки в ушах, слух она потеряла надолго. Ухмыльнувшись, Эдуард — тоже с помощью жестов — намекнул, что пора поискать для нее одежду. Покивав ему, колонистка тем не менее сначала обшарила трупы ландибов, нашла карты с оперативной обстановкой и еще какие-то документы, сложила в снятую с убитого врага плоскую сумку и повесила на плечо.

Так и пошла рядом с Эдуардом: топлес, в рваных шортах и ботинках, с сумкой и винтовкой. «Хитрая девка и нахальная, — подумал землянин, — могла бы хоть частично прикрыться лохмотьями рубахи, но не захотела».

Уже в лесу, ужаснувшись ее синяку, Корунд подлечил Клару походной аптечкой. Кажется, девчонка испугалась при виде моргающей-попискивающей коробки, но терапию перенесла без лишних вскриков. Посмотрев в предложенное зеркальце, она благосклонно подмигнула здоровым глазом и показала рукой направление дальнейшего марш-броска.

Отовсюду слышались голоса пушек — детектор запеленговал не меньше пяти мест, где что-то стреляло или взрывалось. Между тем к обнаженной красотке возвращался слух. Помотав головой, она сказала очень громко:

— Эдди, я не забыла тебя поблагодарить?

— Не бери в голову. — Он засмеялся. — Чтобы как следует отблагодарить, ты должна сначала выкупаться.

— Пошляк! — Клара прикинулась обиженной, но тут же продолжила, сменив тему: — Ты хоть представляешь, куда попал?

— Смутно. Бродил по одной планете, потом оказался на другой… Как называется этот мир? Я не слышал, чтобы где-то были поселения нескольких разных рас.

— Про эту планетенку вообще никто не слышал. — Клара сплюнула. — Недавно в Степной пришел один дикий — врал, будто профессор-астроном, — так он ни одного созвездия на небе не узнал. Дядька чуть не лопнул со злости. Мой приятель Хоаким — он вроде бы помнит, что когда-то космонавтом работал, — говорит: мол, мы от Солнца слишком далеко, поэтому небо совсем незнакомое.

— Естественно, — рассеянно произнес Эдуард, главное внимание уделявший окрестностям, где могла прятаться вражеская засада. — Уже в сотне-другой световых лет рисунок созвездий становится почти неузнаваемым. А вас занесло, по крайней мере, втрое-впятеро дальше.

— С чего ты взял? — воинственно осведомилась Клара. — Умничает еще…

— Ну сама подумай. — Корунд мысленно усмехнулся своей тонкой шутке. — Во-первых, наш флот контролирует все пространство в радиусе около двухсот световых лет. Так что в этой зоне никак не может быть планеты, на которой людей достают злобные приматы. Во-вторых, в пределах трехсот — четырехсот светолет работает Дальняя Разведка, там часто курсируют экспедиции лабба и других друзей, они тоже такого безобразия не допустили бы. В третьих, раса ландибов науке Большого Квартета незнакома, то есть обитает не ближе шестисот световых лет от Солнца. И вообще, мне совершенно непонятно, каким образом ваш звездолет забрался в такую даль. Наверное, твои предки покинули Землю на первых ковчегах с переселенцами… Чего встала?

Его спутница застыла, как парализованная, разинув рот, выпучив серые глазки и быстро-быстро хлопая веснушчатыми веками. «В следующий раз женюсь на дурочке, — подумал Эдуард. — Сказал что-то совсем простое, но сколько восхищения в женском взгляде…»

— Как много ты помнишь… — удивленно и словно завистливо пробормотала колонистка. — Никто из диких не знал так много. Я постараюсь провести тебя в город.

— Постарайся. — Корунд даже не пытался скрыть обиду. — Посмотрим, кто тут дикий.

Сделавшись вдруг очень грустной, Клара посоветовала не дуться, а привыкать к новой жизни. На этом разговор прервался, потому что они добрались до схрона.

Это был тот самый водопад, под которым Корунд смывал муравьев с «чешуи». С уступа чуть повыше человеческого роста падала ровная водяная струя, наполнявшая крохотное озеро, из которого вытекал узенький ручеек. Однако за струей водопада скрывалась пещера — сырая, но просторная и скрывавшая всевозможные припасы для заплутавших в лесу земных колонистов.

Информация о таком же схроне лабба не заинтересовала Клару, которая, разувшись, поспешила принять душ под водопадом. Отмывшись, она стала еще соблазнительнее, прекрасно это понимала и принялась дразнить Эдуарда.

— Не разевай глазенки, дикий, — посмеивалась она, выгибаясь всем телом. — Даже не мечтай.

— Очень ты мне нужна, — неискренне отозвался Корунд. — Вылезай, мне тоже помыться надо.

— А ты полезай, тут на двоих места хватит. — Она захохотала, угрожающе помахивая кулачками. — Только лапы не распускай, а то как врежу коленкой…

Решив не обращать внимания на шуточки соплеменницы, он скинул и бросил в пещеру «чешую», а пропитанное суточным потом белье не стал снимать — заодно постирается. Клара продолжала неумно хихикать, но Корунд оборвал ее:

— Лучше расскажи, как возникла ваша колония, на каких кораблях прилетели первые поселенцы, почему забыли координаты системы, как вы тут живете…

— Хреново живем. Можно сказать, существуем, а не живем. — Клара снова загрустила. — Дурак ты, дикий, и вопросы твои дурацкие. Ты даже не представляешь, куда попал.

— А чего тут представлять? Века полтора назад сюда занесло ковчег в тахионном коконе, эти старые корабли низкого сверхсвета были очень ненадежны, часто сбивались с курса… Вас было немного, поэтому колония не смогла сохранить технологический уровень, малость регрессировали — такое случалось, на Мистерии, к примеру… Еще, как пикантное дополнение, на этой же планете есть колонии союзников-лабба и врагов-ландибов. Так?

Ойкнув, побледневшая Клара шагнула к нему и, запинаясь, осведомилась, что такое Мистерия. Не дослушав его объяснений, нервно поинтересовалась, помнит ли дикий свое родовое имя и какой сейчас год на Земле. Сильно сбитый с толку, он, заподозрив дурацкий розыгрыш, отвечал осторожно:

— Фамилия Корунд, а год нынче две тысячи четыреста четвертый… Вы что же, и счет времени потеряли?

Понять женщин невозможно даже в простых ситуациях, но Клара побила все рекорды. Разрыдавшись, она бросилась на него, прижалась всем телом, обвила руками, невнятно бормоча:

— Ну скажи это… скажи, что прилетел на звездолете… скажи, что увезешь нас отсюда…

Вынести такой натиск выше сил нормального мужчины, у которого без перебоев вырабатывается тестостерон. Да и не собирался Корунд сопротивляться. Подхватив ее на руки, отнес в пещеру и позволил стащить с себя мокрую, почти выстиранную одежду.

Он задремал, однако немедленно был разбужен. Начальник карантинщиков радостно сообщил сонной жертве послеполетной дезинфекции:

— Свободен, парень.

— Мы все свободны с апреля две тысячи сто девяносто пятого года, — машинально огрызнулся Корунд.

Хохотнув, начальник бригады хлопнул его по плечу:

— Похоже, ты побывал на стерильной планете. Никаких ненужных микроорганизмов. И половины нужных для здоровья тоже нет. Попей микстуру, а то развезет.

Послушно проглотив полчашки густой вонючей дряни, Эдуард осведомился:

— Могу запрашивать посадку?

— Как хочешь. Нашу службу ты больше не интересуешь.

В рубке Корунд, чертыхаясь, протер пульт, на котором засыхали пятна дезинфицирующих растворов. Проводив недобрым взглядом отчаливший бот карантинной бригады, он вызвал брата и Гродзинского, сказав обоим:

— Встречайте на Северном.

— Что-нибудь интересное? — равнодушным голосом осведомился президент «Сафари».

— Кое-что.

На их условном языке это означало, что Корунд привез артефакты. Капитан-контрразведчик и отставной полковник десанта понимающе кивнули.

— Подожди меня на космодроме. — Мишель продолжил с намеком: — Нам надо поговорить о семейных делах.

— Я буду через полчаса, — сказал Гродзинский, но, подумав, добавил: — Если пробки на трассе не рассосутся, то через час.

— Дождусь. — Эдуард усмехнулся. — Батут прихватите. На их условном языке это означало: будете прыгать от восторга.

Узнав, что Корунд прибыл сюда без долгожданного звездолета, Клара была сильно разочарована, но стойко перенесла неприятное известие. Вообще, как понял Эдуард, спутница ему повстречалась беззаботная, но темпераментная. Лишь часа через два она вспомнила, что надо спешить в город, нехотя вскрыла тайник в глубине пещеры, подобрала себе одежду и ружье охотничьего типа.

Ландибскую винтовку Клара собиралась выкинуть — все равно патронов мало. Любивший всякую техноэкзотику Корунд отсек лучом бластера кусок оружия с затвором и спусковым механизмом. Конструкция оказалась простой, но надежной, причем подозрительно напоминала те винтовки, которыми Высшие снабдили мятежных куриариков.

По дороге к Приморску — тому самому городу на берегу бухты — Клара рассказала историю человеческой колонии на Малой Земле.

Люди появлялись в этом мире неизвестно как. Обычно это происходило в окрестностях Двуглавой. Звездные робинзоны практически не помнили прежнюю жизнь, но владели языком и кое-какими профессиональными знаниями. Первые люди — несколько сотен испуганных растерянных бедолаг — очутились тут около тридцати лет назад. Обычно при них имелись разные инструменты, и люди кое-как построили жилье, кузницу, наладили примитивное хозяйство: земледелие, огороды, охоту. Через три года людская колония расселилась в двух поселках — Приморске и Степном, окруженных фермерскими хуторами.

Новые поселенцы — старожилы называли их «дикими» — продолжали прибывать небольшими группами и поодиночке. Среди новичков второй волны было много инженеров и толковых работяг, которые организовали строительство каменных домов, оборудовали механические мастерские, лесопилку, постепенно наладили добычу железной руды и угля, выплавку стали, производство пороха. Небольшая верфь Приморска спускала на воду кораблики для рыбаков. Сегодня население колонии приближалось к десятку тысяч, а уровень технологии, как определил Корунд, примерно соответствовал концу XIX века. Совсем недавно была запущена электростанция, снабжавшая энергией оба города.

Кроме людей на континенте появлялись другие разумные, также создавшие свои поселения. Неподалеку от людей жили существа, называвшие себя дзорх, оклиуте, лабба, тлахасса, виин-черси. На архипелаге, что виден далеко на горизонте, обосновались ландибы.

Долгое время все колонии разных рас сосуществовали в мире, торговали, помогали соседям в трудные годы. Однако несколько дней назад жившие к востоку и северу от Двуглавой виин-черси неожиданно атаковали территорию дзорхов и людей. Атаку удалось отбить, хотя яйцеобразные треножники были вооружены скорострельными винтовками,

дальнобойными пушками и самоходными повозками с бензиновыми моторами. На другой день ландибы прислали много пароходов, высадили десант с бронетехникой и летающими машинами тяжелее воздуха. Приматы разгромили расположенный на другом берегу город оклиуте, захватили нефтяной промысел, а затем атаковали Приморск. Даже с помощью многочисленной пехоты дзорхов и дирижаблей лабба люди не могли отразить вражеские удары, постепенно отступая в глубь своих владений.

Рассказ удивил Эдуарда. Трудно было понять, для чего потребовалось кому-то расселять людей на этой планете. В наши дни людей похищать непросто — каждый на учете, любое исчезновение вызовет тревогу и расследование спецслужб. А тут — десять тысяч за сравнительно короткий срок. Скорее всего, людей не похищали физически, но снимали точные копии — для Всемогущества задача вполне посильная.

Вдобавок на Новый Аллабит, он же — Малая Земля, забрасывали не только людей, но представителей всех Старших рас. И не только Старших: Клара называла оклиуте — эта слаборазвитая раса разумных насекомых обитала в зоне влияния дзорхов. Кроме того, тут обитали существа, о которых Эдуард прежде не слыхал. Очевидно, ландибов и тлахасса привозили с далеких звезд, где еще не побывали корабли Большого Квартета.

Этнографические подробности он решил отложить до более спокойных времен, сейчас важнее был расклад сил в некстати разгоревшейся войне…

— Погоди, Клара, это я понял, — перебил Эдуард словоохотливую спутницу. — Ты не сказала, на чьей стороне тлахасса.

— Они пока не вступили в бой. Но тлахасса дружат с лабба и почему-то сильно не любят виин-черси. Поэтому мы надеемся, что копытные пошлют нам на помощь войска или хотя бы оружие. У них знаешь какие пушки…

Клара заканчивала повествование уже в темноте. К этому времени они спустились на прибрежную равнину, но расстояние до города оставалось порядочное.

— Опасно тащиться по этой равнине, — заворчал Эдуард. — Как на ладони. Еще и свои подстрелят.

— Не боись, свои разберутся, а враг без машин не передвигается. Мотор издалека услышим.

— Много ты слышала, когда бабуины тебя скрутили!

— Так это ж в лесу было… — Клара насупилась.

Несмотря на ее заверения, Корунд отказался ломиться сквозь темноту, и они залегли на макушке невысокого холма. «Ночной глаз» показывал перемещения каких-то отрядов. Кажется, защитники крепости выдвигались, чтобы внезапным ударом разбить авангард островитян. Предстоял бой пехоты против брони, причем у Корунда возникли подозрения, что враги превосходят людей в технологическом отношении. Чтобы выяснить этот вопрос, он осведомился:

— Ты говоришь, авиация и пулеметы есть только у ландибов и тлахасса?

Ему пришлось объяснить значения незнакомых слов, после чего Клара печально подтвердила:

— Ну да. Еще у виин-черси есть маленькие машинки с крылышками в два этажа, но те совсем плохо летают — низко и медленно. А ландибы и тлахассы — очень толковые твари, далеко остальных обогнали. Мы только недавно спохватились — начали пушки делать, хорошие ружья… но куда нам до них!

Клара похвасталась, что прототип современного ружья появился в Приморске не без ее участия. Она пришла в город с помповым дробовиком на плече. Клара смутно помнила, что перед тем — в другом мире — стреляла в каких-то плохих людей, окруживших ее на городской улице. Гастон — робинзон первой волны и бессменный мэр Приморска — заинтересовался новым оружием и велел инженерам скопировать устройство. Теперь такие ружья имелись почти в каждом доме.

Ее рассказ прервали звуки канонады. В море ожесточенно обменивались залпами корабли, гремели крепостные пушки, чуть позже засверкали вспышки на поле слева от двух

затаившихся людей. А справа, очень тихо, на малых оборотах, проползла колонна броневиков с артиллерией, за которыми нестройно шагала пехота ландибов.

— Нападут внезапно! — пискнула Клара. — Их не ждут с этого направления!

Объяснять девчонке, что хорошая оборона должна быть круговой, а потому защитники крепости обязаны ждать врага со всех сторон, Эдуард не стал. Он просто выпустил все девять оставшихся в обойме плазменных капсул. Стало светло. Поле расплавилось огненным озером, в котором растаяли и машины, и приматы. На фоне пламени метавшиеся ландибы представляли собой прекрасную групповую мишень, и Корунд поспешно разрядил по ним магазины, снаряженные игольчатыми и групповыми боеприпасами. Немногие уцелевшие враги в панике бежали к лесу, под защиту деревьев.

— Пора и нам бежать, — сказал Эдуард, перезаряжая карабин. — До крепости чуть больше километра — может, проскочим.

Они проскочили, хотя порой совсем рядом посвистывали шальные пули далекого боя. В море горели два парусника землян и пароход ландибов. Клара финишировала вся в слезах — на одном из кораблей служил ее парень.

Возле крепостного рва их встретил патруль — трое с теми же помповыми ружьями доисторической конструкции. «Да, такими игрушками против пулеметов много не навоюешь, — машинально подумал Эдуард. — Потери должны быть жуткие: трое-четверо наших за каждого врага».

— Ух ты, красотка Клара вернулась, — обрадованно воскликнул патрульный. — Мы тебя уже не ждали…

— Твой Хоаким мрачнее грозовой тучи в море уходил, — подхватил второй.

— Как там его корабль? — всхлипнула Клара.

— Вроде бы горел не сильно и к причалу ползет своим ходом.

— Я в порт!

Она убежала к крепостным воротам, и Корунд, не вдаваясь в объяснения, помчался следом. Объяснения пришлось давать уже в городе. Аборигены были подавлены жестокой бомбардировкой, никто не верил, что видят человека, прибывшего прямо с Земли. Только после часовых уговоров, истерических воплей ненадолго появившейся Клары и демонстрации невиданного здесь снаряжения Корунда отвели в поврежденную взрывом мортирного снаряда мэрию.

За столом в кабинете сидели пожилые мужчины: выбритый под ноль громила и среднего роста седой дядька с усталым, осунувшимся лицом. Сразу узнав его, Корунд невольно прошептал:

— Гастон…

— К вашим услугам, — проворчал мэр. — Это вы уверяете, что прилетели с Земли?

— Не верите?

Оживший портрет из учебника новейшей истории печально поморщился, тихо выговорив:

— Как мы надеялись на чудо все эти годы. Мечтали, что однажды в небе появится огромный звездолет и заберет отсюда в мир, забытый нами и забывший нас…

— Человечество вас не забыло. Человечество просто ничего не знает о вас. Позвольте рассказать о моей миссии.

Он быстро и четко изложил сильно сокращенную — без лишних подробностей — версию. Особый упор Эдуард сделал на хранилище артефактов в близких горах и твердо заявил, что архивы древней расы не должны достаться злобным ландибам. Чтобы убедить собеседников, Корунд прокрутил голографические записи видеофона: кадры, заснятые на Джуманджи, в отсеках «Кураре», во время странствий по Верите и Малой Земле. Эпизоды с левитацией он на всякий случай показывать не стал: аборигенам незачем знать, что подозрительный гость умеет летать.

Сильнее всего мэра заинтересовали последние кадры: разгром воздушной армады,

позиции ландибов в горах и уничтожение вражеских отрядов. Посмотрев на своего помощника, Гастон задумчиво произнес:

— Что скажешь, Симон? Выглядит убедительно. Таких телевизоров не делают даже ландибы и тлахассы.

— Меня убедил взрыв на Чертовом Обрыве, — прогудел великан. — Мы не могли понять, что взорвалось там. И теперь стало ясно, кто положил тварей на левом фланге.

— Остается поверить, что парнишка действительно не дикий с ложной памятью… — Гастон громко вздохнул. — У него полно технических штучек, о которых наши инженеры никогда не слышали. Может ли он забрать нас на Землю?

— Не смогу, — признался Корунд. — Я даже не уверен, что смогу вернуться сам. Но если прорвусь обратно, то покажу фотографии здешнего неба, и астрономы вычислят координаты этой системы.

— Когда ждать спасательную экспедицию? — быстро спросил Гастон. — Завтра или через сто лет?.. Молчишь — значит, не можешь обещать, что спасатели появятся когда-нибудь вообще. Зачем же тебе уходить? Останься, научи нас новинкам науки и техники, расскажи историю человечества. С твоей помощью люди Малой Земли совершат стремительный прогресс, мы станем самой сильной колонией. А там, быть может, и звездолеты нас найдут. Поверь, молодой, так будет лучше для всех.

Великий политик снова играл на привычном поле, знаменитая логика прагматика привела к решению, которое он посчитал оптимальным. Он был пророком и привык вести народ к избранной им цели. Мнение самого Корунда не интересовало Гастона, ведь в критических и кризисных ситуациях каждый честный гражданин обязан ставить общие интересы выше личных, а плохих нечестных граждан всегда можно заставить следовать единственно верным курсом. Только вот не мэру неизвестно кем созданной колонии решать за посланца Старшей расы.

— Так не будет лучше, — мягко произнес Корунд. — Подумайте, что первым может прилететь корабль не с людьми, а с ландибами. Поэтому вы поможете мне подняться на Двуглавую, найти артефакт и вернуться к маяку.

— На Двуглавой нет никаких артефактов, — устало отмахиваясь, поведал Гастон. — Только камни, трава, крохотное озеро и расщелины, куда легко провалиться. Особенно в темноте. А сейчас гору почему-то штурмуют ландибы и виин-черси. Отряды дзорхов разбиты и отступили почти к самой седловине.

Без стука вбежал боец в очень грязной одежде и что-то зашептал Симону. Гастон с тревогой покосился на них. Чувствуя, что ситуация на фронте меняется к худшему, Корунд выкрикнул:

— Ландибы лезут на гору — значит, им тоже известно об артефактах. Надо послать подмогу дзорхам.

— Без тебя догадались послать, — тихо сказал мэр. — К утру ситуация прояснится.

— Уже прояснилась! — Видно было, что Симон из последних сил сдерживает поток отборных ругательств. — Их воздушные машины остановили нашу колонну на подступах к западному склону. Оклиуте и тлахасса, которые высадились с дирижаблей, попытались подойти с севера, но их рассеяли пушки и броневики. На рассвете дирижабли попытаются отогнать крылатую сволочь.

— На рассвете будет уже поздно, — отчеканил лейтенант егерской службы Корунд. — Я сожгу конвертопланы, а вы поднимете своих солдат в атаку.

— Глупо, — сказал Гастон. — Ты погибнешь без пользы.

— За меня не волнуйтесь, — оскалился Эдуард.

В его рюкзаке всегда лежал запасной видеофон с запасом кристаллодисков. На всякий случай была среди записей Большая Популярная Энциклопедия, содержавшая миллион статей обо всем на свете. Корунд в два счета научил Гастона пользоваться простеньким меню и показал несколько статей, которые могли бы помочь затерянной в космосе колонии.

Чертежи пулемета, двигателя внутреннего сгорания, боевого вертолета, а также

множество физических и химических формул заинтересовали мэра и примирили с мыслью о неизбежной гибели Эдуарда. Гастон был прагматиком и понимал, что энциклопедия вполне заменяет живого консультанта.

Со стены форта обстановку можно было понять даже без «ночного глаза». Отряд виин-черси, атаковавший город в сумерках, отступал в лес, преследуемый командами охотников. На склонах Двуглавой непрерывно сверкали вспышки: слабенькие ружейные и поярче — пушечные. Штурмовые подразделения ландибов рвались к горной седловине.

— Далеко, — сказал Симон, поднявшийся на площадку вместе с Корундом. — Ты весь день по лесу шатался, сил не хватит бежать в гору, да еще ночью.

— Доберусь, — небрежно ответил Эдуард.

Он не мог сдержать снисходительную усмешку, разглядывая грозное оружие, расставленное на верхней площадке форта. Многоствольные картечницы и дульнозарядные гладкоствольные пушки — человеческая колония безусловно проигрывала технологическую гонку на Малой Земле.

Симон — похоже, он был главным военным начальником Приморска — произнес без лишних эмоций:

— Меня совсем не волнует антикварное сокровище, которого там нет. Избавь нас от этих двух аэропланов — и твое имя войдет в историю планеты.

Еще один прагматик. Они с мэром составили отличный дуэт… Корунд заверил, что собьет все конвертопланы, которым не посчастливится пересечь его дорогу. Полководца такой ответ вполне удовлетворил.

Взбежав по винтовой лестнице, на площадку ворвался ураган по имени Клара — бешеной девчонке вздумалось сопровождать друга к месту битвы. Потрепав ее по щечке, Корунд осведомился состоянием приятеля-моряка.

— Ерунда, пара царапин, остался в порту ремонтировать свое корыто… — Клара отмахнулась. — Я поведу бричку, доскачем за полчаса.

Очевидно, речь шла о каком-то гужевом транспорте. В другое время такая экзотика могла бы даже заинтересовать Эдуарда.

— Отдыхай, я справлюсь один. — Он погладил ее по волосам и задержал пальцы на затылке. — Ты тоже не помнишь свою фамилию?

Клара помотала головой и, отведя взгляд, буркнула:

— Ты вернешься?

— Обязательно. И расскажу, кем ты была в прошлой жизни.

Аборигены взвыли, когда бесшумно заработавший левитатор увлек его в темное небо.

Недолгие минуты полета позволяли еще раз прикинуть шансы. Субъективные факторы вроде внезапности или самоуверенности в превосходстве боевой подготовки следовало сразу отбросить. В остальном шансы полностью определялись количеством боеприпасов. Перед вылетом он под завязку зарядил ИЖ-Лассо, а в подсумке оставались обойма пулевых патронов и два рожка с игольчатыми. Что называется, шансов в обрез.

Освещенный пожарами — кажется, там пылали сбитые дирижабли — контур Двуглавой быстро приближался. Опоясывая склон, моргали цепочки огоньков — там непрерывно стреляли. «Ночным глазом» Эдуард видел оба конвертоплана, висевшие на небольшой высоте и поливавшие из пулеметов защитников горы. Подкравшись сверху, он не стал экономить — выпустил с безопасного удаления капсулы плазмы. Обломки непрочных аппаратов посыпались на обломки горящих дирижаблей, а Корунд спокойно полетел к седловине.

Здесь он — к большому своему разочарованию — обнаружил только трупы людей, виин-черси, дзорхов и ландибов. Кроме того, присутствовал небольшой отряд живых приматов с броневиками. Ландибы деловито прочесывали местность, и Корунд не сомневался, что враг ищет сокровищницу.

Благодаря «ночному глазу» человек видел противников, «чешуя» делала его почти невидимым, а пламегаситель карабина скрывал вспышки выстрелов. Меняя время от времени позицию, Корунд истреблял врагов.

Для начала он ударил плазмой по скоплениям ландибов. Взрывы разметали почти половину приматов, остальных охватила паника. Они бестолково метались, стреляя во все стороны, а человек методично укладывал их короткими очередями.

Прикончив очередной десяток длинноруких, он перебежал к большим, в человеческий рост, валунам, вокруг которых росли чахлые хвойные деревья. Из этого удобного укрытия Корунд опорожнил магазины, отполз к другому камню и зарядил в карабин последнюю обойму. Четверо уцелевших ландибов засекли его прежнюю позицию и дружно палили туда, стрелков поддержал пулемет последнего броневика.

Трассы вражеского огня ложились в десятке метров от него, поэтому землянин спокойно, как в тире, снял всю четверку, после чего всадил капсулу в бронированный автомобиль. Когда погасло пламя взрыва и просвистели осколки, Корунд встал, прикидывая: где тут может быть спрятан артефакт.

Словно поторопив его, послышались вопли и выстрелы — чьи-то войска взобрались на гору с разных сторон и устроили перестрелку. Изредка пули свистели в неприятной близости.

Ползком и перебежками землянин переместился в глубь седловины, в сторону озера. Кажется, люди Приморска были правы: он не видел ничего похожего на сооружения древних сверхцивилизаций. Разве что хранилище спрятано глубоко под грунтом. Или в иных измерениях…

Отвлекая от поисков, из кустов по левую руку выбежали ландибы — не меньше дюжины голов. С другой стороны показался сводный отряд людей и дзорхов. Пока противники не видели друг друга в моргающей полутьме пожаров, но скоро пули будут носиться над головой Корунда. Глупо получится, если он поймает шальной кусок металла…

Вздохнув, Эдуард достал из кармана ключ-кристаллы. Что с ними делать — помахать, произнося заклинания? Словно в ответ на его печальную шутку зеленоватые цилиндрики слабо засветились, внутри кристаллических стерженьков забегали яркие искорки, и внезапно прямо перед землянином развернулась ослепительно засверкавшая арка — изогнутое дугой пульсирующее облако радужного сияния. Непостижимым образом он понял: это и есть врата хранилища.

Неизвестно о чем подумали бойцы разных рас, сражавшиеся за седловину Двуглавой, однако стрельба началась одновременно с нескольких направлений. Грязно ругаясь, Эдуард пополз к арке в надежде, что та не захлопнется у него перед носом.

Не захлопнулась, но слева выбежал громадный ландиб, державший в каждой руке что-то, стрелявшее лучами. С трудом перевалившись на спину, Корунд выпустил в примата длинную очередь, ландиб упал, однако снова поднялся и — весь окровавленный — поплелся к вратам, продолжая нажимать спуск своего бластера.

До арки оставалось не больше десятка метров, и озверевший землянин, выхватив пистолет-лучемет Мак-Гохона, вогнал в ландиба серию импульсов, буквально перерубив противника пополам. Затем он снова пополз, вжимаясь в твердый грунт. По нему стреляли, кто-то бежал от дальнего края поляны, мерзко визжавшие пули рикошетировали совсем рядом. Потом наступила тишина, и Корунд понял, что достиг цели.

Он снова находился в свернутом пространстве. Оптические эффекты творили полное безобразие: никаких стен — лишь зыбкое колыхание в радиусе трех шагов. Словно землянин был окружен разноцветными волнами вязкой светящейся жидкости. Призрачная субстанция неторопливо струилась, хаотично меняя окраску, и чем-то напоминала материальную оболочку Высших.

Корунд сел, с раздражением озираясь. Он смертельно устал и не мог решить, кого ненавидит сильнее — злобных приматов ландибской расы, Высших или создателей этого

места. При этом Эдуард понимал, что его отношение ничего не значит и никого не интересует, а потому впереди неизбежны новые безумные подвиги во имя совсем уж непонятной цели.

Доброжелательный голос произнес:

— Ты пришел вовремя. Наша энергия почти рассеялась. Еще немного — и сокровища великой расы могли исчезнуть.

Наверное, правильнее было бы поддержать учтивый разговор и тактично выяснить, с кем имеет счастье общаться утомленный межзвездный скиталец. Однако землянин спросил только:

— Где информация, за которой меня послали?

— Ты нетерпелив, — снисходительно заключил робот, или кто там порол этот высокомерный бред. — Все молодые расы нетерпеливы. Вечно спешат, ошибаются, но неспособны учиться. Тебе повезло, а ты совсем не рад. Это неправильно.

— В чем конкретно мне повезло?

— Ты случайно выиграл состязание, в котором лидировал совсем другой фаворит… — Робот сделал паузу. — Это уже неважно. Ты заслужил награду.

Плохо понимавший абракадабру, которую болтал невидимый собеседник, Эдуард увидел, как меняется интерьер. Клубящийся вязкий туман расступился, открыв висевшую в воздухе без каких-либо подставок плоскость густого синего цвета. На этом подносе лежал небольшой ядовито-желтый кристалл с пачку сигарет размером, внутри которого подмигивали темно-бордовые искорки.

— Что записано в этом носителе? — осведомился любознательный землянин.

— Ответ узнает лишь тот, кто сумеет прочитать потайную запись… — Робот явно не был запрограммирован на откровенность. — Решай, готов ли ты взять на себя ответственность за мудрость погибшей цивилизации?

Глупые игры разозлили Корунда, и он резко проговорил:

— Готов, конечно. Иначе бы меня здесь не было. Но как я смогу вернуться?

— Непростой вопрос— Словно издеваясь, собеседник увлекся демагогией. — Ответ зависит от того, куда ты намерен вернуться.

Корунд мысленно представил, как выходит из кокона измерений на поле битвы между десятком колоний. Затем вообразил совершенно невероятный — при скудности его боекомплекта — прорыв от Двуглавой к маяку. Настроение разом испортилось. Вдобавок древний робот принялся брюзжать: дескать, ему, то есть роботу, осталось жить совсем недолго, а потому нет времени ждать, пока победитель турнира определится со своим маршрутом.

На этом связь прервалась, и перед Корундом распахнулась арка, за которой темнели деревья. Проклиная капризного робота, управлявшего хранилищем, Эдуард заковылял к выходу, попутно прихватив с висячего подноса кристалл. Едва он, держа наготове карабин, шагнул через порог, врата измерений захлопнулись, и теперь у него за спиной была лишь каменная глыба маяка.

Причем это был отнюдь не маяк Малой Земли, потому что следующим шагом Корунд едва не налетел на робота вполне земной конструкции. Выполняя приказ почти суточной давности, тройка роботов исправно слонялась вокруг маяка. Поодаль светил прожектор набитого боеприпасами вездехода «Горностай». Корунд вернулся на Вериту.

Приключения вымотали его до последнего предела, глаза неумолимо норовили закрыться, инстинкты требовали прилечь где придется и поспать. Он кое-как освежился, поплескав в лицо последними каплями воды из фляжки, затем взгромоздился на ближайшего робота и приказал:

— Вези к вездеходу.

Плавный бег механического паучка убаюкивал, и Корунд все-таки заснул. Открыв глаза от слабого толчка, он обнаружил, что роботы стоят перед шлюзом «Горностая», терпеливо дожидаясь дальнейших распоряжений. Кряхтя матерные пожелания в неизвестно

чей адрес, Эдуард сполз со спины робота, забрался в шлюз и благополучно проспал весь ритуал дезинфекции. Потом он все-таки вспомнил про аптечку и проглотил нужную таблетку.

Сонливость сразу прошла.

Вскоре Корунд уже вел вездеход сквозь сумерки чужой планеты. Восточную часть горизонта украшала набухавшая багровая полоска — там готовилась взойти звезда Рубина.

Очень хотелось немедленно стартовать, но пришлось выполнить унылые неизбежные процедуры: смыть грязь с «Горностая», обработать машину стерилизующими химикатами, закрепить вездеход в грузовом трюме. Лишь после этого он вывел корабль на траекторию возвращения, запрограммировал обратный курс и с наслаждением растянулся на койке.

К середине следующих суток «Кураре» приблизился к сектору, где в прошлый пролет бушевали торнадо. Сейчас шторм улегся, гиперпространство было практически спокойно, вмешательство пилота не требовалось. Равнодушно приняв эту новость, Эдуард продолжил работу над отчетом. К моменту, когда корабль подлетал к освоенным мирам, он подготовил почти часовой рапорт из кадров, заснятых его видеофоном, аппаратурой «Тамбовского рейдера», «Горностая», роботов и спутников.

А потом был финиш у Джуманджи, и на борт ворвались бойцы карантинной службы, умевшие превратить в ад даже счастливый миг возвращения.

Диспетчерская долго не давала коридор для посадки. От нечего делать Эдуард соединился с почтой, удалил гору рекламы и обнаружил письмо старинного друга-приятеля Вальтера Ришара. Ученик великого Корна извещал, что вылетает на Джуманджи и обязательно найдет время, чтобы повидаться с Корундом. Если верить расписанию, валинорский лайнер должен был прибыть с минуты на минуту.

Радость редко приходит одна — наконец-то «Тамбовскому рейдеру» разрешили посадку. Пока автопилот медленно выводил космолет на космодромный сектор «Сафари», Корунд успел заглянуть в биографические архивы. Поиск по имени и голограммам продолжался недолго.

Клара Дорфман, сценический псевдоним Гретхен Эрос, родилась в Бонне 12 декабря 2097 года. С четырнадцати лет — профессиональная стриптизерша, с семнадцати — снималась в эротических и порнографических видеофильмах. Погибла при аварии вертолета в Индии 3 апреля 2134 года.

4

Встречающие, конечно, припозднились, и Корунд, обзвонив их, предупредил: мол, буду ждать в готическом баре на красном ярусе космопорта. Не обращая внимания на компанию, шумно ругавшуюся про политику, он взял большой бокал коктейля и тарелочку закуски. Смесь коньяка, вина и фруктовых соков прекрасно пошла под кусочки острого сыра, наколотые на тоненькие шпажки.

Вернувшийся из дальнего рейда путешественник едва не познал истину смысла жизни и почти решился заказать повтор, но был грубо возвращен в мерзкую реальность, когда буквально над ухом прозвучал до отвращения знакомый голос:

— Полюбуйтесь на пьяного убийцу!

Даже не поглядев назад, Корунд понял, что злая судьба вновь свела его с давним недругом. Это действительно был Падла-Газанфар — холеный, откормившийся, в шикарном костюме и галстуке ручной работы.

— Заткнись, придурок, — проявив максимум возможной вежливости, предложил Эдуард. — В прессе я тебя уже побил, не заставляй физически пачкать руки об твою поганую рожу.

Бывший одноклассник молниеносно сделал пару шагов назад и с этого — как он считал, безопасного — удаления выкрикнул:

— Ты напрасно думаешь, что погубил мою карьеру! Таких, как я, не забывают! Партия снова выдвинула меня на выборы в Конгресс, я провел прекрасные дебаты на твоей планете!

— Спасибо, что предупредил. Обязательно проголосую против.

Аль-Махди не слушал его и продолжал вешать, как на митинге:

— Нам известны все замыслы твоих дружков-милитаристов, которые готовят военный переворот, чтобы не допустить нашей победы на выборах. У нас есть точные сведения — самые сильные корабли с внешних баз внезапно двинулись к главным планетам. Объявлена мобилизация, на Луне расконсервированы старые укрепления. Под предлогом внеплановых маневров некоторые области Меркурия переведены в режим чрезвычайного положения!

— Ты бредишь, — предположил Эдуард, тоскливо поглядывая на дверь, откуда никак не появлялись встречающие. — И твои хозяева напрасно рассчитывают, что много избирателей проголосуют за истеричного ренегата, который призывает забыть гордость, отказаться от прогресса и стать рабами.

В бар кто-то вошел. Корунд с надеждой повернул голову, но возле входа стоял незнакомый мужчина с короткой седой шевелюрой. Он был громаден, заслоняя своей монументальной фигурой второго вошедшего. Седой великан с благожелательной гримасой слушал отповедь Эдуарда.

Напротив, Аль-Махди брезгливо поморщился и провозгласил с пафосом:

— Идет война, и победит сильнейший. Поэтому разумнее заранее принять сторону победителя.

Седой посетитель был уже совсем близко и насмешливо напомнил:

— По законам военного времени предателей расстреливают.

Что-то буркнув, обиженный кандидат в сенаторы удалился в дальний конец зала, где присоединился к загулявшей компании единомышленников. Незнакомый старик, который был на полголовы выше рослого Корунда, проворчал одобрительно:

— Вы хорошо говорили, юноша.

Его спутник наконец-то выдвинулся из-за могучей спины, оказавшись Вальтером Ришаром с факультета астрополитологии. Обняв давнего друга, он негромко сказал:

— Профессор, позвольте представить Эдуарда Корунда, вам понравилась его рукопись. Эдик, это профессор Стефан Редль, проректор нашего университета.

В последовавшей бурной сцене Корунд восторгался книгой Редля — Корна, а гости с Валинора сказали много приятного про догадки Корунда. Попутно выяснилось, что Бернард Корн тоже одобрил отосланный Эдуардом файл, но не прилетел по причине слабого здоровья. Кстати, и Редль с Ришаром отправились на Джуманджи вовсе не ради встречи с Корундом, хотя такая встреча и планировалась — если бы удалось выкроить время.

— А почему ты переслал нам этот файл таким экзотическим способом? — вспомнил вдруг Редль. — С борта корабля, да еще из совершенно неисследованного сектора…

Слушая несколько путаные объяснения Корунда, профессор помрачнел. Их прервал вбежавший в бар Гродзинский, принявшийся оправдываться: мол, опоздал из-за жуткого трафика на всех эшелонах воздушного движения. Причем, к удивлению Эдуарда, оправдывался он перед валинорцами, словно должен был встречать именно их. Остановив его коротким жестом, Редль осведомился:

— Этот парень летал к Рубину?

— Так точно! — Отставной полковник кивнул. — Только что вернулся с трофеями.

— Даже так… — Редль покосился на Корунда. — Богатые трофеи, надеюсь?

Теперь все стало понятно: Редль представлял руководство «Футурланда». Не иначе, прилетел, чтобы ознакомиться с результатами экспедиции к Поющему Квадрату.

— Пока точно не знаю, — честно признался Эдуард и помахал стоявшему в дверях брату. — Мишель, мы здесь.

После новой серии рукопожатий Эдуард передал брату и начальнику по мини-диску с отчетом об экспедиции. Затем, достав из сумки контейнер с кристаллами и другими трофеями, осведомился, которая контора заберет артефакты. По глазам было видно, что всем

не терпится наложить лапу на добычу, но Редль уместно поинтересовался:

— Что в коробочке?

— Кристаллы с необъяснимыми свойствами и другой кристалл, на котором что-то записано, — объяснил Эдуард. — Необходимая для просмотра записей аппаратура есть в университетской лаборатории метанауки.

— Короче говоря, для начала мы должны просмотреть отчет, — задумчиво произнес Гродзинский. — Сейчас я провожу наших валинорских гостей, Мишель отвезет брата домой, Эдик договорится с женой об исследовании находок. Через час созвонимся и назначим общий сбор.

— Прекрасная диспозиция, — одобрил Редль. — Ну до встречи.

Когда начали разбегаться, Эдуард обнаружил, что контейнер с кристаллами и биологическими образцами остался у него.

В гараже Мишель предложил:

— Ты веди машину, а я, чтобы не терять времени, буду твой отчет читать. Держи ключи.

Кивнув, Эдуард сел на водительское место, пристегнулся ремнем, вставил ключ и, когда брат захлопнул дверцу, направил машину к воротам. Мишель уже нацепил видеошлем и запустил изображение.

Аэромобиль у Мишеля был не новый, но в хорошем состоянии — «Прерия»-купе шестилетней давности с форсированным спаренным двигателем. Стремительно набрав высоту, Эдуард разогнался до половины звука, но вскоре пришлось притормозить: над гигаполисом не полихачишь. На крышу своей пирамиды он приземлился минут через сорок после вылета с космодрома, так что Мишель успел посмотреть лишь около половины записи.

Тем не менее капитан выглядел озабоченным и задумчиво процедил:

— Я наткнулся на два очень интересных момента. Во-первых, некто Гастон…

— Да, Гастон, — угрюмо согласился Эдуард. — А во-вторых, конечно же две ранее неизвестные цивилизации.

— Почему две? — удивился младший брат. — Неизвестна только раса ландиб.

— А как же тлахасса?

— Про них я что-то слышал. Надо будет порыться в архиве. Координаты той системы тебе, конечно, тоже неизвестны?

— Есть идея. Надеюсь скоро получить координаты.

— Отлично… Эд, я не досмотрел отчет и не знаю, нашел ли ты пресловутый артефакт.

— Я привез информационный кристалл. На обратном пути пытался расшифровать записи, но бортовая аппаратура не потянула. Думаю, в лаборатории Геллы найдется нужное оборудование.

— Если не в университете, то у нас — в центральной лаборатории Управления по системе… — Мишель обошел машину и сел на место водителя. — Ну скоро увидимся.

В квартире никого не было. Первым делом Эдуард позвонил Гелле и поставил задачу: прочитать информацию, записанную неизвестным способом на кристалл неизвестного типа. Пожав плечами, супруга буркнула:

— Не проблема. Агата взломает любые коды.

Корунд не стал спрашивать, кто такая Агата — новая видеосистема, сотрудница или программа-дешифратор, — и продолжил:

— Хорошо бы устроить просмотр здесь, на квартире. Для узкого круга зрителей.

— Разумно. Кого приглашаем?

— Наверняка будут Виктор и Мишель. Может быть, подойдут Редль и Ришар. Помнишь Вальтера?

— Такой маленький смешной с астрополитологии? — Гелла заулыбалась. — Какими судьбами?

— Соскучился по друзьям, — натужно сострил Эдуард. — А ты кого кроме Вельского приведешь?

— Анзора нет в городе. — Она нахмурилась. — Это все, что тебя волнует?

Вздохнув, Корунд честно признался:

— Если я начну перечислять все, что меня сейчас волнует, разговор затянется до послезавтра. Если ты имеешь в виду только наши отношения, то я морально готов на развод.

— Хоть какая-то определенность. Детали обсудим вечером. — Гелла подмигнула. — Чмаксель.

— Взаимно.

Нажав сенсор отбоя, Корунд просидел минуту-другую в печали, после чего набрал номер Генриха. Связаться из города с боевым кораблем, ушедшим в испытательный поход, непростая задача, однако зятек ответил почти мгновенно. Причем одет Генрих был далеко не по форме: тельняшка поверх домашних спортивных штанов.

— Привет… — Корунд удивленно разглядывал заспанного родственника. — Ты где?

— Привет. — Генрих зевнул. — На верфи, у Агнес. Пришлось вернуть кораблик, устраняем выявленные недоделки.

— Посмотрите на досуге фильм о моих приключениях. — Эдуард переслал копию отчета. — И еще — у меня к тебе просьба. Есть фото дневного неба, наверняка можно будет определить спектр звезды. На двух других снимках — ночное небо, между кадрами примерно четыре часа. Надо рассчитать координаты системы.

— Скорость движения известна?

— Нет. Сутки около тридцати часов.

— Точность будет невелика… — Капитан поморщился. — Сделаю, что смогу. Мне скоро заступать на вахту, при первой же возможности присяду к навигационной системе.

Поблагодарив его, Корунд принялся собирать вещи. В разгар этого занятия нагрянула мама. Первым делом она устремилась на кухню, запрограммировав комбайн наготовить угощение для дюжины гостей. Затем помогла паковать одежду и книги, грозно поглядывая на сына.

— Что за дезинформацию сообщил мне Мишель? — осведомилась Эмили Корунд воинственным тоном. — Будто ты собрался переселиться в служебную гостиницу. Жить будешь у нас — две комнаты свободны. И не возражать!

— Не буду. — Эдуард засмеялся, поцеловал готовую разбушеваться мать. — Как у папы с работой?

— Умчался на свой Хеллфайр, дорвался до любимых игрушек, — с напускной сердитостью сообщила Эмили. — Поболтали сегодня утром — он полон радости по уши. Говорит, его старые проекты пошли в дело.

О каких именно проектах говорил отец, она не переспросила, конечно, — небось только его здоровьем интересовалась да внушала, чтобы не перегружал себя работой. Но если внутризвездные технологии были для мамы слишком сложными материями, то в биотехнологиях она прекрасно разбиралась, поэтому Эдуард попросил объяснить разницу между клоном и биороботом.

Удивленная неожиданным вопросом, она прочитала короткую популярную лекцию. Клон, сказала Эмили, — это почти точная копия конкретного организма, из клеток которого выращивается. Отличия клона от оригинала весьма несущественны, поскольку оба организма имеют идентичный набор генов.

— Биороботы другие, — продолжала она. — Им можно придать любую внешность, а внутри напихать дополнительные органы. Например, инфракрасное зрение, сонар, радар, усиленную мускулатуру, измерительные приборы, даже антигравитатор. Только мозг у них обычно неполноценный, рассчитан на выполнение узкого спектра задач. И очень часто биороботы имеют устройство, при помощи которого ими можно дистанционно управлять. Даже самые совершенные биороботы неспособны к творчеству, но все они — отличные исполнители.

— Как те похожие на лабба куклы Высших на Кураре. — Эдуард покивал. — Значит, биороботы ведут себя не вполне естественно, то есть их не сложно отличить от человека?

— Все ли люди ведут себя вполне естественно? Поведение многих людей весьма примитивно, таких нетрудно спутать с запрограммированной куклой.

— Я понял, мама. А что насчет клонов — у них бывает полноценная личность?

— Сложный вопрос. Клоны быстро растут, тело становится взрослым за несколько лет, не оставляя времени для нормального воспитания. — Она задумалась, шевеля тонкими бровями, и сказала после паузы: — Когда я была студенткой, случилась история… Умирал крупный ученый. Его клонировали с помощью клеток, замороженных за полвека до этого. А потом в мозг клона переписали память старика. Вроде бы получилась нормальная личность. Но вскоре подобные эксперименты были запрещены, поскольку общественность посчитала их аморальными.

— Обыватели обожают совать палки в колеса прогресса, — задумчиво произнес Эдуард.

Похожая на Геллу женщина вела себя вполне естественно. Значит, клон? Он не был уверен в таком выводе, ответ могла дать лишь новая встреча с Лингой Симба. Наверняка Мишель найдет ее по базам данных всезнающего ЦАОБ.

На кухне просигналил комбайн, завершивший обработку запрограммированных угощений. Почти без паузы щелкнула дверь — пришли Гелла, Сольвейг и незнакомая девица.

Очень приветливо поздоровавшись с Эмили, Гелла представила свою сотрудницу, которую звали Агата Рябницкая. Затем, оставив Сольвейг с бабушкой, Гелла поманила мужа (можно сказать, бывшего) в кабинет.

— Собрал вещи? — осведомилась она, заперев дверь. — Можешь распаковать и пока оставаться здесь. Мы с ребенком переберемся к Анзору.

— Как скажешь, — равнодушно согласился Корунд. — Ты права, так будет лучше.

Его безразличный тон задел бывшую жену, и она, сузив зрачки, раздраженно повысила голос:

— Мало того что достаешь своей ревностью, как кретин, так еще и брата-идиота на меня натравил. Целый день допрашивал — где я бывала за последние четыре года.

— Не старайся, скандала не получится, — предупредил Эдуард. — Мишкина служба ищет какую-то подозрительную бабу. Он прекрасно знает, что ты не покидала Джуманджи, и просто подтверждал твое алиби.

— Что-то серьезное? — забеспокоилась она.

— Для тебя — нет. Давай-ка займемся важными делами. Протянув желтый кристалл, он повторил, что нужно подобрать развертку. Пожав плечами, Гелла заверила:

— Агата взломает все что угодно. Она виртуозно работает с новейшей аппаратурой дзорхов.

Гелла вышла отдать распоряжения, и в комнату осторожно протиснулась расстроенная Сольвейг. Девочка смотрела на отца с таким видом, как будто вот-вот расплачется.

— Мы теперь не вместе жить будем, — сообщила Сольвейг. — Ты об этом знаешь?

— Совершенно случайно узнал. — Он подмигнул. — Постараемся видеться как можно чаще. Согласна?

— Ага… — Дочь робко заулыбалась.

— Как тебе новый папа?

— Он не папа, а дядя.

— Верно соображаешь. Папочка у тебя только один. Запомни это.

— Не маленькая.

— Ладно. И как тебе живется с этим дядей?

— Так себе… Он не вредный, но скучный.

Посопев носиком, дочь убежала к своим игрушкам. Кто-то позвонил в дверь, Эдуард

пошел открывать, однако в коридоре столкнулся с Агатой. Симпатичная, но чересчур веселая девица, загородив дорогу, поведала:

— Гелла много про вас рассказывала.

— Могу себе представить.

— Вот именно. У вас на самом деле любовница из негуманоидов?

— На самом деле оно — мой любовник. Негуманоид с планеты-гиганта.

— Я тоже не поверила… — Хихикнув, она с явной неохотой сделалась почти серьезной. — Где развернем аппаратуру?

— В большой комнате.

Показав ей нужную дверь, Эдуард все-таки пробился в прихожую.

Гелла уже впустила гостей. Вальтер целовал ей ручки и уверял, что жалкие десять лет не властны над подлинной красотой. Гродзинский сидел на корточках перед Сольвейг и шумно вручал извлекаемые из большого пакета подарки, а Мишель и Редль флегматично наблюдали эту идиллию, прислонившись к гардеробу.

Спустя полчаса Агата продолжала возиться за пультом дзорховской чудо-техники, заметно растеряв самоуверенность. По ее словам, программа-декодер должна была справиться с минуты на минуту. Редль, которого все признали за старшего, предложил еще раз посмотреть отчет, а затем всем вместе обсудить некоторые странности. Мама немедленно прикатила столик с бутербродами, пирожками и разлитым по чашкам бульоном.

— Хорошая мысль, — обрадовался Гродзинский.

Оказалось, что никто из собравшихся не успел подкрепиться, поэтому отчет смотрели в процессе легкой закуси. Женщины, еще не видевшие эти кадры, частенько вскрикивали. Когда голографический Корунд шагнул в новый мир, профессор Редль остановил кадр и провозгласил, энергично взмахнув полупустой чашкой:

— Межзвездная телепортация. Могущество далеко за пределами возможностей Большого Квартета.

— Практически это Всемогущество, — поддакнул Эдуард. — Я много думал об этом на обратном пути. Так называемые маяки построены очень старой цивилизацией того же уровня, что и сегодняшние Высшие.

— Древние! — выкрикнула Гелла.

Ришар и Редль согласились, что других вариантов они не видят. Эдуард попытался спасти свою гипотезу о неизвестной прежде сверхцивилизации, однако сторонников не нашел.

— Подумаем, — буркнул Редль, вновь запуская отчет. Вскоре на экране появились дирижабли, конвертопланы, крепость, бабуины в камуфляже, громыхнул грузовик с боеприпасами. Хотя бывалый звездный путешественник предусмотрительно не включил в файл эпизоды, где его спутница была не вполне одета, Гелла все равно бросала на бывшего мужа убийственные взгляды. Потом Клара стала рассказывать о соотношении сил, и Редль снова поставил видеофон на паузу, громко заявив:

— Итак, мы узнаем о цивилизации приматов ландиб, колония которых создала на этой планете самую развитую технологию.

— Кто расскажет про тлахасса? — снова вскинулся Эдуард. Профессор посмотрел на Вальтера, и тот небрежно поведал:

— Слаборазвитая малочисленная цивилизация в сфере влияния виин-черси. Используют водяные колеса, строят небольшие парусные корабли. Точной информации у нас нет, а исследователи Большого Квартета на планету Тлах не допускаются.

Мишель добавил: мол, нашел в архивах столь же скудную информацию, но с одним отличием: давным-давно виин-черси немного бомбили Тлах — вероятно, аборигены сопротивлялись колонизаторам-треножникам. Приняв эти сообщения к сведению, они досмотрели видеофайл. Следующая вспышка эмоций случилась при появлении мэра Гастона — зрители дружно вздохнули.

— Да, это он, — твердо сказал Эдуард. — Слишком часто мы видим его в исторических хрониках, не узнать его невозможно. Я уверен — это был он, его улыбка, его прищур, его манера говорить, его характерные жесты.

— Кошмар какой-то, — прошептала мама. — Но ведь Кордини не был похищен инопланетянами. Он умер и похоронен.

— Так же, как Клара, — напомнил Эдуард. — Этих людей скопировали при жизни.

После общего молчания Гродзинский огорошил всех признанием:

— Я узнал так называемого Симона. На самом деле его звали Симеон Сурами. Прирожденный полководец. Много лет назад он был командиром дивизии, в которой я командовал взводом. Потом он стал…

— Генерал-полковник Сурами закончил службу командиром Седьмого десантного корпуса, — прервал его Редль. — Мы были хорошо знакомы. Пять лет назад я присутствовал на его похоронах…

Профессор нетерпеливо поинтересовался, скоро ли Агата надеется декодировать кристалл. Та заверила, что дела идут неплохо и до успеха остаются считанные минуты. По каменному лицу Редля было видно, что валинорец просто сгорает от нетерпения. Остальные вполне разделяли его чувства.

Чтобы как-то заполнить паузу, Гелла осведомилась:

— Профессор, Вальтер, пора наладить сотрудничество и прекратить эту пикировку в публикациях. Вас совершенно не интересуют наши выводы…

— Нас очень заинтересовали выводы вашего супруга, — сообщил Редль.

— Эдди молодец, предложил свежий взгляд на Высших, — согласился Ришар. — В чем-то эти догадки перекликаются с последними работами Корна.

— Доктор Ришар скромничает, — с улыбкой вмешался Редль. — Он имел в виду достижения своей группы. Именно Вальтер сформулировал эту концепцию.

— Вы преувеличиваете, профессор… Идея носилась в воздухе. Мой друг Эдуард пришел к тому же выводу самостоятельно.

— Значит, он должен работать в нашей команде, — отрезал валинорский проректор.

Гелла с недоумением посмотрела на бывшего мужа, и тот объяснил, что речь идет о новой главе книги, которую она еще не читала. Бывшая жена ревниво насупилась, но Вальтер с воодушевлением продолжал:

— Мы долго подбирались к похожим понятиям, но ты первый произнес эти слова. Высшие — не равнодушные боги, но харизматичные герои, неуклонно идущие к неведомой нам цели.

— Владеющие Всемогуществом, которое просто пугает всех остальных, — ревниво вставила Гелла.

— Вот именно! — азартно вскричал Ришар. — И тут мы стыкуемся с довольно неприятной аксиоматикой, которую в последний год развивает старик Бернард. Он считает, что разумными существами движет страх. Страх перед могучим хищным зверем. Страх, что сосед станет сильнее, убьет меня и захватит мою пещеру. Страх, что другая держава станет сильнее, перехватит ресурсы и уничтожит нас или поработит. Страх, что сверхцивилизация обрушит на нас безжалостные репрессалии. Этот страх заставляет нас придумывать новое оружие, втягивает всех разумных в бесконечную гонку за ресурсы, за новые формы могущества.

Эдуард был смущен непривычной жестокой точкой зрения, но сумел продолжить:

— Значит, существование Высших, внушаемые ими страх и комплекс неполноценности подстегивают наш прогресс. Но с другой стороны, сами Высшие застопорили наш прогресс.

— Застопорили, но не остановили, — уточнил Вальтер. Покривившись, Гелла возразила, заметно нервничая:

— Ничего нового. Корн называет это страхом, а мы всегда говорили об инстинкте самосохранения. Утративший этот инстинкт обречен.

— Порой нужно переступать через инстинктивный страх. — Эдуард процитировал

Кордини: — Политика — искусство добиваться невозможного. Чтобы выжить и победить, человечество должно быть готово жертвовать сиюминутными удобствами во имя счастья будущих поколений. Мы — камни в фундаменте городов будущего…

— Эдуард, Гелла, не отвлекайтесь на частности, — взмолился Вальтер. — Из рассуждений Корна следует забавный вывод. Высшие, при всем их Всемогуществе, тоже боятся кого-то или чего-то. Многие их действия могут быть продиктованы не какой-то непостижимой суперлогикой, но — элементарным страхом.

Геллу передернуло, и она невнятно высказалась о валинорских умниках. Эдуард, напротив, был восхищен изяществом гипотезы, но в то же время — из чувства противоречия — искал уязвимые места в логике патриарха.

Готовый разгореться спор предотвратило появление Агаты, которая сообщила, что готова показать уважаемой публике долгожданное шоу.

5

Настраивая аппаратуру для демонстрации, Агата поведала, что Древние пользовались идиотской троичной кодировкой, основанной на трех числах: единица, ноль и минус единица. Голографический сигнал нес около тысячи цветов и оттенков, частота — 30–40 кадров в секунду, каждый кадр представлял собой куб со стороной 6561, то есть 9 в четвертой степени точек. По ее словам, кристалл содержал несколько видеофайлов с широкополосными телепатическими и акустическими комментариями.

— Звуки неизвестного языка нам ни к чему, — решил Редль. — Достаточно телепатии. Агата, организуйте, пожалуйста, запись картинки на видеоносители земного типа.

— Уже сделано. — Агата самодовольно ухмыльнулась. — Ну как, готовы?

Профессор махнул рукой. Агата нажала сенсор, и посреди комнаты засветился куб трехмерного экрана. На фоне темного пространства появилась планета земного типа, вспыхнула строка непонятных символов, и одновременно в мозгу возник перевод: «Отчет о катастрофическом освобождении». Вслед за титрами на зрителей обрушился поток чужих мыслей:

— Меня зовут Унзабан Тимпо, я был обозревателем газеты «Зеркало Эпохи», город Герунда-Лаен, Демократическая Федеративная Республика Даиссу, что на континенте Охмансо в южном полушарии планеты Ны-Гроно-Гычы. Ровно сто дней назад начались события, которые мы сгоряча посчитали освобождением малых народов от ига сверхдержав. Сегодня многие опомнились и склоняются к мысли, что Ныгронскую цивилизацию постигла величайшая в нашей истории катастрофа и что раса грон-гыч приближается к краю смертельной пропасти.

На голограмме они видели большие города, морские и воздушные корабли, заводы, космодромы, научные лаборатории. Обитатели планеты были гуманоидами, но сильно отличались от людей пропорциями и чертами лица. Очень широкие торсы, короткие толстые конечности, большие головы с выпуклыми лбами, огромные рты с острыми зубами, узкие длинные глаза — наверняка их предками были хищные рептилии… Корунду эти существа казались уродливыми, как и ландибы.

Ведущий за кадром продолжал телепатическую лекцию:

— С каждым днем мы получаем все меньше сообщений. Уже практически невозможно составить представление о событиях, происходящих даже в ближних странах. Этот репортаж, предназначенный для потомков, которые смогут прочитать образы на кристаллах, я собрал из файлов, поступивших по информационным сетям в те дни, когда линии связи работали в относительно пристойном режиме.

Враг пришел из-за окраин системы, внезапно оказавшись возле планеты, населенной миллиардами рептилогуманоидов. Громадные, с километровыми размерениями, боевые звездолеты открыли огонь с дистанции в несколько световых секунд. Потоки

самофокусирующихся антипротонов и боеголовки, начиненные жидким антигазом, обрушились на орбитальные сооружения ныгронцев. Первыми погибли вынесенные в космос энергостанции, оборонительные комплексы и судостроительные верфи.

Комментатор сообщил, что уничтожены заводы, производившие космическую технику. К моменту нападения на этих предприятиях завершалась сборка межпланетных кораблей 1-й международной экспедиции.

Следующая серия залпов поразила наземные объекты. Применялись гамма-импульсы, удары гравитацией, тектоническое оружие. Автор «Отчета» монотонно пояснял демонстрируемые видеокадры: уничтожен космодром, термоядерная электростанция, президентский дворец, металлургический комбинат, завод электронного оборудования, бункер верховного командования. Унзабан Тимпо подчеркнул, что в первые дни удары наносились главным образом по объектам на территории четырех сверхдержав. Большие страны пытались отбиваться, запустив сотни ракет с термоядерными и лазерными боеголовками. Результаты контратак оставались непонятны, но один корабль нападавших, получив несколько попаданий, покинул систему на субсветовой скорости.

Далее было вмонтировано выступление крупного ученого, поведавшего предысторию трагических событий:

— Они неоднократно предлагали нам добровольно демонтировать современное оружие, ликвидировать высокотехнологичные комплексы, ограничить прогресс, свернуть некоторые научные исследования и отказаться от дальних космических полетов. Называли себя Превосходящей расой. Наша, по их выражению, «младшая» цивилизация проявляет чрезмерную склонность к агрессивной экспансии, а потому наш выход в космос может изменить галактическое равновесие сил. Потом были два ультиматума, отвергнутые сверхдержавами.

На пятый день, выбив оружие дальнего радиуса, нападающие приблизились вплотную — на расстояние трех планетных радиусов. От больших звездолетов отделились десятки компактных аппаратов-дисков, которые вошли в атмосферу, приступив к охоте на малоразмерные цели. Уничтожались небольшие отряды боевых машин, научные центры, отдельные предприятия, узлы связи и обработки информации, трансформаторные станции. Тем временем оставшиеся на орбите боевые космолеты агрессоров продолжали расстреливать крупноразмерные мишени, в том числе корабли в открытом море. В первую очередь истреблялся атомный флот.

Несмотря на ужасающие потери, армии великих держав продолжали сопротивление. Из подземных ангаров взлетали гиперзвуковые истребители-перехватчики, ракетные подразделения вели зенитный огонь, бессчетно расходуя термоядерные боеголовки. Изредка удавалось сбить малые атмосферные аппараты противника, и тогда телевидение показывало трупы инопланетных пилотов, кадры бурного ликования на развалинах городов.

Противник продолжал методичную бомбардировку арсеналов, особенно — атомных и ракетных хранилищ. Пламя пожаров охватило крупные нефтяные месторождения, нефтехранилища, химические заводы.

На 14-й день малые и средние страны отказались повиноваться сверхдержавам, денонсировали все кабальные договоры. Самые решительные снарядили военные экспедиции — грабить оставшиеся технологии. В сверхдержавах начался хаос, голод, население в панике покидало города. Вмешались мафия, международные террористы. Повстанцы вышли из джунглей или спустились с гор, чтобы добить смертельного врага.

22-й день. В сверхдержавах не осталось крупных мишеней. Пришельцы приступили к бомбардировке больших военных заводов, ГЭС, АЭС и ТЭС в странах среднего размера. Старшие даже не пытались выйти на контакт. В Даиссу нарастают перебои с электроэнергией, останавливается транспорт — нет горючего. Огромные масштабы принимает отток населения из городов в сельскую местность. Теплоход, на котором агенты Даиссу пытались вывезти ученых и архивы большого научного центра ближайшей сверхдержавы, взорвался в открытом море.

29-й день. В некоторых городах высадились отряды пришельцев. Увозят ученых, уничтожают библиотеки, компьютерные базы данных. В сверхдержавы вторгаются армии карликовых стран, которые стремятся вернуть ранее оккупированные области, отвоевать поля с урожаем в ожидании голодной зимы. Террористы и мафия развязали войну против правительств малых стран.

40-й день. Глубокой ночью выходит в море дизельная подлодка с грузом научных и технологических записей, в трюмах размещены образцы техники. Корабль ложится на грунт — переждать плохое время. Летающие тарелки нашли и разбомбили субмарину, вскипятив море вокруг.

60-й день. Планета в хаосе. Пришельцы прекратили бомбардировку, повторив ультиматум: затормозить прогресс на 144 года. Тарелки продолжают летать. Следят, чтобы Младшие не восстановили разрушенное.

Запись кончилась внезапно, и голограмма превратилась в ленивое колыхание разноцветных полос, беспорядочно бегавших по кубическому пространству. Эдуард был разочарован, потому как ждал откровений метагалактического масштаба.

Он украдкой оглядел остальных: мрачные сосредоточенные лица говорили, что клип произвел на всех тягостное впечатление. Долгое молчание прервал Редль:

— Неприятный эпизод, но во Вселенной, разделенной на Старших и Младших, такое случается, видимо, регулярно.

— Это все, что вы можете сказать? — язвительно вскричала Гелла, выплеснув застарелую неприязнь к конкуренту.

— Нет, почему же… Я могу сказать, что атакующая цивилизация в военном отношении незначительно превосходит современный уровень Большого Квартета. Могу сказать, что клип отвратительно смонтирован: звездное небо показалось буквально на полсекунды, так что будет непросто определить, в какой части Галактики находилась разгромленная планета. — Профессор нахмурился. — Агата, на кристалле есть другие записи?

Рябницкая подтвердила, что файлов много. Судя по заголовкам, это были лекции по новейшим достижениям погибшей цивилизации.

Они бегло просмотрели некоторые файлы. Увы, раса грон-гыч была остановлена, а то и уничтожена, едва достигнув уровня середины XXI века Земли. Никаких сенсаций для современной земной науки в этих записях не содержалось. Условный интерес представляли разве что отчеты о вскрытии убитых инопланетян и об изучении подбитых вражеских машин.

Рассеянно наблюдая, как Агата собирает свою чудо-аппаратуру, Гродзинский негромко сказал Редлю:

— Надо будет внимательно проанализировать батальные сцены. Возможно, наши специалисты сумеют определить, каким оружием пользовалась цивилизация, разгромившая грон-гыч.

— Это принципиально важно? — удивилась Гелла.

— Естественно! — вскричал Редль, удивленный ее непонятливостью. — Нет ничего более важного, чем разобраться в оружии Высших.

— Оружие — это главное, — повторил Гродзинский.

— Вы надеетесь создать аналоги такого вооружения или воспользоваться готовыми образцами? — уточнил Мишель.

— Либо то, либо другое, — кивнул полковник. — Либо создать защиту от вражеского оружия. Тоже немало.

Логика военных, даже отставных, совершенно непостижима. Эдуарда могли заинтересовать космические двигатели более развитой цивилизации, их представления о Вселенной, научные достижения, источники энергии, накопленные сведения о галактических культурах. Но оружие — на хрена? И почему Редль — ученый, а не военный — полностью на стороне Виктора?

Пожав плечами, Эдуард признался:

— Лично я вижу много других волнующих загадок. Почему они так увлеченно охотились на морские корабли?

— Атомные реакторы крейсеров и подводных лодок способны питать энергией целый город, — не задумываясь, объяснил Редль. — Каратели толково лишили жертв шансов сохранить или воссоздать цивилизацию.

Дернув плечами, Гелла сказала дрогнувшим голосом:

— Этот фильм — намек и предупреждение. Примерно то же самое могло случиться с человечеством, если бы мы отвергли ультиматум Высших. Без энергосетей, лишившись информационных каналов, крупной промышленности, межзвездного транспорта, человечество вернется в дикость и постепенно вымрет… Поневоле подумаешь, что правы изоляционисты.

— А я бы прогулялся по этим маякам-порталам, — заявил ее бывший муж. — Давно мечтаю найти архивы Древних, развалины библиотек, поврежденный звездолет. Что угодно, лишь бы побольше узнать о достижениях высшего разума. Или встретить сверхцивилизацию, которая предоставит нам эти знания и технологии.

Мягко и немного снисходительно улыбнувшись, Гелла добавила:

— Охотно помогу тебе составить список проблем, по которым человечество нуждается в подсказках.

Насмешливо поглядев на них, Редль осведомился:

— Почему вы все так уверены, что жители иных звезд сгорают от нетерпения — кому бы подарить свод своих знаний?

— Понимаю, что глупо надеяться… — Эдуард вздохнул. — Но было слишком много книг и фильмов на эту тему.

— Тебе сколько лет? — фыркнул Гродзинский. — Пора бы повзрослеть и забыть глупые сказки.

Ришар задумчиво проворчал:

— Мы возвращаемся к вопросу о том, чего хотят боги. Как мне кажется, всемогущая особь не должна желать вообще ничего. Очевидно, Высшие не всемогущи, хотя их достижения потрясают нас. Высшие знают, что существует еще по меньшей мере одна ступень власти над материей, превышающая их возможности.

— Есть цивилизации выше Высших? — удивился Эдуард.

— Теоретически это возможно, — кивнула Гелла. — Мы условно называем их Суперами.

— Если принять гипотезу, что Высшими тоже движет чувство страха, то получается… — Эдуард запнулся. — Высшие боятся Суперов?

Вопрос был адресован Ришару, но Вальтер не ответил, только развел руками. Гелла проворчала, вздыхая:

— Разгадка — на Южной Омерте. Серо-Зеленый проговорился, что там остались артефакты Древних Суперов.

Расхохотавшись, Редль осведомился:

— Надо ли напоминать вам, сколько раз Высшие якобы «проговаривались», чтобы пустить нас по ложному следу?

— Может, хоть на этот раз они все-таки сказали правду, — неуверенно пробормотал Эдуард. — Например, о контроле над временем и наблюдениях будущего — звучало-то правдоподобно.

— Все может быть. — Редль явно не собирался вступать в дискуссию.

Посмотрев на президента «Сафари», он осведомился, как решается вопрос о правах на полученные материалы. Гродзинский заверил:

— Все материалы принадлежат «Футурланду». Первооткрывателю достанутся слава, солидный бонус и право публикации.

Удовлетворенно кивнув, Редль пообещал:

— Бонус будет внушительным, я прослежу… — Затем профессор обратился к Вальтеру: — Доктор Ришар, мы с Виктором спешим на совещание. Вы с нами?

Вальтер выразил желание остаться и обсудить ситуацию с супругами Корунд, если те не возражают. Эдуард обрадовался, но Гелла вдруг объявила, что тоже торопится, и попросила Эмили забрать Сольвейг на выходные. Перед уходом Редль прихватил все кристаллы и остальные трофеи, сказав, что лаборатории «Футурланда» должны провести хотя бы предварительный анализ находок.

Вернувшись, провожавший женскую родню Мишель застал в квартире только брата и Ришара. Друзья расставляли закуску и наперебой пересказывали свои биографии за последние восемь лет.

Угощение было банальным: водка «Сверхновая» в литровой бутылке, минеральная газировка «Звездный источник», неровно нарезанные мужской рукой ломтики копченого сала, пикули, салями, черный хлеб с тмином, немного сыра, а также салат из морской капусты с крабами, креветками и маринованными грибами. Подумав: «Гулять так гулять», Эдуард отправился на кухню, вывалил в посудину три банки тушенки и поставил греться на плиту.

Когда он присоединился к остальным, Вальтер спрашивал Мишеля:

— Чем конкретно занимается ваша служба?

— Всякой ерундой, — усмехнулся Мишель. — В основном подглядываем за Высшими.

— И много интересного удалось подглядеть?

— Трудно сказать, насколько это интересно. По меньшей мере любопытно.

— Высшие вьются вокруг шаровых скоплений. Словно пытаются проникнуть, но не могут, — вставил Эдуард. — А ведь есть старая гипотеза, что в шаровых скоплениях могут быть руины самых древних цивилизаций.

Попросив собеседников не отвлекаться, Мишель сформулировал первоочередную проблему. Какая-то могущественная сверхцивилизация, сказал он, построила в различных звездных скоплениях маяки — они же порталы сверхдальней телепортации. Кроме того, некая могущественная сверхцивилизация (возможно, та же самая) поселила на неизвестной и пока безымянной планете несколько тысяч людей, а также много представителей других рас.

Вальтер немедленно предложил называть строителей маяков — раса-М, а планету, куда перебросили Эдуарда с Вериты, — мир Х.

— Годится, — сказал Эдуард.

— Вполне, — согласился Мишель. — Мне кажется важным разобраться, каким образом раса-М заселяла мир Х. То ли воровала людей, лабба и прочих, то ли клонировала их.

— Скорее всего, клонировала или создавала точные копии каким-то другим способом, — предположил старший брат. — Клара жила на сотню лет раньше Кордини, а Симон — на полвека позже. Тем не менее Кордини и Симон появились там намного раньше, чем Клара.

Поняв его логику, Мишель подхватил, размышляя вслух:

— На протяжении веков раса-М записывала копии людей, дзорхов и еще много кого… А затем, в нужный момент, воспроизводила их в мире Х. Пока требовалось осваиваться на пустом месте, приходили строители и лидеры, потом — инженеры, потом — девчонка с хорошим ружьем…

— Не такое уж оно было хорошее! — возмутился старший брат. — Паршивая помпа! Вот у ландибов были великолепные скорострельные винтовки. И гаубицы — против наших допотопных дульнозарядных пушек.

— Помповые ружья просты, их легко запустить в массовое производство, — парировал контрразведчик. — А ландибы — это отдельный разговор. Динамичная раса с потрясающими способностями к быстрому прогрессу.

Вальтер легко согласился: дескать, интересно было бы поближе познакомиться с этими

приматами. Протесты Эдуарда, напоминавшего, что ландибы враждебны людям, оба собеседника в расчет не приняли.

— На планете X построена примитивная модель многорасового общества, — не слишком доходчиво возразил ему Ришар. — Маленькие колонии, живущие по закону джунглей. К тому же колонистам стерта часть памяти. Очень некорректная модель.

Рассеянно водя взглядом по столу, Мишель добавил:

— Если мы встретимся в реальной Вселенной, отношения могут сложиться совсем иначе.

Звучало правдоподобно, хотя поверить в дружбу с приматами Эдуард не мог и подумал: «Мой негативный опыт ставит психологический барьер». Тем временем Вальтер вернулся к файлу отчета:

— В технологическом отношении Гач, или как их по матери, примерно соответствовали Земле второй половины двадцать первого века. Уровень был признан опасным, и Превосходящая раса нанесла уничтожающий удар. Пресловутая Превосходящая раса находилась приблизительно на нашем нынешнем уровне. Получается странная картина. Что скажете, братишки, не видно противоречия?

— Земля прошла этот уровень триста лет назад, но нас никто не бомбил, — сказал Эдуард.

— Вот именно! Очевидно, за это время хозяева Галактики шагнули далеко вперед, превратившись в хорошо знакомых нам Высших. Сегодня их уже не беспокоят цивилизации, строящие межпланетные корабли с гамма-пушками. Их не слишком беспокоят даже звездолеты и антипротонные излучатели нынешних Старших. Поэтому нас до последнего времени не трогали. Однако в начале прошлого века человечество, лабба и дзорхи приблизились к опасному рубежу и сразу получили ультиматум Высших.

— Наверное, так, — согласился Мишель. — Высшие давят Старших, но сами в бой ввязываться не любят. Только давят нас очень странно. Могут закрыть глаза на серьезные шалости, но могут ударить изо всех сил за ничтожную провинность, даже не объясняя, что мы делаем неправильно.

Энергично закивав, Вальтер пустился в объяснения — наверняка пересказывал логические выкладки Бернарда Корна и его команды. Лекция Ришара была перенасыщена заумной терминологией валинорской метанауки, поэтому братья понимали разве что каждое третье слово и быстро упустили нить рассуждений. Угадав по их лицам, что лексику придется сменить, Вальтер растерялся, пытаясь перевести профессиональный жаргон на нормальный человеческий язык.

Братья облегченно вздохнули. После паузы Мишель заметил:

— Хочешь сказать, что мы неправильно понимаем, какие наши действия раздражают или пугают Высших?

— Ну если точнее, то наоборот — Высшие по-своему понимают, какие наши действия для них опасны или неприятны. Причем их репрессалии против Старших рас могут осуществляться как с опережением, так и с отставанием. Проще говоря, мы еще не догадались что-то сделать, а Высшие уже начинают бомбить…

— Мы действуем тоньше: используем аборигенов, чтобы притормозить их эволюцию, — похвастался Мишель. — Наши спецслужбы контролируют группы, которые вправляют мозги тем, кто нам мешает.

Пожав плечами, Ришар парировал:

— Почему ты думаешь, что Высшие действуют иначе? Может быть, загадочные убийства направляла агентура Высших?

— Как на космодроме Теоле… — начал было Эдуард. Брат прервал его:

— То была обычная дуэль разведок Большого Квартета. Высшие, скорее всего, ни при чем.

— Обычная дуэль? — Эдуард поднял брови.

— Такое случается. Высшие не позволяют нам воевать, но тайная война не

прекращается.

Упоминание загадочного эпизода заинтересовало Вальтера, и тот явно ждал продолжения с объяснениями, однако братья промолчали. Эдуард сообразил, что Мишель вполне резонно не желает говорить о двойнике Геллы. Семейные дела надо сначала обсудить в кругу ближайших родственников.

Вопросов и без двойников хватало. После недолгих колебаний — вдруг сболтнет глупость, и профессионалы засмеют — Эдуард осторожно произнес:

— Меня смущает еще одна странность. Высшие боятся конкурентов, поэтому бьют Старших по головам, стоит кому-то сделать полшага к границам дозволенного. А между тем у них под носом действует система гипертоннелей, раса-М копирует особей Старших рас, распространяет информацию о прошлых экзекуциях. Не странно ли, что Высшие не препятствуют этим действиям?

Младший брат посмотрел на него с уважением, пробормотав: дескать, типичная картина вынужденного сосуществования нескольких держав, примерно равных по силе. Ришар, ошеломленный вопросами друга, задумчиво произнес:

— Хорошо сказал, хотя совершенно ненаучно… — Он замолчал, потирая лоб ладонью, потом заговорил увереннее: — Эдик верно подметил важный момент: в нашей части Вселенной случилось взаимное проникновение сфер влияния двух как минимум сверхцивилизаций… Так сказать, диффузия сбалансированных сил Высших и расы-М. Очень интересная точка зрения… Извините, друзья, мне надо посоветоваться с Корном.

Стремительно попрощавшись, он чуть не бегом покинул квартиру.

Оставшись одни, братья обновили выпивку-закуску, и Мишель приступил к более близким проблемам.

— Вокруг тебя творится что-то непонятное, — начал он озабоченно. — Меня это сильно беспокоит.

— Ты имеешь в виду двойника Геллы?

— Не только, братишка. Но если хочешь, начнем с нее. И в нашей конторе, и в других — похожего профиля — существует версия, что среди людей работают агенты Высших, но их пока не нашли. Данной проблемой занимается военная контрразведка, но даже эти монстры оказались бессильными. Либо такой агентуры не существует, либо Высшие идеально прикрывают своих шпионов. Но с Геллой, видимо, не тот случай. Я сообщил по инстанции о предполагаемом двойнике. Похоже, рапорт никого не заинтересовал. Ответили, чтобы мы присматривали — по мере возможности — за обеими Геллами. Скорее всего, про эту Лингу Симба что-то известно, и поэтому руководство не считает нужным беспокоиться.

— Но и правду сказать не хочет?

— Это как раз обычное дело… — Мишель отмахнулся. — Я провел небольшое расследование. Гелла Ахваз-Корунд действительно не покидала Джуманджи почти восемь лет, то есть после той странной болезни. Но в последние два-три года похожая на нее женщина много моталась по разным окраинным мирам. Чем она занималась, узнать не удалось, но по косвенным данным можно догадаться, что Линга Симба служит в военном ведомстве. Делом о вашей перестрелке на космодроме занялась военная контрразведка, а эти звери ни с кем информацией не делятся.

— Я тоже все время думаю про двойника Геллы, — признался Эдуард. — Поговорил с мамой и теперь уверен, что Линга — клон. Хотелось бы только знать, кто и зачем вырастил эту копию.

— Вырастил и дал ей какие-то воспоминания настоящей Геллы, — уточнил Мишель. — Судя по твоему рассказу, Линга помнит и любит тебя… Ладно, перейдем к следующему пункту — твоему двойнику на Теоле.

Про того бедолагу Эдуард давно перестал вспоминать, но младший брат по долгу службы не забывал ничего. Мишель поведал, что эксперты ЦАОБ, исследовавшие труп двойника, сравнили его ДНК с образцами из банка генетической информации. Уже больше

ста лет у теолийцев брали пробы крови, так что земная администрация имела ДНК-карты почти всех аборигенов, включая жителей отдаленных поселений. В общем, личность двойника установили без труда.

— Его звали Юкау Силач, он же Юкау-висельник. Он из рыбацкой деревеньки с архипелага Рохольса. Соплеменники собирались вздернуть парня за какие-то грехи вроде изнасилований, убийств и грабежей, но год назад твой друг Туам взял его в свою команду. Только Юкау не был похож на тебя лицом. Кто-то из местных знахарей здорово потрудился, чтобы придать вам внешнее сходство.

— Это могла сделать только Фина. Она — лучший хирург в тех краях. Но зачем?

— Теолийцы лгут, они что-то замышляют. Видимо, семейству Авейра зачем-то понадобился твой двойник.

— Живой или мертвый, — пробормотал сбитый с толку Эдуард.

— Скорей уж мертвый был предпочтительнее. На стрелах, извлеченных из его тела, найдены генетические отпечатки другого моряка из команды Туама. Юкау-висельник убит своими.

Это было странно и нелогично. Эдуард вздохнул: понять аборигенов легче, нежели Высших, но все равно трудно. Порой они замышляют идиотские интриги на основе своих примитивных представлений о мире. Обиднее всего, что и Кола замешана в очередном глупом заговоре…

Внезапно он сообразил, что не вспоминал Колу все последние дни. Гелла-вторая, которая Линга, та частенько перед глазами вставала, а вот Колайра словно исчезла, хотя совсем недавно он вполне искренне собирался на ней жениться… «Что со мной творится?..» — сокрушенно подумал Эдуард.

Он потер лоб тыльной стороной ладони и вдруг понял, что брат о чем-то спросил и теперь ждет ответа.

— Извини, я задумался… Что ты говорил?

— Повторяю в четвертый раз, — терпеливо произнес Мишель. — Как по-твоему, чего добиваются Авейра — господства в области Виедра или на всем континенте Варза?

— Для континента силенок маловато… Легче верится, что Глом рвется в цари прибрежных земель. Многие племена пойдут за ним, но не все. И городские кланы воспротивятся. Хотя, на мой взгляд, теолийцам нужна разумно организованная местная власть.

— Подконтрольная земной администрации.

— Безусловно. Глом иногда говорит дельные вещи: дескать, пора забыть некоторые устаревшие традиции, строить жизнь по-новому, учиться у землян.

— Ну да! А в итоге ополчение племен ворвется на улицы Виедры и начнется кровавая разборка с купеческой полицией. — Мишель покачал головой. — Откуда у Глома такие умные мысли — сам придумал или образованные детки нашептали?

Похоже, капитан ЦАОБ и не ждал исчерпывающего ответа. Поглядев на красноречиво разведенные руки старшего брата, Мишель поведал, что его служба лопухнулась — надо было давно подсадить микроботов-наблюдателей во все дома теолийской элиты.

— Так вы их не подслушиваете?! — поразился Эдуард.

— Буквально позавчера приступили…

Мобильник Эдуарда заиграл «Рапсодию битвы» — сигнал, означавший, что звонит Генрих Дерби. На этот раз бравый космофлотец был одет в повседневный мундир и застегнут на все пуговицы.

— Привет, шурины! — весело сказал родственник. — Эдик, я получил примерные координаты. Лови картинку.

Рядом с его изображением развернулась трехмерная звездная карта. Красный пунктир помечал цилиндрический сектор пространства, в котором небо могло выглядеть, как на планете Х. Мишель, неважно читавший космические карты, растерянно спросил:

— Где это?

— Примерно три тысячи световых лет от нас — по ту сторону скопления Медный Цветок, где обитают Высшие, — пояснил Генрих. — А по соседству имеются сразу два шаровых скопления.

— В которых, вполне вероятно, обитает раса-М, — подхватил Эдуард. — Или другие сверхцивилизации, более древние и могущественные, чем Высшие.

— Кто такая раса-М? — не понял Генрих.

— Те добрые существа, которые устроили мне дорогу дальнюю с приключениями, — небрежно проговорил бывалый покоритель Галактики. — Ты же видел мой файл об этом рейде.

Родственник виновато признался:

— Времени не было. Ни у меня, ни у Агнес… В систему прибыл сам Редль, поэтому начался большой аврал. Мы зализываем недоделки на «Зиккурате», а ваша сестренка монтирует всякие мелочи на больших кораблях.

— Какой Редль, профессор с Валинора? — машинально переспросил Эдуард. — Он только что был у меня в гостях.

— Скажешь тоже, профессор! — Капитан 2-го ранга презрительно фыркнул. — Трехзвездный адмирал Стефан Редль, живая легенда астрофлота. Это он в девяносто втором вел на Кураре дюжину линкоров, но был развернут с полпути. Спустя год его убрали из Генштаба за разработку планов сопротивления Высшим. На прошлой неделе Редль неожиданно возвращен из отставки и назначен инспектором кораблестроительных программ.

Лица обоих братьев вытянулись недоуменными гримасами. Попрощавшись с Генрихом, Эдуард осведомился, понимает ли Мишель, что происходит. Младший брат покачал головой. Немую сцену прервал звонок Гродзинского.

— Закончено предварительное изучение кристаллов, — сообщил президент. — Ты хоть представляешь их возраст?

— Они старые.

— Ошибаешься, они очень старые. Синтезированы больше миллиона лет назад.

— Ни хрена себе! — хором сказали братья.

Отставной полковник добавил, что удалось определить координаты планеты Х. Эдуард мрачно поведал, что у него уже есть эти координаты. Они сравнили карты, и оказалось, что Генрих и команда Гродзинского получили очень близкие результаты.

— Раз не удалось тебя удивить этим, попробую по-другому, — усмехнулся глава «Сафари». — На одном из кадров со второго кристалла промелькнул узор созвездий. В общем, небо Ны-Гроно-Гычы напоминает небо планеты Х, каким оно было примерно двадцать тысяч лет назад.

— Черт знает что! — выдохнул ошеломленный Эдуард. — Виктор, у меня мозги плавятся. Мне такие головоломки не по зубам.

— Мне тоже. — Гродзинский вздохнул. — Редль поставил на уши лучших аналитиков своего университета. Будем надеяться, что у них зубы покрепче будут… Ну отдыхай.

Поморщившись, Мишель потянулся к полупустой бутылке, но наливать не стал, а произнес, хмуро сдвинув брови:

— Вся история с миром Х мне очень и очень не нравится. Слишком много удачных совпадений, но в то же время — очень много логических противоречий.

— Факты плохо стыкуются, — признал Эдуард. — Иногда это признак большого открытия.

— Хрен тебе открытия! — Мишель дернулся, словно собирался встать, однако продолжил разговаривать сидя: — Цивилизация невероятной древности отправляет тебя в невероятно опасное путешествие, обещая бонус в виде информационных сокровищ. А в итоге тебе подсунули научные данные в объеме начальной школы и веселое кино про наказание непослушной расы.

— Попутно мы выяснили, что есть раса, по могуществу примерно равная Высшим, что существует сеть межзвездных порталов, и вдобавок получили ключ к этим порталам.

— И что же назвать основным бонусом? — язвительно осведомился Мишель. — Ключ к порталам или напоминание, что Старшие могут жестоко наказывать Младших?

— Надо подумать…

— Придется. — Контрразведчик сделался совсем угрюмым. — Эд, я не хотел говорить это при Вальтере, но твои приключения на Верите и планете Х напоминают мистификацию. Это было слишком кинематографично. Прямо реалити-шоу для буйных.

— А не пошел бы ты? — взорвался старший брат. — Вокруг меня пули свистели, снаряды взрывались. Там гора трупов выросла.

— И тем не менее. Типичный сценарий авантюрного видеосериала. Неуязвимый герой лихо выкручивается из труднейших ситуаций, находит древние сокровища, кладет свору жутких чудовищ, а между делом спасает и соблазняет красотку…

— Про соблазнение ты выдумал, — попытался возмутиться Эдуард.

— Наверняка соблазнил, я тебя знаю. Ведь угадал, правда?.. — Проницательный Мишель оскалился. — Очень похоже на качественную инсценировку. Спектакль начался на Верите и продолжался на планете Х.

— Трупы, — напомнил Эдуард.

— Необходимый атрибут полной достоверности.

— Кристаллы открывают путь в другие измерения.

— Да, кристаллы — это интересно, — согласился контрразведчик. — Наука разберется.

— А люди из прошлого — Кордини, Симон, Клара?

— С ними будем разбираться мы. Вероятно, придется послать туда большой отряд. Теперь о тебе… Когда ты будешь готов отправиться в опасный рейд?

Эдуард решил, что брат имеет в виду новый полет на Вериту. Однако речь пошла о совсем другой планете.

Часть четвертая. Прикосновение к всемогуществу

1

На мониторах неторопливо извивались графики жизненно важных параметров, переливались яркими цветами диаграммы состояния окружающего гиперпространства, выстраивались рядами и колоннами безотказные солдаты познания — цифры. Четыре голограммы пытались показать трехмерные проекции движения «Кураре» в пятимерной вселенской бездне. Для опытного глаза это мельтешение форм, красок и символов говорило как бы не больше, чем видеофильм с подробными комментариями.

Пусть он умел читать условные обозначения похуже, чем асы вроде Генриха Дерби, но понимал: генераторы гипертяги толкают корабль сквозь череду парсеков в почти идеальном режиме. И трассу «Тамбовский рейдер» выдерживал, и машины почти не сбоили, и штормов не предвиделось, так что не было никаких причин беспокоиться.

И тем не менее Корунд волновался. Возвращение в переполненные воспоминаниями места ранней юности повергло его в необъяснимое состояние лирической ностальгии. Не хотелось ни читать, ни слушать концерты. Он то метался по тесным отсекам, то падал в кресло перед пультом, бессмысленно глядя на экраны. Даже без обычных стимуляторов — алкоголя и музыки — мысли сумбурно рвались на поиски глобальных обобщений.

Человеку всегда было непросто покинуть уютный покой обжитого места, выходить за рамки удобных идей, привычных представлений. Однако человек оставлял за спиной пещеру, где горел спасительный костер, и отправлялся в полные опасностей джунгли, полагаясь лишь на меткость глаза, силу руки да на кусок кремня, насаженный на хрупкую палку. Другие плыли за моря на убогих парусниках, поверив сомнительным идеям о сферической форме планеты.

Тысячелетия мало что изменили. Космос пугает современников не меньше, чем леса,

океаны и неведомые страны пугали пращуров. И пусть кажущаяся безопасной пещера выросла до размеров застроенной гигаполисами планеты — требуется неслабое волевое усилие, чтобы лететь в неизвестность.

Страх остался одним из главнейших стимулов, страх управляет поступками, однако существа и расы, способные преодолеть свой страх, управляют событиями, творят историю.

Но порой даже очень разумные существа со страха делают глупости. Высшие и таинственная раса-М боятся друг друга и, вероятно, Суперов, а потому затеяли прессинг Старшим расам. Хотя могли бы понять, что Большой Квартет не собирался причинять никакого вреда Высшим, а наоборот, сильно рассчитывал на помощь носителей Всемогущества. Теолийцы тоже вели себя как малые дети: зачем-то порезали раба, сделав его похожим на Небесного Гостя. Для чего? Нет ответа. Или другой вопрос — для чего Высшие устроили мятеж куриариков? Зачем невидимки расы-М подкинули землянам бесполезные артефакты?

В этом безумном мире лишь Старшие расы пытались действовать логично. По крайней мере, их логику земляне понимали с грехом пополам. Хотя, конечно, и в отношениях с другими Старшими хватало недоразумений.

Всю первую половину XXII века человечество посылало к соседним звездам все более быстроходные зонды-роботы, потом отправились в путь фотонные субсветовики с экипажами в полсотни исследователей. К 20-м годам следующего столетия удалось усовершенствовать тахионные коконы, обеспечившие низкий сверхсвет, после чего началась массовая колонизация Антика в системе Хи Ориона и Тронки возле Эты Волопаса. В 60-е годы появились гравитационные ускорители высокого сверхсвета, чуть позже гений Ларри Сантаньи создал гипертягу, и человечество заселило сферу радиусом в полсотни световых лет. Утвердившись на восьми землеподобных планетах, люди почувствовали себя повелителями Вселенной.

Эйфория быстро рассеялась: в 2321-м гравиантенны исследовательского звездолета-лаборатории «Макс Планк» перехватили переговоры чужих цивилизаций. У начальника экспедиции хватило ума не посылать приветствие братьям по разуму, а немедленно вернуться на Землю и представить правительству секретный рапорт. Информация все-таки просочилась, горячие головы клеймили перестраховщиков, призывая сигналить на всех волнах и отправить корабли для налаживания дружеского контакта. Как минимум четырежды оперативники ЦАОБ буквально в последний момент останавливали буйных энтузиастов, которые не признавали запрета держать в тайне координаты человечества. После тяжелых дебатов Всемирный Конгресс принял доктрину, предложенную молодым депутатом Гастоном Кордини.

Все следующее десятилетие земляне старательно маскировались, развернув строительство прочной обороны. В 2339 году из подслушанных сообщений люди узнали про войну между лабба и виин-черси, а заодно стало известно, что оружие чужих цивилизаций получше земного, и была поспешно заложена новая серия более мощных кораблей. Старую эскадру ставший президентом Кордини использовал для безжалостного подавления мятежей в колониях.

О своем существовании люди объявили, располагая весьма неплохим военным флотом, поэтому три цивилизации — пусть без большой охоты — признали человечество великой державой. Тогда же земляне узнали о сверхцивилизации Высших, населявшей несколько скоплений на расстоянии от полутора до четырех тысяч световых лет от Солнца.

Высшие крайне редко вмешивались в дела Большого Квартета, и Старшие расы сосуществовали по законам джунглей, как земные государства до середины XXII века. Формально поддерживались добрососедские отношения, научно-технологическое сотрудничество, культурные обмены, изредка проводились совместные исследования. В то же время не прекращалась гонка вооружений, шла жестокая борьба за ресурсы, разведки охотились за военными и политическими секретами.

Большая война полыхнула, когда в очередной раз сцепились лабба и виин-черси.

Причиной конфликта стала на редкость лакомая система, где было сразу два пригодных для жизни мира и еще десяток — для жизни негодных, но богатых ресурсами. Вдобавок на одной из планет археологи нашли артефакты Бродяг Бездны. После недолгих колебаний дзорхи стали на сторону лабба, поскольку проиграли ходячим яйцам предыдущую войну.

Виин-черси располагали самым большим флотом, но половина кораблей насчитывала под сотню лет боевой истории. Объединенными силами лабба и дзорхи нанесли противнику тяжелое поражение, и тогда на Земле забеспокоились: по логике астрополитики человечество должно было стать объектом следующего удара.

Предвидя будущие осложнения, Кордини форсировал строительство линкоров типа «Лукулл» и крейсеров типа «Огненный», не жалели средств на оборону и его преемники. В последующие десятилетия складывались всевозможные коалиции, диктатор дзорхов объявлял свою расу высшей формой разумной жизни, тяжелейшие бои разворачивались на десятках планет, системы переходили из рук в клешни, щупальца и обратно. В разгар очередного сражения появились корабли-роботы Высших и предъявили знаменитый ультиматум 2353 года.

С тех пор Старшие практически не воевали, мелкие конфликты не в счет. Хотя настоящей дружбы цивилизаций наладить отнюдь не удалось. И вот теперь Эдуарду Корунду предстоял авантюрный рейд в компании трех существ, которым он не слишком доверял. Их будет четверо, неспособных даже правильно произнести имена собеседников, а потому придется начинать фразы пояснениями типа: «Человек обращается к лабба».

Когда Мишель осведомился, как скоро готов он покинуть Джуманджи, старший брат заявил, что намерен валяться на диване как минимум неделю. Понимающе покивав, Мишель вкрадчиво продолжил:

— Нам очень нужен человек, который хорошо знает джунгли Южной Омерты. Таких осталось немного, и ты — лучшая кандидатура.

— Экспедиция на Кураре? — опешил Эдуард. — Не смеши меня.

Однако он уже понимал, что брат-контрразведчик говорит абсолютно серьезно. Сдвинув брови, Мишель продолжил:

— Ты, конечно, волен отказаться. Только слишком много набралось оснований считать, что именно там спрятан очень важный объект, из-за которого Высшие разыграли мятеж аборигенов и заставили нас покинуть планету.

— Какой еще объект?! Это все легенды. Каждый год в джунгли уходили экспедиции, но никто нас не трогал. Причиной изгнания были рискованные исследования метанаучников Ахваза в «Лесной Берлоге» и физиков на антарктической оконечности материка.

— Нет-нет, все не так просто. — Капитан замахал руками. — Вспомни, как оговорился Серо-Зеленый. Он сказал тебе что-то вроде: «Вы нашли какие-то артефакты Древних, и ваши ученые могут овладеть силами, которыми вы неспособны разумно распорядиться».

— Ему нельзя верить. И он говорил очень обтекаемыми фразами, эти слова можно понимать по-разному…

— Моя трактовка тоже допустима, — возбужденно прервал брата Мишель. — Ахваз и другие работали там давно, а мятеж вспыхнул, когда в джунгли ушла экспедиция Кучума Зенина. И биолог этой команды рассказал перед смертью, что они нашли артефакт. Слишком многое указывает на тайну в том квадрате, откуда не вернулся Зенин.

— Предлагаешь мне в одиночку прочесать джунгли? — Эдуард развеселился. — Кто сообщит тебе о моей гибели?

Разговор о Южной Омерте возникал не впервые, поэтому Эдуард сделал вывод: кого-то в руководстве ЦАОБ одолела навязчивая идея — разыскать артефакт на Кураре. С другой стороны, было понятно, что Мишка не отправит его на верную погибель, то есть операция в какой-то степени проработана, и есть надежда на успех. В нервной системе махрового авантюриста разгорался азарт. Найти то, чего боятся Высшие, — ради такого стоило рискнуть.

— Не так трагично, братишка. — Мишель подмигнул. — Дело опасное, но не безнадежное. Высших на Кураре не видели уже года четыре. Контроль режима блокады поддерживают орбитальные крепости, персонал — представители Большого Квартета. За известное вознаграждение они согласны не заметить вашу посадку. Приборы станций просто ослепнут на полчаса.

— Нашу посадку? Я буду не один? И кто готов отвалить такие деньжищи? Неужели ваша контора?

— Нет, конечно. Некий миллиардер-лабба хочет поохотиться на ремнезубых броненосцев и других серьезных зверушек. Тебе предложено быть проводником. С вами пойдут два охотника — дзорх и виин-черси.

— Это на самом деле сафари или прикрытие шпионской операции?

Жизнерадостно расхохотавшись, Мишель осведомился:

— Старшенький, тебя всерьез беспокоит подобная ерунда?

— Проще говоря, меня подстрекают заниматься браконьерским промыслом?

Мишель изобразил профессионально суровый взгляд и строго произнес:

— По-моему, кое-кому не привыкать. Твоя задача — найти артефакты.

— Если они там есть.

— Почти наверняка должны быть.

— Зачем тогда нужна охотничья подстава?

— Страховка на случай, если Высшие все-таки появятся… — Мишель торопливо добавил: — Эта идея вентилировалась много лет. Теперь, когда ты добыл ключи, у нас появился шанс на успех.

— Что твои начальники считают успехом?

— Овладеть Всемогуществом, пусть даже примитивной версией. Мы одним броском обгоним остальных и почти сравняемся с Высшими!

— Ты не забыл, что рядом будут еще трое так называемых охотников, которые тоже мечтают о Всемогуществе и вряд ли настроены делиться с конкурентами.

— Но ведь ключ-кристалл у тебя!

— Один выстрел в затылок, и ключ поменяет хозяина… — Эдуард вздохнул. — Как вы представляете себе возвращение? Станция ослепнет повторно?

— Разумеется.

Эдуард продолжал сомневаться. Риск казался чрезмерно большим, а шанс — мизерным. Уходя, Мишель оставил ему диск с деталями задуманной в ЦАОБ авантюры. Детали не утешали: замысел был рассчитан на очень везучих камикадзе и эфемерную подмогу расы-М.

Всего неделю назад он бы отказался наотрез и немедленно. Сегодня многое изменилось. Эдуард остался совсем один и жизнь свою ценил по тарифам новогодних распродаж. Вдобавок появилась крошечная надежда: не зря же маячники подкинули ему кристаллы, открывающие врата измерений. Намеки на это имелись в той телепатической лекции, обрывки которой сохранил слабый разум космического егеря.

В ночь после разговора с братом Эдуарду снились непривычные кошмары.

…Он шагает по джунглям в компании трех собратьев по разуму, сердце колотится, словно после долгого бега или драки. Из зарослей на пеших странников выплескиваются стаи ядовитых насекомых в ладонь размером. Охотники отбиваются лопатками и прикладами, стреляют мелкой дробью, молниями, выпускают огнеметные струи, брызгают аэрозолями. Членистоногая пакость гибнет сотнями, но невероятно крупный экземпляр ромбострельчатого рогоносика, удачливо преодолев зону поражения, усаживается на загривке дзорха. Из-под панцирных щелей сочатся щелочные выделения, на чешуйчатом комбинезоне рептилии появляется проплавленное отверстие. Подбегает виин-черси с мачете в руке. Дзорх отгоняет яйцо-треножник шлепком хвоста и спинным щупальцем, сжимающим короткий кинжал, ловко закалывает насекомое.

Потом, когда они, отбившись, выходят к озеру, лабба задумчиво произносит, как бы размышляя вслух:

— Интересно, кого собиралась убить шестилапая — жука или дзорха? Умно придумано, коллега, это была прекрасная возможность избавиться от конкурента…

…Пять путешественников — отряд пополнился капитаном Мишелем Корундом — выходят на поляну посреди джунглей, ошеломленно взирая на сверкающее бесформенное чудо. Оно неописуемо, ибо человеческий язык беден и груб, однако все понимают: цель достигнута, они нашли то, что искали, хотя сами не знали, что именно ищут.

С радостными криками пятеро бросаются к чуду, но путь преграждает невесть откуда взявшийся Высший желто-розовой расцветки. Бежавшие первыми лабба и Мишель исчезают — просто тают, как столбы дыма. «Остановитесь, недоразвитые, — бьет под черепом громовая мысль Высшего. — Там могущество, которое предназначено не для вас!»

Потрясенный и рассвирепевший Корунд выхватывает ключ-кристалл и, крепко зажав его в кулаке, очерчивает рукой замысловатую фигуру. Конвульсивно дергаясь, Высший разваливается на струйки гаснущего пламени. Когда он исчезает окончательно, уцелевшие участники смертельного сафари вбегают в хранилище древнейшей мудрости…

…Он стоит безоружный на обширной поляне, рядом с ним — дзорх и зажимающий раненое плечо лабба. Их окружают странные твари, чьи формы невозможно разглядеть. Враги укрыты балахонами из сверкающей металлом ткани, зеркальные забрала шлемов скрывают форму головы. Ясно лишь, что у существ по две руки, в которых они держат тяжелые длинноствольные устройства.

Пара тварей выводит из зарослей виин-черси, валят его на камни ударами прикладов. Существа в балахонах потрясают винтовками и ревут: «Смерть убийце!» Два палача стреляют в лежащего, пули пробивают яйцевидное тело, рикошетируют с характерным визгом. Остальные молча поднимают винтовки, целятся в человека, лабба и дзорха. Корунд пытается вырваться, но он крепко связан.

Звучит команда на незнакомом языке. Обтянутые металлической тканью пальцы врагов нажимают спусковые скобы, стволы винтовок выбрасывают огонь и дым. Убийственно медленно выползают из дульных срезов пули и неторопливо летят к неспособным пошевелиться жертвам…

Проснулся Эдуард в холодном поту. Он не сразу понял, что казнь осталась в ночном кошмаре, а здесь ему ничего не угрожает. За окном спальни полыхал огнями ночной гигаполис, пустая квартира была чужой и неуютной.

Чертыхаясь, Эдуард попил ледяной газировки и снова упал в постель.

Больше кошмары ему не снились.

Утром, когда он меланхолично откусывал поочередно от двух батонов — колбасного и хлебного, позвонила Гелла.

— Привет, дорогой, — сказала она деловито. — Мы с Анзором решили, что пора заняться разделом имущества.

Плохо понимая, о чем идет речь, он буркнул:

— Я не претендую на половину твоих платьев.

— Меня тоже не возбуждают твои обноски, — раздраженно ответила бывшая жена. — Не забывай, что у нас есть квартира, две машины, очень много домашней техники, библиотека, совместный счет в Континентально-городском банке…

— Поделим без вопросов.

— И последнее — самая дорогая и самая трудноликвидная собственность, — Гелла добила его неожиданным ударом: — Твой драгоценный корабль!

Такого коварства на грани враждебности он не ждал и растерялся. Мило улыбаясь, Гелла выпустила контрольный луч в затылок, напомнив об алиментах.

— Забери квартиру и все деньги со счета, — сказал Эдуард. — Мне остается корабль и

моя часть библиотеки.

— Твоя «Кадриль» мне ни к чему, — великодушно покривилась Гелла, которую вполне устраивал расклад, предложенный бывшим супругом. — Адвокаты договорятся о деталях. Счастливого дня, дорогой. Целую.

От злости у него пропал аппетит, так что недоеденная колбаса полетела в холодильник. Хорошо хоть он так и не распаковал багаж, собранный накануне. Распихав по чемоданам оставшуюся одежду и диски, он без сожаления вышел из квартиры. Линия доставки повезла кладь в родительский дом, а сам Эдуард отправился к Мишелю.

В тот момент он хотел как можно быстрее покинуть систему Зета — Фаркуана, однако пришлось задержаться на пару дней. Остальные участники сафари не были готовы, да и на станциях блокады возникли какие-то осложнения. За это время юристы «Сафари» организовали развод, а Гродзинский задержал выплату последних бонусов, так что эти деньги легли на счет уже холостого гражданина, то есть не подлежали разделу между расставшимися супругами.

Узнав, что Корунд согласился участвовать в авантюре на Кураре, Гродзинский сильно гневался, но Эдуард ответил твердо: мол, жизнь кончена, и терять мне больше нечего. В конце концов президент фирмы махнул рукой, и они провели вечер в кабаках, пьянствуя водку и смакуя продажных девок.

А наутро позвонил братишка, объявивший, что Эд должен отправляться как можно скорее.

В полете он так и не поспал: адреналина от расшалившихся нервов было в избытке. Еще хуже сделалось, когда он, выбросив корабль из гипера, увидел на экранах обе звезды — Десятку и Малышку. Кто бы мог подумать, что полузабытый небесный пейзаж так на него подействует.

Станция заметила «Тамбовский рейдер», и последовал запланированный — для записи в бортжурнал — разговор:

— Космолет «Кураре», я — Станция-два, объявите цель посещения системы.

— Станция-два, я — космолет «Кураре», цель визита — видеосъемка фауны с разрешенной орбиты.

— Космолет «Кураре», я — Станция-два, вам будет разрешено провести два сеанса видеосъемки с высоты не ниже трехсот километров.

— Станция-два, я — космолет «Кураре», вас понял. Согласен на ваши условия.

Ему сообщили параметры выжидательной орбиты. Локатор показал три корабля инопланетных участников сафари. Ожидание продолжалось около часа, после чего руководитель операции сбросил в навигационные системы визитеров трассы облета планеты. Одновременно загорелось сообщение:

— Станция-два — космолету «Кураре». Вам разрешено сделать три витка на низкой орбите. Второй сеанс будет разрешен, если вы подадите дополнительный запрос. В случае нарушения режима блокады вы будете уничтожены.

Не теряя времени. Корунд ввел параметры трассы. Серией коротких импульсов двигатели скорректировали орбиту, направив космолет «Кураре» к одноименной планете. По экранам проползли Северная Омерта, океан, потом Каморра. Увидеть Аквамарин или столицу планеты не удалось — трасса пролегала много восточнее. Да и нет, наверное, городов — аборигены и джунгли способны быстро ликвидировать любые следы цивилизации.

Корабль продолжал огибать планету, и следующий виток орбиты должен был вывести «Кураре» прямо на Южную Омерту. Стиснув челюсти, Корунд обтянулся «чешуей», спустился в грузовой трюм, загроможденный антиграв-капсулой. Все припасы были уложены еще на Джуманджи, так что ему оставалось занять пилотское место и задраить люк.

Сигнал об отключении следящих устройств поступил, когда «Тамбовский рейдер» приближался к центральной части континента. Управляя кораблем с переносного пульта,

Корунд сбросил скорость до субзвуковой, и теперь «Кураре» держал высоту лишь за счет антигравитаторов. Следующей командой Эдуард открыл ворота шлюза и вывел капсулу в космос.

Совсем близко медленно двигался чужой корабль — судя по очертаниям, космолет лабба. Когда капсула Корунда удалилась от «Кураре» и корпус перестал заслонять обзор, стали видны габаритные огни еще одного корабля. Последний партнер по авантюре появился буквально через минуту. Затем автопилоты запустили движки, и четыре космолета вернулись на облетные орбиты. Выполнив разрешенные витки, они будут ждать хозяев на безопасной дистанции. Когда придет время возвращаться, участники рейда запросят у Станции-два разрешения на повторное сближение с планетой. Возможно, эти хитрости обманут бдительность Высших…

Пока же капсулы стремительно падали, окруженные полем антигравитации. Сквозь прозрачную крышку кабины Корунд видел, как приближается поверхность, как чернота звездного неба сменяется мутностью стратосферы. Когда крохотный аппарат пробил тонкий слой облаков, стали четко видны знакомые с детства цвета: бледно-коричневые заросли, серая вода, красные скалы. Над головой раскинулся зеленовато-синий свод, покрытый желтыми пятнышками тучек. Именно такой окрас имеют субтропики Кураре по утрам, сразу после восхода Десятки.

Впрочем, ностальгия не успела замучить его: все внимание отвлекла посадка. Антигравитатор резко увеличил напряженность поля, капсула пошла совсем медленно и, наконец, мягко коснулась грунта.

Вокруг него с малым разбросом опускались остальные капсулы. Корунд откинул колпак фонаря, выпрыгнул из кабинки. После шести минут в плотном облаке антигравитонов притяжение планеты казалось чрезмерным, но эти фантомные ощущения скоро пройдут. Он вытащил из кабины рюкзак со снаряжением, карабин, обвешался приборами и, наконец, огляделся.

Оба солнца стояли невысоко и слепили даже через темный светофильтр шлема. До самого горизонта тянулся почти ровный травяной ковер. Озеро и река, замеченные Корундом на финише, не были видны из-за плоского рельефа. В полукилометре от капсулы начинались джунгли — много больших деревьев с закрученными широкими листьями. Он вспомнил, что деревья эти называются спиральниками и колючки у основания листьев сочатся мощнейшим ядом, из которого когда-то собирались делать чудодейственные лекарства.

Его партнеры тоже покинули свои капсулы. Рослые лабба и виин-черси уже надели рюкзаки и возились с оружием. Дзорха Эдуард не разглядел — наверное, скрывается в траве, приняв горизонтальное положение. Мультитранс, крохотный робот-переводчик, закрепленный на левом ухе, молчал. Спутники не спешили выходить на связь — вероятно, считали, что инициативу должен проявить землянин-проводник.

«Будь по-вашему, — решил Эдуард. — Поиграем в настоящее сафари». Он вставил карабин стволом вниз в специально для этого предусмотренный кармашек на рюкзаке, закинул груз за спину и подтянул ремни. На плечи навалилась инертная масса поклажи — около трети центнера. Хорошая предстояла прогулка — можно будет согнать лишний вес.

— Внимание, группа. — Торчавший из воротника микрофон отправил в эфир ставшие радиоволнами слова Корунда. — Говорит человек. Движемся навстречу друг другу, быстро знакомимся и принимаем решение на марш-бросок.

Подавая пример, он зашагал к геометрическому центру неправильной трапеции, образованной капсулами. Остальные тоже неторопливо направились в его сторону. Колыхание травы выдавало вставшего на все лапы дзорха, символы на экране сканера показывали медленное приближение трех объектов и подозрительное движение вдали по левую руку. Переместив на глаза закрепленный над козырьком шлема бинокль, Эдуард увидел блестящие фигурки.

Чтобы разглядеть детали, землянин прибавил увеличение и понял, что сбываются

наихудшие опасения. Развернувшись цепью, наступали десятка два одетых в блестящие балахоны существ из его кошмарного сна.

2

Длинные рубахи, отражавшие свет обоих солнц, скрывали анатомические детали потенциальных противников. Можно было лишь понять, что у «зеркальных» как минимум две руки, в которых они держат длинноствольные предметы. Во сне Корунда похожие предметы были винтовками, и не имелось причин надеяться, что в реальности они окажутся чем-либо менее смертоносным.

— Группа, внимание, говорит человек, — произнес Эдуард. — Со стороны степи приближаются неизвестные существа. Предположительно вооруженные и враждебные. Всем изготовиться к бою.

Мультитранс разразился обрывками фраз:

— Где они?., что за твари?., вижу, они сверкают… антилучевая броня… я тоже не знаю, возьмет ли пуля… проверим, но плазма подействует наверняка… отступив к лесу, сможем укрыться за деревьями…

Из общего бедлама прозвучала четко сформулированная мысль:

— Говорит лабба. Нельзя оставлять им наши капсулы. Предполагаемый противник явно пытается оттеснить нас в лес, то есть мы должны поступить наоборот.

— Говорит человек. — Корунд догадался, о чем хотел сказать членистоногий. — Коллега лабба полагает, что в джунглях нас ждет засада?

— Говорит дзорх. Почти наверняка лабба прав. Предлагаю занять оборону вокруг наших аппаратов, а перед началом перестрелки продезинфицировать джунгли.

— Говорит виин-черси. Я правильно понял, что дзорх предлагает термическую обработку?

Они сошлись на дистанцию, с которой все хорошо видели друг друга, так что пропала надобность называть себя в начале сообщения. Присев на заднюю часть тела, дзорх сообщил — вероятно, в его голосе звучала насмешка, которую не смогли воспроизвести мультитрансы:

— Я предлагал прижигание при помощи плазмы.

— Поддерживаю, — сказал Эдуард. — Кто-нибудь догадывается, к какой расе принадлежат эти существа и как они попали на эту планету?

— Без помощи Высших или другой расы того же ранга сюда никто не попадет. — Замечание лабба прозвучало весьма логично. — Противник приближается, пора занять огневые позиции.

Местность была чрезмерно ровной — ни ямок, ни оврагов, ни возвышенностей. Корунд опустился на колено, погрузившись чуть ли не по плечи в высокую траву. ИЖ-Лассо привычно прижался к щеке прикладом.

Блестящая цепь загонщиков надвигалась со скоростью бегущего трусцой человека. Корунд оглянулся, рассматривая джунгли через «ночной глаз». Наверняка противник умел маскироваться, но какое-то движение за деревьями разглядеть все-таки удалось.

— В лесу есть крупные существа, — сообщил землянин. — Предлагаю начать прижигание.

— Плазмы не жалеть! — пошутил дзорх.

Четыре магнитные капсулы улетели в джунгли, стена деревьев разорвалась алыми полотнищами пламени — десять тысяч Кельвинов в центре разрыва, три тонны тротилового эквивалента. Переместив ствол, Эдуард выстрелил снова и снова. Затем переставил замедлитель взрывателя на большую дистанцию и опять нажал спуск.

Оружие у всех было однотипное — десяток-полтора зарядов на обойму. Когда они расстреляли по рожку, джунгли украшал горящий участок — метров триста по фронту и столько же в глубину. Над пожаром, дико вопя, метались незнакомые Корунду птицы

Южной Омерты.

— Неплохо получилось, — пробормотал землянин.

Ему ответил шорох взметаемого грунта. Пули ложились вокруг него с большим разбросом, некоторые посвистывали совсем близко, другие косили траву в отдалении. Существа в зеркальных балахонах подобрались почти на полкилометра и непрерывно строчили длинными очередями.

Взяв на прицел сверкающую фигурку, Корунд выпустил серию иголочек. Мишень пошатнулась, но продолжала движение и стрельбу. Как видно, противолучевая ткань задерживала и легкие поражающие элементы. Чертыхнувшись, Эдуард выстрелил бронебойными пулями. На этот раз удалось пробить защиту — существо упало.

Человек удовлетворенно выразился и, оторвавшись от прицела, окинул взглядом поле. Парочка особо смышленых, пригибаясь, бежала в обход, пытаясь обойти отряд Большого Квартета. Чтобы не возиться с упреждением, Эдуард послал им в подарок плазменную капсулу. Туча огненных брызг накрыла обоих умников, прожигая металл, пластик, керамику и, конечно, органику. Бегущие цели исчезли.

Землянин навел карабин на ближайшего неприятеля, но тот вдруг превратился в грязно-розовое облако. «Не иначе, кто-то слишком богат на боеприпасы, — раздраженно подумал Корунд. — Реактивно-разрывными зарядами разбрасываются…»

Будучи охотником, он привык экономить каждый патрон, но другие участники сафари палили без перерыва, как пехотинцы, избалованные безупречно работавшей системой огневого снабжения. Не опускаясь до снайперской перестрелки, его спутники предпочитали работать плазмой. После такого фейерверка уцелел только один зеркально-бронированный, которого Корунд застрелил в порыве азарта, но уже через мгновение раскаялся в содеянном.

— Надо было попробовать взять живым, — сказал он сокрушенно. — И допросить…

— Не переживайте, мы все немного увлеклись, — утешил его дзорх, державший передними щупальцами крупнокалиберное реактивное ружье, — Пошли посмотрим, кого мы перебили…

— Не расслабляться, — громко напомнил виин-черси. — Могут оставаться подранки.

Развернувшись цепью, они направились к месту, где надеялись найти трупы, не слишком пострадавшие от плазмы.

Корунд шел крайним слева, рядом с дзорхом, и посматривал то на поле перед собой, то на сканер. Прибор упрямо показывал всего четыре движущихся объекта большой массы, то есть способность ходить смогли сохранить лишь охотники, а нападавшие были убиты либо затаились.

Корунд уже почти не сомневался, что видел во сне именно этих тварей: они, одетые в зеркальную броню, взяли его в плен и казнили виин-черси, которого назвали убийцей. Жаль, ночное видение было нечетким, и он, проснувшись, не сумел вспомнить деталей, кроме отражающей свет одежды. Эдуард и Мишель обсудили странные сны и пришли к выводу, что таким образом раса-М предупреждает своего посланца о возможных опасностях. Мишель усматривал важный смысл в том, что во сне лабба говорил про виин-черси в женском роде.

Разумеется, спутникам землянина не следовало знать о недавних приключениях Корунда, о планете Х, о маяках-порталах, кристаллических ключах, и вообще им не следовало знать ничего лишнего. Например, что существует раса-М, которой захотелось крепко насолить Высшим. Только похоже, что Высшие проведали о злобных замыслах конкурентов и подготовились к встрече.

Первым на труп наткнулся лабба и подозвал остальных. Приблизившись, Эдуард увидел разорванную на куски тушу копытного существа. Лежавшие отдельно задние конечности с широкими ступнями напоминали ноги верблюда. Существо было размером с некрупную лошадь с очень мощной шеей, из основания которой росла пара похожих на обезьяньи рук. Шею венчала голова, тоже вызывавшая ассоциации с гориллой.

— Мне смутно знакомы эти пропорции, — произнес дзорх. — Наверное, уважаемый виин-черси сможет рассказать нам побольше.

Резко повернувшись к рептилии, членопитающий осведомился:

— Вы хотите сказать, что мы видим легендарного тлахасса?

— Которые почему-то называют виин-черси убийцами, — вырвалось у Корунда.

Реплика произвела фурор: слишком уж внимательно уставились на человека трое спутников. Однако никто не потребовал развить эту мысль — все ждали, что ответит виин-черси, поэтому взгляды вернулись к самому экзотическому члену команды.

Вселенная отнюдь не скупа на выдумку, так что эволюция на разных планетах творит чудеса, какие не приснятся даже пьяному вдрызг постановщику видеоужастиков. И тем не менее анатомия виин-черси превзошла все прочие извращения природы.

Среднюю часть тела занимал торс, имевший форму яйца или дыни. Торс был прошит тремя позвоночными хребтами, от которых расходились продольные и поперечные ребра, составлявшие внутренний и внешний хрящевые скелеты. Виин-черси росли в течение всей жизни, у стариков большая ось превышала два метра. Голова — более твердый хрящ — была похожа на клубнику размером с арбуз, три глаза обеспечивали круговой обзор. Точки, где вырастали из тела три верхние и три похожие на щупальца нижние конечности, также составляли правильные треугольники. На одной линии сверху вниз располагались глаз, ноздря, рука, нога.

Люди считали передней частью головы (слово «лицо» не употреблялось принципиально) сторону, где расположено ротовое отверстие. Сами виин-черси этого мнения не разделяли, считая портретом «анфас» взгляд сверху.

Кажется, сейчас виин-черси был бы рад отвести взгляд, но система трех глаз не позволяла это сделать. Нервно помахивая трехпалыми верхними конечностями, многохордовый предложил:

— Осмотрим остальных.

Осмотр немногочисленных результатов' плазменного расстрела не прибавил ничего нового. Все убитые существа принадлежали к одному биологическому виду, все были одеты в подобие «чешуи», при всех имелись одинаковые автоматические винтовки.

— Засаду организовали Высшие, — уверенно резюмировал дзорх. — Одежда говорит о многом — такую «чешую» они подарили нам при первой встрече, потом появилась более совершенная модель. К тому же никто, кроме Высших, не смог бы доставить сюда эту банду втайне от станций блокады. Обратите внимание — тлахасса ждали нас точно в месте посадки.

— Это понятно, — перебил его лабба. — Меня больше интересует, где мог человек видеть тлахасса.

— Вы не поверите, — усмехнулся Корунд. — Я видел их во сне, хоть и не знал, что вижу тлахасса.

Все опять внимательно посмотрели на него, затем дзорх проворчал:

— Звучит правдоподобно. Увидеть их по-другому он бы не смог.

Разговор принимал неприятный для Корунда оборот. Еще немного — и слишком проницательные спутники догадаются, что человек знает больше, чем нужно. К счастью, раздался вопль виин-черси:

— Внимание! Трупы шевелятся! Два… нет, три!

Сканер подтвердил: даже не три, а пять тлахасса, которые до сих пор валялись без движений, медленно подползали к охотникам. Недобитые враги надеялись подкрасться, скрываясь в траве.

— Стать кольцом, спина к спине! — скомандовал Эдуард. — Плазмой не стрелять, слишком близко.

Послышался дикий рев. С разных сторон на них бросились недобитые тлахасса, но охотники ждали нападения и первыми открыли огонь. Тварь, по которой стрелял землянин, оказалась чрезмерно живучей и продолжала ковылять, даже получив солидную порцию

тяжелых пуль. Когда тлахасса оказался в десятке шагов, Эдуард все-таки добил воинственное создание двумя выстрелами в голову. Остальные тоже управились — последнего тлахасса уложил дзорх, выпустив разрывную реактивную пулю в упор.

— Обычных тлахасса мы убивали гораздо проще, — сообщил виин-черси. — А эти монстры только свирепели, получив раны, которые должны быть для них смертельны.

— Биороботы, — предположил Корунд, перезаряжая карабин. — Снова работа Высших.

Виин-черси повертел своей клубничной головой, поочередно разглядывая человека каждым из трех своих органов зрения. Затем, достав из ножен большой кривой нож, неаккуратно вскрыл труп тлахасса. Некоторое время яйцехордовый издавал нечленораздельные звуки, расшифровать которые мультитранс Эдуарда не смог.

Наконец виин-черси выпрямился, сообщив:

— Действительно, биоробот. Наш проводник удивительно догадлив.

— Или хорошо осведомлен, — уточнил дзорх.

Лабба прорычал: дескать, у земного коллеги будет время поведать свою историю, а сейчас надо решить, как действовать дальше. Членистоногий напомнил, что им предстоят длительные скитания по джунглям, в которых вполне могут скрываться другие банды тлахасса. Кроме того, сказал он, нельзя гарантировать безопасность антиграв-капсул.

— Мы не можем оставить одного из нас охранять капсулы, — согласился дзорх. — Группа должна держаться вместе. Либо мы все остаемся здесь и подаем сигнал о возвращении, либо все идем к цели, рискуя остаться без средства вернуться.

— Почти наверняка здесь прячутся еще живые враги, которые захватят или уничтожат капсулы, — произнес лабба. — Но мы знали, что предприятие будет очень опасным. Я предлагаю не терять времени, бросить эти аппараты и заняться делом.

Виин-черси — отчаянный и безрассудный, как большинство представителей его расы, — немедленно провозгласил свое согласие. Решимость и доводы спутников отнюдь не убедили Корунда, и землянин заявил, что не считает охотничьи трофеи достаточной причиной для столь рискованного решения. На него в очередной раз дружно посмотрели, как будто землянин сказал невероятную глупость. В любом случае решал голос дзорха, и ящер решительно провозгласил:

— Продолжаем работать по плану. В худшем случае мы теряем капсулы, но это — не повод отступать.

— Вот именно, — подхватил виин-черси. — Если понадобится, мой корабль совершит посадку на автопилоте. Я вывезу на орбиту и вас, и наши возможные трофеи.

Дзорх и лабба подтвердили, что их корабли тоже готовы прилететь по вызову в любую точку Кураре.

К стыду своему, Корунд не предусмотрел такую возможность. Смирившись, он натянул бронежакет поверх «чешуи». Отряд растянулся цепочкой: лабба — на левом фланге, Корунд — крайний справа. Когда подходили к границе выжженной полчаса назад территории, сканер Эдуарда засек движение за деревьями, и землянин, не дожидаясь выстрелов противника, выпустил дуплетом плазменные заряды.

Они выжгли в джунглях полосу не меньше километра глубиной. Пробираясь по тлеющим щепам разбитых спиральников, Корунд разглядел нескольких обугленных тлахасса, не успевших нажать на спусковые крючки.

Следующий отрезок маршрута преодолели без приключений, даже чуть было не обрадовавшись: мол, прорвались. Однако тропические заросли внезапно расступились круглой каменистой площадкой в милю поперечником. Едва отряд добрался до середины пустыря, Корунд был сбит с ног пулей, ударившей в нагрудную броню. Спустя секунду донесся запаздывающий звук выстрелов — по ним стреляли с двух сторон.

Землянин неловко — грудь побаливала — перевернулся на живот. Его спутники моментально, словно ждали такого нападения, залегли, расползаясь по естественным

укрытиям. Эдуард расположился в неглубокой промоине и достал из рюкзака раздвижной перископ. Осмотр местности показал, что в лесу на расстоянии около четырехсот метров работают пять или шесть стволов. Человек и дзорх выпустили туда по капсуле плазмы. Лабба и виин-черси расправились со второй засадой.

Перебежками и переползанием отряд пересек открытую местность и снова нырнул в лес. Ускоренным шагом, прорубая густые заросли секачами-мачете, они шли, готовые в любую секунду вступить в бой. Однако проходило время, и никто их не тревожил.

— Или мы всех перебили, или оторвались от погони, — резюмировал дзорх. — Но вероятнее, что противник просто взял тайм-аут и ждет нас ближе к пункту назначения.

— Пожалуй, коллега прав, — признал виин-черси, который сильно устал и без конца вытирал с головы остро пахнущую слизь. — Предлагаю поискать место для привала.

Лабба — наверняка самый сильный и выносливый из четверых — молча помахал средней парой конечностей: дескать, как хотите. Дзорх — тоже коротконогий и изрядно уставший — сказал, задыхаясь:

— Хорошая мысль. Немного передохнем, обсудим дальнейшие планы, а заодно коллега-человек объяснит кое-что.

— Боюсь, мне нечего… — приготовился соврать Эдуард.

— Бросьте, человек. — Вибрирующий звук, изданный дзорхом, мультитранс преобразовал в издевательский смешок. — Вся цивилизованная Галактика знает о вашем путешествии на планету, где сражаются неизвестно кем созданные колонии разных рас.

Ошеломленный Корунд уже не пытался возражать и отнекиваться, но только переводил взгляд с одного спутника на другого — коллеги по Большому Квартету выкрикивали наперебой:

— Совершенно ясно, что вы столкнулись с естественными конкурентами Высших.

— Маяки на Верите и Новом Алаббите связаны, однако вас почему-то заставили погулять по планете, хотя могли телепортировать прямо в хранилище артефактов.

— В вашем фильме нет кадров встречи с тлахасса. Откуда вам известно, что подлые твари называют нас убийцами?

— Очевидно, его фильм не дает полной картины. Человеку известно много сверх того, что мы видели.

— Не будем забывать, что наш коллега давно привлек внимание сверхцивилизаций. Сначала на него обратили внимание Высшие, теперь же — другая сторона большого конфликта.

Покачивая шлемом, лабба проговорил:

— Между прочим, тлахасса близки нам анатомически и физиологически. Лабба весьма опечалены их участью. Неужели вся раса истреблена?

Как сообразил Эдуард, вопрос был адресован виин-черси — ведь тлахасса обитали в зоне влияния этой цивилизации. Однако треххордовый не ответил, и тогда заговорил дзорх:

— Коллегу мучают угрызения совести. Наш спутник виин-черси понимает, что его предки совершили преступление. Не смущайтесь, уважаемый, каждая раса пишет свою историю кровью, пользуясь иероглифами смерти.

Опустив голову, так что два глаза смотрели под щупальца, а третий — в небо, виин-черси забормотал неразборчиво. Мультитранс землянина разобрал лишь обрывки фраз:

— Не было полного уничтожения… на блокированной планете остаются живые… их десятки миллионов…

— А сколько оставалось сразу после экзекуции? — осведомился лабба. — Десятки тысяч? Ваши каратели постарались на славу, не зря в разговоре с землянином кто-то назвал вас убийцами.

— Это случилось давно, — уже отчетливее произнес виин-черси. — Мы и дзорхи только начали осваивать сверхсвет… Тлахасса были сильны и динамичны, они уже создали поселения на планетах своей системы, они создавали оружие не хуже нашего. Мы не могли позволить им построить межзвездные корабли.

— Не исключаю, что они тоже попытались бы истребить вас, — признал дзорх. — Наверное, на вашем месте точно так же поступила бы любая раса, не потерявшая инстинкт самосохранения.

— Логике сверхдержав чужды догматы примитивной этики, — добавил лабба. — Хотя тлахасса жалко. Чисто субъективно.

Они были цинично-прагматичны. Трагедия истребленной расы потрясла Корунда, но человек понимал: у виин-черси оставался не слишком широкий выбор вариантов. Как бы поступило человечество, оказавшись в подобной ситуации? Эдуард догадывался, что главной проблемой стала бы точная научная классификация тлахасса — придумали бы термин типа хиппоприматы или Centaurilla sapiens. А выбор между собственной гибелью и геноцидом чужой расы довольно прост…

Вздохнув, он по праву проводника предложил отряду продолжить движение, по-прежнему развернувшись цепью, чтобы осматривать как можно более широкий участок местности. Где-то к северу протекала река, и Корунд рассчитывал устроить засидку возле места, куда ходят на водопой ремнезубы. К его удивлению, охотники дружно потребовали повернуть на запад.

Происходящее становилось все загадочнее. Ладно уж, маршрут выбирают идиотский — Корунд уже смекнул, что целью авантюры была вовсе не охота, во всяком случае, не на ремнезуба. Не зря же брат расспрашивал про древние строения, из-за которых якобы погибла экспедиция профессора Зенина.

Другие несуразности вгоняли в ступор.

Три спутника, представлявшие не слишком дружественные расы, невероятным образом образовали спаянную команду единомышленников. Они понимали друг дружку с полуслова, словно долбанные телепаты. Сам Эдуард отнюдь не чувствовал себя таким же патроном в обойме. Землянину как будто не вполне доверяли, а то и вовсе опасались его.

Возможно, дело было в видеоотчете, о котором каким-то образом узнали в Большом Квартете. Тоже, между прочим, тайна, покрытая мраком. Все авторские права принадлежали первооткрывателю, так что никто не мог передать этот файл информационным каналам. Руководство «Футурланда» не было заинтересовано преждевременно разглашать информацию о планете Х и расе-М, контора Мишеля — тем более. Оставалась вроде бы только Гелла, но непохоже на нее — бывшая супруга заботилась о собственной репутации, она бы не пошла на такую уголовщину, чреватую запредельными штрафами.

Скоро все прояснится, подумал Эдуард. На ближайшем привале начнется серьезный разговор. Что-то придется рассказать, но взамен и спутники кой-чего поведают.

Продолжая внимательно всматриваться в пейзаж по курсу шеренги, он мельком покосился влево. Три чужака деловито переставляли нижние конечности, поглядывая то вперед, то на сканеры. Можно ли рассчитывать на них в трудной переделке?

Виин-черси. Самая старая из ныне существующих цивилизаций, они вышли за пределы своей планетной системы почти тысячу лет назад. Существа жестокие и воинственные, до сих пор считают себя избранной расой, презирают всех остальных — и Старших, и Младших. Если бы не Высшие, то виин-черси давно развязали бы новую войну за галактическое господство. Принято считать, что виин-черси пострадали от ограничений Высших сильнее, чем другие члены Большого Квартета, а потому и ненавидят сверхцивилизацию сильнее, чем прочие Старшие.

Дзорх. Самый слабый физически, но почти наверняка самый умный и уж во всяком случае самый хитрый. Ящерки не любят открытых столкновений, они — мастера интриг, закулисных сделок и логических парадоксов. Их цивилизация всегда отставала от других по силе оружия, но создавала великолепные образцы гипертехнологичного оборудования. Если прижмет — могут ожесточенно сражаться, хотя не выиграли ни одной войны. Демонстративно дружелюбны, но никто не знает, какой пакости от них ждать. Все конфликты дзорхов с Высшими были не слишком острыми, без силовых карательных акций

со стороны сверхцивилизации.

На этом пункте размышления Корунда были прерваны внезапно раскрывшейся панорамой. Перед вышедшим из леса отрядом раскинулся идеально ровный луг, заросший колючками с желтыми и розовыми цветочками.

— Всем стоять! — крикнул человек. — Когда-то я видел похожий пейзаж.

Отряд послушно остановился, народ насторожился, держа оружие наготове. Дзорх осведомился:

— Вы полагаете, что в лесу на другом краю поля прячется засада?

Корунд покачал головой, пытаясь понять, какой именно клочок памяти поднял тревогу. Нуда, конечно, именно такую дрянь они встретили на окраине джунглей много лет назад…

— Это трясина, — сказал он. — Затянет с головой. Предлагаю лететь.

Спутники молчали, сканируя топь своими приборами, однако радары и сонары выдавали весьма неопределенную картину. На всякий случай Корунд пояснил, что вязкая жидкая грязь прикрыта подсохшей коркой, которая проломится даже под ребенком.

Здоровяк лабба подобрал камень побольше и зашвырнул подальше. Камень упал, громко чавкнув.

— Проводник компетентен, — словно удивившись, резюмировал виин-черси. — Летим.

— Заодно перемахнем через реку, — добавил дзорх.

Оказавшись на другом берегу, они снова построились цепью. Местность изменилась: теперь отряд ломился через очень редкий лес. Здесь росли псевдопальмы и лианники, причем каждое дерево было окружено густыми кустами занозника. Зеленовато-бурая бахрома лиан свисала до самого грунта. Корунд предупредил, что колючки кустов и лиан выделяют сильнейший токсин нервно-паралитического действия.

— Догадываемся, — сообщил в ответ лабба. «Наверное, опытный охотник, — подумал Эдуард. — Вот только на какую дичь привык охотиться…» Стараясь не наступить на что-нибудь потенциально опасное, человек продолжил перебор известных достоинств партнеров по Большому Квартету.

Итак, лабба. Раса, проявлявшая наибольшее дружелюбие к человечеству. Прямоходящие млекопитающие — это, по галактическим понятиям, почти родня. Самая многочисленная Старшая раса, колонизировавшая десятки планет. Очаги этой цивилизации охватывали владения других держав, но мощный флот был разбросан на колоссальном пространстве. Психологически лабба казались близкими людям: воевать не любили, но умели, да и в развитии передовых технологий вечно отставали. Вроде бы естественный союзник, но доверять ему стоит не больше, чем всем остальным…

— Внимание, команда, говорит человек. — Корунд остановился, поднявшись на небольшой курган. — Прямо перед нами симпатичное место, где можно сделать привал.

— Пора, — согласился дзорх. — Я выдохся, да и виин-черси тяжело дышит.

Яйцеобразный, очевидно, разозлился и ответил: мол, готов пройти еще столько же и трижды столько. Лабба немедленно пошутил по поводу коротконожек, которым непривычно топать пешком.

Под эту жизнерадостную перепалку отряд собрался у подножия холма, увенчанного одиноким раскидистым узколистником и каменной глыбой. Из-под скалы бил родничок, струя прозрачной воды бежала вниз по склону, наполняя гранитную выемку. «Ванна для двоих», — машинально подумал Эдуард.

Взбежав на холм, лабба спугнул стайку птиц с кривыми клювами и, оглядевшись, крикнул:

— Действительно, удобная позиция. Окрестности хорошо просматриваются, никто не подберется незамеченным.

Виин-черси не мог смолчать, поэтому проворчал, карабкаясь к макушке холма:

— Враг может ударить чем-нибудь дальнобойным.

Дзорх был уже наверху, скинул рюкзак и, разуваясь, успокоил спутников:

— Я разбросаю следящие устройства. Нас не застигнут врасплох.

Достигнув вершины, громадное трехногое яйцо огляделось и проговорило:

— Отлично. Значит, мы сможем без помех выслушать рассказ человека.

Остальные выразили согласие самыми разнообразными непереводимыми звуками, и Корунд понял, что приближается миг большого информационного бартера.

3

Добрый друг или, по крайней мере, союзник лабба тактично сгладил остроту момента, сказав:

— Нет ничего лучше неторопливой беседы у костра после хорошей трапезы.

— Согласна, — ответил или, точнее, ответила виин-черси. Эдуард припомнил, что в его вещем сне лабба говорил о виин-черси в женском роде. Сон сбывался, то есть раса-М, предупреждая Корунда, прекрасно знала, кто станет участником рейда на Кураре.

Между тем дзорх достал из рюкзака полдюжины разноцветных горошин, которые нетерпеливо отрывались от его щупалец и улетали во все стороны. Видимо, то были обещанные страж-устройства. Покончив с обеспечением безопасности, ящер признался, что нуждается в омовении. Торопливо раздевшись, он нырнул в водоем.

— Ну вот, загадил лужу, — равнодушно прокомментировал лабба. — Жди, пока ручей обновит воду.

— В реке купаться не советую, — предупредил Эдуард. — Здесь водятся крупные хищники и мелкие паразиты.

— Очень интересно, — надменно сообщила суровая воительница виин-черси. — Обязательно окунусь после ужина.

«Да, выкупаться не помешает», — мысленно согласился Корунд. Тело под «чешуей», покрытое коркой пропотевшей пыли, требовало вспомнить о правилах гигиены. К сожалению, здесь не было водопада, под струей которого можно было стоять, как в лесу планеты Х. Человек наполнил из ручья раздвижную тридцатилитровую канистру и добавил пару таблеток химреагента для стабилизации кислотно-щелочного баланса. Походный анализатор подтвердил, что получившаяся жидкость вполне пригодна для употребления.

Пол-литра этой воды он залил в коробку с пайком, два литра дополнили до краев холодильную флягу, еще столько же уместилось в запасную емкость, которую Корунд спрятал в рюкзак. Остатком воды человек обтерся, смачивая губку.

Рядом с ним точно тем же способом пытался помыться лабба. Достать руками под закрылки членистоногий не мог и после недолгих раздумий предложил человеку кооперацию.

— Надеюсь, вы не попытаетесь совершать развратных действий, — привычно пошутил Эдуард, подставляя спину.

Влажная губка прошлась вдоль его спины, и мультитранс сообщил:

— Вы напрасно подозреваете меня в извращенной форме ксенофилии.[2] Я — женского пола, как и виин-черси.

— Надо же…

Следующую минуту человек блаженно кряхтел, терзаемый инопланетной банщицей. Потом партнеры поменялись местами. Поплескав водичкой на тонкий хитин, Корунд осторожно повел губкой, смахивая комки размокшей грязи.

— Вас не обидит признание, что я не испытываю к вам сексуального интереса? — осведомился он. — Наверняка для мужчин-лабба вы весьма привлекательны.

— Вы меня тоже не возбуждаете. В таких случаях у нас говорят: останемся друзьями.

---

[2] Ксенофилия — психологическое понятие, означающее любовь и склонность к неизвестным вещам и людям, неиспытанным ощущениям; в данном случае — извращенные отношения с инопланетными разумными существами-негуманоидами.

— Как приятно общаться с дамой не только красивой, но и умной…

Подобные реплики всегда благотворно действуют на женщин, однако лабба лишь презрительно похлопала вымытым закрылком, проговорив:

— Бросьте. Наши мужчины считают меня грубоватой и чрезмерно мускулистой. Я ведь была спортсменкой — чемпион планеты по военизированному многоборью.

Степень сексапильности случайной попутчицы совершенно не волновала Корунда, поэтому он отделался банальной лестью:

— Ни черта ваши мужчины не понимают.

— Вы опытный ловелас, — сделала вывод членопитающая.

Немного отмывшись, они сели в кружок. С аппетитом похлебав горячий супчик, Эдуард взялся за рагу. Остальные тоже стремительно наворачивали свои пайки. Над холмом распространялись астрокулинарные ароматы, часть которых производила на землянина не слишком приятное впечатление.

Первой покончила с едой виин-черси. Отложив пустую пластиковую посуду, она издала длинную серию свистяще-щелкающих звуков. Мультитранс Эдуарда перевел:

— Наступает время разобраться в новых обстоятельствах. Для начала мы должны выслушать человека.

Общее молчание, несомненно, было признаком единодушного согласия. Проглотив последний кусок, Эдуард кинул посуду в общую кучу, допил сок и произнес:

— Я ждал столкновений с туземцами, но мы встретили совсем другого врага.

Наверняка отвечавший ему дзорх вложил в голос укоризну в изрядной дозировке:

— Вас спрашивают вовсе не об этом.

Корунд даже немного смутился. Он разговаривал с осведомленными неглупыми существами, каким-то образом узнавшими о его приключениях. Не стоило шутить столь неостроумно. Собравшись с мыслями, он поведал о снах, которые видел после возвращения с планеты Х.

— Итак, у Высших есть соперники соизмеримой силы, — резюмировала виин-черси. — Это приятно. Наша борьба становится менее безнадежной.

— Не стоит обольщаться. — Дзорх помахал щупальцами. — Раса маячников, как назвали ее первооткрыватели, вовсе не страдает альтруизмом. Они просто используют нас в своем конфликте с Высшими.

— Недоказуемо, но правдоподобно, — признала виин-черси.

— Очень вероятно, — согласилась лабба. — Твой собеседник на Новом Алаббите упоминал состязание, в котором лидировал другой фаворит. Маячникам было безразлично, кто выполнит их замысел.

Импровизированный мозговой штурм стремительно раскрывал новые грани запутанной интриги. Кое-как ухватив нить чужой логики, землянин переспросил:

— Вы считаете, что целью расы-М была доставка ключ-кристаллов на Кураре?

— Наиболее простое и разумное объяснение, — подтвердил дзорх. — Мы попали в стандартную ситуацию противостояния двух спецслужб. Маячники давно собирали дубликаты землян и других обитателей Галактики, готовясь нанести удар Высшим.

Лабба уточнила:

— Запись дубликатов началась, видимо, еще в те времена, когда была жива раса тлахасса.

«То есть веков пять-шесть назад», — прикинул Эдуард и продолжил вслух:

— Они умеют ждать.

— В этих состязаниях разыгрывается очень ценный приз, — провозгласил дзорх. — Возможно, мы вообще неспособны понять, какие цели стояли перед участниками турнира.

Обидевшись за почти родную метанауку, землянин высказался: дескать, логическим путем, исходя из общих соображений, можно хоть как-то приблизиться к пониманию. Для примера он вкратце изложил идею Корна про движущую силу страха, а также свои догадки

насчет общих черт отношений в парах Высшие — Старшие и Старшие — Младшие. Распалившись, Эдуард собирался сказать о мессианских побуждениях харизматических Высших, но собеседники поспешили вмешаться в дискуссию.

— Наши теоретики тоже делают глубокомысленные выводы, — просвистела и прощелкала виин-черси. — Вся беда в том, что мы знаем всего одну сверхцивилизацию, да и ту практически не знаем. На таком шатком фундаменте трудно построить правильно работающую модель.

— Можно попытаться, — вставил дзорх.

— У меня появилась глупая мысль, — сообщила бывшая спортсменка-лабба. — Человек полагает, что Высшие относятся к Старшим, как Старшие — к Младшим. Означает ли это, что могут быть общие черты в отношениях между парой Высших и парой Старших рас? После паузы дзорх произнес:

— Соперничество и страх… Да, коллега, вы правы — это возможно. Но в таком случае…

Резко взмахнув тройкой верхних конечностей, его перебила виин-черси:

— Предлагаю сосредоточиться на главной задаче. Не станем лицемерить: мы хотим найти Древних, или маячников, или руины любой погибшей сверхцивилизации, потому что надеемся получить доступ к Всемогуществу.

Подвернув под себя хвост, дзорх сел на задние конечности и задумчиво проговорил:

— В принципе обмен информацией между цивилизациями совершенно не исключен. Нет ничего зазорного и в том, чтобы воспользоваться знаниями погибшей культуры. Обмен знаниями — нормальный путь прогресса даже в рамках одной расы. Если не ошибаюсь, на Земле так называемые исламские народы сохранили науку Древнего Китая и античной Европы, потом прогресс вернулся в Европу, эстафетную палочку подхватил заморский континент… На моей прародине зеленая раса создала мощную культуру, краснокожие переняли знания, когда зеленые выродились, а к исходу средневековья их знаниями пользовались уже синие.

— Я слышал гипотезу, что Всемогущество — следующий шаг эволюции, — сказал человек. — В какой-то момент естественные мутации создадут новый биологический вид, и homo sapiens превратится в homo super.

Дзорх пренебрежительно отвел эту гипотезу плавным движением пучка щупалец.

— Бессмысленно, — сказал он. — Биологическая эволюция тут ни при чем. Могущество индивидуума неизменно, Всемогущество достигается в ходе технологического прогресса, создающего новые знания, инструменты, социальную организацию.

— Вот я и говорю — надо найти Древних, — вскричала виин-черси. — Может, поделятся с нами инструментами, знаниями и еще чем-то, о чем мы не догадываемся.

— С чего вы решили, что обладатели Всемогущества одаривают этим добром недоразвитых? — засмеялся землянин. — Звезды стали ближе, но остаются скупыми. Даров с неба не будет.

— Допустим. — Виин-черси не собиралась сдаваться. — Однако в нашей части Галактики есть четыре расы, которые согласились, что имеют больше прав, чем остальные. Более того, наше право повелевать Младшими молчаливо подтвердили даже Высшие.

— Весь вопрос в том, как долго протянется подобная идиллия, — парировала лабба. — Цивилизации, даже высокоразвитые, имеют привычку погибать.

Остальные молча согласились с ней. Отрывочные сведения о Древних, Бродягах Бездны и расе шистрав входили даже в школьные программы. Кроме того, в незапамятной древности покоряли Галактику менее известные цивилизации: пятнистые скунсы, перепончатокрылые псевдоприматы, «красные слоники». Все они деградировали и вымерли за последний десяток миллионолетий — возможно, были уничтожены разными Превосходящими расами.

Разговор получится долгим, понял Эдуард и выразительно поглядел на небо. Набиравшая ослепительную яркость Десятка подбиралась к зениту, окровавленная Малышка

раскинулась на четверть неба, касаясь горизонта лишь нижним краем. Все дружно стали собираться. Забыв про обещанное купание в реке, виин-черси наскоро окунулась в каменную ванну у подножия холма.

Оставив за спиной незатоптанный костер — при здешней влажности пожара все равно не получится, — четверо продолжили поход. Направление указал дзорх, и никто не удосужился объяснить проводнику-землянину, какого дьявола ищут они в той стороне.

Цепочка из четырех существ, неспособных произносить имена спутников, ускоренным шагом продвигалась на северо-запад. Шли по слегка каменистой равнине, огибая редкие кучки деревьев. Целью похода был, очевидно, мощный лесной массив прямо по курсу.

На второй сотне шагов после привала виин-черси напомнила гипотезы о сверхдревних сверхцивилизациях. Еще на заре современной астрономии было установлено, что самые старые звезды Галактики сконцентрированы в шаровых скоплениях, и в соседних спиральных галактиках наблюдается та же картина. Среди космологов и астроархеологов возникла легенда, что шаровые скопления имеют искусственное происхождение — древнейшие культуры стянули звезды в плотные сферические сгустки.

— Не будем притворяться — разведки наших рас установили, что Высшие пытаются проникнуть в шаровые скопления, но их кто-то не пускает, — сказала виин-черси.

— Кто-то или что-то? — машинально поинтересовалась лабба. — Стоит ли обольщаться надеждой, что в шариках могут обитать наши союзники?

Дзорх съехидничал:

— Разве Высшие — союзники нашим муравьям?

Мечта о всемогущих жителях шаровых скоплений оставалась чуть ли не последним стержнем, на котором держался Корунд. Он ответил резко:

— Высшие помогают Младшим интриговать против Старших. Может, и Суперы помогут нам против Высших.

— Сам же говорил о звездной скупости, — раздраженно буркнула виин-черси. — Я не верю в сверхъестественных спасителей.

Некоторое время они шли молча.

— Поговорим о богах, — предложил дзорх. — Если не ошибаюсь, эта мифологическая концепция знакома всем присутствующим.

— Насколько я помню университетский курс галактической истории, должна быть знакома, — сказал Эдуард. — Все Старшие, а также многие Младшие создали похожие религиозные учения.

— Похожи и проявления, — поддержала его лабба. — Боги всегда приходят с неба, хотя пустынные кочевники, страдающие от жажды народы раскаленных песков, скорее должны были поклоняться водяным демонам.

— С неба — значит, речь идет о космических пришельцах. — Дзорх произнес это без обдумывания, словно не раз участвовал в подобных диспутах. — Непонятно лишь, для чего посланцы межзвездной цивилизации общаются с малограмотными племенами, хотя неподалеку живут более культурные народы.

— Говорит виин-черси. Явившись с неба, боги всегда излагали довольно странные версии глобального мироустройства. Сотворение Вселенной из яйца, сотворение живых существ из грязи, массовая гибель фауны и флоры в результате природных катаклизмов вроде пожаров, наводнений, оледенений. Подобные рассказы можно понимать как иносказательное описание Большого Взрыва, синтеза биологических макромолекул в первичном бульоне и так далее. Кроме того, в древних преданиях, записанных со слов так называемых богов, мы находим подробную астрографию с довольно точным указанием числа планет в соседних звездных системах.

— Говорит человек. Все верно, пришельцы рассказывали нашим пращурам много интересного, хотя древние люди, лабба и дзорхи не могли постичь смысл тех идей, знаний, понятий. Так зачем же сообщать полуразумным существам информацию, которой те все

равно не смогут воспользоваться?

— Говорит лабба. Для простого сафари-гида вы хорошо разбираетесь в столь сложной проблематике. А ведь считалось, что в известном ведомстве работает его младший брат. Может, старший тоже?

Негуманоиды, забывшие предписанную им роль богатых охотников, засмеялись. Поддержав общее веселье, человек произнес миролюбиво:

— Нет, я не сотрудничаю с разведкой.

— Так не бывает, — возмутилась лабба. — Каждый разумный представитель достаточно развитого социума в той или иной степени контактирует с какой-нибудь спецслужбой. Даже если сам этого не сознает… Впрочем, приношу извинения и обещаю больше вас не прерывать.

«Сволочь», — подумал Эдуард. Лабба не сбила его с мысли, но человек решил закончить пикантную тему:

— Уточним. Я не являюсь штатным или секретным сотрудником известного мне силового ведомства. Удовлетворены? — Вот и разберись по этим негуманоидным харям, что означает их мимика. — А насчет чрезмерных знаний, то моя бывшая жена — специалист в области метанауки. В последнее время она вернулась к своей давней идее о сходстве Высших с человеческими богами и предполагала, что существует более высокая, чем Всемогущество, ступень власти над силами природы. Она называла эту ступень Сверхмогуществом.

— Говорит дзорх. Мои коллеги полагают, что целью пришельцев была элементарная провокация — классическое активное мероприятие в лучших традициях разведорганов. Вперемешку со сведениями о Вселенной пращурам подкинули образ мудрого и доброго всемогущего божества, коего необходимо слушаться. Расчет был прост: разумные существа — из присущего этой породе чувства противоречия — попытаются сравниться могуществом с демиургом.

— Говорит лабба. Идея божественного вросла в наши культуры. Идея жгла наше самолюбие, мы болезненно думали об этом, и порой рождались любопытные мысли. Мы поняли, что Единый Творец не может быть по-настоящему Всемогущим. Он не может создать такой тяжелый камень, который неспособен поднять. Не может разрешить такую высокую скорость, которую сам неспособен превысить. Не может постулировать закон, который сам же неспособен нарушить. Не может сотворить особь, имеющую столь яростный темперамент, который сам же неспособен удовлетворить.

— Говорит дзорх. У пресловутого Всемогущества много сторон. Власть над материей убивает желания. У всемогущего субъекта — будь то индивидуум или социум — пропадает потребность в прогрессе. Остается лишь звериный страх потерять свое исключительное положение во Вселенной. Они боятся конкурентов, поэтому давят любую потенциальную угрозу.

— Говорит виин-черси. Это справедливо, пока мы говорим о власти над энергией и материей. Но ведь предполагаются и более сложные виды Всемогущества.

После этих слов инопланетяне воровато покосились на землянина и заткнулись. Видимо, продолжение темы не предназначалось для человеческих ушей. Корунд предположил, что прозвучал намек на контроль времени, и добрые братья по разуму решили промолчать — вдруг люди до этого не додумались.

— Начала — договаривай, — потребовал Эдуард. После паузы заговорила членопитающая:

— Как мы понимаем, Высшие способны полностью контролировать энергию, пространство и материю. Но способность эта доступна лишь цивилизации в целом. На следующем этапе контроль над материей станет свойством индивидуума, тогда как цивилизация в целом шагнет на следующую ступень Всемогущества.

— Вы имеете в виду манипулирование временем? — уточнил Эдуард. — Нарушение законов сохранения и причинно-следственных связей?

Кажется, человек опять удивил спутников. Они долго переглядывались, после чего дзорх сообщил:

— Она имела в виду творение материи. Сотворение Вселенной — главный подвиг любого настоящего божества. Ваша метанаука не пришла к этому соображению?

— Никогда не слышал об этом. Как мы полагали, Высшие достигли всего, что могли вообразить, так что им не к чему стремиться. Развитие остановилось, и сверхцивилизация угасает. Пытаясь овладеть следующей ступенью власти над природой, любая раса сооружает свой собственный погребальный костер. С другой стороны, если цивилизация не пытается перейти на следующую ступень развития, то застой всего лишь начинается чуть раньше, поэтому такое племя тоже гибнет. Либо сами вымрут от деградации, либо застоявшуюся культуру проглотят соседи. А если некая цивилизация делает слишком резкие движения, слишком торопливо двигаясь по дороге прогресса, то подвергается репрессалиям со стороны более развитых подонков.

Лабба дополнила его мысль:

— Не забывайте о важном обстоятельстве. Даже при естественном отборе необязательно выживают сильнейшие особи. Но искусственный отбор однозначно приводит к вырождению популяции. Проще говоря, репрессалии Превосходящих рас губят самые перспективные культуры, но примитивные и слабые получают шанс.

Неожиданно дзорх переливчато закашлял — вероятно, смеялся. Впрочем, он быстро взял себя в щупальца и проговорил:

— Надо понимать, что Высшие позволяют нам продолжать существование лишь потому, что Большой Квартет — это малоперспективные расы, отбросы галактической эволюции. Обратите внимание, на той планете, где побывал наш спутник-человек, в число высокоразвитых выбились тлахасса и оклиуте, которые для нас остаются Младшими.

— Мою расу тоже заставили притормозить прогресс и экспансию, — напомнила виин-черси. — Мы далеко опережали всех вас, но Высшие заставили нас не покидать пределы Восьми Солнц. Якобы в наказание за геноцид тлахасса. Как выяснилось потом, нас на долгие столетия заперли в клетку, чтобы позволить трем вашим цивилизациям почти сравняться с виин-черси.

— Поэтому вы так яростно ненавидите всех, — понимающе повздыхал дзорх.

— Мы ненавидим только Высших. К вам мы испытываем лишь неприязнь и презрение, не больше.

Кажется, лабба начала закипать. Ее раса люто не любила виин-черси, и только жестокий запрет Высших спас треножников от тотального истребления на исходе войны в середине прошлого века.

«Не хватало, чтобы тетки мордобой устроили, — подумал землянин. — Или перестрелку…» Красочно представить эту разборку он не успел, обратив все внимание на подозрительный феномен курарийской природы.

— Говорит человек. — Эдуард почти кричал. — Всем стоять.

Они послушно остановились. Лабба и виин-черси даже присели, превратившись в малозаметную мишень. Пока тетки вертели головами и винтовками, выискивая непонятную для них опасность, Корунд сделал несколько шагов к преградившей путь отряду роще исполинских длиннохвойников. Деревья здесь росли, как на подбор, древние, в три-четыре обхвата, с толстенными — в полметра поперечником у основания — сучьями. Только сработали рефлексы, и глаз заметил странные наросты на этих ветках.

Так и есть — на корявом древесном отростке, затаившись среди серой хвои, растянулся кислотный слизень. Разглядеть эту тварь без тепловизоров «ночного глаза» было бы практически немыслимо.

Аморфная гадина, способная переваривать даже стальные прутья, не боялась пули, поэтому человек выстрелил из бластера. Световые импульсы прожгли в нескольких местах студенистую тушу, которая быстро регенерировала, но заодно лучи разрубили сук, на

котором разлеглось мерзкое создание. Раненый слизень шлепнулся в траву, развернул один конец своего тела раструбом беззубой пасти и, липко извиваясь, пополз на пришельцев.

Сгоряча дзорх и лабба выпустили длинные очереди трассирующих пуль, пронзившие насквозь полтонны желе, свернутого в виде громадной желто-серой сардельки.

— Лучше всего термогранатой. И вообще, пошли отсюда. Он тихоходный, не догонит, — лениво проговорил Эдуард, но заметил шевеление травы в степи и рявкнул, забеспокоившись: — Эге, да их много!

Сканер показал, что слизни подползают со всех сторон: три особи выдвигались из рощи, по одной охватывали отряд с флангов — из степи и от реки, еще две заходили с тыла.

— Бить гранатами или плазмой! — Корунд командовал, словно вернулась сержантская юность. — Близко не подпускать, эта дрянь плюется кислотой на тридцать шагов!

Он выпустил капсулу плазмы по ближайшему слизню. Взрыв отбросил тушу, опаленное жаром желе почернело и усохло, конвульсии вывернули мягкотелую тварь наизнанку, выплеснув на траву недопереваренную добычу и несколько ведер желудочного сока страшной едкости.

Вторым выстрелом землянин сжег слизня, ползущего от восточного края рощи. Дзорх, наверное, нервничал — промахнулся двумя ракетами, и только третья угодила в ползущего сзади слизня. Лабба стреляла очень хорошо, а виин-черси выпустила из огнеметного подствольника две длиннющие струи пламени, поразив очередную мишень.

При такой дружной работе дичь очень быстро кончилась, остались только дымящиеся колечки тлеющей травы вокруг убитых слизней. Кто-то, сгоряча забывший представиться, осведомился:

— Проводник, сколько особей бывает в обычной стае?

— Проводник в недоумении, — мрачно поведал Эдуард. — Кислотные слизни никогда не собираются в стаи. Боюсь, не обошлось без участия Превосходящих рас.

— Ими кто-то управлял, — согласилась лабба. — Опять биороботы?

Охотники толпой направились к сморщенному трупу, которого застрелил, предварительно сняв с длиннохвойника, землянин. Виин-черси была уверена, что сумеет найти в горелом студне встроенные искусственные устройства. Однако нашли они кое-что полюбопытнее.

На обугленном пламенем взрыва и разъеденном кислотой грунте валялись скомканные обрывки зеркального балахона и детали скелета: череп, копыта, большие кости странной формы. Общее мнение выразил дзорх:

— По-моему, кислотник проглотил одного из тлахасса. Скажите, человек, как давно это случилось?

— Примерно часа три назад. Того же ремнезуба слизень полностью переваривает часов за восемь, а эта добыча была примерно тех же размеров. — Откинув шлем, Корунд обтер пятерней покрывшееся испариной лицо. — Предлагаю осмотреть остальные угольки.

Провозившись около четверти часа, они установили, что по крайней мере три слизня плотно закусили одетыми в примитивную «чешую» тлахасса. Еще две колбаски кислотного студня были сожжены до состояния золы, так что уже невозможно было понять, какая добыча растворялась в их пищеварительных полостях.

— Абсолютно дебильная иррациональная ситуация! — Даже лишенный интонаций голос мультитранса позволял догадаться, что виин-черси говорит в состоянии крайней растерянности пополам с озлоблением. — Какая-то Превосходящая раса привозит сюда тлахасса, чтобы нас убить. Другая — предупреждает нас о враждебности тлахасса и собирает в стаю много слизней, чтобы убить тлахасса. Но если кислотники — орудия дружественной нам Превосходящей расы, то почему они атаковали наш отряд?

— Вышли из-под контроля, — предположил дзорх. — Или кислотники были орудием Высших, но проголодались и закусили союзными тлахасса. Или слизней подослала третья Превосходящая раса.

У лабба тоже нашлись умные соображения: мол, мы имеем дело с одной-единственной

Превосходящей расой, то есть с Высшими, но среди них нет единства, и разные группировки действуют вразнобой. Спутники немедля затеяли бестолковый спор, а Корунд отмалчивался, не к месту вспомнив замечание брата насчет кинематографичности его приключений на Малой Земле, она же планета Х. Тогда он сильно обиделся на Мишку, но неприятные слова запомнились, и теперь Корунд не мог отделаться от подозрения, что некая Превосходящая раса играет с ними в кошки-мышки.

Расстроенный и обозленный, он дольше, чем нужно, изучал голографическую карту местности, после чего пролаял приказ:

— Отряд, внимание, говорит человек. Отставить споры — при такой скудной информации логика бессильна. Ближайшая задача — прижигание рощи, там могли остаться слизни. Последующая задача — осмотр деревни аборигенов в километре за рощей.

По древесным кронам ударили огненные струи и капсулы плазмы. Взревев, адское пламя превратило рощу в кучу головешек, среди которых корчились несколько в разной степени поджаренных кислотников. Добив уцелевших тварей, охотники обошли догорающие пни и зашагали к поселению курариков.

По местным критериям, деревушка могла считаться в меру зажиточной. Под сотню добротных домов на сваях, столько же хижин на берегу, множество лодок у дощатых причалов, обширные участки фруктовых садов и огородов, пастбища — деревня прочно оседлала оба речных берега. Однако наметанный глаз отмечал и неладное: часть домов была разрушена — из воды торчали только горелые бревна свай, скот почему-то не кормился полевыми травами, да и самих аборигенов не удалось разглядеть.

— Поселение разгромлено, — резюмировала виин-черси. — Но большая часть домов уцелела. Где же мирные жители?

Лабба предположила со знанием дела:

— Тлахасса могли убить или угнать аборигенов, не разрушая домов. Что скажет самец-проводник?

«Сама ты самка», — беззлобно подумал Эдуард и сказал:

— Туземцы могут быть напуганы нашей канонадой. Попрятались.

Решение подсказал давний боевой опыт. В далекой юности, усмиряя мятежных варваров, он много раз штурмовал и зачищал такие же деревеньки, а потому помнил: курарики часто прячутся в амбарах, зарывшись под снопы скошенной травы.

Так и получилось — первый же обследованный сарай оказался убежищем для десятка разнополых курариков. Выдворенные под лучи Десятки, они опасливо щурились на грозные стволы винтовок и бормотали: дескать, не убивайте, мы никому не скажем, что видели вас. Одна не в меру упитанная — рыбачка даже забилась в истерике и хлопнулась в обморок. Кажется, остальные разделяли ее уверенность, что четыре пришельца прикончат всех.

Внезапно пожилой курарик визгливо завопил, подпрыгивая. Другие присоединились к его крикам. Мультитранс Корунда успел перевести лишь: «Мы спасены, к нам вернулись наши…» — и захлебнулся. Туземцы словно взбесились: кто-то визжал и катался по грунту, кто-то пал на колени, отбивая лбом чечетку, кто-то пританцовывал с восторженными выкриками. Опасности они как будто не представляли — наоборот, чему-то бурно радовались.

Порядок навела виин-черси. Прибавив до предела мощность динамика, трехножка проревела приказ заткнуться, что было довольно быстро исполнено. Затем похожая на большую ягоду трехглазая голова кивнула Корунду: мол, ты специалист по туземцам — вот и действуй.

Отобрав курарика постарше, человек осведомился, что здесь происходит. Абориген запел тоскливым речитативом, разбавляя полезную информацию жалобными причитаниями. Тем не менее кое-что стало понятно.

…Раньше курарики жили хорошо, потому что им помогали добрые безносые боги. Потом боги стали жестокими и ушли, с тех пор куариков никто не защищал. Жизнь стала

скучной, у курариков даже пропало желание совокупляться и варить брагу. А сегодня на рассвете пришли страшные злые демоны, разрушили часть домов, убили много курариков и спрашивали, не видел ли кто безносых богов. Потом они приказали бросить трупы в реку, а живым велели не высовываться. Они ушли к роще, и тогда приползли страшные желтые червяки — таких громадных и так много сразу этих чудищ не видели даже самые древние мудрые старухи. Желтые червяки напали на спрятавшихся в роще демонов, там долго гремели молнии железных палок, и бедные курарики боялись выйти из убежищ. Но вот свершилось великое счастье — вернулись добрые безносые боги, привели могучих друзей, они убьют желтых червяков, демонов и других врагов…

— Какая идиллия! — Голос лабба, несомненно, был полон ядовитого сарказма. — Младшие счастливы — они вновь обрели добрых богов. Идиоты не понимают, что боги не бывают добрыми.

— Особенно млекопитающие боги. — Виин-черси не упустила случая съязвить.

Лабба не успела напомнить о судьбе тлахасса, потому что туземец-переговорщик уверенно провозгласил:

— Добрые боги останутся насовсем и будут помогать курарикам! — Затем он осведомился гневно: — Почему вы покинули своих друзей-курариков?

Эдуард Корунд был простым грубым парнем, а не дипломатом и всем видам убеждения предпочитал меткий выстрел. К тому же вдруг вернулись яркие воспоминания о мятеже, поэтому он, не сдержавшись, проревел:

— Мы ушли, потому что лживые лицемерные животные убивали добрых богов! И ты, скотина, еще смеешь что-то требовать!

— Нет! Нет! — Все курарики дружно замотали головами в порыве праведного негодования. — Мы всегда любили добрых богов…

Кажется, они все-таки сообразили, что боги сердятся на прежние шалости, и заголосили вразнобой: дескать, людей убивали совсем другие курарики из других деревень, а курарики этой деревни такого никогда бы не посмели, потому как обожают безносых и все эти долгие годы истово молились, умоляя демонов стихий, чтобы те уговорили добрых богов вернуться к курарикам и помогать жителям этой деревни. Ведь боги должны быть добрыми, боги должны прощать, а не наказывать…

Подергиванием хоботков толпа подтвердила: боги должны вести себя именно так и никак иначе. Их претензии раздражали вплоть до нестерпимого желания полоснуть длинной очередью. Однако сам Эдуард уже описал эту ситуацию в незавершенной книге, Корн и Редль признали его доводы, а потому следовало толерантнее относиться к болтовне глупых дикарей.

Он сказал всего лишь:

— Если боги соблаговолят вернуться к вам, то будут делать то, что нужно им, богам. И горе тем курарикам, которые ослушаются! А теперь убирайтесь и скажите своим соплеменникам, что боги убили всех желтых червяков и злых демонов.

Аборигены попятились, готовясь бежать изо всех сил, но были остановлены голосом дзорха:

— Кто знает в этом лесу необычное место?

Сразу два курарика упали в обморок. Старик-переговорщик и толстая тетка схватились за головы, многие попадали ничком, спрятав морды в траву. Лишь молоденький парнишка, по глупости не питавший священных трепетов перед заколдованными местами, охотно поведал, показывая рукой:

— Вон в той стороне, за озером в чаще неплодоносящих деревьев с закрученными листьями. Там случаются непонятные вещи. Туда нельзя ходить, там даже большие ядовитые змеи умирают, их дохлые тела светятся в темноте.

Сверившись с голографической картой, дзорх объявил, что слова туземца подтверждают имевшуюся информацию. Лабба и виин-черси немедленно направились в указанном направлении. Торопливо заняв свое место в строю, обозленный Корунд ломал

голову над осточертевшим вопросом: «Что же эти падлы скрывают от меня?»

Миновав полосу возделанных участков, виин-черси призналась:

— Меня поразила выдержка нашего проводника. Человек, я была уверена, что вы пристрелите наглую тварь.

— Действительно, невероятная наглость, — согласилась лабба. — После учиненной ими резни эти дикари смеют поучать вас, что должны делать боги и чего не должны.

— Варвары примитивны, — заметил дзорх. — Считают себя очень умными и убеждены, что способны обмануть Превосходящую расу своей примитивной ложью.

«Вы тоже пытались меня обмануть», — раздраженно подумал Эдуард. Ему очень хотелось ответить колкостью, но помешала серия ярких вспышек, затмивших на мгновение даже сияние клонившейся к закату Десятки. Обернувшись, он увидел далеко-далеко лохматые грибы клубящегося дыма.

— Наши капсулы, — прокомментировала виин-черси. — Значит, позади есть еще один отряд тлахасса.

Дотошный от избытка интеллекта дзорх уточнил:

— Есть по крайней мере один отряд. Необязательно тлахасса.

Засмеявшись, лабба подвела итог:

— После уничтожения капсул стало на один отряд меньше. Взрывы этих реакторов имеют весьма приличный радиус поражения.

Софистика на тему об очевидном изрядно нервировала и без того злого Корунда, и он раздраженно поинтересовался:

— Мы куда-нибудь идем или будем до ночи упражняться в демагогии?

Обалдевшие спутники уставились на него, причем виин-черси даже повертела головой, чтобы задействовать третий глаз. Дзорх поспешно проговорил:

— Не куда-нибудь, а только вперед. Если нас хотят лишить возможности вернуться, надо искать спасение за озером.

Загадочная фраза окончательно сбила землянина с толку. Получаюсь, что банда чужаков ищет не просто хранилище древних артефактов, но — нечто более могущественное. Неужели арсенал погибшей цивилизации? Нет, не было на Южной Омерте ни арсеналов, ни космодромов, ни других скоплений высокотехнологичных изделий — их бы люди за годы колонизации нашли бы непременно. Вдруг Эдуарда осенило: «Маяк! Они надеются найти портал, как на Верите. Да, такая находка могла бы спасти отряд, если сработает ключ-кристалл…»

Между тем остальные вернулись к примитивной болтовне о высоких материях.

— Там, в деревне дикарей, мы словно заглянули в зеркало, — заметил дзорх. — Человек прав: мы точно так же требуем чего-то от Высших, как будто боги обязаны помогать нам. Или все-таки существует вселенский нравственный закон, согласно которому сильный обязан помогать слабому?

— Нет такого закона, — отрезала виин-черси.

— Нет, — согласился Корунд. — Но тем не менее и Старшие, и Младшие подсознательно верят, что у Превосходящих рас нет иных забот, кроме помощи слаборазвитым…

— Бог-демиург всемогущ, а потому равнодушен к собственным творениям, — сказала лабба. — Бог вовсе не обязан быть милосердным или справедливым. Бог не вразумляет, а диктует свою волю, сурово наказывая за непослушание.

В свою очередь Эдуард напомнил массу примеров из мифологии разных культур. Примеры подтверждали, что боги отнюдь не страдают излишками гуманизма и весьма скупы на подарки. Он завершил короткий монолог очевидным выводом:

— Боги капризны, вздорны и развратны, могут облагодетельствовать, но могут и обречь на страдания даже абсолютно безвинных.

С минуту они шагали в молчании, затем лабба неожиданно изменила тему:

— Я вдруг подумала, что каждая серьезная культура додумалась до теоремы о неполноте аксиоматики.

«Кажется, у нас это называется теоремой Гёделя», — вспомнил ЭК. В лучшие времена, когда они нормально общались, Гелла часто поминала эту концепцию. Суть ее заключалась в том, что любая система аксиом обязательно содержит внутреннее противоречие.

Лабба продолжала:

— Если рассматривать Вселенную как систему аксиом — она также должна содержать хотя бы одно внутреннее противоречие. Безусловно, таким противоречием является бог — всемогущий сверхъестественный творец материи. Однако сверхъестественного бога не существует — эту сказку внушили нашим предкам пришельцы.

— Это и есть противоречие? — засмеялся ЭК. — Противоречие должно быть, но бога нет.

— Это софистика, нас же интересует настоящее противоречие. Следите за логикой. Вселенная подчиняется определенному набору законов, то есть управляется системой аксиом. Достоверно установлено, что в рамках этой системы должно существовать логическое противоречие, но речь идет не о боге. Какой же объект вселенского масштаба, не будучи сверхъестественным феноменом, способен нарушать фундаментальные законы?

— Разумная жизнь, достигшая Всемогущества? — предположил землянин.

— Браво, брат нашего коллеги! — вскричал дзорх. — Только вы чрезмерно усложняете — вселенской аксиоматике противоречит не Всемогущество, но разум вообще, независимо от степени развития.

Виин-черси добавила, медленно подбирая слова:

— Разумная жизнь является противоречием, а противоречие является необходимым атрибутом набора аксиом, именуемого Вселенной. Следовательно, теорема о неполноте приводит к простому выводу: во Вселенной обязательно должен существовать разум.

«Глубоко же они копают, — с почтением подумал ЭК. — И в то же время все трое цепляются за старую концепцию, рассматривая Высших, как богов. Мы продвинулись дальше, отказавшись от такого представления. Другой вопрос — правы ли валинорцы, прав ли я».

— Мы глупы, как и положено варварам, — сказал вдруг дзорх. — Мечтаем о времени, когда исчезнут мешающие нам Высшие. Но так ли хорошо будет без общего врага? Если не станет Высших, то разгорится вражда внутри Большого Квартета.

— Договоримся, — отмахнулась своим щупальцем виин-черси.

До границы леса оставалось не больше сотни метров. Сканеры не показывали движущихся объектов, но враг мог и затаиться. Все замолчали, крепче сжимая оружие.

Внезапно небо снова моргнуло вспышкой. Повертев головой, Корунд обнаружил в зените угасающий огненный шар. Пока он пытался сообразить, что же там могло случиться, дзорх успел сделать правильный вывод и закричал, запинаясь от волнения:

— Взорвалась орбитальная станция!

— Не взорвалась, — уточнила сохранившая подобие спокойствия виин-черси. — Уничтожена оружием Высших.

А в небе над ними, выполняя неловкие маневры, быстро снижалась машина явно земной конструкции. Это был «Сфинкс» класса «поверхность — орбита», применявшийся в Дальней Разведке при исследовании не слишком гостеприимных планет.

4

На высоте около четверти километра «Сфинкс» пошел кругами. Из наушников послышался голос Мишеля, который звал брата.

— Я здесь, — ответил Эдуард. — Что происходит?

— Потом… я взял пеленг, иду к вам.

Спустя минуту одетый в бронекомбинезон Мишель вылез из кабины «Сфинкса»,

пересчитал, окинув взглядом, «охотников», порадовался, что все целы, и наконец поведал очередную загадочную историю.

Руководство ЦАОБ направило его на боевую станцию блокады, чтобы подстраховать отряд, выполнявший задание на поверхности. Когда стало ясно, что неизвестные враги уничтожили все четыре антиграв-капсулы, капитан Корунд решил отправить вниз «Сфинкса» с запасом снаряжения — на автопилоте, разумеется. Неожиданно в системе появился корабль-убийца Высших, врубил «Щит Безмолвия» и дал полчаса на эвакуацию всех четырех станций. Личный состав покинул станцию на спасательных средствах и некоторое время дрейфовал на орбите в ожидании звездолетов Большого Квартета.

— Когда появились транспорты, начался большой бардак, — рассказывал Мишель. — Потому что вся эта масса катеров и шлюпок успела перемешаться, и теперь каждый торопился подобраться к звездолету своей цивилизации. Вдруг робот расстрелял покинутую персоналом станцию, которая висела прямо над вами, а затем двинулся вокруг планеты — вероятно, чтобы покончить с остальными станциями. Как только он скрылся за планетой, я подумал, что другой такой возможности не подвернется, а в суматохе появился шанс проскочить незамеченным. И рванул к вам на выручку.

— Высшие в своем репертуаре. — Лабба нервно стукнула клешней об клешню. — Чрезмерное применение силы и полное отсутствие логики.

— Какая-то логика прослеживается, — возразил дзорх. — Они почему-то не могут или не хотят прикончить нас на поверхности, поэтому лишают средств покинуть планету… Но какие они добрые — не стали убивать экипажи станций!

— Это действительно странно, — согласилась виин-черси. — Еще более странно, что робот расстреливает станции, а не наши четыре кораблика.

— Корабли надежно укрыты среди скал естественного спутника Кураре, — напомнил Мишель. — Расскажите-ка лучше, что здесь творилось. Мы с орбиты видели, как вы с кем-то сражаетесь, но деталей разобрать не удалось.

Покосившись на него одним глазом, виин-черси буркнула:

— Пусть первый человек расскажет второму свою версию событий. А мы пока пополним боекомплекты. Второй человек, ты привез плазменные капсулы?

Мишель машинально кивнул, забыв, что подобные телодвижения ничего не говорят чужакам. Спустя секунду, поняв свою оплошность, он сказал:

— Да, конечно, я привез заряды для всех… Эд, я жду подробностей.

Распихивая по карманам и подсумкам обоймы, старший брат вкратце описал обстановку. Одно длинное предложение о нападении тлахасса и кислотных слизней, три — о геноциде тлахасса полтысячи лет назад и два — про загадочный объект за озером. Его намек на маяк, который ищут коллеги по Большому Квартету, всполошил спутников, и те принялись дружно отпираться: мол, о портале мы даже не думали.

— Это вопиющее нарушение всех договоренностей! — возмутился Мишель. — Никто не поставил нас в известность, что цель операции — столь важный объект!

— Наоборот, это земляне пытались нас обмануть! — парировала виин-черси. — Ваше руководство пыталось скрыть информацию о так называемых маяках.

Взбешенный Эдуард, сорвавшись, тоже заорал:

— Мне вообще ничего не сообщили! Придумали идиотскую сказку про сафари на ремнезуба.

Лабба заявила: мол, ее руководство честно проинформировало всех о необъяснимых аномалиях в этом секторе планеты. Однако, продолжала она, земляне коварно скрыли, что им известно больше.

— Аномалию обнаружили с орбиты, о ней знали специалисты всех рас… — Виин-черси экспансивно взмахивала всеми верхними конечностями. — А наш проводник, ясное дело, узнал от другой Превосходящей расы про маяк на Кураре, но не пожелал сказать об этом.

— Эд, ты еще на Джуманджи знал, что там маяк? — удивился Мишель.

— Ничего я про маяк не знал! Сам догадался, слушая их идиотские намеки!

После недолгой перепалки все немного успокоились. Три чужака заверяли, что земные спецслужбы получили полный текст аналитического документа дзорхов со всеми положенными приложениями. По их словам, про портал никто не думал, потому что материалы готовились еще до рейда Корунда на Вериту и планету Х. Аналитики дзорхов полагали, что стационарная аномалия силовых полей в центре Южной Омерты — это и есть тот объект, к которому Высшие не желали подпускать людей. Цитировалась даже часть беседы Серо-Зеленого с Эдуардом, когда Высший сказал: «К моему сожалению, ваши ученые, которые считали, что спрятались от нас в своих подземных норах, слишком близко подобрались к некоторым загадкам. Мы не могли позволить вам овладеть этими тайнами… Мы давно подозревали, что в этой части Галактики могли сохраниться какие-то артефакты, и, вероятно, люди нашли те или иные изделия или записи, созданные миллионы лет назад».

— Ваше руководство не проинформировало исполнителей, — резюмировал дзорх. — Это весьма неправильно.

— Мы говорим слишком долго, — нетерпеливо заявила виин-черси. — До цели совсем близко. Второй человек, на вашей машине есть мощное оружие?

Мишель сознался виноватым голосом:

— Это гражданская модель для научных экспедиций. Только лазер и пневматический метатель.

Соседи по Галактике разочарованно заворчали. Они явно предпочли бы поддержку тяжелого танка с силовой защитой и генератором антипротонов. Однако через несколько минут, когда «Сфинкс» приблизился к стене джунглей, дзорх предупредил Мишеля, чтобы поосторожнее применял тяжелое оружие вблизи аномалии.

Деревья здесь росли негусто, и «Сфинкс» без труда маневрировал между стволами. Четыре лжеохотника ехали, сидя на броне и распределив секторы наблюдения. Эдуард устроился на башне, что позволяло братьям переговариваться вполголоса, отключив радио и мультитрансы.

— Ты не забывай про мой сон, — сказал, снова начиная нервничать, Эдуард. — Не бросайся на Высшего.

— Делать мне больше нечего, — фыркнул Мишель. — И стрелять в него не собираюсь.

— Верно, бесполезное дело… Между прочим, дорогие попутчики огорчили меня: оказывается, отчет о планете Х просочился за пределы Джуманджи.

— Постаралась помощница твоей Геллы! — Мишель добавил несколько примеров ненормативной лексики.

— Агата?

— Она самая. Разослала копии в разные медиакомпании. Говорит, не знала, что копирайт у «Футурланда». Дядя Виктор подал в суд.

— Глупо получилось.

— Вот именно. — Мишель включил рацию. — Отряд, говорит второй человек. Объясните, что именно вы надеетесь обнаружить в эпицентре аномалии.

Соседи по Галактике не спешили с ответом, поэтому старший брат сообщил младшему:

— Как я понял по их разговорам, Высшие не намерены подпускать нас к каким-то ресурсам, близким к Всемогуществу. Возможно, сами Высшие, в отличие от расы-М, такими способностями пока не обладают. Это может быть машина для творения материи, средства управления временем…

Дзорх прервал его:

— Не надо считать нас дебильными максималистами. На столь ценные находки мы не рассчитываем. Но там явно спрятано нечто, связанное с Всемогуществом.

— Хранилище информации, — начала перечислять лабба. — Знание о том, как достичь Всемогущества. Арсенал древней сверхцивилизации. В худшем случае — портал, как считает наш проводник…

— Противник атакует! — заорал вдруг Мишель.

Все попрыгали с машины, занимая круговую оборону. Как только десант перестал загораживать сектор обстрела, огневая установка выбросила первые лучевые импульсы.

Откатившись к заднему колесу, Эдуард вытянулся ногами к «Сфинксу». Перед ним лежала неширокая полоса сухого грунта, поросшего редкими колючками. Дальше негусто корячились чахлые псевдопальмы и узкохвойники. Противника он не видел, но братишка продолжал палить во все стороны — наверное, мощный сканер исследовательской машины показывал ему мишени в глубине леса.

Инопланетные попутчики тоже не стреляли. Неясность обстановки начинала раздражать. Первой подала голос членопитающая подружка:

— Говорит лабба. С кем воюешь, второй человек?

— Говорит второй человек. Если верить приборам, нас окружают. Шесть особей справа, дистанция — метров триста. Трое заходят сзади, еще четверо — слева, до них примерно четыреста метров. Я подстрелил нескольких, уцелевшие залегли, но медленно приближаются.

Унифицированная мортира продолжала беспрерывно посылать лучи, — видимо, Мишель надеялся удержать врагов на дистанции. Эдуард вглядывался в лес, пытаясь отыскать среди редких деревьев фигурки противника. Ни глаз, ни тепловизорный прицел не различали движущихся объектов. Что и неудивительно, если мишени одеты в «чешую», пусть даже примитивную.

Внезапно позади него, захлебываясь, заработали винтовки. Затем окрестности затопило красноватым цветом, и по затылку хлестнула волна горячего воздуха — не иначе, где-то поблизости разорвались плазменные капсулы. Кто-то, забывший представиться, сказал:

— Кажется, всех поджарили.

— Да, теперь только справа и сзади, — подтвердил Мишель. — Восемь особей.

Мортира выпустила серию осколочно-фугасных снарядов, которые взорвались в лесу вокруг машины. Сверившись с приборами наблюдения, Мишель удовлетворенно заявил, что теперь враги остались только справа. Эдуард по-прежнему ничего не видел, однако лабба и виин-черси, пригибаясь, перебежали на его сторону и залегли по левую руку от дзорха.

Противник не проявлял признаков активности, а нервное напряжение требовало выхода. Хотя бы в форме разговора.

— Говорит дзорх. Должен отметить, что наши оппоненты не проявляли враждебности. Стрельбу начал второй человек.

— Говорит виин-черси. Дзорхи всегда любили пустую болтовню. Объясняю — это были тлахасса. Или дзорх считает, что они поджидали наш отряд в засаде, а потом попытались окружить исключительно из дружеских чувств?

— Говорит дзорх. Сомневаться в очевидном — естественная черта истинно разумного существа.

— Говорит лабба. Перестаньте… — даже мощный процессор мультитранса сделал паузу, подбирая цензурный аналог земной лексики, — выпускать желудочные газы.

«Видим кого-то — сразу нажимаем спуск, — подумал Эдуард. — Прав старый Корн — нами движет страх. И трижды неправ Падла-Газанфар, вопивший, что человечество — стадо перепуганных подростков с винтовкой наперевес. Остальные разумные, включая Высших, ничуть не лучше…»

Словно торопясь подтвердить его мысль, из-за деревьев метрах в двухстах потянулись к отряду полосы дыма. Это могли быть только ракетные снаряды. Корунд с ужасом наблюдал, как приближается верная смерть — головки самонаведения, безусловно, найдут цель.

Только вдруг — к сильнейшему его удивлению — две ракеты одна за другой угодили в деревья, стоявшие между обоими отрядами. В тот же миг орудие «Сфинкса» выпустило веер лучей, поразивших еще несколько летящих снарядов. Лишь две ракеты прорвались к машине, но упали и разорвались с перелетом, так что никто не пострадал.

Тут у всех не выдержали нервы, и началась беспорядочная пальба. Винтовки выбрасывали капсулы с плазмой, мортира посылала снаряды по навесной траектории. Впереди образовалась обширная зона пожара и разбитых в щепки деревьев, а Мишель дважды кричал, что есть попадания и врагов становится меньше.

Расстреляв обойму, Эдуард торопливо перезарядил ИЖ-Лассо и возобновил стрельбу, но уже не в таком истеричном темпе. Малость успокоившись, он понимал, что нет смысла посылать заряды в сплошную стену гудящего пламени. Наверняка тлахасса, или кто там впереди, уже отступили, покинув сектор сплошного поражения, и готовятся атаковать с другого направления.

Противник не обманул его ожиданий. Обогнув полосу, где горели деревья, а плазма выплескивалась из магнитных ловушек, наемники Высших показались позади машины. Их было пятеро, и они на бегу стреляли из винтовок длинными очередями. Корунд выпустил три капсулы, пламя пожрало двух тлахасса, однако в этой обойме кончились снаряды.

Прикосновением к переводнику он трансформировал двадцатимиллиметровый капсулометный ствол в нарезной винтовочный чуть меньшего калибра, но выстрелить не успел — вокруг засвистели десятки пуль, и пришлось вжаться в грунт, бессильно слушая, как кусочки металла стучат в обшивку «Сфинкса».

Корпус машины заслонял противника от остальных участников безумного рейда. Лабба и виин-черси попытались короткой перебежкой сменить позицию, но рухнули со стонами, поймав густо летавшие пули.

«У тлахасса винтовки малого калибра, — машинально подумал Эдуард. — Индивидуальная защита должна выдержать. Только бы не в лицо…» Из ужасно неудобного положения, не поднимая головы, он кое-как прицелился в ближайшего врага и нажал спуск, выпустив длинную очередь. Тлахасса, словно споткнувшись на бегу, взмахнул руками, выронил оружие, сделал последние шаги на подгибающихся ногах и упал. Тут заработала мортира, прорезав сектор обстрела веерами фотонных потоков.

Одного тлахасса лучи разорвали в клочья, но последний был только ранен. С дистанции в полсотни шагов Эдуард видел, как хиппогоминид, тяжело опустившись на колени, готовится запустить реактивный снаряд. А ведь мог бы сдаться и сохранить себе жизнь… Землянин прицелился в закрытую капюшоном голову врага и дал короткую очередь бронебойными пулями, затем добавил длинную — чуть ли не в дюжину патронов — очередь по корпусу. Пули отшвырнули тлахасса, и тот больше не двигался.

Стало тихо. Только трещало неподалеку пламя, пожиравшее смолистую древесину псевдопальм. Если не вечность, то немалая ее часть отстучала кровью в висках, прежде чем нервно подрагивающий голос Мишеля сообщил:

— Сканер не показывает движений.

Эдуард встал. Рядом с ним, кряхтя и упираясь в грунт ружейными прикладами, поднимались лабба и виин-черси.

Крови на них землянин не видел, значит, пули тлахасса не осилили броню.

Не сговариваясь, они подошли к хиппопримату, которого Эдуард застрелил последним, всего в трех десятках метров от «Сфинкса». Пули землянина снесли копытному верх черепа по самую нижнюю челюсть, из громадной раны еще сочилось что-то красноватое.

Суровая воительница виин-черси сорвала с трупа «чешую», кинжалом разрезала мудрено скроенную одежду, привычно вскрыла брюшину и резюмировала:

— Не биоробот. Тлахасса в натуральном виде.

— Бывает, — рассеянно согласился дзорх, изучавший обрывки трофейной «чешуи». — Модель примитивнее наших.

— Нет антиграва, — подметила лабба.

— Не только, — сказал дзорх, — Это не наноматериал. Обычный пластик.

Пока умные существа обсуждали биологию пополам с технологией, Эдуард занялся бронежилетом, который тлахасса носил под зеркальной накидкой. Судя по всему, жилет был

изготовлен из многослойного эластичного пластика с металлическими пластинками между слоями. Пули пробили броню в двух местах.

Обшарив многочисленные карманы, землянин обнаружил массу неинтересных мелочей, а также пачку фотографий. Примитивные черно-белые картинки, вдобавок плоские, изображали каких-то тлахасса на фоне городских и сельских пейзажей. Понятное дело — солдат прихватил в последний поход изображения родных и своего дома…

Набор картинок был бы трогательной банальностью, если бы не фотография, затесавшаяся в середине колоды: на возвышенности стояли плечом к плечу два примата — копытный и обыкновенный. Задний план был плохо сфокусирован, однако Эдуард разглядел крепость на берегу бухты.

Фотография говорила о многом, понять бы только смысл новых фактов: то ли картина проясняется, то ли запутывается еще сильнее. От этого непонимания Эдуард разозлился — на себя, на Высших, на расу-М, на всю Вселенную. Хотя чего ждал он, простой егерь без нормального образования? Не его хилому интеллекту раскалывать загадки подобного масштаба.

Его инопланетные приятели болтали всякую чушь, спорили о технологической отсталости тлахасса. У них, дескать, и ракеты неуправляемые, и винтовки примитивные, и «чешуя»… Подняв оружие тлахасса, Эдуард разобрал затвор и громко выматерился. Лучше, чем кто-либо, он понимал свою ошибку: это нужно было сделать намного раньше — может быть, сейчас они бы догадались, что тут происходит.

— Говорит лабба. Наш проводник опечален?

Возможно, бывшая чемпионка планеты шутила. Нормальная реакция — после такого тяжелого боя каждому хочется расслабиться.

Приблизившись к остальным, Эдуард пустил по клешням и щупальцам фотографию. Первым сообразил, конечно, дзорх:

— Тлахасса и ландиб… Полагаете, снимок сделан на той планете, где вы побывали? (!)

— Безусловно. Они сфотографированы на фоне города людей. Кроме того, затворы винтовок тлахасса и ландибов имеют одинаковое устройство. Я уже видел похожую конструкцию много лет назад, когда Высшие вооружили такими винтовками кураиков.

Его сообщение обдумывали молча. Чтобы ускорить мыслительные процессы, Эдуард нашел в памяти своего видеофона чертежи затворов кураиков и ландибов.

— Похоже, — признала виин-черси. — Механизмы слишком похожи, это не может быть случайностью.

Мишель без долгих разговоров уложил трофейную винтовку в багажник машины и намекнул: мол, неплохо бы преодолеть последние километры до цели путешествия.

Отряд развернулся цепью по обе стороны от «Сфинкса». Все были серьезны и сосредоточенны — на встречу с неведомым шли в мрачном спокойствии, не забывая следить за окрестностями. Никто ведь не гарантировал, что их не поджидают в засаде другие банды врагов.

Через полкилометра лес внезапно кончился, сменившись пустырем, поросшим клочьями колючих ядовитых трав. «Сфинкс» медленно катился на колесах. Приборы предупреждали, что за левой оконечностью лежавшего по курсу водоема расположен источник сложных физических полей. Непосредственной угрозы колебания непонятных сил пока не представляли, однако беспилотные аппараты, запущенные в ту сторону, неизменно выходили из строя где-то над серединой озера.

Сбросив скорость, Мишель сказал, что дальше ехать опасно. Лабба немедленно откликнулась:

— Здесь везде опасность. Дзорх напомнил:

— Аборигены говорили, что отсюда никто не возвращался.

— Живности не видно, — подтвердил Эдуард. — Гиблое место.

Посовещавшись, решили все-таки подъехать поближе. «Сфинкс» катился совсем медленно, держа курс на северо-восточную оконечность водоема. Отряд осторожно шагал по

неровному рельефу.

— Коллеги, говорит виин-черси, — раздалось в наушниках. — Помогите решить шараду. Есть планета Кураре, которую контролируют Высшие. И есть другая планета, которую контролируют их конкуренты. Я не могу понять, каким образом Высшие забрали и привезли на Кураре вооруженных солдат с планеты конкурентов.

— Говорит лабба. Да, согласна. Это еще одна загадка, которую нельзя логически решить в рамках наших знаний.

— Говорит второй человек. Возможно, Высшие намного сильнее другой сверхцивилизации. Они бесцеремонно явились на планету Х и забрали все, что им нужно.

— Говорит дзорх. Возможно, планета-неизвестная является совместной собственностью двух сверхцивилизаций.

Подобные глубокомысленные рассуждения изрядно надоели Эдуарду. Количество умных слов и гипотез росло по экспоненте. Раздраженный, он и поведал о концепции взаимной диффузии сбалансированных Всемогуществ, и собеседники подавленно примолкли.

Очень нескоро дзорх признал, что гипотеза великолепна и может многое объяснить. Сварливая тетка лабба немедленно вставила:

— Не нам, простым солдатам, думать об этом. А вот наши теоретики-аналитики…

Ее прервал Мишель:

— Приехали.

Брат остановил «Сфинкса» в десятке шагов от сильно пересеченного прибрежного участка. Дорогу преграждал овраг, по дну которого струился в озеро узенький поток грязной воды. Из слякоти на склонах торчали корявые стволы красноплодников.

За ручьем начиналось заболоченное поле, из которого кое-где выпирали кочки и каменистые бугры. Эта полоса препятствий растянулась метров на триста, до следующего клочка джунглей. Там росли громадные деревья, кроны которых сплетались, полностью закрывая обзор для наблюдателей на орбите. В тени между древесными великанами маячили тускло мерцавшие тени, вспыхивали цепочки огоньков. Иногда странная роща расплывалась или подрагивала — словно вокруг объекта резко менялся коэффициент преломления. Детекторы «Сфинкса» подтвердили естественно возникшую догадку: за деревьями пульсировала зона искривленного или даже замкнутого пространства.

Никто не произнес этого вслух, но каждый понимал: цель похода достигнута.

Первым делом виин-черси отправила к роще машинку с приборами. Аппарат опять прекратил передачу примерно на полпути, а в сотне метров от объекта просто исчез. Два следующих «порхающих глаза» — земного типа и дзорховский — прекратили существование столь же внезапно. Никаких энергетических импульсов в момент исчезновения микророботов аппаратура «Сфинкса» не зафиксировала.

— Туда можно проникнуть или хотя бы связаться с хозяевами этого места! — Лабба кричала, бешено размахивая руками и закрылками. — Иначе проклятые Высшие не прогнали бы людей с Кураре.

— Все верно, — ответил рассудительный дзорх. — Но я не вижу способа.

— Попробуем сигналить, — предложил Мишель.

Битых полчаса они посылали сообщения на всех доступных видах излучений — от радиоморзянки до видеоклипов в диапазоне тензорной гравитации. Никаких откликов заметить не удалось — неведомая субстанция не обращала внимания на посланцев Большого Квартета.

Неудачи всегда плохо действуют на психику. Долгий марш-бросок, океан огня и смерти, неясность путей возвращения домой буквально раздавили Эдуарда. Кажется, остальные чувствовали себя примерно так же. Лабба сидела на бугорке, безразлично глядя мимо рощи с артефактом. Дзорх нервно метался, сплетая и расплетая гроздья щупалец. Раздосадованная виин-черси подвела итог беспросветных усилий:

— Мы ведем себя, как стайка мелких насекомых, которым вздумалось жужжать, привлекая внимание гарнизона орбитальной крепости.

Неожиданно для землян лабба развила глубокую аналогию коллеги:

— Если рядом со мной станут кружиться и жужжать насекомые, я просто прихлопну их или побрызгаю аэрозольным инсектицидом.

— Неуместные шутки. — Раздраженный дзорх начат подергивать хвостом. — Мы должны придумать какое-то решение.

— Где вы увидели шутки? — Лабба передернула закрылками. — Решения нет. Превосходящая раса не обратит внимания, даже если мы устроим коллективное самосожжение.

Когда они выговорились, Эдуард произнес с досадой:

— Теоретически решение существует. Ключ-кристалл вскрывает некоторые типы замкнутого пространства.

— К сожалению, кристаллы остались на Джуманджи, а то и переправлены на Землю, — печально сказала виин-черси.

Негромко кашлянув, Эдуард извлек из рюкзака контейнер, пояснив:

— Мне разрешили доставить сюда один экземпляр.

В его сознании снова возникли сумрачные непостижимые образы. Поняв, что требуется, ключ-кристалл подбирал необходимую процедуру для взлома перекрученных измерений.

Человек уже собирался отдать мысленную команду, но в этот миг вокруг замелькали разноцветные вихри, а по извилинам мозга ударили предостерегающие вопли:

— Немедленно прекрати!.. Остановись!.. Ты не представляешь, какие силы выпускаешь на свободу!..

Отряд был окружен Высшими. Эдуард увидел старых приятелей — Серо-Зеленого, Красно-Синего и Желто-Черного, который вылечил Геллу, а также других, чьи расцветки были ему незнакомы. Корунд с радостью понял, что телепатические послания Высших пронизаны страхом — обладатели Всемогущества боялись его, простого Старшего, потому что он может совершить что-то ужасное для сверхцивилизации.

На всякий случай он схватил Мишеля за руку, чтобы тот не кинулся в самоубийственную атаку на всемогущественных. Впрочем, капитан контрразведки не пытался вырваться — напротив, прикрывал собой старшего брата. Невольно улыбнувшись, Эдуард собрался отдать последний приказ, но ключ-кристалл уже сработал, не дожидаясь его разрешения.

Внешне, казалось бы, ничего не изменилось. Лишь прибавилось истеричности в мысленных выкриках Высших. Сделавшись зыбко-полупрозрачным, Серо-Зеленый отодвинулся в сторону степи, словно старался держаться подальше от просыпавшегося артефакта. Остальные же Высшие отчаянно передавали в телепатическом диапазоне:

— Мы предупреждали дикарей не делать этого!

Потом стали накатываться последовательные волны пониженной и повышенной гравитации. После третьего наплыва невесомости Высшие исчезли, а роща озарилась неярким радужным свечением.

5

Происходило что-то, недоступное человеческим ощущениям. Эдуард чувствовал лишь нарастающее давление на сознание. Такой же, но совсем слабый эффект чужого вторжения в разум предшествовал появлению Высших.

Вокруг быстро темнело, будто отряд накрыло невидимым куполом. Они оказались в искаженном пространстве, причем им составило компанию почти прозрачное бесформенное нечто. Точнее, некто. Невесть откуда взялось понимание, что колышущаяся искрящаяся Тень вполне разумна и сверхмогущественна.

Ладонь безвольно разжалась, выпустив ключ-кристалл. Эдуард погружался в полную прострацию — ни страха, ни желаний, ни решимости задать вопрос. От облака искр исходило ощущение невероятной силы, полностью подавлявшей психику пятерки Старших.

Обладатель Сверхмогущества словно сканировал пришельцев, потревоживших артефакт, чем бы тот ни был. Среди нейронов и синапсов Эдуарда зазвучали голоса — вероятно, отзвуки мыслей, которыми обменивались личности, составлявшие индивидуальность Тени:

— Это не могли быть они… Ключ был у гуманоида… Слишком примитивны, на этом уровне не могли создать ключ… Вероятно, их использовали другие… Пусть расскажут… Пусть лучше молчат…

К нему вернулась какая-то степень свободы поступков, и Эдуард, облизнув губы, полюбопытствовал:

— О чем рассказывать? Мы искали…

По мозгу болезненно хлестнул приказ помолчать. В голове замелькала чехарда воспоминаний.

Отец, совсем молодой, тянет руки к его кроватке. Первая ночь с Колой, не первая измена Гелле со случайной партнершей, лекция по астрополитологии на втором семестре универа, разговоры с Высшими, детский восторг от старого глупого мультфильма, урок алгебры в средней школе, сражение на Кураре, жалобы родителей на запрещение Высшими важнейших исследований, разборка с теолийцами, дискуссия о Высших с бывшей женой, разговоры с братом и друзьями, маяк на планете Х… И еще десятки, сотни, тысячи зрительных образов и слов — перекрывавшихся, перемешанных, странным образом скомбинированных и при этом создававших почти законченную картину, хотя Эдуард не мог понять смысла в этом синтезе.

Сверхмогущественный, которого Эдуард мысленно назвал Тенью, внезапно прекратил копаться в его памяти. Скованность отступала, возвращая способность думать и шевелиться. Остальные тоже расслабились, кто-то даже смог простонать. В сумерках под куполом прозвучал голос Тени:

— Вы не виноваты. Вас пытались использовать. Грубая варварская хитрость — они надеялись, что мы неспособны понимать элементарные уловки.

В этот момент все пятеро — голосом или мысленно — обратились к Тени, пытались объяснить, почему отправились в поход к артефакту, сетовали на произвол Высших, просили защитить и помочь вернуться. Тень ответил отвлеченно, словно не слышал этих призывов:

— Вы не понимаете, почему оказались в этом месте, но пославшие вас ошиблись куда сильней — они не понимают, для чего создавались подобные места. Они искали ключ к успеху, но угодили в ловушку. Если появляются цивилизации, достаточно могущественные и тупые, чтобы пробиться через барьеры измерений, — для них открываются врата Преисподней.

Тень и купол исчезли одновременно. Пятеро на краю болота ждали чуда, но звездные владыки скупы на чудеса. Ничего не происходило — лишь Десятка закатывалась за лес на горизонте и начинало темнеть. Сверхразум на короткий миг явился ничтожным Старшим и снова ушел, чуть приоткрыв щель в свои тайны.

Собравшись вокруг машины, они снова перекусили в тусклом свете красного солнца. Каждый молча обдумывал ситуацию, которая не стала менее безвыходной. Покончив с ужином, Эдуард упаковал рюкзак и, недружелюбно поглядывая на мерцавшую за деревьями ловушку для Высших, резюмировал:

— Древних мы не заинтересовали, портал не нашли, сокровищницу знаний — тоже, секрет Всемогущества не получили. Пора сваливать.

— Куда? — осведомилась лабба. — Предлагаю немного отдохнуть, подавить негативные эмоции, а потом уже начнем обустраиваться.

— Я тоже подумала об этом, — призналась виин-черси. — Мы прошли курс

выживания и сможем протянуть на этой планете до старости. Возможно, через некоторое время прилетят корабли.

— Чьи корабли? — безразлично поинтересовался Мишель.

— Неважно. Лишь бы забрали нас, — объяснил дзорх. — Девочки хорошо придумали.

— Девочки придумали просто замечательно, — свирепо зарычал Эдуард. — Соблюдая несложные меры предосторожности, мы даже сексом заниматься сможем.

— Об этом я тоже думала, — поведала виин-черси. — Эстетически вы мне, разумеется, неприятны, однако… если закрыть глаза и зажать ноздри…

— Через год-другой привыкнем и перестанем закрывать глаза, — жизнерадостно успокоил девочек дзорх. — Если, конечно, до этого не застрелимся от скуки.

Лабба возразила вполне серьезно и даже с воодушевлением:

— Скучать не придется, у нас получится прелестный пятиугольник.

«Они сломались, — понял Эдуард. — Когда нет явного врага, но лишь тупая неизбежность — бойцы ломаются. Солдаты не видят смысла продолжать борьбу…» Что ж, для такого случая в отряде есть проводник.

Легонько подвинув брата, Эдуард занялся навигацией. Предстояло преодолеть чуть больше двух мегаметров. В худшем случае можно и пешком, но «Сфинкс» облегчает задачу. Конечно, в машине будет тесновато, но стоит ли думать о подобных пустяках…

Увидев, какой маршрут он прокладывает, Мишель понимающе охнул и шлепнул себя полбу: как же, мол, я сам не додумался. Подмигнув братишке, Эдуард задал высоту и среднюю скорость, затем подозвал чужаков.

Те не прореагировали на оклик. Лабба, дзорх и виин-черси обсуждали важную проблему: как им обустроиться на Кураре. Судя по обрывкам фраз, они планировали поиск более безопасного и удобного — в смысле обороны — места для лагеря.

— Кончайте болтать, — крикнул Эдуард. — Самое удобное место — космодром Северной Омерты. Мы с братом решили лететь. Присоединяйтесь, если хотите.

Дзорх и лабба недоуменно уставились на людей, а виин-черси, раздраженно жестикулируя, огрызнулась:

— Я проверяла ресурсы этой колымаги. Мы не долетим даже до моря.

— Не спорь, женщина. — Эдуард рассмеялся. — Собирайте вещички, полезайте в машину и слушайтесь проводника.

Когда все, ворча, втиснулись в десантный отсек, он признал, что турботоплива хватит ненадолго. Чужаки промолчали.

Он проложил кратчайший путь — по прямой, но запасы горючего таяли стремительно даже на оптимальной скорости. Похоже, покидая станцию, Мишель второпях не догадался проверить заправку, а потом неловко тормозил и маневрировал, израсходовав почти все, что имелось в баках.

Моторы захлебнулись вскоре после того, как далеко впереди показалась тонкая зеленовато-коричневая полоска — море. Еще около сотни километров «Сфинкс» пролетел в режиме планирующего спуска — микрореактор продолжал подавать напряжение на шины антигравитаторов.

Эдуард сумел посадить машину на сравнительно гладкую степь — подальше от джунглей и туземных деревень. Толчок при соприкосновении с поверхностью планеты получился не слабый, однако не фатальный.

— Уважаемые пассажиры, мы прибыли на промежуточную станцию. — Опытный проводник помнил, что в тяжелых ситуациях туристов надо подбадривать идиотским юмором. — От места назначения, заброшенного поселка Пионерский, нас отделяют жалкие сто двадцать километров. Вас ждет увлекательный тур по экзотической местности, живописные ландшафты, забавные аборигены, а также симпатичные феномены плотоядной флоры и фауны.

— Ты забыл сказать о враждебных инопланетянах в зеркальной «чешуе», — напомнила ему лабба и осведомилась: — Дальше движемся в пешем строю?

— Не сразу, — обнадежил ее проводник. — Реактор пока гудит, колеса крутятся. Какое-то расстояние покроем с комфортом.

— А что потом? — поинтересовался дзорх. — Собираетесь пересечь пролив вплавь? А потом — пешочком через половину континента?

— Сказано же — слушайся проводника, — ответил за брата Мишель. — И вообще держи хвост пистолетом.

На всякий случай дзорх посмотрел на свой хвост и больше вопросов не задавал. Остальные пассажиры тоже не спешили склочничать, некоторые даже отключили мультитрансы.

Удовлетворенный таким подобием дисциплины Эдуард решительно направил машину на север. Однообразная степная плоскость не баловала эстетическим разнообразием и прочими неожиданностями. Отряды тлахасса, банды кураиков и стаи крупных зверей хищников на глаза не попадались, а мелкие твари разбегались от мчавшегося полным ходом шестиколесного монстра.

Народ в кабине почти успокоился. Девки со знанием дела судачили о межвидовом сексе, прикидывая — как бы поделить трех самцов. Дзорха их откровения, кажется, начали смущать, а братья-земляне развлекались, изредка вставляя похабные реплики.

Идиллия кончилась возле перегородившей путь речки. Здесь их ждали.

Пятеро покинули машину, не снимая оружие с предохранителей и настороженно глядя на Серо-Зеленого.

— Не волнуйтесь, — протелепатировал Высший. — Я не собираюсь вас убивать.

— Но и помогать не намерен, — подумал вслух Эдуард. Проигнорировав его мрачное пророчество, Высший продолжил:

— Я пришел, чтобы поговорить. Вы оказали нам услугу, помогли начать новый этап истории. Поэтому заслужили право получить немного бесполезной для вас информации.

Мысли Серо-Зеленого обрушивались непрерывным потоком, вливаясь в сознание пяти усталых и сбитых с толку существ. Харизматичное божество равнодушно вешало, не заботясь, понимают ли его слушатели, включены ли устройства, записывающие телепатическую речь. Эдуард все-таки выхватил видеофон и убедился, что прибор фиксирует каждое колебание биотоков.

— Очень долгое время мы готовили это событие. Должен сознаться, меня беспокоит исход грядущей битвы. Существует вероятность, что в схватке за право повелевать Вселенной моя цивилизация потерпит поражение и навсегда исчезнет. В таком случае вы когда-нибудь сообщите своим расам о печальной судьбе Высших.

Лабба, особа по-спортивному несдержанная, злорадно съехидничала:

— Вы хотели проникнуть в тот свернутый континуум, но при этом — скрыть свое участие. Как будто покой Суперов потревожили варвары-Старшие. Ваш замысел не удался: Суперы прекрасно поняли, что произошло на самом деле, так что теперь вас ждут большие неприятности.

— Вы наивны, как все дикари, — ответил Серо-Зеленый. — Разумеется, они смогли кое-что понять. Но прежде Суперам пришлось открыть щит, которым они отгородились от Вселенной, а мы сумели разобраться в природе этого щита. Теперь наши воины смогут пробиться в шаровые скопления, и Превосходящая раса будет вынуждена признать нас равными себе и допустить к Истинному Всемогуществу.

Момент показался удобным, чтобы проверить хитроумные догадки метанауки. Эдуард осторожно поинтересовался:

— Наверное, сам факт существования Суперов должен был вас пугать. Как же вы решились выступить против Превосходящей расы?

К его удивлению, Высший не проигнорировал вопрос, но даже снизошел до подробного ответа.

— Страх унизителен, — прогремела мысль Серо-Зеленого. — Разумное существо не

может вечно жить в страхе — либо, сломавшись, превратится в животное, либо восстанет в надежде сокрушить источник пугающей силы и тем самым обеспечить безопасность себе и последующим поколениям. Иных путей не существует, законы Вселенной безжалостны и просты, как принципы естественного отбора в дикой природе. Давным-давно мои далекие предки наивно верили, что смогут независимо жить рядом с Превосходящей расой, что смогут договориться и согласовать условия мирных и дружеских отношений. И тогда Превосходящая раса очень больно наказала нашу расу. Мои предки оказались на грани гибели. Нам пришлось долго бороться за выживание. Пращурам удалось возобновить прогресс, медленное возрождение технологий. Со временем они снова — очень осторожно — вышли в космос, опять устремились к звездам. Нас не останавливали, хотя моих предков вели ненависть и желание отомстить. Мы думали, что наказавшая нас цивилизация ушла далеко вперед, их больше не беспокоят успехи технологических цивилизаций. Наши звездолеты находили много развалин. Некоторые культуры умерли сами, другие были убиты, а третьи — таких оказалось немного — перешли на иной уровень существования, которого теперь достигли мы. И совсем немногие достигли Истинного Всемогущества. Вы называете их Суперами.

— Вы нашли следы той цивилизации, которая устроила экзекуцию вашим предкам? — спросил дзорх.

— Да, нашли, вы называете их Древними. — Высший продолжал, опережая вопросы: — Они не успели стать Суперами. У них была большая война с теми, кого вы называете шистрав. Обе эти расы, а также их союзники истребили друг друга, и долгое время никто не мешал нашему прогрессу.

Эдуард все-таки успел спросить, опередив собеседника:

— А как называлась прежде ваша раса? — Грон-гыч.

Ошеломленные откровениями Серо-Зеленого, пятеро Старших обменивались растерянными взглядами. Трудно было преодолеть шок от внезапного прозрения, что вызывавшая бездну сострадания раса грон-гыч выжила и даже превратилась в ненавистных Высших. Наконец виин-черси, тетка злая и грубая, недоверчиво произнесла:

— Вы снова лжете. Древние не погибли. Они создали сеть межзвездных порталов и помогли человеку-проводнику добыть ключ.

Внезапно старший из Корундов понял, что вся картина галактического расклада сил, казавшаяся такой логичной всего час назад, рассыпается прахом. Раса-М вовсе не помогала Старшим раздобыть оружие против Высших. Таинственные приключения на неизвестных планетах, сверхдальние гиперпрыжки через маяки-порталы, кровавая бойня на подступах к Приморску, — прав оказался Мишель, все это было добротно поставленное шоу, в финале которого посланцы Большого Квартета выполнили грязную опасную работу, помогая Высшим раскрыть какие-то секреты Суперов.

Сколько раз он сам разыгрывал туповатых доверчивых туристов, подбрасывая фальшивые артефакты, «случайно» выводя группы к развалинам древних храмов или обломкам доисторических звездолетов. И вот теперь мерзкие Высшие поймали бывалого мистификатора на точно такую же блесну. Если бы не брат с его профессиональной подозрительностью, ни за что бы не осенило Эдуарда…

Подняв на Серо-Зеленого взгляд, полный обиды и ненависти, он вдруг ощутил исходящие от Высшего волны веселого дружелюбия. Энергетический кокон вовсе не питал к нему высокомерного презрения или неприязни. «Неужели они в самом деле относятся к нам, как к малым детям, подобно тому, как мы считаем детьми Младших, — недоуменно подумал Эдуард. — А мы, как дети, обижаемся на взрослых за недостаточное к нам внимание и за суровость подзатыльников».

Мысль не была новой, но теперь логические спекуляции подтверждались как будто бы эмоциональным фоном мыслей Высшего. А суровые наказания — бомбардировка непослушной планеты Ны-Гроно-Гычы, геноцид тлахасса, мятеж куриариков… Сильно ли тревожит нас безвременная гибель нескольких варваров из Младших? Для Высших столь же

дешево стоят жизни Старших…

После таких невеселых раздумий оставалось только задать безнадежный вопрос:

— Никакой расы-М не существует?

Для спутников его слова стали новым шоком — как и ответ Высшего:

— Я не сомневался, что ты догадаешься раньше остальных. Для этой инсценировки мы использовали технологические реликвии, созданные очень давно разными цивилизациями. Наверное, вы заметили несоответствие датировок.

— Заметили! — Эдуард снова разозлился. — Но зачем вам потребовались мы? Или не хватает безмозглых игрушек с дистанционным управлением? На такой случай сгодились бы наемники с планеты Х. Они бы сыграли роль, не доставив хозяевам лишних осложнений.

Заканчивая фразу, он уже понимал, что говорит глупость. Биороботы не годились — Суперы легко перехватили бы сигналы контроля, тем самым разоблачив коварные замыслы Высших. Не годились и обитатели планеты Х — затертая память делала их слишком некомпетентными помощниками. Для финальной сцены грандиозного спектакля были необходимы существа, пропитанные злобой к Высшим, то есть Старшие в натуральном виде — выросшие и воспитанные в своих социумах.

Между тем Серо-Зеленый сообщил:

— С вами тоже не возникало серьезных осложнений. Мысленная фраза Высшего прозвучала приговором: расы Большого Квартета, сами того не сознавая, покорно выполнили пожелания харизматических героев, проложив последним столбовую дорогу к неведомой цели. После тяжелой паузы умница дзорх уместно напомнил, что ошибки носителей Всемогущества могут иметь катастрофические последствия. Энергетический кокон ответил равнодушной мыслью:

— Вы не понимаете. Низшая раса в принципе неспособна понять Превосходящую. У вас недостаточно знаний, поэтому вы пытаетесь домыслить непонятное на основе собственных заблуждений, а потому совершаете грубые ошибки. Приведу простой пример, связанный с интимной жизнью моего давнего подопечного, который сейчас выполняет функции вашего проводника.

Его рассказ окончательно добил Эдуарда, но расставил по полочкам часть фактов, выглядевших до сих пор совершенно необъяснимыми. Оказывается, Глом решил провозгласить Колайру королевой Виедры, объявив соплеменникам, что его дочь родила ребенка от землянина. Первый в истории Теоле наследник Небесного Гостя был бы назван божественным предначертанием, указывающим на избранность семейства Авейра. С этой целью на далеком острове нашли здоровенного детину, который напоминал комплекцией Эдуарда Корунда, и Фина сделала пластическую операцию, придав лицу островитянина черты человека, с которым, как было известно всей округе, спала Кола. Не знавшие законов генетики теолийцы были убеждены: внешнего сходства вполне достаточно, чтобы родился ребенок, похожий на Корунда.

— Ты умеешь сообщать приятные новости, — буркнул Эдуард.

— Информация бывает или правдивой, или ложной, — поведал Высший. — Приятная она или нет, зависит от субъективных факторов.

Лабба и дзорх почти одновременно спросили, когда им разрешат покинуть Кураре. Ответ оказался вполне предсказуемым:

— Покинете, когда сможете.

Передав эту мысль, Серо-Зеленый стал невидимым.

Пятеро участников чужого спектакля долго изливали в окружающую местность неисчерпаемые шедевры ненормативной лексики, веками вызревавшие в недрах каждой культуры. Демонстрация лингвистической экзотики продолжалась и в кабине «Сфинкса», на последнем отрезке марш-броска через враждебные равнины.

Со временем разгневанные и униженные Старшие чуть остыли, но матерная риторика в почти непосильной для мультитрансов форме вернулась, когда стали видны постройки. Вокруг поселка, явно поджидая гостей, бродили десятка три тварей в зеркальной одежде.

Пока противник не видел машину, скрытую за деревьями и кустами, но от зарослей до портала простиралось не меньше километра открытой простреливаемой местности.

Военный совет был недолгим — оптимальную тактику выбрали без разногласий. Нагруженный полуцентнером полезных припасов Эдуард привычно залег на правом фланге. По его приказу заговорили четыре винтовки, укладывая одного за другим заметавшихся под пулями тлахасса. Часть врагов укрылась в траве, открыв ответный огонь, но большинство забежали в окаймлявшие площадь многоэтажки. Мишель немедленно всадил в эти дома по фугасному снаряду, и строения обрушились, похоронив под обломками солдат противника.

Казалось, от цели их отделяют лишь пять уцелевших стрелков, но внезапно с десяток фигур в «чешуе» появились на крыше портала, стреляя по засевшим в джунглях бойцам Большого Квартета. Эдуард вовремя перекатился, сменив позицию: по месту, где он лежал всего полминуты назад, кучно ударили пули.

Чертыхаясь, Эдуард прицелился в засевших на портале тлахасса и разрядил всю обойму. Его пули задели как минимум двоих, которые упали с тридцатиметровой высоты на каменные плиты. Остальные благоразумно попрятались.

Снова заговорила мортира «Сфинкса». Мишель развесил над площадью шрапнельные бомбы, щедро засеяв пространство металлическими шариками. Следующая серия снарядов разорвалась над порталом, засыпав шрапнелью тех, кто затаился на крыше. Сверху свалились еще несколько подранков, кто-то заметался, подставляясь винтовочным выстрелам. Несмотря на солидную дистанцию, винтовки и станковый бластер отыскали немало мишеней, хотя невозможно было понять, сколько наемников сверхцивилизации остались в живых и смогут дать бой на подступах к порталу.

Израсходовав последние шрапнельные снаряды, машина покинула убежище, устремившись к монументальному строению из монолитного керамобетона. Когда «Сфинкс» преодолел чуть больше половины расстояния, не меньше дюжины солдат, поднявшись из травы, принялись палить из винтовок и пускать реактивные снаряды. Еще семеро стреляли с крыши портала. «Сфинкс» энергично разбрызгивал ответные лучи, поражая врагов, но две ракеты все же ударили в машину, пробив обшивку и раскромсав среднее колесо левого борта.

Пока внимание противника было приковано к машине, лабба, дзорх, Эдуард и виин-черси, тщательно прицеливаясь, сняли семерку на портале. Мишель не принимал участия в этой перестрелке, потому как, забравшись на дерево, управлял «Сфинксом» с помощью дистанционного пульта.

— Третья ракета попала, — сообщил он недовольным голосом. — Кабина загорелась.

Орудие развернулось, срезав лучами парочку подобравшихся совсем близко врагов. В тот же момент еще один боец в примитивной «чешуе» выстрелил ракетой с другой стороны, угодив в башню, которая перестала вращаться. Виин-черси немедленно застрелила ракетометчика, а дзорх и лабба убили еще троих, но те успели всадить две ракеты в кормовую часть машины. «Сфинкс» остановился, из пробоин хлестнуло пламя.

— Ложись мордами вниз! — совсем не по уставу заорал Эдуард, упав ничком. — Закрыть глаза, сейчас реактор рванет!

Полежав немного в неудобной позе, но не дождавшись грохота, он осторожно прополз вперед и выглянул из-за кустов. Машина слегка дымила, к ней с разных сторон подкрадывались трое.

— Так будет взрыв или нет? — осведомилась нетерпеливая лабба.

— Нет, — Дзорх уверенно вынес вердикт. — Если сразу не взорвалось, значит, блокировка заглушила реактор.

После недолгих сомнений Эдуард решил согласиться с мнением рептильного умника. Судя по всему, реактор отключен, огнетушители погасили пожар, угроза прорастания дымного грибочка миновала.

Запустив левитаторы, пятеро Старших взлетели, направляясь к порталу. С высоты около сотни метров стали видны шевелившиеся на поле враги, которых угостили

экономными очередями. Перед посадкой они сделали круг над порталом. С заваленной трупами плоской крыши громадного строения их пытались обстрелять двое — обоих прикончили сосредоточенным огнем в пять стволов.

— Кажется, теперь чисто, — неуверенно предположил Мишель.

— Кажется, — буркнул Эдуард. — Но все равно будьте начеку.

Они опустились на пандус перед средними вратами. Каменные плиты были залиты высыхающей кровью, повсюду валялись трупы в «чешуе». Эдуард рванулся к замку, торопясь набрать лишь ему известный пароль, но внезапно остановился. Его смутило, что пятна крови вокруг убитых врагов были разных оттенков красного цвета. Другие тоже обратили внимание на эту странность. Показывая верхней конечностью на лежавший перед самыми вратами труп, виин-черси объявила:

— Это не тлахасса.

Виин-черси нагнулась, чтобы сорвать с мертвеца капюшон зеркальной «чешуи». Труп, однако, проявил прыткость и легко вскочил, замахиваясь большим кинжалом. Трехножка прикладом выбила оружие из лап противника, но тот, ухватив ствол винтовки, несколько раз ударил виин-черси головой и нижними конечностями, а затем отбросил винтовку и обеими лапами вцепился в верхнюю часть тела — словно хотел задушить. Пустив в дело все три толстых верхних щупальца, виин-черси оторвала от себя лапы противника, а двумя нижними провела красивую подсечку.

Существо в капюшоне оторвалось от виин-черси очень эффектным задним сальто и потянулось к лежавшей поблизости винтовке. Виин-черси опередила врага, успев выхватить бластер и нажать спуск.

Хотя внимание остальных было полностью захвачено этой схваткой. Эдуард заметил краем глаза постороннее движение. Резко повернувшись, он одновременно вскинул карабин. Двое окровавленных врагов медленно поднимались, и он застрелял обоих прежде, чем те успели прицелиться. Последнего недобитка прикончили дзорх и Мишель.

Еще хлопали винтовочные и шипели бластерные выстрелы, а неугомонная виин-черси уже стянула с убитого врага защитный балахон. Взглядам открылось существо, совершенно непохожее на тлахасса, но хорошо всем знакомое.

— Ландиб, — выразил общее мнение Эдуард. — И винтовка у него такая же, как у ландибов на планете Х.

Внимательно рассмотрев убитого примата и его оружие, дзорх резюмировал:

— Высшие использовали тот мир как арсенал и базу для подготовки наемников. Интересный факт, однако новое знание никак не поможет в нашей ситуации. Займемся делом.

Они четырежды ходили к подбитому «Сфинксу», чтобы приволочь все припасы, которые могли пригодиться для выживания. Никто не знал, сколько времени придется провести на Кураре, поэтому решили не оставлять ничего. Когда перед вратами выросла гора коробок с инструментами, провиантом и боеприпасами, Эдуард набрал пароль — одиннадцать букв и пробел.

Гелла Корунд.

Слова, которые двенадцать лет назад не имели связи с реальностью и были всего лишь мечтой о несбыточном счастье. Сейчас глупый пароль стал напоминанием о счастье несбывшемся.

Дверь отъехала, и пятеро затащили в камеру свои припасы. Финал эвакуации проходил под обстрелом — в поле перед порталом затаились несколько ландибов или тлахасса. Лабба и виин-черси ответным огнем заставили врагов замолчать и залечь. Тем временем остальные занесли последние коробки с патронами и ящики с консервами. Эдуард выбрал в меню пункт назначения и нажал клавишу «Старт».

Замигал плафон «Прибытие», отъехала дверь с надписью «Выход».

Прижимая к плечам приклады, готовые стрелять по любой движущейся и неподвижной

мишени, пятеро осторожно вышли в коридор. Здесь было пусто, кондиционеры гнали поток свежего прохладного воздуха. Помещение выглядело стерильно чистым, то есть аборигены сюда не добрались, а роботы-уборщики продолжали функционировать.

Вскоре они, чуть расслабившись, но держа оружие в руках, клешнях и щупальцах, шли по широкому проходу, а следом катились тележки, нагруженные полутонной поклажи. Возле разветвления коридоров лабба задумчиво проговорила:

— Насколько я знакома с устройством земных космопортов, красные стрелки должны указывать путь к отелю универсального типа.

— Совершенно верно, — подтвердила виин-черси. — Если работают синтезаторы пищи и другое полезное оборудование, каждый сможет подобрать для себя комфортабельные параметры жизнеобеспечения. Что скажет проводник?

— Проводник собирался отвести вас именно в отель, — сообщил Эдуард.

Не встретив никого по пути, они добрались до гостиничного комплекса и разбрелись по номерам. Примерно через час, отлежавшись в ваннах и пропарившись в саунах, пятеро встретились в ресторане. Меню кухонного робота, продремавшего столько лет в режиме консервации, не баловало разнообразием, но после приключений в джунглях народ не привередничал. Свежевыпеченный хлеб — серый и белый — показался вершиной кулинарного колдовства. Инопланетяне тоже восторгались какими-то простыми салатами и выпечками.

Эдуард с наслаждением выхлебал горшочек острого густого супа с мелко нарубленными грибами, картошкой, перчиками, кусочками рыбы и креветками. Утолив зверский голод, он неторопливо занялся большим лангетом.

— На сколько времени хватит припасов? — осведомилась виин-черси.

— Должно хватить на тысячи таких обедов, — ответил Мишель. — Стандартный запас продуктов и полуфабрикатов на провинциальных объектах рассчитан на пропитание пятисот людей и ста инопланетян в течение десяти суток.

— При необходимости можно будет загрузить подручную биомассу, — добавил Эдуард. — Возможно, при этом теряются какие-то белки и витамины, но жить можно. В общем, мы протянем не меньше трех лет по земному стандарту.

Некоторое время все жевали и переваривали в молчании, мысленно пересчитывая названный срок в привычные единицы времени. Наконец лабба, понизив голос от расстройства чувств, заметила:

— Непристойно долгий срок. Мы будем деградировать, даже экзотический секс не спасет.

— Безусловно. — Виин-черси мрачно свела вместе все три глаза.

Дзорх ехидно добавил:

— Опустимся, сопьемся и перессоримся. К тому же все записи шоу-программ давно устарели. Скука гарантирована.

Лениво слизнув кремовую розочку с пропитанного сиропом бисквита, Эдуард предположил, что на космодроме должен быть мощный узел связи.

— Можно попробовать ловить свежие передачи, — сказал он.

— А заодно сообщить о себе, — мгновенно среагировал Мишель. — Рано или поздно корабли-роботы уберутся отсюда, и тогда исчезнет «Щит Безмолвия».

Поспешно прикончив десерт, пятерка робинзонов отправилась в диспетчерскую. Здесь их ждал очередной сюрприз: в пустом зале работали десятки мониторов, и многочисленные голоса шумели на разных языках, заглушая друг друга.

Из этой жуткой какофонии слух Эдуарда не без труда вычленил обрывки осмысленной человеческой речи. Кто-то вызывал «Атакаму», пытаясь сообщить что-то про боевой робот Высших, одновременно «Монблан» требовал уточнить, сколько именно кораблей взорвалось. Наконец «Атакама» попыталась откликнуться, но передачу забили вопли дзорхов, а затем сквозь тарабарщину виин-черси прорвался приказ «Марсианке» приблизиться к самому крупному обломку и провести предварительный осмотр.

«Марсианка» оправдывалась: мол, не хватает скафандров и других средств для высадки полноценного исследовательского десанта, на что «Монблан» ответил:

— «Челленджер» не успевает. Выполняйте приказ имеющимися средствами. Вас прикрывает «Цусима».

Малость обалдевший Эдуард обвел взглядом спутников. Все напряженно прислушивались, пытаясь выловить хоть какую-нибудь информацию. Лабба возбужденно выкрикнула:

— Там что-то происходит! Я слышала о трех роботах-убийцах Высших!

— Вроде бы еще несколько могут появиться в любой момент, — добавила виин-черси. — Какие-то корабли уничтожены, а какие-то пытаются подойти к обломкам.

Дзорх печально прокомментировал:

— Да-да, похоже, что Высшие решили расстрелять корабли, эвакуировавшие персонал орбитальных станций. Как я понял, наши хотят спасти кого-то среди обломков.

Все стояли в растерянности, не в силах понять, что же творится в ближнем космосе. Эдуард лишь нашел ошибку в рассуждениях дзорха: земная группировка вовсе не собиралась кого-либо спасать — речь шла об исследованиях неизвестного частично разрушенного объекта.

Сохраняя на лице гримасу мрачной озабоченности, Мишель подошел к пульту, приглушил звук и задумчиво произнес:

— Здесь случилось что-то совсем другое. «Монблан», «Марсианка» и «Атакама» — грузопассажирские суда. Когда я сбежал на «Сфинксе», эта флотилия как раз подошла, чтобы эвакуировать наблюдателей со станций блокады. Но все они должны были уйти много часов назад. И никакой «Цусимы» здесь не было.

— «Цусима» — крейсер, — сообщил Эдуард. — Военный корабль сравнительно старой постройки. Он однотипен «Энтеббе», на котором служил Генрих. Кроме того, упоминался «Челленджер» — летающий научный центр.

— Не может быть! — Мишель замотал головой. — Высшие разрешили властям Большого Квартета прислать только по три судна гражданского флота.

— И тем не менее крейсер в системе, обсерватория тоже рядом, но запаздывает, — уперся старший брат. — И совсем уже непонятно, кого расстреляли Высшие.

Дзорх объявил, что слышал название военного корабля своей расы и четырех гражданских бортов, в том числе — научно-исследовательского лабораторного лайнера высшего класса.

Ситуация запуталась до предела. Тряхнув головой, Мишель сел за пульт, отключил лишние каналы и вызвал «Монблан».

— Говорит Корунд, оперативная группа «Кураре». Дайте мне Мурышенко.

Через полминуты на голограмме появился крупногабаритный усатый блондин в рабочей робе. Увидев собеседника, Мурышенко радостно заулыбался и прогудел:

— Привет, Мишка, мы уж не надеялись тебя увидеть…

— С чего бы?

— Так ведь твой «Сфинкс» взорвался час назад. Почему-то в районе Пионерского. А теперь ты вдруг оказался на космодроме Северной Омерты.

— Все живы, Билли. Что случилось у вас?

— Трудно передать. — Билли Мурышенко отмахнулся. — Кажется, Высшие сломали лопатку, закапывая собачку.

Намек на древнюю армейскую байку безошибочно выдал кадрового офицера. Вероятно, Мурышенко был коллегой Мишеля из военной разведки. Между тем Билли рассказывал ужасы, которым плохо верилось.

По его словам, дюжина кораблей Большого Квартета, приняв на борт персонал станций, двинулись к границам системы малым ходом: Высшие разрешили включить гипердвигатели только за орбитой внешней планеты. Не дожидаясь их ухода, корабль-убийца принялся расстреливать пустые станции. Потом появились еще два боевых робота,

занявшие позицию над Южной Омертой.

Примерно через пять часов после старта с орбиты Кураре приборы «Монблана» зафиксировали гиперсветовые волны, которые распространялись от покинутой планеты. Волны пронеслись мимо кораблей узкими пучками, и вскоре все три робота Высших взорвались. После короткого шока начальник экспедиции решил вернуться, одновременно легли на обратный курс флотилии остальных Старших. Теперь они совместными усилиями пытаются изучать обломки кораблей-убийц.

— Откуда взялась «Цусима»? — поинтересовался Мишель.

— Сам понимаешь, эвакуацию прикрывали военные флоты, — объяснил Билли Мурышенко. — Пока действовал запрет Высших, крейсера держались в десятке световых часов. Лабба и дзорхи оказались предусмотрительнее — узнав о приказе эвакуировать станции, сразу двинули сюда научные базы.

Представив, сколько бесценной информации зарегистрировали сверхчуткие приборы этих летающих научно-исследовательских институтов, Эдуард невольно застонал. Не было сомнений, что друзья по Большому Квартету не станут делиться собранными сведениями. Если и сообщат какую-нибудь мелочь, то не бесплатно.

Мысли вернулись к событиям на Кураре и вокруг планеты. Надо было немедленно сообщить своим о попытке Высших бросить вызов Суперам. Причем эту информацию требовалось передать не руководителям спасательно-эвакуационной флотилии, но более серьезным людям. Например, штабу «Футурланда».

Примерно о том же подумали, вероятно, и остальные. Во всяком случае, дзорх хватал Мишеля щупальцами за рукав и, настойчиво подергивая, требовал:

— Скажите, чтобы послали корабль за нами.

— Успокойтесь, коллега, — брезгливо морщась всей головой, одернула рептилию виин-черси. — Я почти уверена, что мы сможем вызвать на этот космодром наши собственные корабли.

Она угадала. Четырежды настроив передатчик на нужные частоты, Мишель позволил спутникам послать кодированные сигналы. Быстроходный бот «Кураре» и три других кораблика, отозвавшись, взяли курс на космодром.

— Вот и все, — облегченно вздохнула, шевеля предплечьями и закрылками, лабба. — Межрасовый секс откладывается, а в остальном все прекрасно.

Ускоренным шагом — коротконогие дзорх и виин-черси с трудом поспевали за млекопитающими — пятеро вырвались на взлетно-посадочное поле. В темнеющем вечернем небе ярко светили четыре точки — это снижались космолеты.

Сфокусировав фасеточный взгляд на братьях-землянах, лабба проговорила:

— Я не поняла фразу вашего резидента. Он сказал что-то о сломанном шанцевом инструменте и убитом домашнем животном, которое вы считаете лучшим другом. Что именно произошло и как это связано с погибшими кораблями-убийцами?

Согнувшись от хохота, Мишель уступил старшему брату почетное право познакомить инопланетян с шедеврами казарменного фольклора. С трудом подбирая доступные понятия, Эдуард пересказал древний анекдот о безобразиях в армейском гарнизоне. Вернувшемуся из отпуска командиру докладывают, что за время его отсутствия случилось лишь одно незначительное происшествие — сломали лопатку, закапывая собачку-дворняжку. Затем выясняется, что пса задавила пожарная машина, а пожарные приехали тушить горящий склад боеприпасов и так далее.

Оценив тонкий юмор, лабба так развеселилась, что принялась подпрыгивать, но другие двое Старших недоуменно смотрели на рассказчика, словно ждали продолжения. Наконец виин-черси осведомилась:

— Это случилось в земной армии?

— Это смешная притча, — объяснил Эдуард.

— Не смешно, — буркнула трехногая и отвернулась.

Дзорх прокомментировал: дескать, различия между культурами Старших рас чересчур велики, поэтому бывает сложно понять друг друга.

— Иногда взаимопонимание все-таки возможно, — напомнил Мишель.

С ним не стали спорить. Единой команды больше не существовало. Пять бойцов четырех цивилизаций, вежливо попрощавшись, направились к своим кораблям.

Часть пятая. Новая эра

1

Проложив гиперкурс на Джуманджи, Эдуард решительно пресек попытки брата устроить обсуждение итогов экспедиции. Он не спал больше суток и не собирался травить себя новыми дозами бодрящих препаратов. Уснул мгновенно, едва голова коснулась подушки.

Из блаженного состояния его вывел Мишель, сообщивший:

— Пора вставать. Прибыли.

Взгляд на часы показал, что Эдуард проспал даже больше, чем планировал. Машины молчали, то есть корабль стоял на космодроме.

— Ты сам посадил «Кураре» на Джуманджи? — ухмыльнулся старший брат, потягиваясь. — Делаешь успехи.

— Это не Джуманджи, а какая-то армейская база, — огорошил его Мишель. — Три часа назад к нам подошел военный корабль, перехватил управление и отконвоировал хрен знает куда. Сажали тоже без моего участия.

— Чей корабль? — с ужасом осведомился Эдуард.

— Земной, конечно. Крейсер «Андромеда».

— Будем надеяться…

Планета, куда их занесло, атмосферы не имела. Космодромная команда уже протянула к шлюзу «Тамбовского рейдера» гибкий рукав-коридор, пробежав по которому братья очутились в тамбуре. Гостей встретил капитан с петлицами технической службы.

— Вас ждут, — сказал офицер и показал на кабину лифта. Эдуарду мерещились всякие кошмары. Это вполне мог быть биоробот Высших или виин-черси, а вся база — муляж, чтобы усыпить бдительность землян. Сейчас из них вытрясут важную информацию, после чего прикончат. Пусть даже сопровождавший Корундов офицер выглядел вполне правдоподобно и вел себя правильно, не вызывая подозрений, но события последних дней сделали Эдуарда маниакально мнительным.

Он следовал за капитаном-технарем, засунув правую руку под куртку и сжимая пальцами рукоятку бластера. Мишель сделал то же самое. После довольно долгого путешествия по лифтам, тусклым коридорам и бегущим дорожкам, повстречав не больше десятка людей в мундирах, они оказались в кабинете со всеми положенными портретами на стенах.

За столом стояли двое: незнакомый генерал-лейтенант и профессор Хайме Анджелли — начальник прошлогодней экспедиции на рейдере «Талисман». Профессор, почему-то носивший полковничий мундир, встретил гостей своей обычной добродушной улыбкой, но это ничего не значило: враг мог научить биоробота улыбаться в точности как настоящий Анджелли.

— Здравствуйте, парни, вы совершили почти невозможное, — торжественно произнес гуманоид, похожий на Хайме, — Позвольте поздравить вас с успешным завершением особо важной миссии.

Прервав его, Мишель раздраженно бросил, что из-за идиотской организации они могли не вернуться, потому что в какую-то тупую башку пришла идея утаить от земных участников цель операции.

Военные переглянулись с таким видом, будто новость не слишком их удивила. Генерал жестом пригласил братьев к столику, который стоял в углу, окруженный мягкими креслами. На столике имелись бутылки разных коньяков и не слишком изысканные закуски. Хайме представил гостям коменданта базы генерала Харютьева, а Эдуард представил Мишелю профессора Анджелли.

Он продолжал сомневаться, земляне ли вокруг, поэтому собрался попросить сеанс связи с домом. Потом понял, что ничего этим не докажет — Высшие смогли бы фальсифицировать любые образы на экране и голоса собеседников. Мрачно опрокинув стопку, он закусил пряным сыром, выжидательно посматривая на людей в мундирах.

— Ребятишки, признавайтесь, что вы там натворили. — В голосе генерала ясно слышалась озабоченность. — После вашего героического рейда началось большое веселье.

— Подумаешь, боевой робот взорвался, — фыркнул Эдуард.

— Три робота, — уточнил Анджелли. — И всякие странные феномены возле памятного тебе звездного кластера.

— Высшие штурмуют шаровое скопление Суперов?

Он сумел удивить профессора — до такой трактовки Хайме явно не додумался.

— Давайте по порядку. — Анджелли нахмурился. — Сначала послушаем про ваши приключения.

— Покороче и только самое важное, — уточнил генерал. Хайме наклонил голову, соглашаясь с мнением старшего по званию, но добавил:

— Рассказывайте все подряд, а мы сами разберемся, что там самое важное.

К концу рассказа бутылка была опустошена. Задумчиво поглаживая тщательно выбритый подбородок, комендант изрек:

— Если и могло быть хуже, то подобное трудно представить.

— Проблемы вырастают на каждом шагу… — Анджелли издал трудновоспроизводимый звук — гибрид вздоха со стоном. — Но с другой стороны, отчет Корундов кое-что проясняет.

— Старая ловушка! — Харютьев отмахнулся. — Мы видим кучу фактов, еще больше не видим, но пытаемся анализировать ситуацию в узком спектре доступных нам понятий, неизменно получая неверные ответы.

«Знакомые мысли, — подумал Эдуард. — Мы понимаем, что не понимаем Высших, и Серо-Зеленый тоже говорил об этом. Варвары судят о Превосходящей расе на основе собственных глупых суеверий…» Между тем Хайме Анджелли бодро заметил:

— Ничего иного не остается… Генерал, говорят, в вашем ведомстве появилась девчонка-аналитик, которой удавалось ломать кое-какие загадки.

— Я просил прислать ее, чтобы тоже послушала эту парочку. — Комендант махнул рукой. — Из высоких инстанций ответили, что дама должна быть поближе к Редлю — вдруг возникнет надобность в ее услугах.

Внезапная догадка заставила Эдуарда задать вопрос:

— Линга Симба снова на Теоле?

Удивленно поглядев на него, Харютьев погрозил пальцем:

— Слишком много знаете, молодой человек. У вас есть допуск к исследованиям наивысшей секретности?

— Не уверен. — Эдуард зевнул. — Но большую часть сведений о Высших добыл именно я.

Постучав рюмочкой о пустую бутылку, Хайме предложил вернуться к основной теме и продолжил без паузы:

— Меня сильно встревожили клоны людей, которых Высшие вырастили на планете Х и, возможно, в других мирах.

— По-моему, это не клоны, а точные копии, — заметил Эдуард.

— Согласен. — Анджелли кивнул. — Но разница несущественна. Если они муштруют

убийц из тлахасса и ландибов, то вполне могут забросить диверсантов и шпионов вида homo sapiens. Точная копия заменяет, скажем, вице-директора оперативного департамента ЦАОБ, а потом капитан Корунд удивляется, что его брата послали на верную смерть.

— Вы подозреваете генерала Роджерса? — Мишель напрягся.

— Приходится. Он засветился совершенно загадочными оплошностями. Наша служба взяла генерала в разработку.

Какая еще «наша служба»? Братья недоуменно переглянулись. До сегодняшней встречи Эдуард считал Хайме высокопоставленным работником научного сектора концерна «Футурланд». Однако погоны, мундир и странная лексика наводили на мысль о военной контрразведке.

— Давно пора брать этого предателя, — высказался генерал. — А нам с вами пора заняться главным результатом экспедиции. Я имею в виду катастрофические явления с участием Высших и, вероятно, Суперов. И поскорее — наш отчет ждут с нетерпением.

Попросив братьев корректировать возможные неточности. Анджелли изложил ситуацию в виде коротких тезисов. Высшие провели сложную многоходовую авантюру, имитировав существование конкурирующей сверхцивилизации, чтобы руками Старших проникнуть в некие тайны Суперов. При этом не имело большого значения, гонец которой Старшей расы выполнит грязную работу, навлекая на свою цивилизацию гнев Суперов.

— Робот из маяка проговорился, что я случайно получил приз, — напомнил Эдуард. — Вроде бы в гонке лидировал кто-то другой. Думаю, речь шла о том ландибе, который пытался остановить меня у входа в хранилище артефактов.

— Возможно. — Профессор нетерпеливо помахал ладонью. — Чтобы обеспечить алиби перед Суперами, Высшие имитировали попытку остановить вас отрядами плохо вооруженных ландибов и тлахасса. Проход в замкнутый сектор пространства приоткрылся, но Суперы быстро разобрались, кто именно побеспокоил их. Как я понял, отдельные дальновидные Высшие опасаются, что итогом авантюры может стать гибель сверхцивилизации.

— Серо-Зеленый врал, как обычно, — с отвращением произнес Эдуард. — Они всегда старались обмануть нас, дезинформировать, навести на ложные идеи.

— Бывало, — признал Харютьев. — Но в данном случае Высшие, кажется, нарвались на заслуженную экзекуцию… Вы наверняка знаете о дальнейших событиях в системе Десятой Большой Медведицы.

— Мы знаем, что взорвались корабли-роботы. Или было что-то еще?

Криво ухмыльнувшись, Анджелли запустил видеоклип с реставрацией драматических событий вокруг Кураре.

Первый эпизод: корабли Большого Квартета медленно движутся по предписанным коридорам, а три боевых робота зависли над Южной Омертой.

Второй эпизод: от Кураре разбегаются восемь узких конусов сверхсветовых колебаний, с каждого корабля-убийцы срываются по два-три таких же волновых пакета.

Третий эпизод: сферическая волна распространяется от Кураре, контакт с волновым фронтом разрушает корабли-роботы Высших.

Четвертый эпизод: корабли Большого Квартета, форсируя движки, спешат наперегонки к обломкам роботов на орбите Кураре.

Видеосимуляция была превосходного качества, но Эдуард почти ничего не понял, а Мишель — подавно. Получалось, что Суперы ударили по кораблям-убийцам какой-то волной разрушения, которой предшествовали другие типы излучений с планеты и боевых роботов. Почему сопутствующие импульсы ударили на мгновение раньше основной волны — этого Эдуард уразуметь не мог, однако помнил, что при сверхсветовых скоростях возможны нарушения причинно-следственных зависимостей.

На всякий случай он спросил:

— В природе излучения разобрались?

— Земной физике они пока не по зубам, — буркнул Хайме. — Волну разрушения Суперов мы вообще неспособны идентифицировать, видим только вызванные ею турбуленции пространства и флуктуации фундаментальных констант. Но взгляни на малые колебания, разбегавшиеся от планеты и кораблей-роботов.

На голограмме появилось символическое изображение многомерного колебательного процесса: минимумы и максимумы скалярных волн, силовые векторы и тензоры известных земной науке полей. Приглядевшись к картинке, Эдуард воскликнул:

— Колебания третьего типа!

В прошлом году, когда экспедиция на «Талисмане» наблюдала Высших в скоплении Медный Цветок, они зафиксировали множество подобных волн, заполнявших межзвездную пустоту. Были там и другие, более мощные, виды колебаний пространства, названные волнами 4-го типа. Наиболее правдоподобная гипотеза гласила, что такие следы оставляют корабли Высших, путешествующие в глубоких слоях гипера. Гипотезу подтверждало некоторое сходство этих колебаний с волнами 2-го типа, которые сопровождают перемещение боевых роботов-убийц.

Объяснение нашлось довольно быстро — слишком уж очевидной казалась ситуация. Эдуард уверенно проговорил:

— Высшие почувствовали, что по ним ударит волна разрушительной энергии, поэтому сбежали на малых кораблях, оставляющих волны третьего типа.

— Вероятно, так, — согласился профессор в полковничьем мундире. — Однако никаких кораблей мы на Кураре не видели. Отсюда делаем вывод, что корабли Высших представляют собой систему силовых полей. Как и организмы этих тварей.

Наконец-то ухвативший нить обсуждения Мишель осведомился, удалось ли определить направления, в которых бежали сверхсветовые спасательные аппараты Высших. Анджелли ответил, что многомерные траектории, которые удалось отследить, уводили в самые разные секторы Галактики. В том числе к Гиадам и Медному Цветку — скоплениям, обжитым сверхцивилизацией.

Космографические топонимы мало что говорили далекому от астронавигации капитану ЦАОБ. Немного подумав, он поинтересовался: почему, дескать, уважаемые старшие офицеры назвали расстрел трех роботов «катастрофическим событием» и о каких странных феноменах шла речь в начале разговоре. Объяснить брату, что «катастрофой» в широком смысле принято называть любое резкое изменение параметров, Эдуард не успел.

— Высшие что-то затеяли, — с угрюмым видом сообщил генерал. — Взрыв роботов был только началом событий. Такое впечатление, будто на сей раз они двинули флоты с весьма решительными намерениями. Ваш рассказ подтверждает, что Высшие намерены прорваться в шаровые скопления.

Мысленным приказом кто-то из военных запустил очередной видеоролик. Голограмма показала Медный Цветок, вокруг которого по четырехмерному пространству передвигались сгустки деформаций — горбы на трехмерности космоса. Они катились, как волны по морской поверхности, когда на небольшой глубине плывет кит или другой крупный зверь вроде подводного лайнера. Структуры не поддавались анализу, и это означало, что загадочные образования имеют как минимум шестимерную природу.

Призрачные флоты — если волны 4-го типа и в самом деле выдавали положение корабельных группировок — уже приближались к ближайшим шаровым скоплениям. Эти колебания несли невероятную энергию — на порядок выше самых сильных, зарегистрированных «Талисманом».

— Высшие послали в бой самые лучшие корабли, — подумал вслух Эдуард. — Или мы опять ничего не понимаем, и это вовсе не корабли.

Недовольно покосившись на него, генерал строго произнес:

— Будем исходить из худшего. Примерно через шесть — восемь часов может разразиться схватка гигантов, в которой между делом перепадет всем, кто подвернется под шальной замах.

На прощание братьев попросили поскорее возвращаться на Джуманджи и передать адмиралу Редлю кристаллы с информацией. Адмирала, по мнению Харютьева, можно найти на верфи, где какой-то супермощный корабль поспешно достраивается по его, Редля, проекту.

Поскольку достраиваться мог лишь один корабль, Эдуарду пришлось резко поменять мнение об инспекторе кораблестроительных программ. В первую их встречу Редль произвел впечатление толкового человека, но первое впечатление оказалось ошибкой: не мог толковый человек проектировать такого позорно-нелепого монстра, как мегадестройер.

Он уже почти забыл, какое это удовольствие — стартовать с военной базы. Все службы работают с четкостью изотопных хронометров, корабли маневрируют строго по графику, никто не норовит занять чужой коридор. Одним словом — дисциплина.

С космодрома «Тамбовского рейдера» вынесли полем стационарного антиграва, после чего диспетчерская передала параметры гипертрассы до Беты Кассиопеи. Прочитав координаты стартовой точки, Эдуард наконец понял, где они находятся, и недоуменно пробормотал:

— Ни хрена себе! Я и не знал, что здесь есть база.

— Далеко? — забеспокоился Мишель. — Долго домой добираться?

— Наоборот, соседняя система. Гамма Кассиопеи.

— Армейские гарнизоны размещены в самых неожиданных местах. — Младший брат пожал плечами. — Как ты думаешь, Высшие сумеют вкачать Суперам?

— До сих пор Превосходящие расы неизменно поколачивали варваров, причем с крупным счетом. — Эдуард развернулся вместе с креслом, чтобы видеть собеседника. — Мы словно собрались смотреть турнир по боксу и выбираем, за кого болеть. А ведь тут намечается что-то страшное…

Он напомнил, что применение сверхмощных средств, которыми наверняка владеют обе стороны конфликта, чревато глобальными катаклизмами. Любознательный собеседник немедленно осведомился, каких именно неприятностей следует ожидать. Вопрос относился к числу обсуждавшихся вдоль и поперек, поэтому старший брат припомнил некоторые вероятности: поражение прилегающих секторов Галактики смертоносными излучениями, распространение ударных волн, деформация отдельных участков пространства-времени, детонация звезд и, наконец, новый Большой Взрыв.

— Знакомые страшилки, — фыркнул Мишель. — Такими ужасами нас пугают уже двести лет, если не больше. Всякий раз, когда наука делает шаг вперед, появляются кликуши, вопящие: мол, Вселенная вот-вот накроется известным предметом домашнего обихода.

Несмотря на тревожное настроение, Эдуард рассмеялся. В чем-то братишка-скептик был прав: прорицания неизбежных катастроф звучали часто, но сбывались редко.

Приятную беседу пришлось прервать — компьютер запросил включить генераторы «Тора-7». Еще одно преимущество старта с ненаселенной планеты — можно запускать гипердвижок, не удаляясь на безопасную дальность.

— Говоришь, скоро будем на месте? — осведомился Мишель.

— Четверть часа в гипере.

— Так за кого болеть будем — за Высших или Суперов?

— Странный вопрос. Высшие давно заслужили экзекуцию. Буду только рад, если Суперы устроят им показательную порку.

— Так-то оно так. — Младший брат покривился. — У меня странное чувство, что Высшие нам хорошо знакомы, а Суперы с их Истинным Всемогуществом… кто знает, чего ждать от них.

— Суперы — очень приятные существа. Не забывай, кто спас нашу команду на Кураре.

— Тоже верно. — Мишель вздохнул. — Пусть победит сильнейший.

«Кураре» вышел на Джуманджи со стороны южного полушария. Развернув катер кормой к планете, Эдуард включил двигатели на торможение и, поиграв рулями, взял курс на

сектор верфи, где командовала Агнес Корунд-Дерби.

С расстояния около сотни километров стали заметны признаки оживления. Безымянный мегадестройер и линкор «Пентакль» были залиты светом прожекторов, вокруг обеих громадин суетились монтажные машины. Крейсер «Зиккурат» стоял на прежнем месте, на корабле горели все огни, а рядом пристроился гигантский грузовой космолет. Силовые установки кузнечного цеха — это показалось Эдуарду самым удивительным — работали на полную мощность, и между мезонировыми шарами энергонакопителей непрерывно дрожали ослепительные молнии разрядов.

Из диспетчерской ответил офицер в звании капитана 3-го ранга. Услыхав, что прилетел Корунд по срочному делу к адмиралу Редлю, военный диспетчер приказал им финишировать на причале возле административного сектора. Чертыхаясь, Эдуард выполнил — не с первой, конечно, попытки — стыковку.

В тамбуре братьев встречал капитан Дерби, весело сообщивший:

— Старик страшно удивился, что вы прилетели так рано. Говорит: «Я ждал Корунда только через час».

— Мы не привыкли терять время, — самодовольно провозгласил Эдуард. — Рассказывай, что тут у вас творится.

— Вторые сутки адского аврала. — Генрих поманил их пальцем и продолжал уже в коридоре: — Служба кораблестроения прислала целый полк инженеров с большими звездами на погонах. Агнес вежливо попросили постоять в сторонке. Девочка тихо бесится и вот-вот начнет материться, как пьяный боцман.

Сестренка, ждавшая их возле офиса, выглядела взвинченной, но братьев обняла-расцеловала и сообщила, что «хунта» собралась в контрольном зале, где позавчера развернули полевой штаб военных действий.

— Ты имеешь в виду Редля с адъютантами? — усмехнулся Мишель.

— Если бы! — Сестра все-таки взорвалась. — Тут дюжина адмиралов из Генерального Штаба и Службы кораблестроения. Прилетел сам старик Никифоров… Не слышали? Великий конструктор и автор пятитомного учебника «Звездолетные конструкции». Мы проходили первые два тома, а три других — только для военных…

— Столько народу, чтобы ввести в строй идиотский мегадестройер? — поразился старший брат.

Агнес замотала головой и шепотом поведала:

— Мальчики, я только сейчас поняла, что мегадестройер — какая-то декорация для отвода глаз. Военные пытаются в рекордные сроки ввести в строй «Пентакль». На линкоре полный экипаж, заработали системы жизнеобеспечения, загружены припасы, включая боекомплект. Наш папочка прислал четыре мезонировые трубы для главного калибра, сейчас кузнецы вколачивают эти лейнеры в мезонировые болванки… Короче, таких авралов я за десять лет не видела. Самое странное, никаких сбоев, как будто процесс отрепетирован по секундам.

— То есть корабль почти готов? — переспросил ошарашенный Эдуард.

— Какого дьявола готов! — зашипела Агнес— Нет движков, башен среднего калибра, знаменитый шар-локатор не опробован…

Они почти добрались до «штаба хунты», возмущенная и злая Агнес сделала паузу, и Генрих смог поделиться накопившимися обидами:

— У нас на «Зиккурате» мелкие недоделки вроде бы исправили, только центральный компьютер шалит. Без конца сообщает, что какие-то узлы системы управления не соответствуют функциональным требованиям.

— Кошмар, — подтвердила Агнес— В блоке под центральным пультом боевой рубки зияет фигурная полость неправильной формы. Какое-то важное устройство явно отсутствует, а вместо него наскоро сварганили примитивную временную схему.

«На то и аврал, что-нибудь обязательно забудем», — мысленно резюмировал Эдуард.

Он представил себе корабли, оснащенные пушками с нейтридными лейнерами, но без полноценной системы управления. Картина получалась непристойная.

Возле зала оперативного управления их остановил вооруженный патруль космической пехоты. Офицер проверил документы, пролаял в микрофон: «Три Корунда и Дерби с „Зиккурата“ к адмиралу Редлю» — и, выслушав ответ, приказал часовым пропустить посетителей.

В просторном зале в несколько рядов стояли терминалы, над каждым горело не меньше двух голограмм. Офицеры-операторы за пультами докладывали вполголоса о готовности башен среднего калибра, о степени вколоченности лейнерных труб, о расстыковке главных двигателей, монтаже маневровых ракетных блоков, о тестировании разгонных генераторов, о прогонке реакторов на холостых режимах. Несколько раз упоминался таинственный сердечник якоря.

Редль и еще несколько старших офицеров с озабоченным видом бродили между операторов, изредка отдавая негромкие распоряжения. На вошедших не обратили внимания, которое было приковано к схеме, изображавшей разрез пушки главного калибра. Нарисованный черным цветом цилиндр лейнера медленно вползал в розовую трубу внешнего ствола.

— Якорь вернулся! — выкрикнул оператор. — Агрегат готов к использованию.

Почти тотчас же с другого концы зала сообщили, что ствол № 2 приведен в готовность 97 процентов.

— Отлично! Орудие номер один, отстаете… — Редль наконец обернулся к входу. — Где Корунд?

Обозленная Агнес все-таки сорвалась:

— Здесь как минимум трое Корундов… Удивленный таким ответом Редль нашел взглядом их группу, удивился еще сильнее и процедил:

— Вас я не вызывал. Мы ждем Георга Корунда.

— Отец на Хеллфайре, — сообщила Агнес.

— Ошибаетесь, он давно вылетел и непонятным образом прибыл сюда на час раньше, чем мы надеялись.

— Произошла путаница, — сказал Эдуард. — Это мы с братом прибыли. У меня отчет о событиях на Кураре с дополнениями генерала Харютьева.

Весьма разочарованный Редль проворчал: дескать, в такой обстановке недоразумения недопустимы, ибо чреваты тотальным истреблением. Переданный Эдуардом носитель закодированной информации адмирал просматривать не стал и осведомился:

— Сможешь коротко изложить, что происходит?

За последние сутки он уже не однажды занимался таким пересказом, поэтому легко выдал необходимый вывод:

— Насколько мы способны понять, Высшие двинули крупные силы на штурм шаровых скоплений. Серо-Зеленый сказал мне, что задумана рискованная авантюра с целью принудить Суперов признать Высших равноправным партнером. При этом Высший высказал опасение, что в результате может погибнуть их раса.

— Где вы общались? — вскинулся Редль.

— На Кураре. Предположительно расы-М не существует. Это была инсценировка Высших.

Лицо Редля исказилось свирепой гримасой, глаза сузились, губы беззвучно шевелились. Военачальник пытался проанализировать новости, но в этот момент снова посыпались рапорта:

— Грузовоз с Хеллфайра запросил разрешение на швартовку.

— Главная бригада готова приступить к окончательному монтажу.

— В секторах традиционной угрозы появились боевые роботы Высших. Подлетное время для Валинора и Кураре — шесть-семь часов, для Земли — восемь часов.

— Орудие номер четыре — готовность девяносто два процента.

Доклады продолжались, но самое страшное было сказано. Высшие развернули корабли-убийцы в обычных районах выжидания, причем военные предполагали, что боевые роботы могут ударить по мирам, населенным людьми. Морщась и качая головой, Редль яростно простонал:

— Буквально на час опаздываем!

Седой вице-адмирал инженерной службы неуверенно произнес:

— «Пентакль» будет полностью собран в течение часа. Еще часа три на отладку — и машина готова.

— В лучшем случае… Знаменитые системы управления до сих пор не прибыли. — Редль посмотрел на семейство Корундов и прищурился. — Парни, быстро на Теоле. Разрешаю запускать гипертягу в семи световых секундах от обеих планет. Заберете изделия в лаборатории доктора Лисанова, заберете самого Лисанова и людей… — Адмирал запнулся. — …и сотрудников, которых он укажет, — и сразу обратно, сюда. Ясно?

— Никак нет, адмирал! Где искать лабораторию?

— Лисанов свяжется с вами или военным комендантом космодрома. Бегом!

В дверях они столкнулись с отцом. Недоуменно поглядев на сыновей, Георг Корунд устремился к Редлю, докладывая на ходу, что привез двадцать три штуки, а другие пять начали капризничать, и пришлось выбросить их обратно в звезду.

Чтобы они скорее добрались в ангар, где стоял «Тамбовский рейдер», военные выделили неуклюжую, но быструю антиграв-платформу. По дороге все четверо пытались разобраться в калейдоскопе событий, которые понеслись бешеным галопом.

— Кажется, вы летите за недостающим узлом моего крейсера, — подумал вслух Генрих. — А тесть привез боеприпасы для главного калибра «Пентакля».

— С чего ты взял? — воинственно поинтересовалась Агнес.

— Ты же слышала — он сбросил что-то обратно на звезду. Снаряды с нейтридовой оболочкой, заряженные квантовой эмульсией, — на той планете нельзя добыть что-то другое, способное капризничать так серьезно.

Кажется, Генрих угадал. Слишком уж таинственный вид был у отца, когда старик уклончиво отвечал о своей новой службе на Хеллфайре. Только Георг Корунд с его четвертьвековым опытом мог бы за неполную декаду отлить четыре нейтридовые трубы для сверхмощных пушек и вдобавок — снаряды, заполненные внутризвездной субстанцией. Но зачем такое оружие недостроенному линкору — без двигателей, без вспомогательной артиллерии, без комплекса управления? Совершенно непонятным оставался замысел Редля ввести линкор в строй за немногие часы, оставшиеся до возможной атаки боевых роботов.

Разгадка стала кристально ясной, когда братья заняли места в пилотской кабине и включили видеокамеры внешнего обзора. Пейзаж верфи разительно изменился, шокируя неподготовленных зрителей. От мегадестройера отделилась масса частей, ранее принадлежавших «Пентаклю»: главные и вспомогательные двигатели, башни среднего калибра, многоярусные колонны надстроек. Буксиры подтаскивали эти конструкции к линкору, монтажный робот уже устанавливал на место первый ствол главного калибра.

— Такими темпами они в самом деле закончат монтаж за пару часов, — прошептал ошеломленный Эдуард.

— Значит, война, — сделал вывод Мишель. — Все эти годы армия готовилась взять реванш за Кураре.

Он оценил остроумие грандиозного замысла. Строительство линкоров заморозили, чтобы сбить с толку Высших, но основные агрегаты отлаживали на мегадестройерах, которые сверхцивилизацию не волновали. А тем временем на горячих планетах отливали внутренние стволы гигантских пушек и заполняли квантовой эмульсией нейтридовые корпуса снарядов. И вот в решающий момент оказалось достаточно короткого усилия, чтобы привести в боевую готовность самые мощные корабли Старших рас.

«Тамбовский рейдер» разгонялся с двадцатикратным ускорением. На душе было неспокойно: Эдуард понимал, что они с братом чудом вырвались из смертельной авантюры

на Кураре, но предстояла новая битва, в которой человечество имело совсем немного шансов уцелеть. О победе он и вовсе не думал — даже сверхмощный «Пентакль» был беспомощен против кораблей-убийц, способных погружаться в глубокий гипер.

2

Полет на Теоле интересовал Эдуарда главным образом из-за вероятности встретить Лингу Симба. Тем не менее надо было выполнять задание руководства. Когда «Кураре» завис в сотне километров над космодромом, он запросил диспетчерскую, нет ли для него сообщений. Незнакомый диспетчер, скинув на процессоры космолета параметры траектории спуска, немного нервно ответил:

— Как же вы не вовремя появились, тут такое творится…

Да, есть текст: «Эд, будь готов по моему звонку лететь в сектор Слиу. Кристофер Лисанов».

Оговорку: мол, что-то творится, Эдуард отнес на счет паники из-за слухов о возможном ударе боевых роботов. Но место, указанное старым другом Кристо, изрядно его удивило. Перевал Слиу находился в горах севернее Виедры. Изредка «Сафари» возила туда туристов — места были живописные и совершенно безлюдные. Лабораторию, даже очень засекреченную, выдали бы источники энергии, трассы воздушного транспорта и другие мелочи. Однако ничего подобного в секторе Слиу не наблюдалось.

В сильном недоумении он позволил автопилоту выполнить посадочные процедуры. На космодроме ждал новый сюрприз: никто здесь не слышал о выходе боевых роботов на исходную позицию, а нервозность подогревалась действиями теолийцев.

Встретивший его полковник Барсегов сообщил, что Эдуард не сможет вызвать свою машину. По словам полицейского, администрация запретила полеты частного транспорта в беспилотном режиме.

— В любой момент может разразиться война между племенами, — сообщил заметно встревоженный начальник охраны космодрома. — В аппарате губернатора не исключают нападений на землян. В главных поселениях расквартированы войска, мы стараемся собрать всех колонистов в охраняемые пункты.

— Что известно о племени авейра? — забеспокоившись о друзьях, осведомился Эдуард.

— Название мелькало в ориентировках, но я плохо понимаю туземные нюансы. — Барсегов добавил с виноватым видом: — Мой участок — безопасность и порядок на космодроме.

Надо было разобраться в ситуации, постараться погасить конфликт, избежать кровопролития. Видеофоны Глома и его семьи не отвечали. Разнервничавшись, Эдуард объявил, что должен попасть в «Парк водопадов», а затем вылететь к морю и переговорить с вождями авейра. Полковник решительно замотал головой — по его сведениям, «Парк водопадов» стал едва ли не самым опасным районом после столичного района Пяти Холмов, который был окружен множеством вооруженных теолийцев.

Пока они спорили, Мишель отошел в сторонку и позвонил в управление ЦАОБ по континенту Варза. После короткого негромкого разговора вид у капитана сделался обалделым. Эдуард решил, что брат получил выволочку. Реальность, однако, сумела преподнести очередную неожиданность.

— Нам дадут машину и даже охрану, — сообщил Мишель. — Полковник надеется, что твой авторитет в племенах поможет предотвратить бойню. Но ты должен помнить о главном задании — доставить на верфь изделие Лисанова.

Смысл доходил с трудом. Устав ломать голову, старший брат с раздражением бросил:

— Надоели эти детские игры… А что за охрана?

— Суперсолдаты. Отделение оперативного батальона ЦАОБ. Эти звери в рукопашном спарринге кладут спецназ космической пехоты.

На парковке, увидев броневик и десяток громил в полном боевом снаряжении, Эдуард понял, что этой миссии придается большое значение.

Оба солнца стояли высоко в небе, снегопада не ожидалось, так что в разрывах облаков удалось разглядеть, что серьезные бои на поверхности пока не разгорелись. По северной дороге скакал на каутанах в сторону столицы большой отряд, другая банда расположилась на холмах в километре от городских окраин, — вероятно, готовились встретить кавалерию огнем с подготовленных позиций.

Возле «Парка водопадов» тоже что-то творилось. Братья велели водителю покружить над кварталом, и солдаты немедленно выставили в бортовые бойницы короткие стволы своих ПБК-90. Впрочем, мишеней они не увидели. Перед главными воротами топталась толпа теолийцев, окруженных роботами. Посреди жилого комплекса дымился большой аэромобиль — со второго захода в обломках опознали мини-вэн «Транзит» прошлогодней модели. Вокруг прогуливались роботы и вооруженные колонисты.

Мишель, слушавший закрытый канал земного гарнизона, сообщил:

— Утром, то есть часов пять назад, городские власти предупредили нашу администрацию, что буйные племена, в том числе авейра, готовят нападение на Виедру и резню людей. Они предлагали ввести своих стражников во все поселения землян, однако губернатор отказался от помощи и призвал колонистов держать оружие наготове. Часа три назад отряды туземцев ворвались в Белый Город и пытались атаковать Пять Холмов. Наши отбили нападение, несколько человек ранены, с некоторыми колониями прервана связь.

— Похоже, на мой комплекс тоже было нападение, — мрачно сказал Эдуард. — Надо сесть и разобраться на месте.

Когда военная машина коснулась колесами каменных плит двора, их окружили вооруженные жильцы. Добрый приятель Пьер Барро и еще двое мужчин подошли вплотную, настороженно разглядывая прилетевших. Узнав Эдуарда, они расслабились, а солдаты вовсе привели всех в экстаз.

— Вот и о нас вспомнили, — громко сказал кто-то в толпе. Прервав намечавшиеся бурные радости, Эдуард потребовал рассказать, что тут случилось.

По словам Пьера, совсем недавно — еще получаса не прошло — аборигены проникли в жилой комплекс на «Транзите» землянки, которая крутила любовь со многими теолийцами. К счастью, обитатели «Парка водопадов», получив предупреждение администрации, не расставались с оружием, активировали всех роботов и вообще были наготове. Когда варвары бросились в атаку, их быстро перестреляли. Почти одновременно многочисленный отряд аборигенов попытался штурмовать главные ворота. Израсходовав запас парализующих зарядов, роботы открыли огонь на поражение. Десятка два уцелевших мятежников согнали в кучу, окружив роботами.

Ситуация чуть прояснилась, но вовсе не радовала. Складывалось впечатление, что возжелавший царской власти Глом начал штурм города и заодно решил взять в заложники землян. Как говорил Высший, варвары в городе смогут причинить много неприятностей. Однако предупрежденные колонисты смогли дать отпор, так что теперь авейра будут сурово наказаны.

В сильно расстроенных чувствах, он подошел к ближайшей горе трупов, присмотрелся и стал очень медленно догадываться, что неверно представлял себе события последних часов. Убитые были вовсе не авейра — на них были шапки и шарфы авейра, но сапоги и татуировки на лицах выдавали тубонда.

— Но магнаты Виедры уверяли, что взбунтовались авейра… — Мишель умел делать правильные выводы очень быстро. — Значит, они обманули нас, чтобы направить ответные меры земных войск против своих противников.

— Разберемся!

Эдуард решительно направился к воротам. За ним потянулись Мишель и солдаты ЦАОБ, а также Барро с соседями. Приблизившись к окруженным пленникам, Эдуард без

труда определил молодого вождя, которого выдавал полосатый шарф — признак принадлежности к старинной аристократии племени.

— Подойди, — приказал Эдуард. — Ты знаешь, кто я? Кивнув, абориген проворчал:

— Ты — Небесный Гость, друг авейра. Ты спишь с дочкой их главаря.

— Почему тубонда напали на Небесных Гостей?

Сын вождя не собирался отвечать, поэтому Корунд выстрелил из бластера, пустив луч впритирку с виском упрямца. Меховая шапка теолийца загорелась, и пленник правильно понял намек.

Не поднимая глаз, он пробурчал историю о посланцах из города, которые обещали помочь тубонда, если те переоденутся в авейра и станут убивать Небесных Гостей. Горожане пообещали, что разрешат воинам племени тубонда разграбить поселения людей. Еще тубонда должны были собрать большие отряды и напасть на пастбища и деревни авейра, убить пастухов, угнать скот и женщин, а потом сказать, что авейра первыми напали на тубонда.

— Ты врешь! — заорал Пьер. — Зачем это нужно горожанам? Правители Виедры всегда были нашими друзьями.

— Они любят тубонда и не любят авейра. Главарь авейра хотел стать Гуху Дарфухо — самым главным вождем над городом и всеми племенами, а это будет плохо. Авейра собрали Даранга-Дувал, и много племен согласились, чтобы кто-то из наследников Глома стал Гуху Дарфухо. Но это неправильно — Гуху Дарфухо должен стать самый сильный вождь города, он любит тубонда…

— Кто из горожан будет Гуху Дарфухо? — прервал его Мишель.

— Я слишком молод, чтобы знать все тайны. Но старики сказали, что вождь — богатый, могущественный, он любит тубонда.

— Этот вождь послал вас на верную смерть… — Отвернувшись от пленника, Эдуард попытался дозвониться Колайре, но видеофон неверной подруги молчал. — Что там творится, никто не отвечает — ни Кола, ни Конд…

— Аборигены отключены от мобильной связи, — объяснил Пьер.

Решение казалось разумным, но сейчас такая разумность работала против них. Отрезанные от мира воины авейра могли натворить какую-нибудь глупость. Время поджимало, в любой момент его мог позвать Кристо, но друзья попали в беду, и надо было мчаться на помощь.

Братья отправились в «Спруте» Эдуарда, солдаты летели в своем броневичке. По дороге Мишель поведал руководству местного органа ЦАОБ о показаниях пленного тубонда — начальство разволновалось, пообещало проверить важную информацию и не делать резких движений до прояснения ситуации.

— Кто-то из городских магнатов метит на королевский трон Виедры, — сказал Мишель, закончив разговор по видеофону. — Эд, ты представляешь, кто именно мутит воду?

— Приблизительно. В городе полдюжины влиятельных семейств. Наверняка каждому главе клана мечтается стать единоличным правителем. Почти не сомневаюсь, что вступившие в город банды убивают не всех подряд, а лишь конкурентов главного заговорщика. Потом городская стража расправится с буйными варварами, а единственного выжившего магната провозгласят царем, живым богом или верховным шаманом.

— Полковник думает примерно так же. По его словам, убиты патриархи четырех кланов.

— Фелтери убиты?

— Не все. Уцелел Модло Фелтери.

— Командир самого большого отряда стражников. — Эдуард усмехнулся. — Могу поспорить, что первыми погибли его отец, оба дяди и четыре кузена. В таком случае Модло становится единственным наследником громадной купеческой фирмы. А если его наемники выбьют варваров из города, Модло предстанет спасителем цивилизации.

Мишель немедленно передал эти соображения по инстанции. В ответ из департамента сообщили, что пока жив один из кузенов Модло. Этот кузен, средний сын убитого главы клана, объединил своих бандитов с отрядами двух других семейств, и по всему Белому Городу идут уличные бои. Гарнизон земных войск разворачивается, чтобы прекратить кровопролитие.

— Глом выиграет, если не успеет вмешаться, — констатировал Эдуард. — И он мог бы стать хорошим царем. Хотя, между нами, Глом — такая же подлая безжалостная тварь, как все политики.

«Спрут» и броневик уже подлетали к родовому гнезду авейра. Вокруг поместья пока не стреляли, конные и пешие отряды патрулировали окрестности. Машину Эдуарда узнали, устроив бурную пальбу в воздух.

Дорогих Небесных Гостей встречали всем семейством: впереди — Глом, за ним — Конд и Туам, братья и племянники патриарха. Все — при оружии, все — слегка пьяные, все — возбужденные и злые. Солдаты оперативного подразделения ЦАОБ, развернувшись дугой, прибавили беспокойства. Гневно сдвинув мохнатые брови, Глом осведомился:

— Что происходит? Почему не работает видеофон? Почему тубонда нападают на дальние поселения авейра и союзных племен? Почему ваши солдаты взяли в плен моих бойцов? Почему…

— Успокойся, мы разобрались и понимаем, что происходит, — прервал старого вождя Эдуард.

Он коротко изложил свои представления о сегодняшних событиях и о роли Модло Фелтори. Глаза Глома налились кровью, щека задергалась, и глава рода пробормотал неожиданно жалобным голосом: дескать, этот подлый предатель обещал поддержку роду Авейра.

— Модло хотел, чтобы авейра и тубонда убивали друг друга, — объяснил ему Мишель. — В этой войне были бы обескровлены самые сильные племена и городские кланы, а Модло стал бы верховным вождем.

— Он обманул меня! — заорал оскорбленный Глом. — Но почему я, старый хитрец, поверил этой лжи?

— Потому что снова затеял глупые попытки строить интриги за нашей спиной, — укоризненно сказал Эдуард. — Сколько раз объяснял я, что не надо задумывать коварные планы.

Вряд ли его тирада пристыдила Глома — для старого бандита призывы к совести значили немного. Тем не менее вождь авейра помрачнел, ибо понимал, в какую ловушку заманивал его более хитрый интриган.

Обернувшись к родне, Глом величественно провозгласил:

— Я должен поговорить с Небесным Гостем о наших семейных делах.

Толпа восприняла сообщение без энтузиазма, но Глом уже вел Корундов к дому.

В большой комнате на втором этаже Глом усадил землян на почетные места, велев дочерям разлить вина. Только сейчас, при свете электрической люстры, стало видно, что Кола болезненно бледна и еле держится на ногах. Эдуард подумал, что дочь вождя нуждается в отдыхе — ведь перенервничала за эти дни.

Пригубив серебряную чашу, Глом осведомился:

— Что мне делать теперь?

— Зависит от того, какие у тебя планы. — Эдуард криво ухмыльнулся. — Признаюсь, я боялся, что ты провозгласишь себя царем или, как вы говорите, Гуху Дарфухо.

— Понимаю. — Глом закивал. — Сразу после этого банды тубонда, переодетые в авейра, нападают на город. И тогда все подумали бы, что я послал своих воинов добывать власть.

Опорожнив чашу могучими глотками, он признался, что именно так и собирался поступить согласно замыслу подлого Модло Фелтери. Сегодня днем должен был собраться

последний решающий алашма-гулгум первого за долгие десятилетия Даранга-Дувала. На этом сборище Глом собирался провозгласить себя Гуху Дарфухо, а негодяя Модло — градоначальником Виедры и главным чиновником королевства. Однако Модло почему-то не прибыл на церемонию, а перед самым рассветом случилось много всякого, из-за чего Глом решил отложить алашма-гулгум.

— На вас напали тубонда? — догадался Мишель.

— Вернее, он решил выждать, пока городские кланы ослабнут в междоусобной резне, — усмехаясь, предположил Эдуард. — При удобном развитии событий Глому не пришлось бы делить власть с Фелтери.

Изобразив на лице гримасу негодования, жрец возмущенно повысил голос:

— Как можешь подозревать меня в подобном коварстве ты, почти член нашей семьи? Мы были слишком заняты с утра: мои сыновья и братья повели отряды отбивать нападения на дальние стойбища. Кроме того, пропала связь, и мы не знали, что происходит в городе. Наконец, самое страшное, сынок… — В его поднятых на Эдуарда глазах сверкнула слезинка. — Перед рассветом у Колайры случился выкидыш. Она потеряла вашего ребенка!

На физиономиях всех авейра появилась скорбь. Засмеявшись, Мишель весело проговорил:

— Представляю, как важно было будущему Гуху Дарфухо предъявить такой козырь. Ведь вы всерьез надеялись, что у ребенка будет лицо моего брата, а не Юкау-висельника.

Осведомленность Небесного Гостя ошеломила теолийцев, Глом и сыновья даже не попытались возражать. Кола, вскрикнув, пошатнулась, Фина бросилась на помощь и усадила сестру на стул.

— Вы снова хитрили, надеялись обмануть нас— Эдуард говорил равнодушно, без раздражения, ему было все равно. — Фина, конечно, хороший хирург, но биохимию будет изучать на следующем курсе и тогда поймет, в чем ваша ошибка.

Махнув рукой, он замолчал. Внезапно загудел видеофон в кармане Глома — значит, авейра снова подключили к сотовой связи. Пока вождь рода принимал донесения командира какой-то банды, Мишель позвонил в свой департамент, собираясь доложить новости, но лишь удивленно сдвинул брови, услышав ответ собеседника.

— Да, понимаю, вы слышите и видите наш разговор… Но почему вы не видели и не слышали, как готовился заговор? — По его лицу мелькнуло недоумение. — Надо же… Полковник, а как же лаборатория в горах?

Он замолчал, прижимая к уху видеофон, потом дал отбой и озабоченно поглядел на брата.

— Что случилось? — спросил Эдуард.

— Лаборатория молчит. Пост охраны не вышел на контрольную связь. Мои коллеги не знают точных координат объекта, но пеленговали радиопередачи из тех мест. Мне назвали квадрат, откуда посылались сигналы.

Записав примерные координаты на свой видеофон, Эдуард нашел в Интернете карту нужного района. Над столом раскинулась голограмма горного пейзажа. Изображение формировалось по фотографиям со спутников и обновлялось каждые четверть часа.

Обескураженные братья рассматривали дикие горы, не тронутые бурным темпераментом разума. Если там и были какие-то сооружения, то строители хорошо спрятали свои творения под толщами скал и снегов. Очерченный красным пунктиром неровный многоугольник запеленгованного сектора охватывал крутые склоны, нагромождения скал, обрывы, ущелья и даже сравнительно ровные участки. Понадобилось бы немало времени, чтобы найти среди этих лабиринтов замаскированный вход в бункер лаборатории.

Теолийцы наблюдали за действиями братьев Корундов с нескрываемым интересом, хоть и плохо понимали, какой дурью маются Небесные Гости. Наконец младший сын Глома сказал осторожно:

— Похоже на перевал Слиу. Я часто хожу туда охотиться. «Чем черт не шутит», —

подумал Эдуард и быстро спросил:

— Ты видел на перевале землян или машины?

Конд покосился на отца, тот кивнул, и первый юрист планеты показал вершину, расположенную над обрывом глубокой пропасти, прокомментировав:

— Я видел снизу, как там садятся ваши летающие машины.

Мишель поспешно увеличил масштаб, и теолийцы оживились, увидев стадо диких оклуга. В отличие от них люди обратили внимание на совсем другое: на горном уступе стояло нечто явно искусственного происхождения, а вокруг — несколько крохотных фигурок. Деталей разобрать не удалось, но существа были прямоходящие.

— Машина не наша! — В голосе Мишеля звучала тревога, — И это не люди!

Не ответив, Эдуард торопливо шагнул к выходу. Остановившись в дверях, он сказал негромко:

— Может быть, еще до захода Фаркуаны случится битва, и все люди на Джуманджи погибнут. Может быть, Высшие разрушат и остальные планеты, где живут люди. Может быть, они не тронут Теоле, хотя не могу этого обещать. Но если вы доживете до завтра, постарайтесь не вернуться к варварству. Не потеряйте полученные от нас знания.

Лица слушателей сделались непривычно серьезными. Кажется, теолийцы прониклись серьезностью момента и начинали осознавать груз ответственности.

Когда «Спрут», набрав высоту, лег на курс к перевалу, Мишель задумчиво сообщил:

— Полковник рассказал загадочную историю. Модло Фелтери, Глом и другие фигуранты заговора были обвешаны устройствами наблюдения и прослушки. Тем не менее наша контора не записала ни один серьезный разговор и ничего не знала о готовящемся выступлении.

— Аборигены смогли перехитрить земную контрразведку?

— Не они… Кто-то заглушил микрофоны. Вероятно, Высшие — больше некому.

Разволновавшись, Эдуард едва не потерял управление. Выровняв машину, он запальчиво возразил:

— На Теоле черт знает сколько лет не видели Высших.

— Значит, они присутствовали в состоянии невидимости. Горы поднимались впереди, заслоняя все больше неба.

Маневрируя между вершинами, машины слегка сбавили скорость. Обогнув очередную снежную шапку, старший брат проговорил, угрюмо поморщившись:

— Опять напрашиваются сравнения. Теолийцы задумали глупую интригу, надеясь обмануть людей, но у них не было шансов, потому что авейра не знали законов генетики, а горожане понятия не имели, с какой скоростью могут обрушиться на них земные войска. Вот и мы — создаем секретные лаборатории, мастерим новое оружие в уверенности, будто Высшие ничего не узнают. А тем временем какой-нибудь Голубовато-Розовый невидимка стоит рядом и фиксирует все наши действия. И в нужный момент посылает в атаку отряд биороботов или эскадру кораблей-убийц.

Прямо по курсу встала громадная гора. «Спрут» обогнул препятствие, и под брюхом машины оскалилась каменными клыками глубокая пропасть. Машинально глянув вниз, Мишель глубокомысленно изрек:

— Повисли над бездной, как вся наша цивилизация… Боюсь, ты прав, и это печально. Значит, наша борьба против Высших обречена?

— Кто знает. Это может означать, что в ближайшее время Высшие схлопочут по морде от Суперов, которых надеялись обвести вокруг пальчика.

Он снова вспомнил бесчисленные, бестолковые и бесполезные заговоры теолийцев, которыми аборигены лишь раздражали землян, ни разу не достигнув своих глупых целей. И еще он подумал, что Кола наверняка переживает — напрасно, бедняжка, переспала с Юкау. Хотя кто ее знает, этот эпизод мог быть приятен девчонке во многих отношениях.

Презрительно усмехнувшись, он выкинул из-под черепа несвоевременную

сентиментальность. Монитор курс-процессора просигналил, что машина приблизилась к пункту назначения.

Сбросив скорость до полусотни километров в час, Эдуард вел «Спрут» вокруг отвесного склона. Очередной изгиб трассы сделал видимыми пещеру и широкий уступ перед ней. Наверняка персонал тайного научного центра использовал эту каменную ступеньку в качестве посадочной площадки. Неизвестная машина по-прежнему стояла левее пещеры, но живых существ не было — только натоптанные в снегу цепочки следов.

— Они внутри, — подсказал Мишель. — Громят лабораторию. Возможно, берут в плен сотрудников. Но не думаю, что Высшим нужны пленники — проще всех убить.

Эдуард и сам думал точно так же. Нервы разыгрались, насыщая кровь растворами возбуждающих гормонов. Он ужасно боялся за соплеменников, к которым ворвались неведомые твари, и этот страх — движущая сила прогресса — превращал Эдуарда Корунда в безжалостного мстителя. Эдуард был готов пристрелить любую тварь, которая попадется на пути.

Первыми высадились бойцы оперативного батальона. Броневик завис в полусотне метров над скальным выступом, шесть бронированных суперсолдат выпрыгнули один за другим из люка и, притормаживая антигравами, ловко опустились на площадку. Четверо заняли позицию перед входом в бункер, двое других осмотрели незнакомую машину, после чего присоединились к остальным. Посовещавшись, они стремительно ворвались в пещеру. Броневик немного снизился, заняв позицию напротив отверстия, ведущего в глубь горы.

— Похоже, на площадке чисто, — сделал вывод Мишель. — Заходи на посадку.

Поставив машину на колеса, Эдуард вытащил из кобуры бластер. Карабин он оставил в кабине — длинноствольное оружие плохо годится для боя в тесных подземельях, а выстрелы снаружи пещеры грозят обвалами.

Братья вышли на снег одновременно — через противоположные дверцы кабины. Приблизившись к каменной пасти пещеры, они услышали далекие выстрелы. Мишель торопливо подбежал к входу в подземелье. Эдуард поспешил за ним, но замер, услышав предупреждающий возглас.

— Внимание! — крикнул солдат в броневике. — Справа!

Эдуард резко обернулся, вскидывая пистолет, и увидел нежелательное движение: на самом краю каменной площадки, шагах в тридцати от него, шевелился снег. Сначала показалась то ли рука, то ли лапа, потом — другая, сжимавшая винтовку знакомой конструкции. Не дожидаясь, пока противник выберется из снежной ямы, Эдуард всадил серию лучей в показавшийся торс. Часть импульсов достигла цели, тем не менее существо в «чешуе» с левитатором на загривке взлетело над уступом.

Теперь во врага стреляли оба брата, но защитная одежда отражала лучи. Существо, имевшее по паре верхних и нижних конечностей, начало поднимать винтовку, наводя ствол на людей. Зарычав от бессильной ярости, Эдуард непрерывно нажимал спуск, целясь в полуприкрытое капюшоном зеркальное забрало шлема.

Видимо, часть энергии все-таки прошла через защиту, поразив органы зрения противника. Опустившись на край площадки, существо выронило винтовку и подняло забрало, щупая глаза растопыренными пальцами. Воспользовавшись моментом, Мишель подбежал поближе и всадил лучи под капюшон. Пошатнувшись, враг упал навзничь и полетел вниз в пропасть трехсотметровой глубины.

Эдуард успел подумать, способен ли биоробот Высших выжить, упав с такой высоты в глубокий снег. От академических размышлений его отвлекли новые звуки за спиной. Приобретенные рефлексы заставили его прыгнуть в сторону, разворачиваясь в полете. Перекатываясь к большому валуну, он увидел на противоположном конце площадке еще двух врагов, которые целились в людей, выглядывая из-за чужой машины.

— Мишка, ложись! — крикнул старший брат.

Приказ запоздал: опережая противника, заработал установленный на броневике

тяжелый спаренный бластер. Оба существа были разорваны в клочья мощными фотонными выстрелами.

— Спасибо, ребята, — сказал Мишель. — Мы идем в пещеру, а вы тут присмотрите, чтобы новые не повылазили.

— И того, который в пропасть упал, хорошо бы добить, — добавил Эдуард. — Очень живучие твари.

Вернувшись к машине, он взял ИЖ-Лассо — на лучевые пистолеты в таком бою надеяться не стоило. Затем Эдуард сделал то, чем стоило заняться сразу, — обследовал площадку сканером. Убедившись, что живых врагов на уступе перед пещерой не осталось, братья направились к трупам возле обломков вражеской машины. Взяв за балахон, закрывавший срезанную лучом часть тела, Эдуард вытряхнул на снег содержимое. Взорам предстали голова и плечи ландиба, одетого во что-то пластиковое, обшитое металлическими пластинами.

Когда они вернулись к пещере, Мишель сообщил:

— Я туда только заглянуть успел, но понятно, что бой был тяжелый.

Шагнув под каменный свод, Эдуард увидел металлическую стену, перегородившую тоннель на расстоянии двадцати метров от входа. В стене зияла неровная дыра, прорезанная мощным бластером или плазмой, а перед стеной валялись изуродованные роботы армейского типа.

Выстрелы звучали где-то далеко, поэтому Эдуард не слишком осторожно заглянул в отверстие. За стеной тянулся широкий освещенный коридор. Сбоку справа была оборудована типовая караульная будка, возле которой лежали три человека в пехотной броне, вооруженные тяжелыми автоматическими винтовками.

— Они сняли роботов у входа, ворвались сюда, убили охранников и пошли дальше, — размышлял вслух Эдуард. — Пять роботов и три офицера — надо быть суперсолдатами, чтобы преодолеть такой заслон без потерь.

— Потери все-таки были, — откликнулся младший брат.

Капитан показал стволом бластера на два тела у стены напротив караулки. Рядом с убитыми ландибами валялись небрежно брошенные чешуйчатые накидки. Одному из ландибов тяжелая пуля, угодившая в забрало, разнесла полчерепа. Броню второго пули пробили в районе плеча, рана была не смертельной, но из разных частей трупа торчали тонкие золотистые спицы.

— Вольфрамовые иглы, — пояснил Мишель. — Оружие наших спецподразделений.

— Тогда картина понятна. — Эдуард покивал. — Роботы не смогли остановить нападавших, охранники полегли в неравном бою, убив одного и ранив второго. Раненого ландибы оставили прикрывать тыл, солдаты ЦАОБ убили его и сняли «чешую», чтобы осмотреть трупы… Пошли по следам боя.

Он показал на вторую бронеплиту, расположенную в глубине пещеры. Эта металлическая стена была вскрыта тем же способом.

За переборкой братья обнаружили облицованный металлом тоннель, уходивший со снижением в глубь горы. Часть светильников была разбита в жестокой перестрелке, на участке около трехсот метров Корунды насчитали девять разбитых роботов, четверых убитых офицеров-землян и труп ландиба, нашпигованный дюжиной пуль.

Спуск привел их на просторную круглую площадку, в стенах которой имелись караульное помещение и пять дверей, одну из которых нападавшие взрезали. Здесь погибли в перестрелках два ландиба и три охранника, а солдат ЦАОБ получил тяжелое ранение. Парень был без сознания, но перевязанные раны плеча и бедра не представляли угрозы для жизни. Убрав в кобуру бластер, капитан позаимствовал у коллеги короткоствольный пистолет-пулемет и три обоймы вольфрамовых зарядов.

Мишель собирался продолжить бег к месту боя, шум которого сделался заметно ближе. Эдуард остановил брата, проговорив:

— В их машине могло поместиться от силы полтора десятка ландибов. Троих убили снаружи, четверых — уже в бункере. Значит, пятерым нашим противостоят от силы восемь врагов — солдаты ЦАОБ справятся сами.

Металлические стены подземелья не пропускали радиоволн, а внешнюю антенну ландибы наверняка снесли на первых секундах атаки — потому-то и молчали мобильники персонала. Однако на подобных объектах обычно действует кабельная система внутренней связи. Эдуард не сомневался, что пост охраны был оборудован этими устройствами.

Перешагнув застреленного защитника, он вошел в кабинку. Так и есть — видеофон на столе, провод уходит в стену. Простое меню с третьей попытки высветило список сотрудников. Эдуард ткнул пальцем в строчку «Лисанов», дважды прогудел зуммер, и на экране появился взъерошенный Крис-то.

— Привет, — сказал Эдуард. — Все живы?

— Да… нет… — Старый друг был растерян и заметно нервничал. — Мы заперлись, снаружи стреляют… они ломятся… как ты нас нашел, ведь я не успел…

— Потом расскажу. Ты видишь, откуда я звоню? Отсюда расходятся пять коридоров, противник ломится через средний…

Он вывернул передающую камеру, чтобы Лисанов мог увидеть место недавнего боя. Кристо сказал, запинаясь:

— Они рвутся через главный коридор. Воспользуйся дверью номер два, этот путь ведет через лаборатории. Мы будем подниматься навстречу.

Продиктованный Лисановым пароль сработал, так что братьям не пришлось резать бластерами толстый лист брони. За дверью оказалась площадка винтовой лестницы. Здесь же имелась шахта лифта, но Корунды забыли спросить, на каком этаже расположена нужная лаборатория, поэтому продолжили спуск по ступенькам.

Преодолев два яруса, они услышали торопливые шаги. Рефлексы сработали, опередив рассудок: братья привычно нацелили оружие в лестничный пролет. Топот приближался, все громче доносились обрывки человеческой речи. Первой появилась растрепанная женщина в армейской робе, за ней спешил мужик с большим рюкзаком на спине.

Женщина, запыхавшись, выбежала на площадку и наконец подняла голову. Впрочем, он узнал Геллу давно — как только увидел ее сверху. Вернее, это была Линга Симба — молодая, с почти зажившей ссадиной на скуле.

— Привет, Эдик. — Она вздохнула с облегчением. — Ты снова спасаешь меня. Это судьба.

— Судьба — это серьезно, — машинально бросил Эдуард, почему-то чувствуя себя невероятно счастливым.

Пока они целовались, на площадку поднялись Кристо с рюкзаком, дзорх и высокий полный землянин — тоже с рюкзаком.

— Эд, отложи нежности, — нервно сказал Кристо. — Мы заперли двери, но там жуткие твари с лучеметами, они быстро прорвутся.

— Неизвестные гуманоиды, — подтвердила Гелла-Линга, подталкивая Эдуарда к ведущим вверх ступенькам. — Очень злобные и воинственные. Перебили всю охрану, а это были бывалые люди. Час назад они вырубили видеокамеры, и мы не знали, что происходит. Только услышали, как они убили охранников перед лабораторией и начали ломать двери, но потом снова началась стрельба.

— Их прижал спецназ, — объяснил Мишель, прыгая через две-три ступеньки. — Другие люди в бункере остались?

Ему ответил дзорх:

— Троих они убили во второй лаборатории. Еще двое сотрудников-людей, один лабба и несколько ваших охранников забаррикадировались в четвертой, но к ним противник интереса не проявлял. Видимо, они шли прямо в наш сектор, чтобы уничтожить или похитить изделия.

На следующую лестничную площадку первым ворвался Эдуард. За ним, быстро-быстро

перебирая шестью короткими конечностями, вскарабкался дзорх. Оба задумчиво посмотрели на дверцу лифта.

— Слыхали про ваши изделия, — сообщил Мишель. — Какие-то узлы для новых кораблей… Эд, ты хочешь продолжить подъем на лифте?

— Уже передумал. — Эдуард показал рукой на сенсоры, мигавшие на дверце. — Кто-то уже поднимается… Ну-ка, все невооруженные, бегите вверх по лесенке, а мы с братцем встретим гостей тут.

Оставшись вдвоем, братья отошли к стенке, направив на дверь оружейные стволы.

К их большому разочарованию, кабинка проследовала мимо этажа, продолжив подъем.

— Хотят перехватить наверху, — Эдуард уже включил левитатор. — Прикрой гражданских.

Прыгнув в лестничный пролет, он затормозил падение и взлетел. Мимо быстро убегала вниз свернутая спиралью — как нарезки винтовочного ствола — лента ступеней. Антиграв тянул неважно — то ли батарея разрядилась, то ли где-то в бункере работали мощные генераторы искусственного тяготения.

«Как бы не навернуться в шахту», — подумал Эдуард. Панические мысли он отбросил, потому как понимал: есть опасность пострашнее. При таком неспешном подъеме был серьезный риск опоздать и попасть на следующий этаж после тех, кто воспользовался лифтом. И хотя он не знал, кто именно поднимается в кабине — ландибы или перебившие врагов спецназовцы, — следовало рассчитывать на худшее.

К финишу они прибыли почти одновременно. Когда Эдуард, отключив левитатор, коснулся подошвами площадки, дверь лифта уже открывалась. Отшатнувшись к стене, он прижал к плечу приклад, переключив оружие на стрельбу термогранатой. В следующую секунду щель стала шире, и К°рунд увидел, что в кабине приехали двое в чужой «чешуе», причем оба — безусловно не люди.

Придавленный пальцем спуск послал заряд в короткий полет. Граната разорвалась внутри кабинки, охватив пассажиров вихрем ослепительного белого пламени. Теоретически такой снаряд уничтожал все живое в радиусе десятка метров, однако «чешуя» и надетая под нее броня защитили стрелка от смертельного жара. Зато горячая волна отшвырнула Корунда, он стукнулся головой и плечом об стену. Телу было больно, вспышка ошпарила ноги и ладони.

К сожалению, один из противников тоже уцелел. Пошатываясь, ландиб выбрался из лифта буквально за мгновение перед тем, как плавящаяся кабинка рухнула в шахту.

Превозмогая боль ожогов, Эдуард кое-как сел, прислонившись к стене, и перебросил переводник на стрельбу крупнокалиберными пулями. Его противник, навалившись всей тушей на перила, направил винтовку в пролет лестницы, готовясь обстрелять бежавших снизу людей.

Опередив его, Эдуард выстрелил навскидку и, кажется, попал. Тяжелая пуля сшибла врага с ног, однако ландиб смог перевернуться на живот и начал целиться в лежавшего совсем рядом человека. Корунду было совсем плохо, зрение отказывало, руки дрожали, но все-таки он сумел еще раз нажать спуск, выпустив длинную очередь — все заряды, которые оставались в магазине. Ландиба отшвырнуло к шахте лифта, его последняя пуля ударила в металл рядом с головой землянина.

Теряя сознание, Эдуард успел увидеть, как появившийся на площадке Мишель всаживает в ландиба вольфрамовые стержни.

Очнувшись, он почувствовал, что все тело покрыто теплой вязкой жидкостью. Глаза не без труда удалось открыть, но вокруг было темно. «Ослеп и лежу в луже крови, — печально резюмировал Эдуард. — Но мы, кажется, победили». Еще он удивился, что совершенно не чувствует боли. Издалека донесся слабый женский голос:

— Шевелится. Кажется, очнулся.

Другой голос — грубоватый мужской — откликнулся:

— Я думал, еще полчаса проваляется в отключке. Здоровый, зверюга, быстро выкарабкался.

Сильные руки подтянули за плечи, переводя из лежачего положения в сидячее, и сняли маску, закрывавшую лицо. Моргая от показавшегося ярким света, Эдуард обнаружил, что сидит в ванне, полной зеленоватого желе. Вокруг толпилась знакомая компания: Гелла, то есть Линга, Мишель, Кристо, Барсегов, Конд, а также солдаты ЦАОБ и полицейские.

Сияя счастливой улыбкой, Линга торопливо рассказывала:

— Тебя сильно ошпарило, но медицинский отсек был как раз на этом этаже. Мы перенесли тебя, прополоскали регенерирующей суспензией, а тут подоспел второй отряд спецназовцев, они вкололи инъекцию из своих аптечек, а потом прилетела полиция…

— Твой приятель авейра позвонил мне и сообщил, куда ты отправился, — пояснил Барсегов. — Я поднял дежурный наряд и полетел на выручку. По всей системе из-за вас объявлена тревога, командующий без конца запрашивает про какие-то изделия.

— Изделия у нас, — сказал Кристо. — Надо немедленно доставить их на верфь Джуманджи.

— Долго я здесь валяюсь? — осведомился Эдуард, порываясь выбраться из целебной ванны. — Черт, дайте одежду. И скажите наконец, чем кончился бой.

Как выяснилось, лечение продолжалось около получаса, последнего ландиба прикончил Мишель, но термическая волна гранаты привела в полную негодность и «чешую», и любимый походный костюм Эдуарда, то есть уцелела только бронерубаха. К счастью, запасной комплект одежды лежал в вещмешке, в багажнике «Спрута».

Вскоре он — одетый, обутый и почти здоровый, хотя зверски голодный — уже сидел в машине, и Мишель на форсаже гнал в сторону космодрома.

Прошло больше часа с момента, когда братья Корунды вошли в горную пещеру, и почти четыре часа после расставания с Редлем. Корабли-убийцы могли появиться в любое мгновение, а «Пентакль» и «Зиккурат» были по-прежнему не готовы к сражению.

Связи с Редлем установить не удалось, в местном департаменте ЦАОБ и штабе гарнизона ничего не знали. Барсегов позвонил директору космопорта, и тот заверил, что боевые роботы Высших в поле досягаемости локаторов пока не попадали.

От неизвестности, усугубленной чувством, что задержки происходят по его вине, Эдуард безумно нервничал. Он даже не поговорил толком с Лингой, которая всю дорогу держала его за руку и шептала: мол, все будет хорошо.

Наконец из-за горизонта вывернулись четкие квадраты взлетно-посадочных площадок, силуэты космолетов, взметнувшиеся к облакам строения звездного порта. Не запрашивая разрешения диспетчерской, Мишель посадил аэромобиль рядом с «Тамбовским рейдером».

Кажется, Конд надеялся прокатиться в космос, однако парню объяснили: мол, в другой раз, а пока ты нужен своей планете. Диспетчерская все-таки спохватилась, и кто-то пытался устроить скандал, но капитан ЦАОБ и начальник космодромной охраны легко застращали всю смену, и «Кураре» получил разрешение стартовать вне расписания. Дежурный оператор только проворчал: дескать, поосторожнее маневрируйте, над вами большие корабли крутятся.

Разумеется, предупреждение наземного перестраховщика оставили без внимания. Наращивая мощность антигравов, Эдуард поднял «Кураре» в стратосферу, где запустил на малую тягу ракетный разгонник. Разглядывая звезды, загоравшиеся на темнеющем небе. Кристо поинтересовался, сколько времени займет полет на Джуманджи.

— Час-полтора. — Эдуард повернулся к Барсегову. — Мятеж подавлен?

— Практически без нашего участия. — Полковник отмахнулся. — Городские магнаты перебили друг дружку, а ты сумел предотвратить большую резню племенных союзов. Губернатор и верховный комиссар континента в восторге, приглашают тебя в администрацию, комиссаром Виедры.

— Только этого мне для полного счастья не хватает…

— Другие планы? — искренне удивился Барсегов. — Ты ведь идеально подходишь для работы с вождями кланов.

— Ладно. Вернемся к этому разговору, если доживем до послезавтра…

Динамик прервал его голосом старшего диспетчера космопорта:

— «Кураре», прекратите разгон и ложитесь на предписанный курс.

Навигационный монитор уже показывал параметры неведомо кем предписанной трассы. Глянув на казавшийся бессмысленным набор параметров, Эдуард озверел и заорал:

— Какой идиот решил отдавать мне приказы?! Я должен немедленно лететь на Джуманджи и не намерен выполнять иные распоряжения.

Ему ответил другой голос, обладатель которого привык, чтобы его приказы исполнялись точно, четко, без задержек и обсуждений:

— Остановись, Корунд. Тебе не нужно лететь к Джуманджи.

По экрану скользили тени громадных корпусов, и Эдуард понял, о каких очень больших кораблях предупреждал его диспетчер.

3

С такого расстояния боевые машины казались одинаковыми, хотя один из кораблей вдвое превосходил другой по всем размерениям.

— Иду на сближение, — сказал Эдуард.

Редль поступил рационально. Не стал ждать «Кураре» возле Джуманджи, а двинулся навстречу, сберегая бесценные часы и минуты. Заодно испытал крейсер и линкор в коротком пробеге.

С борта флагмана протянулся тонкий красный луч. Направив катер вдоль фотонного потока, Эдуард осведомился, что делать дальше.

— Пусть научники разделятся, — приказал адмирал. — Двое с большим изделием перейдут на линкор, а двое установят свое творение на крейсер. Через час оба корабля должны быть полностью функциональны.

Нагнувшись к плечу Эдуарда, Линга Симба взволнованно спросила:

— Вы фиксируете колебания второго и третьего типов?

— Да, да, — раздраженно подтвердил Редль. — Пакет волн второго типа идет прямо на систему.

Прижавшись к бывшему супругу своего оригинала, Линга прошептала:

— Быстрее, любимый. Все зависит от нас.

При этом ее грудь вступила в упругое взаимодействие с его плечом, и бывший супруг оригинала, почувствовав прикосновение пары крепких полушарий, вновь испытал почти забытое волнение.

Не отвечая, он передвинул по экрану курсор, совместил стрелку с люком ангара в средней части «Пентакля» и нажал клавишу запуска маневровых ракет. «Кураре» послушно устремился к указанной цели. Линга по-прежнему стояла рядом с Эдуардом, положив руку на его плечо.

— Век бы так летел, — сообщил он. — Ребята, нам нужно поговорить о многом.

— У нас останется примерно полчаса до начала стрельбы, — сказал у него за спиной Кристо. — Профессор, вы с нашим хвостатым коллегой отправитесь на «Пентакль», а потом Эд отвезет остальных на «Зиккурат».

— Вы очень любезны, — прошипел в ответ механический голос мультитранса. — Я вроде бы не называл вас ни бесхвостыми, ни голокожими.

— Оставьте, дзорх, — огрызнулась Линга. — Кажется, вам недостаточно любезности, которую мы оказали позавчера, отправив изделия для вашего флота. Или вы забыли, что по этой причине наши корабли не имеют действующей системы управления?

— Валинор и Земля получили зверюшек раньше, — сварливо вскричал дзорх, но вдруг остыл. — Ладно, признаю, что вы вели себя почти честно.

— Ценю ваше благородство. — Линга хихикнула. — Даже не стану напоминать, что ваш флот еще неделю назад получил нейтринную трубу для пушки и комплект боеприпасов.

Разразившись кашляющим хохотом, дзорх съязвил:

— Виин-черси прислали ствол и снаряды на сутки раньше. Из этой пикировки Эдуард уяснил, что по меньшей мере три цивилизации Большого Квартета тайно координировали усилия, готовясь к схватке с Высшими. Запустив режим стыковки, он осведомился:

— Вы не забыли про лабба?

— Про них забудешь, — фыркнула Линга. — Они построили кораблей не меньше нашего, подкинули всем отличные торпеды и сами наладили выпуск систем управления.

— Не сами! — возмутился дзорх. — Там работала целая бригада моих соплеменников.

На экранах борт «Пентакля» придвинулся вплотную, как стена горного обрыва. Рядом с исполинским линкором «Кураре» казался совсем крохотным. Несерьезный участник грандиозных событий, перевозивший крайне важный груз, без которого не смогут сражаться закованные в нейтрид и мезонир бойцы-великаны.

Так уж устроен этот мир: каждый обречен играть собственную роль, соответственно своим силенкам и способностям. И каждый должен сыграть отведенную ему роль как можно лучше.

Оставив на «Пентакле» дзорха и долговязого профессора, «Кураре» пришвартовался к «Зиккурату». Когда пассажиры перебежали на крейсер по соединительному рукаву, Эдуард запустил в автопилот программу приземления, попрощался с возвращавшимися на Теоле космодромными полицейскими и задраил люк.

На другом конце рукава его ждала, как ни странно, сестра.

— Генрих разрешил нам с папой остаться на «Зиккурате». — Агнес пожала плечами. — Кто знает, где сейчас безопаснее — на корабле или на планете.

— Скоро узнаем, — согласился брат. — Где остальные?

— Рванули в рубку. Если я правильно поняла, Кристо привез недостающую часть системы управления. Под главным пультом имеется пустота неправильной формы — наверное, гнездо для изделия твоего друга.

Брат и сестра направились к рубке мимо сновавших офицеров и матросов, мимо застывших в готовности роботов-ремонтников, мимо горевших повсюду плафонов боевой тревоги.

Эйфория рассеивалась, и теперь Эдуард не испытывал ни капли оптимизма. Слишком много сил отдал он за последние недели, сражаясь против Высших. Усталость рождала апатию и горькое понимание: он выиграл лишь право быстро и без мучений погибнуть от выстрелов супероружия. Погибнуть, понимая, что оставшиеся на Джуманджи родные и друзья будут умирать долго и страшно.

В победу над сверхцивилизацией он, конечно, не верил. Новое оружие Старших неспособно причинить серьезный ущерб Превосходящей расе. Применялись уже и нейтридная картечь, и бомбы с антивеществом — все тщетно. Боевые роботы Высших, погруженные в непостижимые измерения и прикрытые защитными полями, были практически неуязвимы.

В отличие от Эдуарда Корунда собравшиеся в рубке офицеры и джентльмены выглядели спокойными и как будто полными уверенности. Выстроившись плотным полукругом, они с интересом наблюдали, как Линга и Кристо, сидя на корточках возле развороченного пульта, вытаскивают из лисановского рюкзака сложное устройство. Эдуард и Агнес пристроились к стоявшим на правом фланге отцу, Мишелю и Генриху. Те только кивнули, не отрывая взглядов от занятых серьезным делом специалистов.

Кристо держал в руках черный цилиндр, из которого торчали серебристые грибочки, в разных местах цилиндра светились индикаторы. Линга поворачивала серебристые рукоятки, индикаторы стали моргать другими цветами, а потом один из торцов цилиндра откинулся. Натянув перчатки, Линга достала из контейнера что-то вроде толстого червяка — с желтыми

полосками на жирной темно-вишневой шкуре. Длиной пресловутое изделие было около полуметра. Отбросив пустой контейнер, Кристо подхватил червяка, и они с Лингой стали запихивать слабо шевелившееся существо в распахнутую схему систем управления.

— Вставили, — сообщил Кристо после пятиминутных стараний.

Изделие медленно ворочалось, раздуваясь и заполняя полость между блоками мультисхем. Кристо и Линга принялись закрывать панели.

Эдуард вдруг обнаружил, что следил за их действиями, затаив дыхание. Он торопливо сделал глубокий вдох, остальные зрители тоже избавились от оцепенения, началось движение, кто-то переговаривался вполголоса. Офицер в мундире капитана 1-го ранга осведомился:

— Устройство живое или это пластичная масса-трансформер?

— Квазиживое, — объяснил Кристо, захлопнув кожух пульта. — Последнее достижение дзорхов. По части бионано-технологий коллеги-ящерки обогнали всех.

На мониторе загорелось сообщение о готовности систем управления. Офицеры проворно заняли места по боевому расписанию, натягивая шлемы виртуально-телепатических интерфейсов. Капитан 1-го ранга — видимо, командир крейсера — сел в центральное кресло, по правую руку от него устроился Генрих.

Теперь стояли только Линга, четверо Корундов, Кристо и не замеченные прежде полковники в армейских мундирах — Анджелли и Гродзинский.

— Вот и свершилось, — удовлетворенно произнес президент «Сафари». — Сегодня рассчитаемся за все.

— Всерьез рассчитываете на победу? — саркастически осведомился пребывавший в мрачной депрессии Эдуард. — Немного стоят два корабля против технологий сверхцивилизации.

— Не два, а почти три десятка по всему Большому Квартету, — уточнил Хайме. — И не мы побьем Высших, за нас это делают Суперы. Мы всего лишь…

Он замолчал, обернувшись к пульту, над которым загорелся очередной монитор. Голограмма показывала рубку другого корабля, причем почти половину изображения занимало массивное телосложение Стефана Редля.

— Здравствуй, Катридис, — сказал адмирал. — «Пентакль» готов. Что у тебя?

— Готовность, адмирал. Заканчиваем стыковку каналов. Офицер, сидевший слева от капитана 1-го ранга, доложил:

— Есть стыковка. Запускаю якорь на раскручивание. Перед комсоставом крейсера сформировалась трехмерная схема галактического сектора. Масштаб соблюдался весьма неточно, поэтому были одновременно видны скопления Высших, центральные системы человеческих владений, а в дальней верхней части карты расположилось ближайшее шаровое скопление — предположительно, место обитания Суперов.

— Мне нужны оба аналитика, — пророкотал Редль.

— Я здесь, адмирал.

Анджелли шагнул ближе к пульту. Поспешно приблизившись к нему, Линга произнесла:

— Мы готовы.

— Сейчас вы увидите картинку событий, которые произошли за последние сутки, — предупредил Редль. — Два часа реального времени в минуту.

Он шевельнул рукой, и схема ожила.

Первая минута — 22–24 часа назад. Эдуард прикинул, что примерно в это время он и его спутники общались на Кураре с дружком Серо-Зеленым.

А на экране вокруг Медного Цветка и других скоплений Высших перекатывались десятки хорошо знакомых образований — для непосвященных были высвечены пояснения: Волна-4. Нетрудно было сообразить, что так обозначены волны 4-го типа. Рядом аккуратными столбиками засветились параметры каждой волны, и Линга охнула:

— Какая мощность!

— Да, мы никогда прежде не фиксировали таких концентраций энергии, — согласился Хайме. — Высшие накопили силенки для решительного штурма.

— Вы уверены, что речь идет о боевых действиях? — Линга подняла бровь, готовясь к дискуссии.

Анджелли успокоил ее новостью, что информацию привез Корунд, имевший очередную беседу с Высшими. Покосившись на Эдуарда, Линга развела руками.

Несколько следующих минут на схеме сменялись знакомые изображения — Харютьев и Анджелли демонстрировали часть этих картинок на базе. Волны-4 покатились в сторону шарового скопления, несколько Волн-2 неторопливо направились в сторону Солнца, Дзеты Тукана, Беты Кассиопеи, Гаммы Цефея, а также к другим звездам, вокруг которых крутились главные планеты Большого Квартета.

С точки зрения Эдуарда, особой логики в действиях Высших не просматривалось, но Линга хмурилась все сильнее. Попросив остановить демонстрацию на десятой минуте, она прокомментировала:

— Здесь все понятно. Высшие двинули главные силы на штурм шаровых скоплений. Одновременно они зачем-то разворачивают устаревшие боевые корабли против Старших.

— Значит, волны второго типа — это все-таки корабли-роботы, — пробормотал Эдуард.

Ему ответил полковник, он же профессор Анджелли:

— В свете данных, которые ты привез с Кураре, они вовсе не роботы.

— А что же тогда волны третьего типа?

— Майор Симба согласна с нашим мнением, что волны-три рождаются самыми малыми кораблями Высших.

В большинстве случаев появлению Высших на какой-либо планете предшествовали такие колебания.

Нетерпеливо шикнув на них, Линга очертила световой указкой часть шарового скопления и, заметно нервничая, проговорила:

— Покажите этот участок.

Теперь они видели только выросший на весь объем голограммы плотный сгусток полумиллиона звезд. Светящиеся точки несколько раз покачнулись, при этом на периферии схемы появились непонятные Эдуарду символы.

— Ты права, майор Симба, — не без восхищения признал Анджелли. — Дважды шевельнулась Большая Волна. Суперы готовы встретить нападение.

— Вот именно… — Линга кусала губы. — Неожиданной атаки не получилось.

События на экране понеслись вприпрыжку. Волны-4, разогнавшись, едва не захлестнули шаровое скопление. Навстречу им поднялись исполинские — никто из людей не представлял себе, что возможны подобные амплитуды, — колебания пространства. Созданные Высшими структуры просто разбились о Большую Волну, которая выплеснулась из скопления и покатилась, уничтожая тыловые эшелоны колебаний 4-го типа.

Даже без объяснений Эдуард понимал: Суперы нанесли ответно-встречный удар, уничтожив силы вторжения, которые создавались Высшими на протяжении веков, а то и тысячелетий. Крепко вцепившись пальцами в его руку, Линга прошептала:

— Вот оно, Сверхмогущество… Оружие Суперов на порядок быстрее и на два порядка мощнее, чем все, на что способны Высшие!

На офицеров крейсера эта часть видеоклипа не произвела большого впечатления. Суперы не входили в сферу забот вооруженных сил человечества. Однако, едва пошла следующая часть сюжета, послышались тревожные возгласы. Катридис, Генрих и другие командиры указывали на нижнюю часть голограммы. Там действительно разворачивались неприятные события: около четырех часов назад, когда Суперы добивали группировку Высших, десятки боевых роботов пришли в движение, взяв курс на главные населенные миры Большого Квартета.

— Каратели спешат уничтожить нас, — прокомментировал Анджелли. — Высшие не

желают погибать в одиночестве и решили прихватить с собой Старших.

Линга неуверенно заметила, что это — лишь одно из возможных объяснений. Не исключено, что Высшие намерены передать Старшим знания своей обреченной сверхцивилизации.

— Никогда эти машины не выполняли иных миссий, — возразил Эдуард. — Не менее пяти веков они прилетали только для разрушения.

— Знаю, — буркнула Линга. Снова заговорил с экрана Редль:

— Благодарю аналитиков. Ваши комментарии подтверждают и уточняют выводы моего штаба. Я принял решение выступить навстречу кораблям, идущим к системе Зета — Фаркуана. Крейсер «Зиккурат» следует за линкором «Пентакль» на стандартной дистанции. Расчетное время огневого контакта — через час с четвертью.

— Есть! — каркнул Катридис.

Офицеры склонились над пультами, нажимая сенсоры и наговаривая команды в микрофоны. По корпусу крейсера пробежали волны вибраций — заработали двигатели, выводившие корабль на боевой курс. Не отрывая взгляд от экранов, Генрих громко сказал:

— Пассажирам советую пройти в офицерскую кают-компанию. Там есть терминалы, сможете следить за событиями.

Когда они выходили из рубки, старшие специалисты рапортовали командиру, пользуясь непонятным сленгом:

— Якорь раскручивается. Есть частичное исчезновение.

— Второй котел покашливает.

— Большой шарик фиксирует стаю.

Дорогу показывала Агнес, которая знала на этом корабле почти все закоулки. Коридор — трап — коридор — лифт — техническая палуба — снова трап — жилая палуба. Людей по дороге не встретили ни разу — весь экипаж разбежался по боевым постам.

«Редль повел в бой только новые корабли, — подумал Эдуард, переступая комингс кают-компании. — „Энтеббе“ и легкие силы остались в системе. Вероятно, он считает, что „Пентакль“ и „Зиккурат“ смогут причинить Высшим хоть какой-то ущерб». Хотелось надеяться, что адмирал имеет основания для оптимизма.

Первым делом Анджелли включил видеосистему, настроился на канал рубки и вывел на голограмму схему тактической обстановки. «Пентакль» и «Зиккурат», разгоняясь на ракетной тяге, покидали плоскость системы, одновременно выдвигаясь в направлении Медного Цветка. Ближайший отряд Высших, покинув гиперпространство, держал курс на систему Дзеты Большой Медведицы.

Рядом загорелась еще одна голограмма. Этот монитор показывал трехмерное изображение «Зиккурата».

— Между прочим, я голоден, — вспомнил вдруг Эдуард. — Мы с братцем черт знает когда в последний раз питались.

— На космодроме Северной Омерты, — уточнил Мишель. — Ну и закусили кусочком сыра на Теоле.

В углу весьма уместно случился комбайн системы доставки. Из меню братья выяснили, что камбуз может предложить остатки недавнего обеда. Голод разыгрался не на шутку, поэтому Эдуард заказал полпорции борща, котлеты с жареной картошкой, кувшин вишневого напитка и салат из водорослей с чесноком, креветками и крабами.

Столик он выбрал с таким расчетом, чтобы смотреть на монитор из первого ряда. Борщ оказался неплох, лишь чуть-чуть пересолен, что компенсировалось большим куском говядины с добрым слоем сала. Вскоре рядом пристроился Мишель. На подносе братишки стояла миска острой океанской похлебки, тарелка свиных ребер с рисовым гарниром, бисквиты и бутылка лимонада.

Ворча: дескать, мальчишки жрут вредные жирные блюда, подсел отец — они с Агнес взяли какой-то молочно-фруктовый диетический кошмар. Последней пристроилась к их

столу Линга, пожелала всем приятного аппетита и принялась нарезать бутерброды из серого хлеба, ветчины и полукопченой колбасы. Гродзинский, Хайме и Кристо были, видимо, не голодны — они заняли соседний столик, развлекаясь чаем, пирожными и фруктами.

Стремительно выхлебав борщ, Эдуард придвинул второе и собрался задать Линге давно волновавший его вопрос. Однако цифры на экране заставили забыть о личном — скорость крейсера перевалила за треть световой и продолжала расти. Он даже не пытался подсчитать ускорение, потому что совершенно точно знал: даже самые лучшие гравитационные разгонники делают подобное за час-полтора. В любом случае Редль как будто вознамерился преодолеть световой барьер, где беспомощны известные виды оружия.

— Как идут! — восхищенно прошептал Гродзинский. — Еще немного…

— Вот именно. — Кристо скорчил зверскую рожу. — Великолепные машины.

В кают-компанию вошли роботы, нагруженные объемистыми мешками. Они сложили ношу на палубу, после чего из микрофонов послышался голос Генриха:

— Советую пассажирам надеть скафандры. Мало ли чего может произойти.

— Правильная мысль. — Гродзинский кивнул. — Разбирайте костюмчики, друзья мои.

Скафандры были универсальные, то есть пригодны для ношения в атмосфере и в вакууме, но — вот беда — не имели встроенной бронезащиты. Теоретически человек в такой экипировке мог продержаться во враждебной среде порядка суток. От более серьезных опасностей они не защищали. Лучше, чем ничего, хотя ничего хорошего. Могут пригодиться на случай кратковременной разгерметизации отсека.

— Позволь помочь, — предложил Эдуард, тронув за локоть Лингу.

Она с благодарностью кивнула, хотя никакая помощь не требовалась. Линга натянула скафандр легко и непринужденно — чувствовался солидный опыт работы в космосе. Ловко поворачиваясь, чтобы Эдуарду сподручнее было застегивать клапаны, она осведомилась:

— Тебе совсем не интересно, кто я такая? Или уже знаешь?

— Собирался спросить, но не получается, — признался он. — По логике вещей, ты — клон моей бывшей жены.

— Именно… — Вдруг ее глаза засверкали, и Линга, указывая рукой на экран, воскликнула: — Раскрутился на полную!

Установленный в носовой части «Зиккурата» шар, сегменты которого выпирали из разных граней корпуса, начал светиться. Пылающие узоры перемещались по всей поверхности сферы все быстрее, сливаясь в сплошные сверкающие полосы.

— По-моему, это не локатор, — выразила общее подозрение Агнес— Тоже какое-нибудь изобретение дзорхов — новая пушка, наверное.

— В основном наша разработка, тут мы обогнали всех, — гордо сообщил Гродзинский. — Без этого чуда в рукаве даже Редль не вышел бы в бой, будь у него хоть втрое больше новых пушек.

Догадка появилась внезапно — все-таки слухи о таких устройствах давно циркулировали в новостях. Эдуард осторожно произнес:

— Полупогружной двигатель?

Единственным ответом стали подтверждающие кивки Гродзинского и Кристо. Между тем мониторы продолжали показывать чудеса: скорость крейсера скачком удвоилась, затем «Пентакль» и «Зиккурат» прыгнули через гипер на четверть светового года. Теперь они преграждали путь несущимся на сверхсвете волнам 2-го типа.

Наверняка корабли-роботы видели рванувшиеся напересечку линкор и крейсер людей, но сбавлять ход, а тем более выходить в трехмерность не стали. Земное оружие не представляло угрозы для военных машин сверхцивилизации. Победить их удалось только Суперам.

Эдуард вспомнил уничтожение корабля-убийцы возле Кураре: за мгновение до смертельного удара Большой Волны с вражеского звездолета разбежались Волны-3. Вероятно, состоявший из Высших экипаж покинул обреченный борт. Вот почему Хайме сказал, что корабли Высших — вовсе не роботы.

— «Зиккурату» выдвинуться для торпедного удара! — раздался голос Редля. — Катридис, дашь залп — и возвращайся на свое место в ордере.

— Есть, адмирал!

Символ крейсера на схеме резким маневром вырвался на траверз линкора. «Сейчас начнется», — понял Эдуард.

Волновые следы Высших обгоняли свет примерно в тысячу раз. Земным кораблям такие скорости были недоступны, однако «Пентакль» и «Зиккурат» невероятным образом смогли за каких-то полчаса разогнаться до субсвета. По-видимому, такие чудеса стали возможны благодаря полупогружному движку. За несколько минут до пересечения курсов в носовой части крейсера раздвинулись заслонки торпедных аппаратов, и снаряды сорвались с пусковых установок.

Смысл атаки был Эдуарду совершенно непонятен. Даже гигантские гамма-резонансные импульсы и разогнанные до субсветовых скоростей болванки нейтрида весьма неважно пробивали защиту Высших. В лучшем случае удавалось слегка поцарапать обшивку кораблей-убийц.

— Отец, чем снаряжены торпеды? — спросил Эдуард. — Квантовая эмульсия или гиперплазма?

Георг Корунд недоуменно покачал головой:

— Не думаю. Эмульсия только в снарядах для пушек линкора.

«Значит, обычные боеголовки, — подумал Эдуард. — Антивещество и куски нейтрида». Видимо, Редль и его команда рассчитывали, что корабли Высших столкнутся со шрапнелью на гиперсветовых скоростях, и это приведет к повреждениям более тяжелым, чем обычно. Но ведь оружие людей поражает лишь трехмерную компоненту, не затрагивая самые важные, вывернутые в иные измерения части вражеской машины.

Разрядив торпедные аппараты, крейсер чуть сбросил скорость, пропустил линкор вперед и занял прежнее положение за кормой «Пентакля». Торпеды, выполнив разворот, умчались навстречу Высшим и, сблизившись, взорвались.

Волны 4-го типа начали резко тормозить, одновременно расплываясь. Их скорость стремительно упала до малого сверхсвета, затем три вражеских корабля вышли в обычное пространство, имея скорость немного больше половины световой. Мелькнула мысль: « Вот теперь он и за нас возьмутся…».

Внутренняя связь принесла из рубки голос капитана Дерби:

— Кажется, переднего хорошо зацепили. Катридис хрипло ответил:

— Мы зацепили всю тройку. Незнакомый голос отрапортовал:

— Командир, приказ флагмана…

— Вижу. Выходим в лоб.

Полупогружные двигатели продолжали творить чудеса. Выполнив невероятный, противоречащий всем законам субсветовой механики маневр, земные корабли скорректировали вектора движения. Теперь оба отряда, прикрывшись энергетическими щитами, мчались на встречных курсах.

— Приблизиться к флагману! — скомандовал Катридис— Объединяем защитные поля… А-а-а-а! Опередили…

Корабли-убийцы ударили первыми. От вражеских машин ринулись импульсы колебаний 1-го типа — знаменитая Волна Смерти, которой Высшие уже полтысячи лет уничтожали звездолеты и планеты Старших. Почти тотчас же в верхней части экрана загорелось сообщение: «Огонь главного калибра: 4 снаряда… 8 снарядов… 12 снарядов…».

Очевидно, имелось в виду, что заработали артиллерийские башни «Зиккурата» , выпускавшие залпы каждые шесть секунд. По всей вероятности, должны были стрелять и чудовищные орудия «Пентакля». Взрыв гиперплазмы выбрасывал канистру с квантовой эмульсией, разгоняя снаряды до скоростей, почти не отличавшихся от световой.

«Может, и бронебойные боеприпасы пошли в дело — с нейтридовым сердечником, —

предположил Эдуард. — А крейсер наверняка лупит шрапнелью… Ну если повезет, один корабль мы покалечим. Два других расправятся с эскадрой, а потом уничтожат Джуманджи, Теоле и Мистерию…»

На голограмме было видно, как приближается Волна Смерти. Эдуард невольно сжал запястье Линги, и она, весело подмигнув, положила голову ему на плечо.

— Сейчас это случится, — беззаботно сообщила Линга. — Они даже не пытаются уйти.

— Мы тоже!

— Мы лучше понимаем, что происходит…

Эдуард вдруг понял, что клонированная копия его жены совершенно не обеспокоена скорой встречей с неотразимой гибелью. А два полковника — те и вовсе азартно подсчитывали секунды до попадания снарядов линкора. Их тоже не волновало, что Волна Смерти поразит «Зиккурат» на несколько секунд раньше, чем первый снаряд выплеснет эмульсию в силовое поле корабля-убийцы.

В отличие от них Редль не был самоубийцей и отдал приказ начинать разворот. Полупогружные моторы отклонили курс земного отряда и даже сумели немного отвести «Пентакль» и «Зиккурат» от оси вражеского удара. Волна 1-го типа задела крейсер лишь внешней зоной, где колебания были на порядок слабее.

Значок на схеме, обозначавший поток всесокрушающих колебаний, прошел мимо кораблей Редля. Постепенно рассеиваясь, Волна Смерти понеслась дальше в сторону Фаркуаны. Внутренний объем «Зиккурата» наполнился визгливым гудением. Эдуарду показалось, что металлическая коробка отсека рванулась вниз и влево, а его самого та же сила отрывает от стула и швыряет к потолку. Обхватив одной рукой талию Линги, он другой рукой вцепился в край столешницы и обвил ногами ножку стола.

Крейсер дернуло еще раз, металл снова загудел, скафандр захлопнул забрало и включил встроенный антиграв. Пространство вокруг искривилось, так что Эдуард видел одновременно и погасший монитор, и пустой столик возле переборки за спиной. По лицевому щитку шлема зазмеились голубоватые разряды, сильная боль пронзила всю левую сторону. Вибрирующие элементы конструкции продолжали издавать неприятные громкие звуки. Последовал еще один сильнейший толчок, от которого потемнело в глазах.

Как ни странно, это был вовсе не конец. Зрение вскоре вернулось, а пространство избавилось от деформаций. Сквозь прозрачное забрало Эдуард увидел побледневшее до бумажной белизны лицо Линги. Гул затихал, экраны моргали, кто-то стонал. Линга слабо пошевелила губами, но ничего не сказала.

Обернувшись, Эдуард увидел, как несколько фигур в скафандрах склонились над лежащим. Из динамиков прошелестел подрагивающий голос Генриха:

— Внимание личному составу. Непосредственная угроза миновала. Крейсер сохранил боеспособность, повреждения линкора также незначительны. Посты наблюдения зафиксировали до десятка прямых попаданий во вражеские корабли и столько же близких взрывов квантовой эмульсии. Сражение продолжается.

Наконец заработали мониторы. Носовую часть «Зиккурата» изуродовала глубокая длинная вмятина по правому борту, исчезла надстройка возле орудийной башни. Другая голограмма показала, что земной отряд, выполнив разворот, догнал противника и приблизился вплотную, причем «Пентакль» снова открыл огонь обеими башнями. Прошло не меньше десятка секунд, прежде чем появилось сообщение о начале стрельбы «Зиккурата», на этот раз пушки крейсера делали залпы намного реже.

— Есть, торпедный залп! — Голос принадлежал, кажется, Катридису, и отвечал он, скорее всего, Редлю.

Новый толчок корпуса подтвердил исполнение приказа. Голоса в рубке тревожно обсуждали какой-то неотложный маневр. На схеме было видно, что противник набрал скорость и выходит из зоны обстрела. Расстояние между отрядами заметно увеличивалось. Бой, либо первый его этап, закончился.

Редль предупредил, что противник попытается отойти на безопасное расстояние и

снова ударит Волной Смерти. Поэтому, сказал адмирал, будьте готовы уходить в гипер, чтобы снова преградить путь вражескому отряду. Флотоводец явно был полон решимости продолжить сражение.

Нервное напряжение малость отпустило, и Эдуард, обернувшись к соседнему столику, осведомился:

— Кого там приложило?

— Твой дружок не удержался, — сообщил Гродзинский.

— Больно, — пожаловался Кристо, пересаживаясь с палубы на стул. — Буду всем рассказывать, как мне волна первого типа плечо ушибла.

— Чудеса иногда случаются, — с воодушевлением заметил отец. — Волна Смерти прошла совсем рядом и практически не задела нас.

Все члены семьи Корунд согласились, что подобную удачу можно назвать лишь чудом. Однако работники высших структур «Футурланда» такого мнения не разделяли. Анджелли объяснил, что колебания 1-го типа распространяются в обычном пространстве, а потому не слишком опасны для крейсера, частично погруженного в глубокий гипер. Самая неприятная компонента Волны Смерти прошла мимо «Зиккурата» в других измерениях, подобно тому как в прежних сражениях снаряды Старших не причиняли большого вреда кораблям — убийцам.

— Погоди-ка, давай подробнее, — разволновался Георг Корунд. — Я помню разговоры времен моей молодости: дескать, боевые машины Высших лишь частично принадлежат нашему космосу.

Хайме подтвердил: корабли-убийцы находились в трехмерности лишь одним, редко — двумя измерениями. Поэтому даже точное попадание снаряда с антивеществом могло выжечь только тонкую линию, а в случае большой удачи — плоскость, что не слишком опасно. Теперь же снаряды выпускаются из полупогруженного состояния, а потому поражают не менее двух-трех, а то и все четыре измерения.

— К тому же новые снаряды не чета прежним, — добавил Гродзинский.

— Да уж, такие болванки никто еще не прокатывал, — самодовольно подтвердил Георг. — Знать бы, насколько они эффективны.

— Надеюсь, скоро узнаем… — начал Гродзинский.

Динамики оглушительно предупредили, что крейсер уходит в гиперпрыжок. Ситуация на мониторах решительно изменилась: опередив противника, отряд земных кораблей поджидал карателей в миллиарде километров от Зеты — неподалеку от планеты-гиганта Гекатонхейр. Примерно через полчаса должен был начаться второй раунд.

Рациональное мышление подсказывало, что Высшие наверняка поняли, в каком измерении развернуты корабли людей. Вывод Эдуарда не отличался оптимизмом: «Наверняка они уже изменили настройку своих пушек, и Волна Смерти ударит без промаха».

Пакет колебаний 2-го типа приближался к системе. На расстоянии световых суток волны разгладились, превратившись в три корабля, несущихся на скорости в двести световых. Редль отдавал приказы, Катридис рапортовал о готовности к исполнению. Неожиданно с головного, сильнее прочих поврежденного корабля-убийцы метнулись к соседнему волны 3-го типа. Приняв на борт эвакуированный экипаж флагмана, два корабля провалились в гипер и куда-то переместились.

Растерянным людям понадобилось немало секунд, прежде чем удалось сообразить: враг ушел, уклонился от сражения. Однако причины этого бегства оставались загадкой.

— Душка не хватило, — громко сказал в рубке Генрих. — А ведь могли прихлопнуть нас одним залпом.

Нахмурившись и покачивая головой, Линга негромко произнесла:

— Не верю. Логика сверхцивилизации не допускает ошибок на уровне Уступающих рас. Они испугались чего-то другого.

— До сих пор они боялись только Большой Волны, — подхватил Эдуард. — Генрих, предупреди команду, пусть готовятся. В любой момент поблизости может сработать оружие

Суперов.

— По кому оно сработает? — флегматично осведомился старший офицер крейсера. — И как к этому готовиться?

— Просто ничему не удивляйся.

Неуправляемый корабль-убийца продолжал мчаться в сторону Фаркуаны. Редль приказал начать маневр перехвата — лечь на параллельные курсы, сблизиться и высадить абордажные команды для изучения трофея. Блестящий замысел грубо сорвала Превосходящая раса.

Вокруг корабля выросла Большая Волна. Когда она рассеялась, вместе с ней исчезла и машина уничтожения, веками наводившая ужас на Старшие расы.

После короткой заминки Редль скомандовал отбой. Отстегнув шлем, Эдуард спросил Лингу:

— Расскажешь о себе?

Она кивнула и уже приоткрыла губки, но вдруг напряженно застыла, глядя на монитор. Повернувшись к изображению, Эдуард увидел стремительное приближение одиночной Волны-3.

— Откуда он взялся? — раздраженно выкрикнул из динамика голос Катридиса. — Орудия к бою, силовые поля на полную мощность!

Кто-то из офицеров доложил командиру:

— Трасса идет из окрестностей Теоле. Вторая такая же волна ушла с Джуманджи в сектор… — Офицер назвал координаты. — А эта словно в гости собралась.

Пушки «Зиккурата» выбросили полный набор средств поражения — от гамма-резонансов до нейтридной шрапнели. Словно не почувствовав обстрела, Волна-3 прошла сквозь энергетический щит, окружавший корпус крейсера. Корабль содрогнулся, но гораздо слабее, чем после удара Волны Смерти.

4

Эдуард успел удержать Лингу и сам устоял на ногах при первом толчке. Второй и последующие были слабее, но Георг, Агнес и Кристо выглядели неважно.

— Как наши аналитики? — поинтересовался командир крейсера. — Можете объяснить, что происходит?

Линга совсем позеленела и морщилась, мотая головой. Способность связно высказываться она явно потеряла, поэтому ответил Эдуард:

— Можно подумать, что «Зиккурат» атакован малым космолетом сверхцивилизации. Возможно, один или два Высших проникли на борт.

— Что может натворить один Высший? — Катридиса интересовали конкретные вопросы.

— Все что угодно. — Анджелли лаконично выразил представления человеческой науки. — Никто не знает.

Освещение кают-компании внезапно изменилось — словно включился фонарь с зелеными светофильтрами. Одновременно раздался знакомый голос:

— Моя способность уничтожить этот корабль не должна вас пугать. Я пришел, чтобы просить убежища и защиты.

Серо-Зеленый приткнулся к переборке напротив мониторов. Энергетический кокон, растянувшись на всю высоту отсека, мелко вибрировал, как будто Высшего бил нервный озноб.

— Корунд, Симба, что происходит? — осведомился Катридис— Что делают Высшие и что делать нам?

— Доложите адмиралу, — посоветовал Эдуард. — Вряд ли мы можем сделать что-либо другое.

— Неверно, — заметил Серо-Зеленый. — Вы можете отказать, и я уйду. Но в таком

случае ваша цивилизация потеряет полезную информацию.

Он умолк. Эдуарду показалось, что Высший подавлен катастрофой, поразившей сверхцивилизацию. Погибла вся или почти вся его раса — наверное, шок был ужасен.

— Вы проиграли? — спросил Анджелли.

— Не задавай лишних вопросов. — Серо-Зеленый отвечал звуками человеческого языка, но его речь сопровождалась телепатическим фоном, который нес отчаяние и боль. — Вы видели, что сделали с нами Суперы. Наша раса уничтожается повторно. В первый раз мы были наказаны за желание жить в мире, во второй — за попытку применить силу. Постарайтесь найти лучшее решение.

В кают-компании загорелась очередная голограмма, с которой задумчиво хмурились Редль и его соратники. Оглядев Высшего, адмирал проговорил:

— Вы получите убежище, хотя мы бессильны обеспечить защиту, если Суперы пожелают забрать или убить вас.

— Понимаю. Поэтому намерен передать людям как можно больше полезных знаний, пока враги не пришли за мной. Надеюсь, вы позаботитесь об остатках моей расы.

— Как вы представляете такую заботу? — Адмирал удивленно поднял брови.

— Уничтожив инфраструктуру и персональные энергококоны, Превосходящая раса сделала нас беспомощными. За тысячелетия мы ослабли физически, метаболизм изменился, практически все индивидуумы неспособны существовать без постоянного притока энергии гипервакуума. На наших мирах нет промышленности и сельского хозяйства, которые давно стали ненужными. Энергококоны были нашей силой, зашитой, оружием, средством передвижения, хранилищем информации, орудием познания. Теперь на планетах наших скоплений медленно погибают десятки миллиардов жалких, потерявших большую часть памяти особей с атрофированными мышцами, пищеварительными и дыхательными органами. Нам понадобится провиант на первое время, будут необходимы наставники, которые научат добывать пищу и строить машины. И еще нужны врачи.

— Не уверен, что весь Большой Квартет способен решить эту задачу, — хмыкнул адмирал. — Я сообщу по инстанции о вашей просьбе. Но скажите, черт побери, как вы рискнули пойти войной на Суперов, ведь должны были понимать, что вас раздавят!

— Обычная глупая самонадеянность, характерная для всех Уступающих рас. Нам кажется, что мы способны перехитрить Превосходящих, что смогли создать Оружие Победы… Ведь и вы строили дурацкие корабли из нейтрида, начиняли снаряды эмульсией и думали, что мы ничего не знаем.

— Дурацкие корабли прекрасно сработали, — обиделся Редль. — К тому же мы сумели сохранить строительство в тайне.

— Никакой тайны. — Кокон несколько раз мигнул, меняя интенсивность свечения. — Мы знали все замыслы «Футурланда», но не считали эти корабли опасными. Мыслилось, что больше не будет надобности в карательных экспедициях. Мы бы позволили вам порезвиться, уничтожив старые корабли, а против настоящего нашего оружия «Пентаграмма», «Валгалла», «Пентакль» и остальные ваши линкоры были бессильны. К сожалению, мы недооценили мощь Суперов. Феномен, побочное проявление которого вы называете глупым термином «Большая Волна», оказался на порядок сильнее, чем представляли наши аналитики. Итог вам уже известен.

Как обычно, Высший сумел удивить и унизить. Люди молчали, все глубже постигая степень собственной ничтожности перед могуществом сверхцивилизаций.

Наконец Эдуард задал вопрос:

— Почему вы двинули устаревшие корабли против человечества?

— Мы не были едины. Я и некоторые коллеги считали, что нужно помогать так называемым Старшим. Другие ненавидели вас как потенциальных конкурентов. Когда стало ясно, что военный флот уничтожен и вскоре погибнет вся цивилизация, фанатики решили расправиться с вами. Я и другие требовали остановить карателей, но убийцы не слушают разумных доводов.

Распахнулся люк, и вбежал запыхавшийся Вальтер Ришар. Остановившись на пороге, он разглядывал Серо-Зеленого, — видимо, это была его первая встреча с Высшим, а такие встречи всегда и в каждом поднимали бурю эмоций. Быстро справившись с волнением, Вальтер потребовал немедленно начинать допрос.

— Все верно, — подтвердил Эдуард. — Вспомним историю разгрома грон-гыч карателями Древних. Они топили корабли, вывозившие ученых в слаборазвитые страны.

— Думаешь, Суперы уничтожат «Зиккурат»? — понял его намек Генрих.

— Не исключено. Поэтому надо поскорее получить информацию и передать на обитаемые планеты. Может быть, после нашей гибели уцелеет хоть что-нибудь.

Наградой ему стала ослепительная улыбка Линги. Впрочем, клонированная красавица быстро вернула маску деловой сосредоточенности и осведомилась, каким образом намерен Высший осуществить передачу знаний сверхцивилизации.

— Я уже сообщил все, что вы сможете понять в ближайшие сотни лет, — ответил Серо-Зеленый. — Лекция записана на видеофоны Корунда и Ришара. Всемогущества вы таким образом не достигнете, но этого хватит на несколько веков ускоренного прогресса. Там же вы найдете сведения об истории Галактики, о многих цивилизациях — давно погибших и пока живых.

Просмотрев файлы, записанные на его видеофоне, Эдуард возрадовался. Кристаллы памяти были до упора забиты отборными лекциями на хорошем земном языке. Он увидел основы заумной математики, способы продления жизни и управления живыми клетками, звездные карты, труды по истории доброй сотни цивилизаций, описание погружного гипердвигателя. Серо-Зеленый щедро расплатился за прошлые злодеяния своей расы…

— Ландибы — пятая Старшая раса? — спросил Ришар.

— Одна из двух десятков Старших рас.

Замахав руками, Эдуард осадил друзей, чтобы задать свой вопрос:

— Ты же говорил, что вы умеете видеть будущее. Вы должны были видеть, чем кончится это сражение!

— Мы играли с вами, подкидывали ложную информацию. Суперы точно так же играли с нами. Они обманули нас ложной концепцией управления временем, получения информационных пакетов из будущего. На самом же деле все образы будущего рисовали агенты Суперов. Мы увидели свою победу и устремились навстречу гибели.

В допрос энергично включилась Линга:

— Вы наверняка в курсе тех теоретических построений, с помощью которых мы пытались объяснить…

Сере-Зеленый начал отвечать, не дожидаясь окончания фразы:

— Иногда вы угадывали некоторые моменты, но в целом не понимали нас— Разноцветные пятна на оболочке Высшего заструились в ускоренном темпе. — Нам пора прощаться. Приближается то, что вы называете Большой Волной. Возможно, Суперы пощадят вас, но моя личность будет стерта наверняка.

Чьи-то искаженные волнением голоса завопили про внезапно возникшую прямо по курсу зону деформированного пространства, прозвучал явно запоздавший приказ выполнить маневр уклонения. Затем посыпались отчаянные проклятия.

Крейсер мягко качнуло, вернулось знакомое оцепенение, которым сопровождалось появление Тени на Кураре. Не в силах пошевелиться, люди видели, как исчезает, словно растворяясь, информационно-энергетический кокон Всемогущества. Прошло немного секунд, и на палубе отсека стоял, пошатываясь, невысокий — по плечо Эдуарду — рептилогуманоид расы грон-гыч.

С непривычки ему было трудно удерживать вертикальное положение. Рептилогуманоид схватился за переборку, а потом вовсе опустился на четвереньки.

Бывшего Серо-Зеленого увезли в лазарет, предварительно упрятав в герметичный контейнер. Отсек подвергли тщательной дезинфекции — мало ли какую заразу мог оставить больной чужак. Когда закончилась суматоха, вдруг выяснилось, что со всех носителей стерта

записанная Высшим информация. Предсмертный подарок сверхцивилизации безвозвратно исчез.

После минутного отчаяния Эдуарда осенило. Схватив за плечо брата, он проговорил возбужденно, едва сдерживаясь от срыва на крик:

— Нужен психоскоп. Мы просматривали записи на видеофонах. Попробуй найти образы, сохранившиеся в зрительной памяти.

Разумеется, психоскопирование доверили капитану Мишелю Корунду — контрразведчик имел солидный опыт обращения с аппаратурой чтения мыслей. Работал он виртуозно, сумев вытянуть из нейронов брата, Линги и Вальтера несколько страничек с формулами, чертежами и текстами. Бесценные обрывки информации немедленно закодировали и отправили на Джуманджи.

Погасив скорость, «Пентакль» и «Зиккурат» дрейфовали в ожидании директив с Земли. После получасовой паузы Редль приказал аналитикам изложить предварительные рекомендации по дальнейшим действиям.

— Рано говорить о чем-то, — пробормотал Ришар. — Нужно время для осмысления случившегося. Пока ясно, что принципиально меняется астрополитическая ситуация. Теперь, когда нет Высших, ничто не сможет сдержать противоборства примерно равных по силе цивилизаций. К тому же вскоре мы встретим других Старших, будут складываться различные коалиции, разгорятся новые конфликты.

— Конфликты ускоряют прогресс, — напомнил Эдуард. — Начнется гонка вооружений.

— Почти наверняка, — согласилась Линга. — Высшие больше не мешают нашему прогрессу, а Суперов мы пока не интересуем. У человечества и других Старших рас есть в запасе века или даже тысячелетия, в течение которых никто не будет нас ограничивать.

Анджелли задумчиво произнес:

— У каждой Старшей расы появляется воодушевляющая цель — первой овладеть Всемогуществом. Когда-нибудь наши потомки станут Высшими, и тогда Суперы возведут барьеры, чтобы остановить нас.

Легкомысленно отмахнувшись, Линга ответила: дескать, это случится не скоро, а пока человечество может безбоязненно развиваться, бороться со старостью, познавать физические парадоксы.

Присутствовавший в виде голографического изображения Редль задумчиво процедил:

— Хорошо бы достичь потолка в момент, когда Суперов грохнут какие-нибудь Гиперы.

Кивнув и улыбнувшись, Анджелли развил мысль адмирала:

— Будем надеяться, что и для Суперов найдется Превосходящая раса. И тогда — завтра или через тысячу лет — мы вдруг обнаружим, что шаровые скопления взрываются или сжимаются в черную дыру. Или в них гаснут цефеиды. Значит, началось. Значит, пришел наш час.

— Не стоит ждать таких даров от Вселенной, — проворчал Редль. — А что вы посоветуете делать сейчас, не откладывая на сто лет?

В кают-компании уже сервировали стол для банкета по случаю победы. Непостижимая цепочка ассоциаций навела на печальные мысли: дескать, мы тут будем праздновать, а на планете Х продолжаются, наверное, тяжелые бои, там люди сражаются против чужаков, обладающих технологическим превосходством…

Решение пришло молниеносно. Не посовещавшись с остальными, Эдуард торопливо сказал адмиралу:

— Надо поскорее отправить корабли к мирам Высших и к планете Х. Маяки создавала другая цивилизация, не владевшая Всемогуществом. Возможно, Суперы не тронули сеть порталов.

— Экспедиция к Медному Цветку и другим скоплениям Высших уже готовится, — ответил Редль. — А насчет планеты Х ты прав. Хочешь телепортироваться туда с Вериты?

— Если работают порталы. Если нет, то предстоят долгие поиски. Координаты

определены с большой погрешностью.

Редль долго раздумывал, уставясь в пустоту немигающим взглядом, и наконец принял решение:

— Согласен. Я прикажу Катридису немедленно взять курс на Рубин.

«А теперь надо наконец поговорить с Лингой и разобраться, кто она такая» , — решил Эдуард. Он сел рядом с клоном бывшей жены, выпил стопку для храбрости, немного подкрепился под череду тостов и совсем собрался задать главный вопрос, однако тут к нему обратился командир крейсера.

— Мы выступаем к звезде Рубина, — сообщил капитан 1-го ранга. — Поэтому решено отправить пленного на «Пентакль». Он хочет поговорить с вами.

Вместе с Эдуардом кинулись к выходу Хайме, Мишель, Линга и Вальтер, однако Катридис повторил, что рептилогуманоид просил о беседе с глазу на глаз.

Рептилогуманоид лежал в лечебном саркофаге, накрытый прозрачной крышкой. Потомок расы грон-гыч (Эдуард с ходу придумал для этой расы название — ныгронцы) был обвешан датчиками, капельницы вводили какие-то препараты в его артерии.

Увидев Эдуарда, бывший Серо-Зеленый протелепатировал:

— Не надо лишних вопросов. Я чувствую себя лучше, ваши лекари считают, что завтра можно будет начать физические упражнения.

— Рад за тебя. Что ты собирался сказать?

— Ты по-прежнему ненавидишь меня. Так было задумано — нам требовался контрольный экземпляр… Помнишь, давно на Кураре я прикоснулся к твоему затылку… — Телепатический усилитель не справился с переводом, и ныгронец использовал другое понятие: — Силовой манипулятор вписал в твой мозг ненависть к Высшим.

— Чувства к вам были сильны и без такой коррекции.

— Повзрослев, ты мог изменить детские оценки, ведь объективно Высшие не питали враждебности к людям и другим Старшим. А ты должен был яростно искать способ отомстить за Кураре.

— Мятеж кураториков был необходим, чтобы Старшие поверили, будто в джунглях скрыт важный артефакт?

— Там есть важный артефакт, ты нашел его, на нашу беду… — Серо-Зеленый сделал паузу. — Теперь Высших нет, и несколько следующих тысячелетий Старшие смогут жить без прессинга. Потом, конечно, вас остановят Суперы. Постарайтесь учесть наши ошибки. Возможно, наш путь не был идеальным. Та информация, которую вы получили…

— Суперы затерли все файлы.

Опираясь на локти, ныгронец приподнял верхнюю часть тела. С полминуты большие красно-желтые глаза пристально таращились на человека, потом жалкий остаток Высшего бессильно упал на подушки. Его речь возобновилась после продолжительного перерыва.

— Конечно, такой всплеск информационного поля должен быть виден издалека… К сожалению, я лишился почти всей памяти и не уверен, предусмотрел ли подобную ситуацию. Должен был предусмотреть.

— Ты мог бы надиктовать все, что помнишь.

— Немного я помню, к тому же знания гуманитария не помогут построить машины, создающие Всемогущество. Я никогда не знал, как работают эти устройства. Никто, наверное, не знал этого.

В палату вошли врач и капитан космической пехоты. Десантник показал на часы: мол, пора.

— Последние вопросы, буквально две минуты, — взмолился Эдуард и торопливо спросил Серо-Зеленого: — Куда девался корабль, который доставил тебя на «Зиккурат»?

— Корабль? — удивился ныгронец, — Мы не использовали корабли на коротких дистанциях. Силовая оболочка перемещала нас в пределах… не помню точно…

— Что случилось с твоими органами, создававшими эффект Всемогущества? Они исчезли или просто отключены?

— Ты опять не понимаешь. Всемогущество создавалось внешними устройствами многомерной конструкции. Мы носили их, как одежду. Кажется, силовые коконы выкачивали энергию с разных уровней гиперпространства.

Офицер-десантник занервничал и сказал, что катер ждет. Напомнив еще раз о приказе адмирала, он нажал кнопку на саркофаге. Неуклюжее сооружение медленно полетело к выходу. Вяло взмахнув рукой, Серо-Зеленый протелепатировал на прощание:

— Забудьте свою ненависть к нам. Мы не желали вам зла. Мы запретили Старшим лишь те исследования, которые были опасны для ваших цивилизаций. Теперь, без нашей опеки, вы безусловно возобновите эти работы — будьте хотя бы осторожны и осмотрительны.

— Эти качества не входят в число наших достоинств, — сказал Эдуард в закрывшийся люк.

«Вот она, цена мессианства Высших, — печально подумал человек, оставшись один. — Они непреклонно ломились к своей цели и тащили нас за собой. Этот поход за «счастьем для всех» погубил сверхцивилизацию, а Старших привел на край гибели. Теперь мы должны исправлять ошибки Сверхразума…»

Полупогружной движок продолжал творить чудеса. В глубоком гипере квазискорость космолета выросла многократно. Путь до Рубина «Зиккурат» преодолел за часы, а не за сутки, как «Тамбовский рейдер».

За эти часы у Эдуарда свободной минуты не было. Пришлось составлять отчет о последней беседе с ныгронцем, отвечать на вопросы Редля, Линги, Вальтера и Хайме, а также — изложить собственное мнение о сложившейся ситуации.

Примерно на полпути Катридис пересказал личному составу и пассажирам шифровку Главного Штаба. Корабли-убийцы пытались атаковать несколько десятков обитаемых миров всех держав Большого Квартета. Суперы уничтожили карателей во всех пунктах, ни одна колонизированная планета не пострадала. После уничтожения кораблей противника Большая Волна прокатилась по системе Зета — Фаркуана, — видимо, Суперы уничтожали замаскированные объекты Высших на Джуманджи, Теоле и Мистерии. По неподтвержденным данным, один из Высших пытался передать дзорхам важные сведения неизвестного характера, но Большая Волна стерла перебежчика и всю информацию. В сражениях с карателями сверхцивилизации получили повреждения многие корабли новых типов. Старшим удалось захватить кое-какие трофеи, которые будут изучаться.

— Мне грустно, — признался Ришар.

— Да, мы остались без работы, — согласилась Линга. — Напишем последние книги, а потом займемся мемуарами.

Похоже, ученая братия была настроена долго жаловаться на судьбу, но до начала торможения оставалось чуть больше часа. Форсируя события, Эдуард напомнил клону бывшей супруги:

— Кстати о мемуарах. Нам с тобой не помешало бы поделиться воспоминаниями.

Удобное место, где никто не помешает, нашлось совсем рядом — соседняя по коридору дверь открылась в крохотный отсек, где хранились всевозможные инструменты и запасы. Присев на пластиковый ящик, Линга заговорила:

— Когда Гелла подцепила некропис, никто не верил в ее выздоровление. Какую-то светлую генеральскую голову посетила гениальная мысль — спасти для науки бесценный интеллект. Была выполнена полная запись ее мозга — вплоть до атомного уровня. Затем родился следующий замысел — клонировать доктора Корунд-Ахваз из образцов крови и тканей, которые хранились в клинике, где она проходила регулярные обследования.

— Помню эти ежегодные процедуры. Но ведь Высшие вскоре вылечили Геллу…

— К этому времени эксперимент уже был запущен. Клона выращивали на военной базе в системе Проксимы. Ты, наверное, знаешь от тети Эмили, что клонированные организмы развиваются очень быстро. Лет шесть назад у меня было тело двадцатилетней девушки и мозг трехлетнего ребенка. Тогда-то мне и записали память Геллы. Процесс, прямо скажем,

очень длительный и очень неприятный, но через год я стала полноценной личностью.

— Ты стала копией, но не слишком точной. Так?

— Клоны никогда не бывают идеальной копией оригинала. В моем случае получились небольшие отличия в пигменте и пропорциях. Память скопировалась с небольшими пробелами. Вдобавок у меня другой характер — все-таки в гарнизоне воспитывалась, привыкла жить по уставу… А Геллу после болезни потянуло на эротические подвиги. Она стала неразборчивой в связях, как в молодости.

— О да! — Эдуард хохотнул. — Пять любовников до меня и четыре после.

— Гелла сказала? — Линга тоже засмеялась. — Она скромничает. До тебя было не меньше дюжины, а также групповухи с неизвестным количеством участников… Мне даже неприятно вспоминать этот период.

— А как твоя личная жизнь?

— Никак. — Линга вздохнула. — Я помнила тебя, надеялась на встречу. Другие мужчины меня не интересовали.

— Льстит самолюбию. — Эдуард чувствовал себя, как на первом свидании, безуспешно пытаясь укротить бешеный стук сердца. — Может, нам удастся начать заново, без глупых ошибок?

Ответом стали ее засиявшие глаза. Поцелуи получились яростными, но нежными. К прискорбию, сопутствующий процесс взаимного раздевания был грубо прерван голосом из динамиков, возвестившим, что «Зиккурат» приближается к Верите.

— Вселенная не только скупа, но и безжалостна! — вырвалось у Корунда.

— Не ворчи. — Линга сделала строгие глаза. — Звезды вернули мне тебя.

Он не стал спорить, однако подумал, что звезды тут совершенно ни при чем. Их встреча была неизбежна — иначе катись к чертям такая Вселенная!

Поющий Квадрат молчал, но роботы, оставленные здесь неделю назад, продолжали собирать информацию. Локатор крейсера, сопряженный с генератором полей полупогружного двигателя, показал, что в многомерном пространстве вокруг планеты сохраняется сеть неизвестных структур явно искусственного происхождения. Одно из таких образований находилось точно в Поющем Квадрате.

— Маяк продолжает функционировать, — сделал вывод Эдуард.

— Не спеши радоваться, — проворчал Анджелли. — Шесть часов назад твои роботы записали колебания фундаментальных констант. Очень похоже на Большую Волну.

— В любом случае надо идти к маяку, — твердо сказал Мишель.

Вальтер добавил неуверенно:

— Очень хочется верить, что порталы не разрушены…

— Скоро узнаем… — Гродзинский сделал глубокий вдох. — Слушайте приказ. На высадку иду я со взводом десантников, полковник Анджелли, старший лейтенант егерской службы Корунд…

«Уже старший лейтенант, — удивился Эдуард. — Хоть бы предупредили, что лишнюю звездочку кинули…»

— …доктор Ришар, — продолжал Гродзинский. — Есть еще желающие?

Мишель и Линга выкрикнули почти одновременно:

— Капитан Корунд!

— Майор Симба-Корунд!

Эдуард забеспокоился и попытался отговорить любимую женщину от опасного путешествия. Бесшабашно подмигнув, любимая женщина ответила: мол, рядом с тобой не страшны никакие опасности.

Одетые в «чешую» и броню, вооруженные армейскими винтовками «Протазан», они подошли к мертвой глыбе маяка. Древний артефакт не отозвался на мысленный приказ, и тогда старший лейтенант егерской службы Корунд извлек из кармана ключ-кристалл. Особых надежд Эдуард не питал — кто знает, что случилось с этим устройством под действием жара термогранаты.

Однако ключ сработал, и граненая стена портала послушно раздвинулась, впустив всех участников рейда. Внутри ничего не изменилось, только исчез плававший над центром зала поднос.

— Ты снова явился в хранилище мудрости, — прогремело телепатическое обращение древнего робота. — Теперь у тебя есть символ власти. Значит, ты сумел победить в том безумном турнире, который затеяли новые властелины…

— Помолчи, — прервал его Эдуард. — Те властелины уничтожены. Теперь я твой властелин.

По первому требованию ключ-кристалл наладил телепатический контакт с местной информационной системой. Мозг Эдуарда бегло просмотрел бесчисленные файлы, заложенные в неживую память этого места Бродягами Бездны, которых вскоре уничтожила раса шистрав. «Здесь есть чем поживиться, — понял Эдуард. — Я сюда вернусь…»

После недолгих поисков он нашел схему маяков-порталов, связывающих несколько сот планет. Четыре маяка располагались на планете Х. Поразмыслив, Эдуард приказал роботу открыть проход в портал на горе Двуглавой. Едва приоткрылась щель в другой мир, десантники выпустили несколько реактивных гранат. Судя по маркировке, боеголовки при взрыве излучали импульс, парализующий нервную систему любого Старшего.

Снаружи было сыро, недавно прошел дождь, но сейчас в облаках наметились просветы. Воздух наполняли ароматы настоящего грибного леса. Сканеры показали в кустах несколько существ, сраженных парализующим излучением. Ничего, часа через три очнутся. Гродзинский отправил солдата взглянуть на спящих и прокомментировал:

— Они догадывались, что после Корунда через портал могут прибыть другие гости. Кто-то предусмотрительный оставил здесь засаду для торжественной встречи.

Вернувшийся разведчик доложил, что в кустах валяются ландибы.

— Пусть валяются. — Эдуард отмахнулся. — Мне совсем не нравится этот пейзаж.

С горы было видно, что в Приморске новых разрушений не прибавилось, в порту стояли парусники, на поле перед городом приземлились два дирижабля. Но у входа в бухту дрейфовал пароход ландибов.

— Похоже на паузу в боевых действиях, — резюмировал Гродзинский. — Полетели.

Левитаторы подняли отряд выше деревьев и понесли в сторону города. Помех в виде вражеских конвертопланов не наблюдалось.

Не прекращая поглядывать по сторонам, летевший в голове строя Эдуард проговорил:

— Получается, что все мы, действуя разрозненно, все-таки добились успеха. Разведка шпионила за сверхцивилизацией, военные строили корабли, мой отец делал пушки из нейтрида, метанаучники пытались разобраться в психологии Высших. Мы продолжали толкать вперед прогресс, несмотря на все запреты.

— Ты тоже кое-чего добился, — сказал Мишель. — И наша мама, по-моему, нашла способ обойти запреты и продолжала свои исследования. У меня такое впечатление, что она отрабатывала на китах методику генетического контроля и повторного омоложения. Похоже, что все человечество втайне продолжало работать на прогресс.

Рассмеявшись, Гродзинский сообщил:

— Не только человечество. Все расы Квартета. А координировал эту деятельность наш «Футурланд».

— Только все наши старания были бы бесполезны, не прогуляйся Большая Волна по головам Высших, — заметила Линга. — Может, новые линкоры смогли бы одолеть корабль-убийцу даже без помощи Суперов, но против волн четвертого типа мы не создали ни шита, ни меча.

С объективной истиной спорить никто не осмелился. Как бы подводя итог, Эдуард произнес равнодушно:

— Вселенная жестока к неудачникам. Нам повезло, а Высшие проиграли. Я — прагматик, меня такой финал вполне устраивает.

Сейчас его больше волновало, что начинается эра новых конфликтов — между

десятками Старших цивилизаций, которых Высшие мудро удерживали на одном примерно уровне. Отношения могли сложиться по-всякому, но без войн не обойдется — Эдуард слишком хорошо понимал дорогих братьев по так называемому разуму, а потому не верил в мирное будущее.

Холмы вокруг Приморска по-прежнему патрулировали вооруженные люди. Пушки в окопах — в том числе и трофейные ландибские — были развернуты стволами в сторону бухты. Защитники города, увидав летящих, засуетились, однако стрелять не стали — только махали руками да кричали приветствия.

— И это мне тоже не нравится, — громко сообщил Эдуард. Три винтокрылые машины ландибов стояли в высокой траве на окраине прибрежной деревушки в нескольких километрах от города. Гродзинский приказал отряду немедленно приземляться на пустырь перед Приморском и послал пару солдат осмотреть город. Покружив над крепостью, спецназовцы доложили, что на улицах видны только люди, существ других рас не обнаружено.

От городских ворот к ним уже бежали колонисты. В первых рядах мчалась, конечно, Клара. Увидав Эдуарда, она с радостным воплем кинулась на шею недавнему спасителю и, глотая слезы, затараторила:

— Я знала, что ты вернешься! Когда ты исчез, все думали, что ты погиб, а я знала… Ты на звездолете?

— Пока нет, но скоро ждите много гостей… — Под многозначительное покашливание клона бывшей супруги Эдуард решительно снял с себя Клару, вытер ей слезы и приступил к допросу: — Что у вас творится? Война кончилась? Почему ландибские конвертопланы в соседней деревне?

— Перемирие. Когда ты улетел, на Двуглавой был большой бой, а к утру ландибы вдруг отступили на свои плацдармы. — Клара сделал шаг назад, торопливо добавив: — Вот Гастон, пусть он расскажет.

Мэр Приморска, он же дубликат великого земного политика, подтвердил:

— Они отступили в ту же ночь, но продолжают удерживать захваченный город и нефтепромыслы оклиуте на том берегу бухты. У нас из-за этого проблемы с топливом. Мы готовились выбить их с континента, подтягивали войска, но ландибы и виин-черси тоже подвезли подкрепления. Вчера они предложили начать переговоры в рыбачьем поселке. Я послал туда Симона.

— Мы сами поговорим с ландибами, — объявил Гродзинский. — Планета принадлежит человечеству, и здесь будет установлен порядок на основе законов Земли.

Хмуро оглядев посланцев родного мира, Гастон тихо произнес:

— Человек, побывавший здесь неделю тому назад, оставил интересную машинку с информацией. Мы многое узнали о Вселенной, о разных цивилизациях. Мы узнали, что этой частью космоса правят Высшие…

— Информация устарела. — Эдуард засмеялся. — Теперь здесь правит человечество.

— Приятно слышать. — Лицо мэра сохранило мрачность. — Неужели я был президентом?

— Ваш оригинал, а не вы, — уточнил Анджелли. — Вопрос уже обсуждался на Земле. Вы — физическая копия Гастона Кордини, вы имеете право носить это имя, но вы никогда не были президентом.

— Я и не претендую. Просто хотел уточнить свой статус— Хорошо знакомым по старым видеохроникам жестом Гастон откинул волосы со лба. — Что будет с людьми, которые здесь оказались?

— Они сами выберут свою судьбу. Желающие останутся здесь, будут встречать новых колонистов. А кто захочет — смогут переселиться на любой подконтрольный Земле мир.

Понимая, что жителей Приморска переполняют вопросы, Гродзинский поспешил вернуть разговор к актуальным проблемам, осведомившись, чего требуют ландибы и союзные им виин-черси.

— Ландибы прислали пленного и сказали через него: мол, предлагают установить законы, по которым население планеты станет жить дальше, — сообщил Гастон.

— Очевидно, они считают, что такие законы будут выгодны ландибам, — хмыкнул Гродзинский. — Их ждет разочарование.

К деревне подлетели на бреющем, так что ландибские часовые не заметили приближение отряда. Бесшумно повязав человекообразных, ускоренным шагом, не обращая внимания на потрясенных соплеменников, они ворвались в клуб, где велись переговоры. Сквозь дверь доносились нечленораздельные звуки, — видимо, толкал речь кто-то из гостей. Затем заговорил человек-переводчик:

— Посланник сказал, что недавний конфликт был печальным эпизодом. Эта война случилась по причинам, которые не зависели от нас, невольных жителей планеты Дальний Ландибард. Теперь мы должны установить справедливый мир на разумных условиях.

Снова зарычал примат. Монолог получился долгим, но в конце концов опять послышался перевод:

— Ландибы считают справедливым, если господствующую роль будет играть наиболее развитая раса, достигшая технологического превосходства над остальными. Менее продвинутые этнические группы получат право ограниченного представительства в имперском парламенте. Метрополия будет поставлять вам различные механизмы мирного назначения, предоставит транспортные средства для вывоза ваших товаров. Разумеется, колониальным народам запрещается иметь армию и тяжелое оружие. Кроме того, люди должны без сопротивления отдать электрическое устройство, хранящее важную информацию. Вы все равно не сможете воспользоваться этими знаниями.

В ответ раздался рычащий голос — несомненно, заговорил Симон:

— Мы считаем, что справедливое устройство может быть основано только на равенстве всех этносов, заброшенных на Малую Землю. На первых порах следует договориться о сбалансированных ценах для торговли между поселениями.

— Наши предложения не обсуждаются, — отрезал ландиб. — Любое несогласие будет подавлено военной силой. Это — единственный путь к справедливости.

В комнате перед залом переговоров жители Приморска с равным ужасом слушали ультиматум и смотрели на непонятно зачем и откуда взявшийся отряд соплеменников. Последние слова ландиба почти сломили колонистов, но Гродзинский ободряюще хлопнул по плечу кого-то из местных и громко провозгласил:

— Пора прекращать этот балаган. Говорить будет старший лейтенант, он у нас — штатный Цицерон. Действуй, егерь, согласно духу и букве земных законов.

Мишель открыл дверь и вошел, сопровождаемый десятком спецназовцев. Следом шагнул через порог Эдуард, чувствуя, как за его спиной втягиваются в зал остальные.

Участники переговоров занимали места на разных концах длинного стола. Симеон и очень крупногабаритный ландиб стояли, опираясь руками на стол, и обменивались яростными взглядами. Появление новых персонажей ошеломило обоих.

Ухмыльнувшись, старший лейтенант Корунд отчеканил, транслируя мысль через телепатический усилитель:

— Генерал-лейтенант Симеон Сурами, переговоры прекращены в связи с переходом данной планеты под юрисдикцию Земли.

Ландибы повели себя благоразумно — ни один из четверых не стал хвататься за оружие. Громадный предводитель приматов, растерянно глядя на солдат, окружающих стол переговоров, пробормотал:

— У нас была договоренность… никаких вооруженных существ…

Есть в программе подготовки космических егерей специальный курс — «Восстановление закона и порядка в колониях, временно потерявших связь с Землей». Применять его на практике приходилось всего-то раза три, так что Корунду предстояло войти в историю Службы в качестве четвертого егеря-реставратора. Эдуард заговорил, как предписывал Устав:

— Никакие прежние договоренности не могут считаться законными, поскольку на планету прибыли представители законной власти. Согласно своду соглашений между ведущими державами данного сектора Галактики планета считается принадлежащей человечеству с момента моего первого появления на Малой Земле, каковое событие имело место девять земных суток тому назад. Таким образом, губернатором, обладающим всей полнотой власти, становится старший по воинскому званию и должности офицер силовых структур Земли, а именно полковник…

Он запнулся, поскольку не знал, который полковник станет губернатором. Паузы никто не заметил, поскольку Хайме поспешно пришел на помощь, подсказав:

— Полковник Виктор Гродзинский.

Губернатор сделал шаг вперед, слегка наклонил голову, а затем кивнул Эдуарду: продолжай, мол. Отказать себе в маленьком удовольствии Эдуард не мог:

— Взаимоотношения между различными этническими группами будут строиться в строгом соответствии с понятием о справедливости, которое высказал глава ландибской делегации. Господствующая роль, безусловно, принадлежит расе, обладающей технологическим превосходством. Остальным придется распустить армии, сдать тяжелое оружие и выполнять распоряжения администрации. Любые попытки сопротивления будут подавлены военной силой.

Как бы аккомпанируя ему, раздались хорошо знакомые многим раскаты. В окна клуба можно было наблюдать восхитительную картину — пробив облака, медленно снижался громадный корабль, однотипный крейсеру «Зиккурат».

Спустя полчаса выяснилось, что это и был «Зиккурат».

Кроме крейсера, на котором они прошли через сражение с Высшими, прибыли «Обелиск», родной брат «Зиккурата» , а также линкор «Валгалла». В окрестностях Приморска высадились два батальона десантников и с полтысячи вооруженных космофлотцев. Агнес, сопровождаемая Генрихом, разыскала братьев, когда те готовились приступить к допросу ландибской делегации.

Пока Мишель и Хайме задавали положенные по протоколу вопросы, Эдуард потребовал, чтобы Генрих объяснил главную загадку:

— Каким образом вы примчались сюда так быстро?

— Локатор в полупогружном режиме показывает все гиперканалы, расходящиеся от Вериты, — поведал старший офицер крейсера. — Когда вы зашли в портал, одна из этих линий резко изменилась — ее протяженность по двум из шести координат сократилась почти до нуля. Ну мы взяли на прицел конечную точку вашего маршрута. «Валгалла» с «Обелиском», которые не слишком пострадали в битве за Валинор, тоже стартовал сюда же.

Он добавил, что завтра прибудет транспорт «Голконда», который привезет моторизованную бригаду военной жандармерии, а также кое-какое оборудование, чтобы сделать комфортнее жизнь колонистов. Агнес перебила мужа восторгами по поводу новых кораблей, многократно сокращавших время звездных путешествий. Вежливо согласившись, Эдуард вернулся к брату — сейчас были проблемы важнее, чем дальность хода и скорость звездолетов.

Допрос развивался вполне благополучно: ландибы рассказывали, как началась война между поселениями Малой Земли.

По их словам, несколько дней назад в главный город ландибской колонии пришел соплеменник. У него было великолепное снаряжение, лучевое оружие, защитная одежда с устройством для полетов. Этот ландиб сообщил, что достиг Дальнего Ландибарда при помощи дружественной сверхцивилизации, что у него есть ключ к системе мгновенного перемещения между звезд и что нужно проникнуть в древнее укрытие на горе Двуглавой. Ландибы согласились воевать — иначе бесценные знания достались бы другим расам. При штурме горы пришелец с Ландибарда погиб, тело его досталось врагам, и ландибы прекратили боевые действия.

— Где труп того ландиба? — немедленно спросил Мишель.

— У нас, — ответил Симеон. — Труп, разряженный лучевой пистолет и странный кристалл.

— Он оставил вам электронное устройство с полезной информацией?

— Нет, — быстро ответил примат.

— Врет, — сказал Симеон. — Пленные показали, что у них есть машина вроде той, которую нам подарил этот парень.

Дубликат генерала Сурами показал на Эдуарда.

Главный ландиб уперся, не желая отдавать чужакам сокровище своей расы, но братья Корунды с незаметной помощью телепатических усилителей сумели уговорить упрямца. На примата сильно подействовал неотразимый довод: мол, узнав координаты вашего прекрасного Ландибарда, люди пошлют сообщение, наладят регулярные полеты, и ландибы смогут вернуться на родину.

Разумеется, руки землян чесались поскорее добраться до электронной библиотеки по совсем иной причине. В первую очередь следовало выяснить военно-технический уровень потенциально враждебной цивилизации. Само собой, на Ландибард будет послан не пучок модулированных гравитонов, а боевой флот, однако знать об этом полевому командиру приматов необязательно.

— А теперь, когда мы совсем подружились, позвольте мне задать несколько уточняющих вопросов, — сказал Эдуард.

Он продемонстрировал фотографии ландибов, убитых на Кураре и Теоле. Переговорщик узнал почти всех и сообщил, что на снимках — его лучшие бойцы, из которых в боях последних дней погибли немногие, а остальные сейчас состоят в гарнизоне бывшего города оклиуте. По-видимому, это означало, что Высшие скопировали ландибов на этой планете — иначе не объяснить, откуда при убитом оказались фотоснимки на фоне Приморска.

— Покидая город оклиуте, ничего не разрушайте, — напомнил Эдуард, обдумывая пикантные выводы из рассказа ландибского командира. — Вы сами делаете автоматические винтовки?

— У нас прекрасные механические заводы, — похвастался ландиб. — Скорострельные ружья начали штамповать совсем недавно, такой моделью оснащены только элитные подразделения…

Он не договорил, ошарашено разглядывая голограммы оружия, которым Высшие снабжали своих наемников. Когда вернулся дар речи, потрясенный примат отрицательно покачал головой и поведал, что его сородичи на этой планете не додумались до переносных пускателей ракетных снарядов.

Демонстрация защитной одежды окончательно сразила собеседников: их технологии не позволяли производить даже зеркальные балахоны, не говоря уж о настоящей «чешуе» с левитаторами.

— Благодарю вас— К общему недоумению, Эдуард был обрадован отрицательными ответами ландибов. — Мишель, Хайме, продолжайте.

На лестнице его догнала Линга, удивленно спросившая:

— Зачем ты задавал эти вопросы об оружии? Есть много других важных обстоятельств, а ты даже не попытался…

— Дорогая, это самое главное сейчас, — ласково произнес Эдуард. — Нет ничего важнее.

Линга наморщила лобик, явно надеясь услышать объяснение. К сожалению, любимая женщина унаследовала от оригинала весьма поверхностное отношение к технике. Потому и не понимала, как это важно — выяснить, где Высшие производили некоторые механизмы. Корунд уже придумал рабочее название — Мануфактура…

С утра он поехал в университет, где без проблем сдал историю внеземных цивилизаций, а заодно выяснил, что курсовая на тему «Изотопная датировка древностей» зачтена. Короче говоря, третий курс остался позади.

Вернувшись домой к полудню, Эдуард получил от жены только что накормленного малыша, поиграл немного, убаюкал и уложил в кроватку.

— Скоро уходишь? — спросила Линга.

— Часа в три. Ждем кого-нибудь?

— Твоя мама собиралась к обеду заглянуть.

Пожав плечами, Эдуард переключил видео на канал новостей.

…Внешнеполитическое ведомство виин-черси направило Земле и Алаббиту ноту протеста по поводу очевидных поблажек в отношении некоторых цивилизаций Малой Шестерки. Факт биологической близости не может служить основанием для нарушений Кадорского Статута. В ответной ноте министерство иностранных дел выразило недоумение в связи с грубым вмешательством виин-черси в отношения между родственными цивилизациями млекопитающих приматов, членистоногих и рептилий. Также выражается решительное возмущение фактом форсированного строительства державой виин-черси военных кораблей в масштабах, заведомо превышающих разумные потребности необходимой обороны. Земля считает, что подобные действия виин-черси граничат с грубым нарушением Валинорского Пакта и могут вызвать ответные меры…

…По сообщению пресс-службы Штаба Объединенного Командования «Медный Цветок», на многих мирах скопления продолжаются вооруженные столкновения. Стычки между соперничающими бандами рептилогуманоидов существенно затрудняют проведение гуманитарных операций на этих планетах. Воинские подразделения Большого Квартета принимают лишь ограниченное участие в боевых действиях…

…Регентский совет и правительство Ландибардийского королевства согласились начать переговоры о добровольном ограничении технологий, а также об уточнении статуса своей цивилизации на условиях, предложенных Большим Квартетом. В послании, подписанном принцем-регентом и канцлером, подчеркивается, что решение принято из соображений традиционного миролюбия и стремления к поиску взаимопонимания с другими Старшими расами. Данное решение никак не связано с неподтвержденными слухами о маневрах объединенного флота так называемого Дальнего Трио вблизи системы Ландибарда…

…Численность населения планеты Малая Земля продолжает расти, несмотря на эвакуацию колонистов некоторых рас. Как сказал нашему корреспонденту вице-губернатор планеты Гастон Кордини, за последние полгода на планету прибыло не менее восьми миллионов этнических людей. Отвечая на ставший традиционным вопрос, вице-губернатор в очередной раз подтвердил, что не намерен выставлять свою кандидатуру на ближайших выборах в Конгресс…

…Группа видных ученых цивилизации дзорхов выступила с инициативой провести научную конференцию «Наследие Высших». Не секрет, говорится в открытом письме, что после Великого Освобождения каждая из Старших рас получила отрывочные сведения о науке погибшей сверхцивилизации. При наличии доброй воли участники конференции могли бы честно обменяться информацией. Объединив имеющиеся клочки знания, наука Большого Квартета получит более полное представление об устройстве Вселенной, а также о недоступных пока явлениях и законах природы…

Супруги обменялись многозначительными взглядами. Оба понимали, что ни одна нормальная цивилизация не отдаст все секреты. Особенно в физико-технологических областях. Поигрывая бровями, Линга поведала:

— Звонила сестренка. Дзорхи настаивают, чтобы мы трое приняли участие в конференции.

— Приятно слышать. Посмотрим, что руководство «Футурланда» решит… Как ты с ней ладишь?

— Сама удивляюсь.

Узнав о существовании клона, мать Геллы немедленно признала Лингу своей дочерью, подтвердив родство генетическим анализом. Линга и Гелла даже подружились и называли друг дружку сестрами. Вроде бы отношения наладились, но Эдуард чувствовал себя очень неловко, видя рядом обеих «сестренок».

Ворвавшись, как ураган, Эмили Корунд с ходу затянула привычную нотацию: дескать, хватит лезть под выстрелы, пора заняться серьезным делом, о карьере позаботиться — ведь на пол-Галактики прославился, мог бы остепениться, летать в безопасные археологические экспедиции, да и комиссаром на Теоле приглашали…

Остановить эти причитания смог лишь наследник, которому завтра исполнялось ровно четыре месяца. Хнычущего малыша успокоили объединенными усилиями, напоили сладким чаем из бутылочки и сели к столу. Покружив по нейтральным темам, разговор вернулся к наследию Высших.

Эмили посетовала, что доставшиеся от сверхцивилизации разрозненные сведения о биологических науках остаются непонятными. По ее словам, гораздо важнее, что исчезли запреты на исследования.

— Мы смогли продолжить старые работы и приближаемся к решению множества проблем, — говорила мама. — Вакцина молодости, универсальные антибиотики, управление клетками — все это уже тестируется. Через несколько лет человечество избавится от большинства болезней.

— Кристо говорил примерно то же самое про ситуацию в точных науках, — вставил Эдуард.

— В том-то и секрет! Для прогресса нужно двигать весь фронт науки. Остановишь работы на любом участке — затормозится вся цивилизация. Поэтому Высшие наугад запрещали какие-то темы и целые направления. Этого было достаточно, чтобы держать нас на поводке. — Она вдруг ухмыльнулась. — Изучение биороботов дало нам больше, чем обрывки лекции твоего приятеля Серо-Зеленого. Ты же помнишь, как их Высшие сработали — никакое сканирование не обнаруживало лишних органов!

Биороботов хватало с избытком. Когда группа захвата военной контрразведки приехала брать генерала Роджерса, вице-директора оперативного департамента ЦАОБ нашли в полной неподвижности. В организме вяло продолжались процессы жизнедеятельности, но сознание не работало. Агата Рябницкая и еще тысячи биороботов на разных планетах тоже превратились в подобие кукол с отключенным питанием. Никто не знал, сколько веков действовали среди людей подобные агенты Высших. А вот Падла-Газанфар биороботом не был и призывал подчиниться Высшим по собственной воле, не получая приказов через специальную антенну в затылочной части черепа…

— Значит, скоро научишься имплантировать улучшенные органы?

— Не скоро, — признала профессор Эмили Корунд. — И не имплантировать — это будет происходить по-другому.

Ее слова были созвучны идеям, одолевавшим Эдуарда в последнее время. Задумчиво посмотрев на мать, он проговорил:

— Иногда мне кажется, что Серо-Зеленый не зря повторял: дескать, их путь к Всемогуществу был ошибкой. Может быть, Всемогущество должно создаваться не внешними техническими устройствами, а рождаться в самом организме.

— Дополнительные органы, генерирующие силовой кокон? — переспросила Эмили. — Пока мы даже теоретически не представляем, как этого достичь.

— Подождем. — Коротко рассмеявшись, Эдуард встал. — Мне пора.

Собранный с вечера рюкзак ждал в стенном шкафу. Провожая мужа с малышом у плеча, Линга спросила тихо, чтоб Эмили не расслышала:

— Очень опасный рейд? Только честно.

— Ничего особенного. — Корунд поцеловал сына. — Я вернусь, малыш. Папочка обязательно вернется.

На космодроме ждал доктор Лисанов — с некоторых пор старый друг стал постоянным экспертом-консультантом при егерях Корунда. Когда «Кураре», пробив атмосферу, лег на курс, Кристо заметил:

— У тебя плохое настроение.

— Причем уже давно, — мрачно сообщил Эдуард.

— Личная жизнь не заладилась?

— С личной как раз отлично. Любимая жена, сын… А вот судьба в целом не сложилась.

Как он и опасался, встревоженный друг потребовал объяснений. И хоть очень не хотелось жаловаться, горькие признания потекли сами собой. Уткнувшись подбородком в сложенные на пульте кулаки, Эдуард печально забубнил:

— Не сложилась жизнь. В мои годы нормальные люди докторами наук стали, а я — бродяга необразованный. Учеба дается трудно, старый уж я — книжки по непрофильным дисциплинам зубрить. Домашние говорят: соберись, ты же в школе первым был. Словно не понимают, что лучший ученик сельской школы необязательно становится хорошим студентом. Я ведь с детства мечтал стать археологом, искать древние артефакты, раскрывать секреты исчезнувших цивилизаций. А стал всего лишь проводником, сопровождаю настоящих ученых.

— Преувеличиваешь. — Кристо положил ладонь ему на плечо. — Сними черные очки. Ты сделал очень много. Твои книги расходятся миллиардными тиражами, а последняя вообще признана лучшим анализом психологии Высших. Ты привел экспедиции в совершенно невероятные места и обеспечил науку материалами на века вперед. Чего стоит хотя бы база данных, которую ты обнаружил в сети маяков-порталов Бродяг Бездны…

— Что толку! — Корунд по-прежнему был меланхолично-угрюм. — Там, конечно, море информации, но целая дивизия выдающихся умов выковыривает полезные знания буквально наперстками.

Скептический взгляд Лисанова неотвратимо становился насмешливым. Эдуард даже смутился, чего командиру егерской роты не полагалось по штатному расписанию. Прищелкнув языком, Кристо произнес задумчиво:

— Не будем себя обманывать. Вся беда в том, что у нас вдруг исчез противник, в борьбе с которым престижным было бы даже поражение. Не стало сверхцивилизации, а потому все нынешние хлопоты кажутся мелким и недостойным занятием. А ведь проблемы, которые встали перед нами сегодня, важны ничуть не менее, чем поиск оружия против Высших. Вспомни январское совещание.

В январе их обоих вызвали в штаб-квартиру «Футурланда», где генеральный директор концерна в присутствии президента и премьер-министра доходчиво рассказал о новых задачах. Прославленный фельдмаршал прямо заявил, что начинается новый этап сражения за галактическое лидерство, причем все участники этого турнира взяли старт примерно с одинаковых уровней военно-экономического могущества. «Мы не лучше и не хуже остальных, — говорил генеральный. — В чем-то человечество превосходит конкурентов, а в чем-то уступает. Однако мы должны победить, потому что в таких гонках проигравшие могут не выжить».

Эдуарду тоже доверили выступить с той трибуны, и он честно поделился безрадостным взглядом на ситуацию. На планете Х, где все колонии тоже начинали с равных стартовых условий, люди оказались в числе отстающих. Самый же быстрый прогресс показали тлахасса и ландибы, которые на своих планетах едва освоили субсветовые скорости. «Возможно, по некоторым цивилизациям придется принимать строгие решения, — дипломатично высказался Корунд. — Я говорю не только про ландибов или дадибро, но и обо всех, кто не согласится играть по нашим правилам».

На следующий день он получил внеочередное повышение в звании, стал командиром отдельной роты, а Гродзинский намекнул, что егерям нужно потренироваться в наведении порядка на планетах, обработанных антивеществом, гиперплазмой и другими средствами

массового перевоспитания… Ну судя по сегодняшним новостям, ландибы правильно поняли намеки. Осталось привести в чувство монстров из Дальнего Трио.

Между тем хандра как будто улетучилась — верный старый друг сумел найти нужные слова. Выпрямившись, Эдуард шевельнул плечами и самодовольно поведал:

— Знаешь, уже начались разговоры, будто я открыл целое направление в археологии.

— Да ты что! — с энтузиазмом восхитился Кристо.

— Представь себе. Много веков археологи выкапывали древности из-под грунта. Лет двести назад возникла вакуумная археология — изучение кораблей, брошенных в открытом космосе. А я, оказывается, первым проник в древние сооружения, упрятанные в гиперпространстве.

— Вот видишь!

— Вижу… — Корунд согнал с лица блаженную улыбку. — Договорим после прыжка.

«Тор-7» бросил их вместе с кораблем по короткому отрезку извращенных координат. На мониторе Зета стала вдвое меньше диаметром, а Фаркуана заметно прибавила в комплекции. Прямо по курсу, освещенный двумя солнцами, приближался зеленовато-синий диск Мистерии.

Прикинув, что до посадки остается около получаса, Кристо поинтересовался:

— Эд, а почему ты не согласился работать на Малой Земле? Помнится, Гродзинский звал тебя вице-губернатором.

— Линга была бы недовольна…

— Из-за Клары? Тогда понятно. — Кристо усмехнулся. — А на Теоле ты не захотел работать комиссаром континента, потому что Линга ревновала бы к принцессе? Наверняка похожие причины найдутся еще на сотне планет… У тебя была интересная жизнь, насыщенная — грех жаловаться.

С очень кислой гримасой на физиономии Корунд направил «Кураре» по баллистической кривой с конечной точкой в средних широтах малого континента. Покончив с несложной навигацией, он проворчал:

— Жизнь и сейчас насыщенная, но нет праздника. Вот, к примеру, та же Кола — раскопала город с каменными постройками. Возраст — больше тысячи лет. Она связывает эти руины с какими-то мифами малых племен…

— Понятно, какой тебе нужен праздник души, — фыркнул Кристо. — Признайся, ты охотишься на Моби Дика!

— Угадал. — Эдуард уважительно посмотрел на друга. — У тебя что-то похожее?

— Именно. Надеюсь разобраться в принципе действия ключ-кристаллов. Это был бы невероятный скачок для микроэлектроники. А что ищешь ты?

— Мануфактуру.

— Ого! — Лисанов покачал головой. — Нахал ты, отец-командир.

Название гипотетического объекта не устоялось, и вообще мало кто, кроме Корунда, верил в реальное существование Мануфактуры. Высшие должны были где-то изготавливать портативные антигравитаторы, «чешую», телепатические датчики, ракетные пускатели, автоматические винтовки и другие приспособления, которыми снабжали Старших и даже Младших. Изделия эти были слишком примитивны для Всемогущества — значит, где-то работал промышленный комплекс, производивший чудеса техники для Уступающих рас.

Мануфактура оставалась последней надеждой пробиться к наследию Высших, получить хоть крупицу запретных знаний, подняться на следующий этаж научно-технического прогресса. Суперы дотошно перемололи обломки кораблей-убийц и большинство файлов, которые Высшие передали Старшим. Уцелевшая информация напоминала осколки мозаики, которые невозможно сложить в целую картину.

Не принес успеха даже дьявольский замысел Серо-Зеленого. Во время их разговора в лазарете крейсера, вспомнив, что Высший прибыл на «Зиккурат» с Теоле, Корунд заподозрил изощренную хитрость. По возвращении с планеты Х он поспешил в «Парк водопадов». Разочарование было ужасным: Суперы побывали здесь и стерли все записи,

которые Серо-Зеленый оставил на домашних устройствах. Та же картина повторилась в родительской квартире на Джуманджи…

— Извини, я не слишком верю в этот оружейный завод, — признался Кристо. — Ведь нет никаких подтверждений твоей догадки.

— Не совсем так. — Эдуард покрутил растопыренными пальцами. — Я допрашивал сотни ныгронцев, сохранивших серьезные воспоминания. Некоторые подтверждают, что слышали о такой платформе, которая упрятана в гипер. Между прочим, ты слышал слухи о звездолете ныгронцев?

— Кажется, это не слухи.

— В том-то и дело. Достоверно зафиксировано не меньше десятка случаев — на разных планетах Медного Цветка высаживались рептилогуманоиды, почти не пострадавшие от действия Большой Волны. Они оказывали помощь соплеменникам, раздавали медикаменты, продовольствие. Ныгронцы, которые с ними общались, были потрясены и все время повторяли: мол, такие же, как мы, но сытые, здоровые и хорошо одетые.

— Их видел кто-то из Большого Квартета? — заинтересовался Кристо.

— Я видел, что осталось от полусотни виин-черси, которые попытались вступить с ними в контакт. И есть почти достоверные сведения, что лабба тоже пытались и у них тоже ничего не вышло.

— Это необязательно Мануфактура.

Корунд пожал плечами, запустил программу посадки, а затем сухо произнес:

— Есть объект, способный перемещаться в пределах скопления. Персонал объекта сохранил знания и кое-какое оборудование. Таких объектов не может быть много. Скальпель Оккама требует признать этот объект Мануфактурой.

Кристо вздохнул, но спорить не стал.

Егеря на Мистерии развернули базу в старом городке первопоселенцев. Добротные каменные дома прекрасно сохранились, после мелкого ремонта снова заработали водопровод, канализация, электроснабжение и другие полезные мелочи.

Встречавший Корунда и Лисанова командир второго взвода Джеффри Парк доложил:

— Шеф, вас ныгронец ждет. Говорит, приятель по Кураре.

— Серо-Зеленый, что ли? — Эдуард даже обрадовался. Однако вышедший навстречу рептилогуманоид оказался незнакомым: более темная кожа, голова поменьше, лоб скошен. Распознав недоумение на лице Корунда, ныгронец поспешно сказал через висевший на шее мультитранс:

— Капитан, вы знали меня как Красно-Синего. Помните?

— Трудно забыть, — проворчал Эдуард.

Жалкий огрызок Высшего не вызывал прежней ненависти, но и дружелюбия к нему командир егерей не испытывал ни капли. Чисто из вежливости он пригласил ныгронца в беседку, где можно было посидеть в пузыре искусственного климата.

— Я просил прислать проводника, — сообщил Эдуард. — Что вам известно про планету, куда мы идем сегодня?

— Безусловно, я там бывал. Сохранились размытые воспоминания, как мы с Желто-Черным забирали какие-то предметы для переброски на другие миры.

— Какие предметы и на какие миры?

— Не могу сказать. — Ныгронец развел руками. — Кажется, мы увезли что-то по многомерным транспортным линиям. Вы в своей книге называете их маяками или порталами.

Вздохнув, Эдуард пробормотал:

— Мне даже жаль, что вы потеряли память. Рептилогуманоид рассмеялся. Пожалуй, бывшие Высшие были единственными, кроме теолийцев, существами, понимавшими земной юмор.

Их разговор прервал лейтенант Парк, доложивший, что взвод накормлен и готов к инструктажу.

Построив подразделение, капитан повторил задание.

На планете сохраняется шаткий мир, крупные банды принуждены к разоружению. На планете развернуты базы Большого Квартета, над планетой крейсируют боевые корабли четырех держав. Население бедствует, международные силы Большого Квартета пытаются накормить уцелевших аборигенов и создать условия для самообеспечения. Наблюдением с орбиты установлено, что вчера в районе планеты появился нестандартный гиперпространственный узел, который может представлять интерес для земной науки.

— Наша задача, — продолжал Эдуард, — проникнуть на объект незаметно для наблюдателей Большого Квартета. Весьма удачно, что в интересующем нас районе международных баз нет, так что встреча с дорогими союзниками маловероятна. Как обычно, в ходе рейда соблюдаем радиомолчание, гравитационные и лазерные средства связи используем лишь в исключительных ситуациях. Дистанционное управление роботами — только ультразвуком. От портала до объекта не больше пяти километров, так что пешком доползем, без левитаторов. В случае встречи с аборигенами действует обычная легенда: мы — отряд со станции, разыскиваем аборигенов, раздаем консервы и медикаменты. Вопросы есть?

Вопросов не было. Бронетранспортеры быстро доставили егерей к ущелью, где Бродяги Бездны оборудовали маяк.

Ключ-кристалл отворил проход, и взвод втянулся в зал оптических спецэффектов. Здешний робот уже привык встречать людей, поэтому перестал травить байки про древнюю мудрость, а сразу высветил меню. Корунд пометил ключом нужную строчку, и робот отворил выход на сырое, заросшее редкими клочьями флоры плоскогорье. Низкие темные тучи, временами просвечивая разрядами молний, брызгали мелким дождем. Местность досталась не из лучших — глинистую почву развезло, повсюду образовались лужи, в том числе довольно глубокие.

Сориентировавшись по карте, Корунд показал направление — к холмам на юго-востоке. Взводный назначил пару дозорных, которые выдвинулись на четверть километра. За ними, скользя в грязи, потянулись остальные. Сканеры показывали, что в ближних окрестностях нет крупных движущихся объектов.

Когда колонна миновала развалины, наводившие на мысль о чудовищной древности, проводник-ныгронец неожиданно сказал Эдуарду:

— Вам будет интересно узнать, что я помню два эпизода, связанных лично с вами?

— Интересно, — согласился Корунд. — Расскажете?

— Первый случился давно. Ваша жена попала в зону квантованного пространства, часть ее функций выдвинулась в измерения, недоступные вашей расе. Серо-Зеленый посчитал, что спасение женщины необходимо для вашего психологического здоровья, поэтому я выправил дефектные размерности всем пострадавшим.

— А я подозревал, что некропис организовали Высшие, — признался Корунд. — Что насчет второго случая?

— Когда началась гонка за ключ-кристаллом, поступил приказ задержать конкурентов фаворита. Я поставил на вашем пути торнадо, но вы сумели прорваться.

— Фаворитом был, конечно, ландиб. Но ведь он все равно опередил меня на несколько дней, от ваших торнадо немного пользы.

— Неверно. Руководители проекта назначили победителем дадибро, но ландибы покончили с ним, а уж потом бросились на штурм горы.

— Ваши руководители были редкостными сволочами… Дадибро доводились дальней родней виин-черси. Самая удаленная от Солнца и самая сильная из Старших рассчиталась лидером Дальнего Трио, наводя ужас даже на Малую Шестерку. Пожалуй, только угроза военного столкновения с этой цивилизацией удерживала державы Большого Квартета в непрочном союзе Валинорского Пакта. Если бы дадибро получили ключ и проникли в сеть порталов, положение стало бы совсем отчаянным.

И хотя дадибро на этой планете быть не могло, Корунд занервничал и приказал собрать

роботов. Извлеченные из рюкзаков блоки, состыковавшись, образовали похожие на пауков машины, вооруженные бластерами и гранатометами. Не танки, спору нет, но в передовом охранении пригодятся.

Теперь перед взводом егерей бежала цепочка роботов. В случае встречи с противником они примут на себя первый удар, уменьшая потери личного состава. Подумав об этом, Эдуард помотал головой — хотелось надеяться, что дадибро сегодня не появятся и обойдется без перестрелок.

Пока его надежды сбывались. Колонна шагала по размокшему грунту, не встречая нежелательных прохожих. Дождь усиливался, но было видно, что холмы становятся все ближе. Над рощей справа от гряды возвышенностей кружили подозрительно беспокойные птицы.

Среди деревьев прячется кто-то, спугнувший этих тварей, понял Эдуард. Спустя минуту он увидел, как левофланговый дозорный остановился, вглядываясь в завесу дождя. Затем егерь промигал фонариком условный сигнал: «Вижу аборигена».

Полтора года назад, рассказывая о десятках миллиардов бедствующих соплеменников, Серо-Зеленый нарисовал идеализированную картину катастрофы. Рафинированный гуманитарий, избалованный чудесами Всемогущества, не представлял, сколь ужасной окажется участь его соплеменников. Большая часть Высших обычно проводила время в космосе или гиперпространстве, где были выстроены локально-персональные миры. Когда Большая Волна уничтожила энергококоны и другие проявления Всемогущества, они погибли, внезапно оказавшись в вакууме и других несовместимых с жизнью местах.

Выжить посчастливилось лишь тем немногим, кто в момент экзекуции находился на поверхности пригодных для жизни планет. Прибывшие спасатели Старших рас обнаружили около тысячи миров, на которых загибались от голода и болезней в общей сложности два миллиарда особей.

Один из жителей этой планеты, закутанный в грязные тряпки, медленно брел навстречу взводной колонне. Встреча с аборигенами считалась неприятным осложнением, однако большого вреда принести не могла. Скорее всего, ныгронец принадлежал одному из кочевых племен, которые в поисках пропитания бродили по местности, регулярно заглядывая на базы Большого Квартета.

Абориген, прихрамывая, приближался. Признаков страха не было — наверняка этот рептилогуманоид уже встречался с людьми.

Как положено в таких случаях, лейтенант Парк направился прямо к аборигену, а два егеря зашли сзади, отрезав ныгронцу путь отступления.

— Здравствуйте, добрые существа, — сказал ныгронец. — У вас, наверное, есть такие штуки, чтобы понимать меня.

— Здравствуй, у нас есть такие штуки, — ответил Джеффри. — Расскажи, что нужно тебе и в чем нуждается твое племя.

— Нас немного, и на базе дают лекарства, консервы, синтетическую биомассу. Но детям нужна натуральная… — После паузы мультитранс подобрал перевод: — Сладкая витаминизированная субстанция, подобная молоку.

Такие разговоры случались постоянно, и Парк привычно сообщил:

— Мы начали клонировать домашних животных. Скоро их станет достаточно, и вы сможете получать полноценную пищу.

— На базах? — быстро спросил абориген.

— Скорее всего, животных отдадут вам, чтобы вы организовали фермы и кормили сами себя.

— Ваша доброта не знает границ!

«Он лебезит слишком слащаво, будто притворяется, — раздраженно подумал Эдуард, следивший за переговорами Парка с расстояния в двадцать шагов. — Как курарики после хорошей трепки. Ехидничает, что ли…» Поведение ныгронца не нравилось Корунду, но капитан не мог понять, что именно вызывает недоверие. Между тем взводный плавно

переходил к главным вопросам:

— Вас удивляет, что мы помогаем тем, кто нуждается в помощи?

Клюнув на приманку, ныгронец признался:

— Удивляет, что пришельцы проявляют альтруизм.

— Ну почему же, если кто-то из вас расскажет что-нибудь интересное, то получит усиленный паек, мы даже вывозим таких ныгронцев на менее суровые планеты. Кем вы были до катастрофы?

— Исследователь-аналитик в области социально-политических наук. — Абориген сделал маленький шаг вбок, словно собираясь бежать. — Я почти ничего не помню.

Прятавшийся за спинами егерей Красно-Синий послал Эдуарду мысленное сообщение: «Он слишком откормлен для голодающего бродяги. У него прекрасная обувь и отлично развита мускулатура».

Корунд недостаточно разбирался в анатомии ныгронцев, чтобы на глазок определить степень откормленности, но абориген не выпрашивал провиант. И ботинки на нем были в самом деле добротные, причем на базах Большого Квартета таких не выдавали. «Сытые, здоровые и хорошо одетые, — моментально вспомнил егерский капитан. — Вот кто нам попался!» Парнишка явно не бродяжничал, в последнее время он жил в цивилизованной обстановке.

Эдуард мигнул стоявшим рядом егерям, и те, правильно поняв намек, выдвинулись поближе к рептилогуманоиду. Затем капитан быстрым шагом подошел к Парку и вклинился в беседу:

— Нас очень интересуют технологические комплексы. В частности, гиперпространственный объект, выдвинувший портал поблизости от этих холмов.

Большие глаза ныгронца пристально посмотрели на человека, после чего бывший Высший произнес:

— Мне ничего не известно про такие комплексы.

— Но тебе знакомо такое понятие, — насмешливо уточнил Эдуард. — И тебе знакомо понятие гиперпространства. Мало кто из переживших катастрофу сохранил в памяти так много трудных слов.

Резко развернувшись, ныгронец попытался бежать, однако путь ему преградили сразу три бывалых сержанта егерской службы. Первого рептилогуманоид сумел сбить с ног ловким приемом, но второй землянин подсек ловкача сильным ударом по ногам и — вместе с третьим егерем — повалил, заламывая руки… Смекнув, что сопротивление пользы не принесет, ныгронец успокоился. Только сверкал глазищами и беззвучно шевелил челюстями.

Подозвав Красно-Синего, Корунд велел разговорить пленника и склонить к сотрудничеству. Два рептилогуманоида залопотали по-своему, а ротный негромко сказал Парку:

— Джеффри, в роще кто-то прячется.

— Вижу, командир. Это не персонал базы, те бы не стали таиться.

— Выдвини роботов поближе к деревьям и отправь еще пару солдатиков на помощь дозорным. Остальных разверни в предбоевой порядок.

Лейтенант убежал отдавать распоряжения, а Корунд повернулся к увлеченным беседой рептилогуманоидам. Перехватив его взгляд, Красно-Синий пожаловался:

— Соплеменник не доверяет Старшим и, как следствие, считает меня предателем. Говорит, что некоторые Старшие враждебны нашей расе, проявляют жестокость.

— Имеются в виду дадибро?

— Насколько я понял, самые враждебные — виин-черси.

С полгода назад эта новость прозвучала бы дико, но сегодня многое изменилось. Трихордовые безусловно начали собственную игру, забыв союзные обязательства. Слишком уж давними были их претензии на галактическое господство и слишком велико презрение к остальным Старшим. Не говоря уж о застарелой ненависти к Высшим.

Эдуард еще раз покосился на рощу, от которой егерей отделяло километра полтора. Кто

там и сколько их? Он приказал Парку:

— Пусть связист прощупает небо. Если над нами есть земной корабль, надо наладить лазерную связь. — Капитан снова обратился к Красно-Синему: — Объясни ему, что мы, гуманоиды, не враждебны и готовы защищать ныгронцев.

— Пытался. Она не верит.

Еще и баба! Испуганные женщины бывают очень упрямы и плохо соображают…

— Откуда она взялась и почему не потеряла память?

— Историки или археологи. Научная группа. Работали с древностями и сами не использовали энергококонов. Удары Суперов их почти не коснулись.

— Ее друзья прячутся в роще?

Последовал долгий диалог на языке, недоступном мультитрансу. Затем, опасливо присев на корточки, Красно-Синий доложил:

— Говорит, что ее друзья укрыты в гиперпространственной платформе. В роще скрывается большой вооруженный отряд враждебных Старших. Она выходила на разведку, но появились Старшие, поэтому ее друзья отключили портал. Она спряталась в луже, а тут наш отряд на нее наткнулся.

Сгоряча Корунд едва не подал команду «К бою», но мелькнуло сомнение. Вполне возможно, что коварная злобная ныгронка врет — хочет столкнуть егерей с существами, отнюдь не питающими злых чувств к людям.

— Всем залечь, — приказал Эдуард. — Наблюдать за рощей, быть готовыми к огневому контакту.

Пригибаясь, подбежал Парк, доложивший, что есть связь с орбитой. Подключив свой командирский планшет к передатчику, Корунд назвал пароль. Космос ответил:

— Капитан третьего ранга Фугуа, командир фрегата «Пиранья». У меня приказ — в случае осложнений оказать помощь вашему отряду.

— Не исключена стычка. Предположительно, противником могут быть дадибро или виин-черси. Будь готов поддержать меня огнем с орбиты, хорошо бы стянуть сюда другие наши корабли. Если какой-нибудь корабль Старших начнет подозрительно маневрировать, имей в виду вероятность нападения.

— Понял, объявляю боевую тревогу. Здесь нет дадибро, но фрегат и корвет виин-черси пытаются взять меня в клеши. Начинаю уклонение. Подмогу вызвали, в течение часа должен прибыть крейсер «Пума».

— Час — это терпимо, — вздохнул Эдуард. — Буду тянуть время.

Роботы уже приблизились к роще метров на триста и получили приказ остановиться. Их сканеры зафиксировали между деревьев наличие живых существ и механизмов. Корунд отдавал текущие распоряжения, не отрывая от глаз окуляры бинокля. Изредка в зарослях мелькали неясные фигуры, но капитан не мог определить, какой расе они принадлежат.

Убрав бинокль в футляр, он подполз к рептилогуманоидам и показал социологической даме голограммы разных Старших. Ныгронка уверенно ткнула когтем в изображение виин-черси и подтвердила: мол, это они пытаются ворваться в гиперпространственный модуль исследователей-археологов. Про дадибро пленница тоже знала — они, по словам социологами, захватили расположенный в другом звездном скоплении производственный комплекс.

— Что за комплекс? — Корунд не сомневался, какой ответ услышит.

— Там штамповали примитивные устройства для Старших рас, — перевел Красно-Синий, — Оружие, антигравитаторы, средства связи, транспортные машины. Она говорит, это были очень примитивные изделия.

Застонав, Кристо схватился за голову и прошептал:

— Мануфактура! — Тяжело вздохнув, морально убитый технарь спросил отсутствующим голосом: — Сколько таких заводов существовало?

— Один, конечно. — Ныгронка удивленно вытаращилась на человека, задающего смешные вопросы. — Этого вполне хватало.

Выслушав перевод, Эдуард закрыл глаза и крепко стиснул зубы. Внутри клокотало, сильно хотелось застрелиться. Он опоздал, и Мануфактура попала в чужие клешни. Недружественная цивилизация получила неоспоримое преимущество и вскоре станет лидером технологической гонки.

Вселенная снова указала человеку его заслуженное место на своих задворках. Физически слабенькие, не слишком сообразительные, не самые предприимчивые мечтатели-неудачники… Людям отводилась неблагодарная участь — генерировать прекрасные идеи, а самим плестись в хвосте бесконечного забега…

Болезненно переживая неудачу — самую, наверное, тяжелую в своей жизни, — Корунд опять приложил к глазам окуляры. Никакого движения разглядеть не удавалось — не иначе, чужаки затаились, а такое бывает обычно, когда пальцы или щупальца лежат на спусковых устройствах в ожидании команды… Покосившись на часы, капитан приказал:

— Парк, поставь экраны.

Переносные генераторы защитного силового поля протянут не больше часа, но к тому времени должен подоспеть крейсер. Как назло, дождь хлестнул сильнее, видимость пропала окончательно. В такую погоду даже сверхмощный тепловизорный прицел пушки показывает лишь контуры предметов на дистанции до километра.

Кристо Лисанов, тоже расстроенный успехом конкурентов, попытался утешить друга, ну и себя самого за компанию.

— Не убивайся. — В его срывающемся голосе не слышалось даже тени уверенности. — Может, найдем еще какие-нибудь полезные артефакты. Кроме того, память маяков хранит знания Бродяг Бездны.

— Бродяги были не слишком продвинутой кочевой расой, — отмахнулся Корунд. — Согласен, они строили порталы, но во многом отставали от нас. Представляешь, они понятия не имели о Великих Парадоксах!

В их унылый диалог неожиданно вмешался Красно-Синий:

— Моя соплеменница, ее зовут Оранжево-Зелено-Алая, интересуется, что вы намерены делать и что ждет лично ее.

Пожав плечами, капитан проворчал:

— Скоро подтянется крейсер, прикроет наш отход. Твою подругу отвезем на базу, там она подробно расскажет, что ей известно. Потом выберет себе планету для дальнейшего проживания.

Ныгронцы снова заговорили по-своему. После короткого, но бурного диспута социолог продемонстрировала способность телепатически общаться без переводчика.

— Двое моих друзей заперты в коконе. Эти монстры пытаются ворваться внутрь. Я надеюсь на вашу помощь.

— Предлагаете атаковать отряд в роще? — Корунд покачал головой. — Я не стану стрелять первым.

— Там враги!

— Это не доказано. И мы — не отряд диверсантов во вражеском тылу. Наши подразделения вступают в бой только для самозащиты.

Кажется, пленница начала нервничать всерьез.

Оранжево-Зелено-Алая торопливо сказала что-то Красно-Синему, выслушала ответ соплеменника, снова что-то сказала. Дождь между тем превратился в ливень, заболоченное поле начинало трансформацию в грязное озеро. Лазерная связь с орбитой прервалась.

Наконец ныгронцы закончили возбужденный обмен репликами, и социолог протелепатировала:

— Вы ищете технологические изделия высокоразвитых цивилизаций. Там, в гиперпространстве, ждет крупное сооружение, вы еще не скоро научитесь строить такие.

— Любопытно, — вяло заинтересовался Корунд. — Что находится внутри сооружения?

— Музей примитивных технологий.

— Очень ценное учреждение… — Капитан поморщился. — Лучше расскажите, каким

образом виин-черси намерены пробиться в свернутое пространство.

— У них есть большая машина, генератор сверхвысоких частот гравитации. Если мои коллеги не откроют проход или попытаются бежать, эта машина разрушит наш дом. Вы по-прежнему не хотите помочь?

Конфликте виин-черси был нежелателен. С другой стороны, если трихордовые ломятся в кокон, значит, надеются что-то найти. А если там есть что-то интересное для них, то и Земле оно пригодится. Только действовать надо тихо, без нахрапа.

Корунд посмотрел на часы. До обещанного командиром «Пираньи» срока оставалось минут двадцать. Хлеставшая с неба стена ионизированной воды полностью скрыла рощу, ослепли даже сканеры.

— Не будем спешить, — сказал Эдуард. — Дождемся крейсера, а потом вежливо попросим оппонентов удалиться.

— Они станут возражать. — Социолог не поняла юмора.

— Мы попросим очень вежливо. Они не смогут отказать. Не прошло и пяти минут, как стало понятно, что оппоненты не склонны к вежливости.

Дождь заслонил и заглушил выстрелы и взрывы, но операторы доложили, что уничтожены все роботы. Корунд ждал чего-нибудь в таком духе, поэтому отреагировал мгновенно:

— Парк, отправь троих в обход слева — пусть закрепятся на холме и простреливают рощу сверху. Я с двумя бойцами присоединюсь к передовому охранению и буду отвлекать с фронта. Ты с остальными берешь пушку и обходишь справа.

Приказав обоим ныгронцам и Лисанову оставаться на месте, он подозвал двух сержантов и, пригибаясь, побежал по лужам сквозь плотную завесу не желавшего утихать ливня. Конечно, лишь избыток оптимизма заставлял называть бегом эти неуклюжие прыжки по вязкому грунту.

Они преодолели приблизительно стометровку, когда из дождя прилетел огненный шарик. Боеприпас летел точно в лоб, но взорвался без вреда, воткнувшись в силовой щит. Почти одновременно такие же светлячки пометили обоих егерей, сопровождавших капитана.

Ну все — игры кончились, переговоры отменяются. Нет больше оппонентов из числа союзников по Большому Квартету. Есть противник, открывший огонь на поражение. Снайперы врага бьют из тяжелых армейских винтовок умными реактивными пулями с ячейкой самонаведения. Стало быть, впереди ждет серьезное подразделение, имеющее приказ выполнить задачу любой ценой, не считаясь с возможными дипломатическими осложнениями. Значит, и нам церемониться нечего.

Где-то перед ним — дистанцию не разобрать — стена ливня озарилась вспышкой. Наверное, противник ударил гранатами по егерям, залегшим на подступах к роще. Потом снайперы послали в группу Корунда еще несколько пуль. «Сейчас они поймут, что над нами силовые пузыри», — подумал Эдуард и крикнул:

— Ложись!

Вовремя скомандовал — вокруг запорхали трассеры крупнокалиберных реактивных фанат. Близкий разрыв обрушил веер осколков на егеря по левую руку от командира роты. Кумулятивная струя другой гранаты, пробив защитное поле, прошла в полуметре над вжавшимся в лужу Эдуардом.

Дальше пришлось ползти, елозя локтями и коленями по вязкой грязюке. Противник перестал стрелять по группе Корунда, но впереди поднялась огненная стена. Знакомая картина — так взрываются выпущенные залпом термогранаты. Похоже, этим залпом накрыло передовое охранение.

Эдуард пополз быстрее, провалился в обширную лужу, встал на четвереньки, при этом руки погрузились в мутную жидкость до предплечий. Противник положил где-то поблизости новую серию снарядов, и вода в луже вскипела, выбросив облако пара. Стало душно, хотя системы внутреннего кондиционирования бронекостюмов автоматически переключились на максимальный режим охлаждения.

— Бегом, — крикнул ротный, поднимаясь в рост.

Бежать по колено в кипятке пришлось пару сотен метров, потом на пределе видимости показались высланные вперед егеря. Бойцы залегли за естественными укрытиями, направив винтовки в сторону рощи. Время от времени егеря выпускали в противника реактивные пули, после чего немедленно перекатывались или переползали на новую позицию. Противник энергично стрелял в ответ, упавшая перелетом граната разорвалась в опасной близости от Корунда.

Плюхнувшись в ближайшую воронку, которая быстро заполнялась грязной жижей, капитан оглядел поле боя. «Ночной глаз» показывал приближавшиеся размытые тени — наверняка противник решился на вылазку.

Тщательно прицелившись, Эдуард выпустил капсулу плазмы. От таких температур не спасает даже силовой щит. Фигура, по которой стрелял капитан, исчезла в столбе пламени, но Корунд не успел сменить позицию. Сразу несколько гранат ударили в его защитное поле и, разорвавшись, выбросили облако осколков и шрапнели. Как и следовало ожидать, немало поражающих элементов пробили тонкую полусферу энергетического щита. Корунд почувствовал острую боль в правой ноге и левом плече.

Сознание он не потерял, но какое-то время чувства и ощущения работали с перебоями. Эдуард лишь догадывался, что умное нательное белье перетянуло ногу выше раны и залепило раны тканью, пропитанной сворачивающими кровь препаратами, тогда как аптечка вколола нужные дозы антибиотиков, антисептиков, витаминов, а также обезболивающих и других лекарств. Застрявшие в теле куски металла костюмчик, скорее всего, извлечь не сможет, но бойца в строй вернет. На некоторое время.

Вокруг продолжали щелкать выстрелы — значит, кто-то из егерей продолжает сражаться. Боль потихоньку отступала. С натугой напрягая мышцы, Корунд перевернулся на спину и увидел чудо в небесах.

Тучи над ним расступались ровным кругом, через который хлынул яркий солнечный свет, а в центре этого кольца облаков яростно бурлил, постепенно тускнея, лохматый шар алого пламени. Спустя положенные секунды небеса разразились урчащим грохотом. Ничего сверхъестественного, на войне такое случается нередко.

Корунд попытался выкарабкаться из укрытия, но ботинки скользили по мокрому грунту, и не хватало силенок, чтобы подтянуться как следует. Потом чьи-то руки ловко ухватили его под мышки и рывком выдернули из воронки. Знакомый голос осведомился тревожно:

— Как ты, командир?

— Нормально, сержант… до следующего попадания. Как тут наши? Атаку отбили?

— Отбили, троих неприятелей положили. Индейца пожгло сильно, в отключке он. Эфиопа контузило, Мадьяра легко поцарапало пулей, может стрелять. Остальные в порядке. Когда наши с флангов ударили, яйца отступили, а я к тебе на помощь пополз… — Сержант добавил после короткой заминки: — Командир, тут в небе такая иллюминация случилась…

— Видел. Над планетой идет бой, примерно на границе стратосферы взорвался корабль — не знаю только чей. Ударная волна разогнала облака… — Сплюнув кровавую слюну, он продолжал, морщась от боли: — Излучение… Тонкая электроника должна перегореть. Выйдут из строя антигравы и щитовые генераторы.

— Щиты уже накрылись, — кивнул сержант. — И прицелы.

Перевернувшись на живот и стараясь не обращать внимания на горящие раны, Корунд вполз на сравнительно сухой бугорок. Облачная прореха стала весьма обширной, пламя высотного взрыва погасло, превратившись в темно-багровое пятно, дождь откатился куда подальше, сумерки сменились светлым днем. В потоках посылаемых звездой лучей были хорошо видны поредевшие деревья рощи, между которыми К°рунд разглядел фигурки врагов. Он не стал приказывать, чтобы пользовались открытыми прицелами, — сами догадаются… Руки плохо слушались, однако Эдуард сумел прицелиться и дал длинную очередь. Одна из фигур исчезла из поля зрения.

Рядом стреляли другие егеря, высланные на фланги боевые группы поливали рощу непрерывным огнем, но противник продолжал огрызаться примерно дюжиной стволов. «Танки нужны», — подумал ротный, почти теряя сознание. О том, чтобы поднять взвод в атаку, он даже не помышлял. Он выпустил дуплетом термогранату и плазменную капсулу, почти тотчас же из рощи прилетели ответные снаряды. Если бы космический взрыв не сжег микросхемы ячеек самонаведения, не дожить бы всем до ужина…

Отползанием и перекатыванием он сместился на десяток метров. С новой позиции стали видны виин-черси, готовившие к стрельбе что-то вроде короткоствольной пушки. Опираясь на локти, капитан тяжело приподнял верхнюю часть тела и начал наводить винтовку на расчет орудия. Ствол «Протазана» предательски покачивался, с немалым трудом Эдуард сумел загнать мушку в прорезь прицела и нажать спуск. Длинная, в пол-обоймы, очередь легла неточно, зацепив лишь одного артиллериста.

Потом в перестрелку включились два засевших на деревьях виин-черси, которые до сих пор оставались незамеченными. Одна пуля угодила Корунду в правый бок, другая — в голову. Винтовка выскользнула из разжавшихся пальцев, и он уткнулся лицевым щитком шлема в глинистый раствор здешней почвы. Мелькнула равнодушная мысль: «Ну вот, кажется, и все». Тем не менее сознание продолжало работать, тело кое-как шевелилось. Чуть приподняв голову, он даже сообразил, что начинаются предсмертные галлюцинации — ему казалось, что рядом остановился бронетранспортер с эмблемой земной космопехоты.

Глаза сами собой закрылись, и наступила тьма.

Сознание частично вернулось от катавшихся по всему телу волн тупой боли. Чей-то голос произнес очень тихо, как будто издалека:

— В ванну. Пусть раны затягиваются.

Кажется, такое уже было. Ванна с регенерирующим желе. Дежавю, наверное. Где же он — на Теоле, Кураре или в мире ныгронцев? Был бой или это — бред умирающего мозга?

Кожа чувствовала прикосновение вязкой субстанции. Корунд собирался задать несколько миллионов вопросов, но лицо было накрыто маской, язык не поворачивался, веки не поднимались.

Спустя секунду, как ему показалось, Эдуард все-таки открыл глаза. Он действительно лежал в заживителе, облепленный гибкими трубочками, датчиками, гофрированными шлангами. Ванна стояла в стандартном надувном куполе. Всего ванн было четыре, и между ними прохаживался кто-то в робе военно-медицинской службы. «Напоминает временный полевой госпиталь», — подумал Эдуард, порываясь сесть.

Заметив шевеление пациента, врач подошел к его ванне, наклонился, и Корунд разглядел погоны капитан-лейтенанта. Врач с военного корабля, но какого — «Зиккурат», наверное. Нет, какой, на хрен, «Зиккурат»…

— Быстро поправляетесь, капитан. — Врач одобрительно подмигнул. — Вам повезло. Осколок, шрапнелина и две пули, но важные органы не задеты. Хотя легкое придется регенерировать в стационаре.

Капитан-лейтенант помог ему сесть, снял маску и часть шлангов.

— Была рана в голову, — прохрипел Эдуард. — Какая планета?

— Пуля скользнула по черепу, а название планеты непроизносимо. Пронумерованный мирок на отшибе Медного Цветка. — Врач озабоченно поинтересовался: — У вас провалы в памяти?

— Значит, бой с виин-черси не приснился… — Корунд не собирался отвечать на лишние вопросы. — Мне нужна срочная связь со штабом бригады, а лучше — с генералом Анджелли. И еще нужно поговорить с лейтенантом Парком и доктором Лисановым.

— Все? — засмеялся врач и зашептал что-то в мобильник.

— Одежду, оружие — это само собой…

Он решительно повыдергивал из себя иглы, посрывал присоски датчиков и вылез из ванны. Недовольно ворча, медик подал голому егерю полотенце — обтереть желе — и показал в угол, где лежало снаряжение Корунда.

Раненая нога плохо слушалась. Тем не менее капитан прошелся мимо других ванн, в которых лежали без сознания его сержанты.

— Один контужен и ранен большим осколком, ему еще часа три отдыхать, — сообщил врач. — А второй очень сильно обгорел, прямо в госпиталь отправим… Связь тебе организуют, а лейтенант и доктор на каком-то объекте в роще. Оба каждую минуту спрашивают, когда ты к ним присоединишься.

Эдуард уже застегнул броню и начал натягивать «чешую», но вдруг сообразил, что у него и впрямь провалы в памяти. Он совсем забыл спросить о главном.

— Чем закончился бой?

— Кто-то из ваших предупредил «Пиранью», что виин-черси могут напасть. Чарли Фугуа был готов, и противник не смог прикончить его внезапной атакой. Когда мы вошли в систему…

— Вы — это крейсер «Пума»?

— Помнишь, значит… Фрегат вел бой с двумя корабликами трихордовых. Одного мы расстреляли, и он взорвался, а второго покалечили, после чего «Пиранья» взяла его на абордаж. Потом мы сбросили десант, но твои чудо-богатыри уже добивали яйцеобразных.

«Хоть какая-то польза от меня — космофлотцев успел оповестить, — подумал Эдуард. — И еще обрадую человечество: дескать, наследство Высших досталось другой расе. В общем, обещал ребенку вернуться — вот и вернусь. А там пускай командиры решают, что со мной делать». Наверное, сегодня был самый несчастный день в его жизни.

Дышать было трудно — нанороботы залепили рану в легком, но полная регенерация возможна только в стационаре. Полкилометра до рощи выглядели почти марафонской дистанцией. На его удачу, десантники подбросили капитана-егеря на бронетранспортере.

На месте оказалось, что рощи, собственно говоря, больше не существует — только свалка обгорелых древесных обрубков. Прореха в облаках успела затянуться, снова брызгал дождь, но в сотне шагов воздух светился, образуя кубической формы зону, где не было дождя и слякоти. Несмотря на побаливавшие раны и сильное головокружение, Корунд догадался, что видит выход портала — врата в пресловутый музей.

Возле светящегося куба переговаривались с ныгронцами несколько людей. Увидев Эдуарда, трое бросились к нему, возбуждено размахивая верхними конечностями. Вблизи К°рунд разглядел, что навстречу бегут Кристо, Парк и Красно-Синий. Обняв друга. Кристо восторженно воскликнул:

— Ты нашел-таки своего Моби Дика!

— Имеешь в виду эту лавку древностей? — скептически прохрипел Эдуард.

Сделав удивленные глаза и назидательно подняв указательный палец, Кристо торжественно провозгласил:

— Не лавка древностей, а музей примитивных технологий… И не надо корчить гримасы! Лучше попробуй представить, какие технологии Высшие считали примитивными.

— И какие же? — Корунд начал догадываться. — Вы были внутри?

— Право войти первым принадлежит тебе.

Опираясь на плечо Парка, капитан захромал к порталу, стараясь пореже ступать незажившей ногой. С другого бока пристроился Красно-Синий, спешивший доложить, о чем успел выведать.

— Персонал музея старался помочь нашим бедствующим родичам. Но всякий раз, когда платформа открывала портал на какую-нибудь планету, Старшие нападали на них, пытались ворваться в объект. Несколько сотрудников были убиты или взяты в плен — и дадибро постарались, и лабба, и виин-черси, и почти все Старшие. Только вы, захватив пленного, не принялись немедленно пытать…

— Как немного нужно, чтобы создать благоприятное впечатление, — проворчал искренне удивленный Корунд. — Но ты продолжай.

Бывший военный разведчик понимал земной юмор. Хохотнув, он снова заговорил:

— В общем, они решили заключить договор с землянами. Мы отдаем вам эти

технологии, а вы поможете уцелевшим ныгронцам отстроить цивилизацию — хотя бы на уровне сегодняшних Старших.

В музее их встретили уже знакомая Оранжево-Зелено-Алая и еще два ныгронца в непривычной одежде. Скептически оглядев Эдуарда, социолог предложила прогуляться в сектор медицинского антиквариата. Один из рептилогуманоидов поводил пальцем по сенсорам на манжете костюма, и перед ними распахнулся проход в длинный коридор, уставленный непонятным оборудованием.

— Внутренний гиперпортал, — выдохнул Кристо.

Ряды всевозможных машин и стеллажи с инструментами тянулись вдаль, казалось, на многие километры. Над каждым экспонатом горели голографические надписи на неведомом языке.

Ныгронцы затеяли спор, которое из устройств лучше поможет пациенту-землянину. Из их реплик Эдуард понял, что техника гигантских гуманоидов не годится в принципе, поскольку метаболизм этой расы был основан не на кислороде с углеродом, а на фторе и кремниевой органике. Целительный агрегат шистрав считался самым мощным, хотя для млекопитающих эффективнее изделия Древних, но в наилучшей готовности сейчас многофункциональный комплекс какой-то сгинувшей империи, про которую археологи Большого Квартета никогда не слышали.

В конце концов Эдуарда поставили на металлический круг, по периметру которого немедленно вытянулся — выше головы — частокол сверкающих стержней. Тело Корунда потеряло вес и повисло, не касаясь пола, вдоль стержней забегали вверх-вниз световые кольца.

— Надо было взять с тебя клятву помогать остаткам нашей расы и только потом лечить, — сказала социолог.

Возможно, Оранжево-Зелено-Алая шутила. Эдуард ответил — тоже как будто в шутку:

— Клятвы немного стоят… — и добавил уже серьезнее: — Но вы же знаете, что мы пытаемся спасти ныгронцев.

— Не даете умереть с голоду. — Старший рептилогуманоид сделал резкий жест. — И не слишком энергично прекращаете конфликты на погибающих планетах. Как вы представляете свои дальнейшие действия?

— Мы собирались для начала наладить снабжение предметами первой необходимости. Когда решим эту задачу, будут открыты школы, как на мирах Младших.

Музейные работники дружно возмутились: дескать, выжившие ныгронцы — не дикари какие-нибудь, им нужны совсем другие учебные программы. Немало претензий они высказали в адрес Красно-Синего и ему подобным, кто служат Старшим, не слишком заботясь о попавших в беду сородичах. Красно-Синий, обидевшись, возбужденно отвечал, что служит людям только ради помощи остаткам своей расы.

Оборвав их перепалку, телепатический усилитель передал сообщение врачебной машины: анализ повреждений закончен, выявлено столько-то свежих механических повреждений, больные зубы, застарелый ушиб позвоночника, частичная атрофия нейронной сети, аритмия гормональных желез, что-то плохое в сердечной мышце, почках и печени. Для полной регенерации необходимо синтезировать какое-то количество костной и мышечной ткани, а также нервных волокон.

— Синтезируй, — разрешил Эдуард и обратился к персоналу музея: — Ваша платформа посещала разные миры этого скопления, то есть способна перемещаться среди звезд. Не так ли?

— Способна, — подтвердила социолог. — Мы намерены покинуть скопление. Здесь опасно, вскоре может начаться большое сражение.

В качестве места безопасной стоянки Корунд предложил Джуманджи. К его удивлению, рептилогуманоиды не стали возражать — кажется, они устали скитаться и были готовы приткнуться куда угодно.

Пользуясь временной сговорчивостью хозяев платформы, Кристо принялся

выведывать, какие именно чудеса первобытных цивилизаций собраны в музее. Корунд успел услышать лишь о двигателях более совершенных, чем полупогружные, но в этот момент робот-врач объявил: синтез необходимых препаратов закончен, приступаю к лечению.

После этого Эдуард на какое-то время выпал из реальности. По его телу струились умеренно болезненные электрические разряды, перекатывались ледяные и горячие волны, острые жала кололи в позвоночник и затылок, в разных частях организма возникали спазмы и чувство онемения. Когда сеанс активной терапии завершился, все тело зверски ломило, словно в жестокую простуду.

Антигравитация отключилась, блестящие стержни втянулись в основание машины, и Корунд, снова опустившись на пол, едва устоял на дрожащих ногах. Голова кружилась, в ушах звенело. Впрочем, раны совершенно перестали беспокоить, дышалось легко, как в далекой молодости. Сосредоточившись, Эдуард подключился к телепатической беседе.

— Я понимаю, что вы называете Мануфактурой, — передавал кто-то из рептилогуманоидов. — Это была небольшая платформа с дупликаторами материальных объектов. Мы разрабатывали модели примитивных изделий на основе наших экспонатов, а персонал той платформы просто размножал механизмы в нужном количестве.

Ответная мысль доктора Лисанова буквально дрожала от волнения:

— Значит, в музее хранятся более сложные и совершенные конструкции?

— Да, безусловно. Около полумиллиона готовых изделий, а также миллионы описаний различных устройств.

Почувствовав себя достаточно здоровым, Эдуард вмешался в разговор:

— А как насчет информации о принципах работы этой техники? Нас интересуют теоретические основы гравитации, маяков, ключ-кристаллов, межзвездных двигателей, решение Великих Парадоксов физики…

— Эд, не наглей, — взмолился Кристо.

Ныгронцы с явным недоумением разглядывали собеседников-людей. Наконец один из музейных работников протелепатировал:

— Разумеется, у нас имеется такая информация. Однако понятие парадоксов нам незнакомо.

Кристо с помощью Красно-Синего попытался растолковать суть гениальных пророчеств Азаринского. Выслушав эти объяснения, сотрудники музея пришли в замешательство и тактично намекнули, что в данном вопросе земная наука, наверное, забрела в тупик. По их уверениям, строение Вселенной, как и вытекающие из оного законы природы, описываются совершенно иначе и не содержат никаких парадоксов.

На этом разговор прервался, потому что платформа вышла из гипера в окрестностях Джуманджи.

Руководители «Футурланда», Академии Наук и военной разведки еще летели с Валинора и Земли, но приказы и директивы поступали почти мгновенно, опережая самые быстрые крейсера. Указом президента майор егерской службы Корунд был назначен комендантом объекта «Музей», подполковник Корунд-Симба — его заместителем по науке, а майор ЦАОБ Корунд — заместителем по режиму безопасности. Какие-то шутники-самоучки уже назвали объект семейным предприятием.

Кристо со своими сотрудниками оккупировал сектор Музея, где хранились изделия по профилю его лаборатории. На видеофонные звонки он отозвался лишь однажды, простонал что-то неразборчивое и отключился. Эдуард вполне понимал друга — он и сам пребывал в легком ступоре. Сопровождаемый Лингой комендант бродил по бесконечным коллекциям объекта, изредка бормоча: «Малыш, папочка обещал вернуться… Вот и вернулся…»

Они видели макеты звездолетов и городов неведомых цивилизаций, машин для преобразования планет и для изучения сверхглубоких уровней материи. Видели действующие образцы сверхмощного оружия, волшебной бытовой техники, наземного, подводного, воздушного и космического транспорта, а также компактные — не больше кубометра — двигатели, способные перебросить громадный корабль через всю Галактику.

Целый сектор был отведен под технику обработки информации. Корунды только вздыхали, разглядывая устройства, контролирующие сети порталов, построенных Бродягами Бездны, шистрав и перепончатокрылыми псевдоприматами. Из сумеречного состояния супругов частично вывело портативное устройство, которое, поняв панические мысли Эдуарда, выдало файл с готовым отчетом о событиях последних суток.

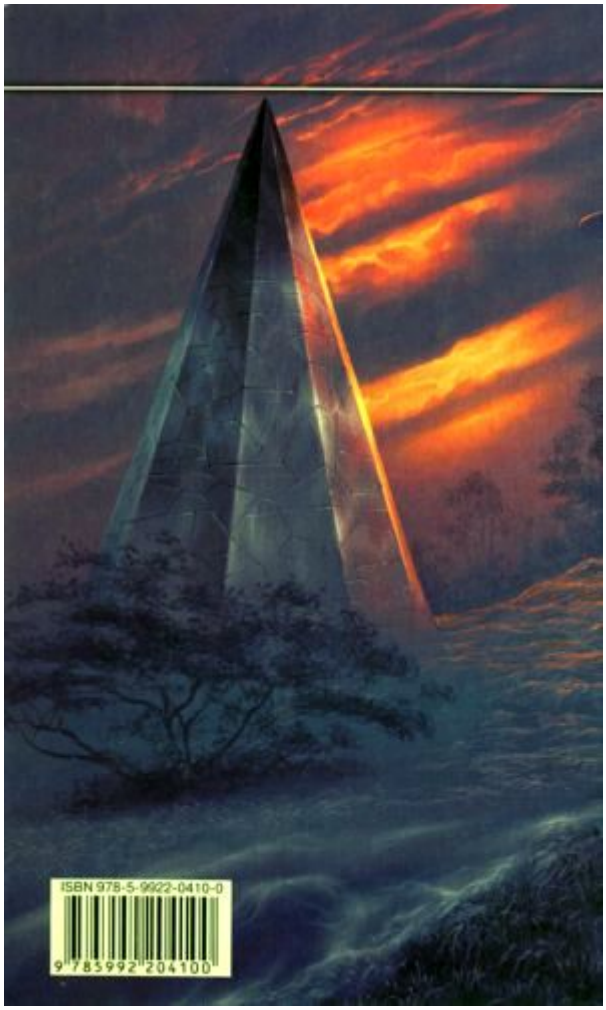
Осмотрев секцию, где стояли машины для синтеза любых сверхсложных соединений и создания любых изотопов, потрясенная Линга, обняв мужа, шепнула:

— Зря ты сетовал на скупость звезд.

— Они скупые и безжалостные, как дикие звери в джунглях.

— Ты несправедлив. — Она рассмеялась. — В конце концов мы получили подарок, о котором даже не мечтали.

Грустно поглядев на любимую женщину, Эдуард проговорил негромко:

— Что ты называешь подарком? Мы добились всего ценой немыслимых жертв, ценой гибели великой сверхцивилизации, сами балансировали на грани катастрофы. Фундаментом нашего будущего величия станут развалины менее удачливых цивилизаций. — И он добавил мстительно: — Мы вырвали свой кусок силой — по-другому со Вселенной не получается!

Хьюстон, 2006–2009 .